

М.Д. АМИРХАНЫАН

АРМЕНИЯ
В
ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

**ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В.Я. БРЮСОВА
ЦЕНТР РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ**

М.Д. АМИРХАНИЯН

**АРМЕНИЯ
В
ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

*Под редакцией
доктора филологических наук, профессора
И. В. Романовой*

ЕРЕВАН - 2021

УДК 82.0:82-1
ББК 83.3+84-5
А 620

*Печатается по решению Ученого совета
института литературы
им. М. Абесяна НАН РА*

Издание осуществлено при поддержке Московского
культурно-делового центра “Дом Москвы” в Ереване.

*Генеральный директор - кандидат технических наук,
Ваграм Вардкесович Карапетян.*

Амирханян М. Д.
А 620 Армения в зеркале русской поэзии / М. Д.
Амирханян.- Ер.: Копи Принт, 2021.- 554 с.

*Представленная книга – часть российско-армянского
проекта по созданию электронного справочника «Армения в
зеркале русской поэзии».*

*В книге собран и по возможности систематизирован
огромный пласт поэтических сочинений русских авторов об
Армении с ранней поры до начала XXI в. и дана краткая
информация о путях и причинах появления «армянского
текста» русской поэзии.*

УДК 82.0:82-1
ББК 83.3+84-5

ISBN 978-9939-875-43-9

© Амирханян М. Д., 2021

ОТ РЕДАКТОРА

Что входит в представление об Армении у современного среднестатистического русского человека? Из чего складывается набор так называемых «фоновых знаний»? Бесконечные горы, держащие на своих снежных вершинах небо, гордые древние монастыри и крепости... Ноев ковчег и Арарат... Абрикосы, гранаты, матнакаш и коньяк... Горланная речь и завораживающая кудрявая лоза национальной письменности... Геноцид, кровь, расселение по всему миру... Хачкары, дудук, ковры... Хранилище древних рукописей Матенадаран, непревзойденные морские пейзажи Ивана Айвазовского, проникающие в самую душу голос Шарля Азнавура и музыка Арама Хачатуряна... Потрясающее гостеприимство... И еще факт, что армянский и русский народы никогда не воевали между собой.

Я никогда не была в Армении и представляла эту далекую солнечную страну примерно так же. Однако с недавних пор у меня появилось чувство, что я знаю эту многострадальную и благословенную землю, когда я увидела ее глазами русских поэтов. У вас, дорогие наши читатели, тоже появляется эта уникальная возможность – совершить воображаемое путешествие в Армению. В ЭТУ Армению вы никогда и нигде не купите билет. Ее нет на географической карте. Но она существует – в истории и культуре, точнее, в русской литературе. Несколько веков русской поэзии станет для вас машиной времени и погрузит в атмосферу самой разной Армении – древней и современной, каменной и утопающей в зелени, залитой кровью и воскресающей, щедро дарящей вам свои краски и звуки, гомон детей и мудрые слова стариков, возвышенность и постоянство чувств. ЭТУ Армению создали не армяне, а русские, волею судеб прикоснувшиеся к ее истории и культуре. Воспетая русским стихом, она унаследовала то, что отличает наш национальный характер и нашу национальную литературу: способность к сопереживанию, совесть, стремление извлечь исторические уроки, непреодолимую тягу к воле, стойкость духа, преданность в дружбе и любви, неистребимую романтичность, очарованность красотой.

Перед вами – уникальная книга, составление которой равнозначно подвигу – подвигу перед армянской культурой и русской словесностью одновременно. Главная заслуга по ее созданию принадлежит настоящему подвижнику и просветителю, выдающемуся филологу и педагогу, доктору филологических наук, профессору Михаилу Давидовичу Амирханяну. Всю свою жизнь он посвятил популяризации русской литературы на армянской земле. Книга «Армения в зеркале русской литературы» – настоящий подарок и армянам, которые получили собранные воедино страницы великой литературы, посвященные Армении, и нашим соотечественникам, – как единое, 550-страничное поэтическое высказывание о своем соседе. Эта книга – бесценный вклад в дело укрепления армяно-российской дружбы.

Книга будет интересна и полезна и широкому читателю, и специалистам. Она знакомит с большим количеством авторов, в том числе малоизвестных, и текстов – не переиздававшихся с XIX века или опубликованных исключительно в сети Интернет, а то и вовсе хранящихся в личных архивах и впервые обнародованных. Статьи об авторах позволяют проследить, какими путями русская поэзия шла к постижению Армении как культурного феномена. Благодаря составителю – М.Д. Амирханяну – некоторые справочные статьи об авторах расцвечиваются богатейшим материалом личных воспоминаний и впечатлений. Собранная антология фактически представляет собой «армянский текст русской поэзии», который для специалистов филологов обладает богатейшим исследовательским потенциалом.

Мы надеемся, что развитием проекта «Армения в зеркале русской литературы» станет сайт, на котором каждый пользователь сможет найти антологию в электронном виде – с текстами стихотворений и сведениями об авторах, культурными и историческими комментариями, а также со всевозможными электронными указателями и справочниками, помогающими осмыслить армянский текст русской литературы.

Ирина Романова
Доктор филологических наук, профессор
Смоленского государственного университета

К ЧИТАТЕЛЮ

*И остановился Ковчег в седьмом
месяце, в семнадцатый день месяца,
на горах Араратских. Библия.
“Бытие”, гл. VIII, ст. 4*

Начало общения между русскими и армянами восходит к глубокой древности. В XI в. после длительной борьбы с византийцами (1041-1045)¹, затем с турками-сельджуками (1048, 1049, 1064, 1071гг.) армянский народ лишился самостоятельности. Пала столица Армении — город Ани. Страна потеряла независимость. Эти события вынудили многих армян искать убежище в других странах. Так, еще в XI веке в Киевской Руси возникло первое армянское поселение. В это же время армяне поселялись в столице Волжско-Болгарского государства — Болгаре, потом — в Крыму и Польше. А со временем армянские поселения, переросшие в дальнейшем в колонии, стали возникать в русских городах — Москве, Моздоке, Астрахани, Новгороде, Петербурге и других местах².

Имея глубокие истоки, многогранные русско-армянские отношения получали свое развитие на протяжении многих веков.

Поселяясь в России, армяне избавлялись от физической тирании, приобретали относительно более благоприятные условия жизни и развития. Завоевывали признание армянские промышленники, живописцы, торговцы, ремесленники, медики, полководцы русской армии. Со временем русское государство разрешало поселянам строить церкви, фабрики,

---

¹ См.: История армянского народа с древнейших времен до наших дней / Под ред. М. Нерсисяна. Ереван. 1980. С. 127. 139-140.

² См.: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956; Меликсет-Бек И.М. Древняя Русь и армяне // Сборник трудов Института языка АН Арм. ССР. Ереван. 1946. Т. I; Его же: Из истории армяно-русских отношений // Известия АН Арм. ССР, Обществ. Науки. 1954. № 4; Восканян В.К. Древняя Русь и Украина в судьбах армян. // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван. 1961; Хачикян Л.С. Новые материалы о древней армянской колонии в Киеве // Там же.

заниматься торговлей¹. Жизнь в армянских колониях текла в русле окружающей среды, с сохранением, естественно, национальных традиций.

Так зарождались ростки дружбы между двумя народами, которая потом принесла армянам спасение от физического истребления, дала возможность обрести свое место в государственном и культурном строительстве России и нашла яркое отображение в поступательно развивающейся русской историографии, различной документальной и художественной литературе, публицистике, многих жанрах материальной и духовной культуры.

Но прежде чем приступить к исследованию проблемы “Армения в зеркале русской поэзии” автор считает целесообразным кратко познакомить читателя с **прозаическими сочинениями русской литературы раннего периода**, поскольку русская поэзия об Армении возникла значительно позже. В этой связи следует заметить, что неоднократные и разносторонние сообщения о взаимных контактах представителей двух народов, встречающиеся в различных дошедших до нас сочинениях путешественников, писателей, историков, художников, являются богатым источником для исследования проблемы в целом. Это двухтомный труд С. Глинки “Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения армянской области в Российской империи” (ч. I, М., 1832; ч. II, М. 1833); “Альманах. Россия и Азия. Историко-литературный сборник по географии, истории и литературе армянского народа” (1899) в составлении и переводе приват-доцента Киевского университета А. Грена; различные многочисленные сборники документального, этнографического и справочного характера, большое количество разножанровых материалов периодических изданий, полотна русских художников М.М. Иванова “Остатки крепости Анталя при реке Лори в Великой Армении” (1782), “Развалины города Ани” (1783); А.Г. Ухтомского “Вид Эчмиадзина” (1805); В.И. Машкова “Ба-

---

¹ См.: Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван. 1957. С. 9-18; Юхт А.Ю. Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII в. Ереван. 1959; К. Н. Григорьян. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X - начало XX века). Ереван. 1974.

зальтовые горы в Сомхетии (Армения)” (1828); “Переселение 40000 армян в Российские пределы...” (1828), гравюра 1832 г.¹; Г.С. Сергеева “Вид города Еревана близ горы Арарат на реке Занге”, а также гравюра Петрова по этой картине (1796); около сорока картин и рисунков Г.Г. Гагарина, хранящиеся в Государственной картинной галерее Армении² и т.д., привлечение армянских мастеров, художников и ремесленников к архитектурно-строительным работам в России, начиная с времен Киевской Руси, широкое участие армянских купцов и промышленников в развитии торговли и промышленности России. Все это является свидетельством добрых взаимоотношений русских и армян и имеет не только огромное культурно-историческое, но и общественно-политическое значение в межнациональных двусторонних отношениях.

Таким образом, взаимоотношения русских и армян на протяжении многих столетий складывались в обстановке добрососедства и доброжелательности.

Вместе с тем, судьба армянского народа полна самых тяжелых драматических событий. “Кто не знает трагического, кошмарного прошлого этого народа! Находившаяся на рубеже двух миров, двух стран света — Европы и Азии, бывшая некогда одной из могущественных стран древнего Востока, Армения была ареной бесконечных битв и нашествий. Одних завоевателей сменяли другие. Смерчем и ураганом проносились над страной гунны, персы, римляне, арабы, византийцы, сельджуки, монголы, османы. Едва народ успевал опомниться от одной опустошительной грозы, как надвигалась новая. И снова разрушались села и города, разрушалась культура, гибли трудящиеся армяне...”³.

В 1639 г. Армения была разделена между султанской Турцией и шахским Ираном: Западная Армения отошла к Турции, Восточная — к Ирану. “В истории армянского

---

¹ Картины хранятся в фондах Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге.

² См.: Григорьян К.Н. Армения в русской литературе и живописи XVIII первая половина XIX в. Ереван. 1962.

³ Правда. 1935. 28 ноября.

народа наступили самые мрачные времена”¹ — писала “Правда” в передовой статье по случаю 15-ой годовщины установления Советской власти в Армении.

Судьба армянского народа исторически сложилась так, что в одном случае он встречал доброе расположение и сочувствие, в другом — переживал гонения и избиения. И в этих, благоприятных, с одной стороны, и трагических, с другой, условиях жизнестойкая сила армянского народа находила самоутверждение и развитие.

Армянский народ, по словам В.Я. Брюсова, “при всех превратностях судьбы, <...> за тысячелетия своей исторической жизни создал самостоятельную культуру, внес свой вклад в науку, оставил миру богатейшую литературу”². Многогранная жизнь армян находила отображение в художественной литературе, как русской, так и других народов.

В силу своего характера русская художественная литература, поэзия, наряду с разносторонним отображением русской действительности, исстари немало места уделяла инациональной теме. Она с давних пор стала отображать английскую, французскую, немецкую, шведскую, горскую, татарскую, грузинскую, армянскую действительности. Это один из компонентов ее гуманистического и интернационального характера.

И, как следствие, в русской литературе образовался огромный пласт, отображающий инациональную действительность. Русская литература не формально описывала в художественном слове факты из жизни других народов, она вникала в суть событий, одобряла или осуждала отображаемое. И первостепенная роль в этом принадлежала и принадлежит художественной публицистике, которая, идя в ногу со временем, первой откликается на животрепещущие события, а зачастую, опережая их, указывает пути разрешения проблем.

Уходящие в глубокую древность исторические взаимоотношения между русскими и армянами нашли отображение в па-

---

¹ Там же.

² Брюсов В.Я. Летопись исторических судеб армянского народа. М. 1918. С. 9.

мятников материальной и духовной культуры русского народа.

Одно из наиболее ранних упоминаний об армянах встречается в памятнике религиозного содержания, в памятнике XI в., в послании Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославовичу, в котором Феодосий выступает апологетом православия, считает его самой благочестивой религией. Это весьма ценный в научном и любопытный в познавательном аспектах факт. Дело в том, что после Крещения Руси в 988 г. православие сразу же стало вести борьбу не только с другими религиями, но и с другими направлениями христианства. Не значит ли это, что на Руси в это время было уже такое количество представителей других народов, других религий, в том числе и армян, которое позволяло заявить о себе, о своем вероисповедании и вызвать соответствующую реакцию по отношению к себе у коренного населения. Об этом не без намеков говорится в “Слове святого Феодосия игумена Печерского монастыря”, написанном в 1069 году. Феодосий признается, что отец сказал ему: “Ты, чадо, избегай кривоверных и всех их дел, ибо наполнилась и наша земля людьми той злой веры. И спасаясь, тот спасет свою душу, кто будет жить в правоверной вере. И нет иной веры лучшей, чем наша, единственно чистая и честная, и святая эта вера правоверная. Живущие этой верой избегают грехов и мук вечных не примут, причастны к вечной жизни и будут без конца со святыми радоваться. А бывшему в иной вере: — в латинской ли, в армянской ли, в сарацинской¹ ли — не видеть жизни вечной, ни чести быть со святыми”².

В памятнике 1114 г., “Прениях Иллариона Меглинского” содержится полемика между армянином и епископом Илларионом относительно соблюдения преданий церкви, жертвоприношения, божьей плоти, поста и т. д.

---

¹ Сарацинской — мусульманской.

² См.: “Слово святого Феодосия игумена Печерского монастыря” — ТОДРЛ. Т. 2. М.-Л. 1935. С. 34-35, второй столбец; Еремин И. М. Литературное наследие Феодосия Печерского — ТОДЛР. Т. 5, Л. 1947. С. 171, второй столбец; Амирханян М. Д. Россия и Армения. Ч. I. Ереван. 2003. С. 8.

В “Прениях”, нам, кажется, не столь важна суть полемики, сколько тот факт, что Иллариону, а значит обобщенно можно сказать и православию, были известны постулаты армяно-григорианского вероисповедания, что, собственно, и привело к прениям между Илларионом и безымянным армянином. Этот факт, несомненно, свидетельствует, прежде всего, о том, что на Руси уже тогда проживало такое количество армян, которое и позволяло в определенной мере узнать Иллариону, а равно и другим служителям культа, суть армяно-григорианского вероисповедания и выразить свое несогласие с ним. А чтобы армяне сумели довести до своего окружения постулаты своей веры, они должны были, безусловно, владеть древнерусским языком, в противном случае отцы православной церкви не имели бы возможности узнать об армяно-григорианском вероисповедании. Ведь источником любой информации в основном служили тогда только устные сообщения. Эти единичные случаи контактов представителей двух народов, нашедших отображение в названных выше памятниках, несомненно, наводят на мысль, что уже с XI века армяне имели возможность проживания на Руси и участия в общественно-политической жизни. Об этом свидетельствует и незадачливый рассказ монаха Киево-Печерского монастыря Поликарпа, содержащийся в “Слове 27. О святом и блаженном Агапиде безмездном врач”, древнейшем летописном своде “Повести временных лет” (XII в.)

Поликарп сообщает, что в Киево-Печерском монастыре блаженный Агапит пользовался репутацией хорошего врача. Знали о нем не только в монастыре, но и в Киеве-“граде”.

Был в Киеве в это же время и княжеский врач “некий армянин родом и верою хитр бе врачеванию”, который обладал фантастическими качествами лекаря. Он был так искусен, что, посмотрев на больного мог определить степень тяжести болезни и предсказать ее исход, и даже мог, якобы, назвать день и час смерти больного.

Наполненное вымыслом, субъективное повествование монаха показывает соперничество монастырского и княжеского врачей на протяжении длительного времени и в различных си-

туациях, раскрывает их взаимоотношения. Причем симпатии Поликарпа явно на стороне монастырского врача. Да это и понятно, ведь он, также как и Агапит, был монастырским, а княжеский врач — мирским. Вот некоторые отрывочные сообщения Поликарпа.

Однажды армянин осмотрел у князя Всеволода больного и предсказал “по осьми дни смерть”. Больного перенесли в монастырь, где Агапит дал ему “зелиа” и вылечил его. “И промчеса о нем слава по всей земли той. Арменин же уязвлен бысть завистною стрелою”.

Другой случай. Предсказав смерть больному, армянин, согласно Поликарпу, послал его в монастырь с повелением, якобы, дать ему “смертного зелиа”, который, вкусив его, стал умирать. Увидев это, Агапит дал больному “монастырского язди” и спас от смерти “молитвою своею”.

В ответ на это армянин “научи на святого Агапита единовѣрники своа — дати ему испити смертоносного зелиа, хотя его сим зелием уморити”. Испив яд, Агапит не пострадал, ибо “Господь благочестивый от смерти избавляти”. “Втыя же дни разболеся князь Володимѣр Всеволодович Мономах. И прилежаще ему Армении врачуя его”. Однако армянин не сумел, согласно повествованию, в этом случае излечить князя. Тогда князь через игумена монастыря Ивана призвал на помощь Агапита. В ответ на просьбу Агапит воспротивился и заявил игумену, что если он должен идти к князю, тогда он пойдет ко всем больным вне монастыря.

А когда заболел Агапит, к нему пришел армянин “и нача стязатися с ним в врачевней хитрости, глаголя: “киим зелием целится какой недуг?” И отвеща блаженный: “Им же Господь подаст здравие”. Не узнав ничего от Агапита, армянин сказал: “Не умеет сий ничто же”. Потом, потрогав руку Агапита, сказал, что “в третий день сий умрет”. Рассвирепев, Агапит стал в ярости укорять армянина, что вместо помощи тот предсказывает ему смерть. И если не может помочь, так лучше не предрекать смерти ему “в третий день”. “Мне же известил Господь в 3-й месяц умерети”, — заявляет Агапит. Когда он узнал от больного, которого сам излечил, что его соперник “Арменин есьми”, он

“выставил” его из своей кельи, как иноверца¹, осквернившего келью.

Агапит скончался через три месяца, как и было “предсказано” ему Богом. После всех этих перипетий, согласно рассказу, армянин ушел в монастырь. Он заявил игумену: “Отселе уже и аз буду черноризец² и оставлю армянскую веру и истинно верую и Господа Иисуса Христа... Сий Арменин пострижеся в Печерском монастыре, и туг живот свой сконча в добре исповедани”.

Мы не будем оспаривать Поликарпа, фантастика его утверждений очевидна. Нас лишь интересует: был ли в действительности армянин-врач при Владимире Мономахе? Был ли он единственный или было много армян на Руси? Как долго он жил на Руси?

Фраза монаха “И прилежаще ему Арменин врачуя его” имеет реальные истоки, поскольку в исторической литературе есть сведения, доказывающие, что, начиная с XI века, армяне поселялись на Руси³. Да и мысль автора **“научи на святого Агапита единовѣрники своа...”** (Подчеркнуто мною — М.А.) свидетельствует о том, что армянин имел “единовѣрников”, а “единовѣрниками” его могли быть лишь армяне и никто другой. Академик М.Н. Тихомиров утверждает, что во времена Владимира Мономаха в Киеве существовала “целая армянская колония”⁴.

Далее. Армянин, естественно, в короткий период

---

¹ Православие антагонистически относилось к другим направлениям христианской веры.

² Сторонник, последователь Черноризца Храброго — болгарского монаха, жившего в конце IX — начале X вв.

³ См.: Марр Н.Я. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси // Избр. работы. Т. 5, М.-Л., 1935; его же. По поводу русского слова “сало” в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в. там же: Гробовский В.В. Армянские поселения на западно-украинских землях. // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Ереван. 1961; Дашкевич Я.Р. Грамота Федора Дмитриевича 1062 года // Научно-информационный бюллетень Архивного управления УССР. Киев. 1962. № 4; его же. Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XI-XIX вв. Ереван. 1962; Микаелян В.А. К вопросу о грамоте князя Федора Дмитриевича // Археологический ежегодник за 1964 г. М. 1965.

⁴ Тихомиров М.П. Древнерусские города. М. 1956. С. 293.

времени не мог стать врачом у столь высокопоставленного лица, как Владимир Мономах. Для такого “продвижения” нужно было время, а главное, он должен был быть известен как искусный врач. Значит врач-армянин жил на киевщине действительно долго, и слава о нем, безусловно, была широко известна в округе. Кроме того, армянин должен был владеть древнерусским языком, чтобы прилежно исполнять свои “врачебные” обязанности. Понятно, что на изучение языка нужно было также время. Значит длительное пребывание врача-армянина на Руси не вызывает сомнения.

Таким образом, малоправдоподобные сообщения Поликарпа о лекарственных качествах монастырского врача Агапита и мирского врача-армянина имеют не только огромное культурно-историческое значение для раскрытия межнационального общения, но и являются ценным сведением о контактах представителей двух народов в те стародавние времена¹.

Литературные памятники ранней поры донесли до нас самые разнообразные упоминания об Армении. Это географические упоминания, процесс прохождения русских через Армению, и сообщения о духовной культуре армянского народа и т. д. Интерес русских к Армении, надо полагать, был обусловлен, особенно на раннем этапе, общностью христианской религии, заманчивостью Арарата — “колыбели” человечества, и межнациональными отношениями. В сообщениях русских авторов, кем бы они ни были — паломниками, торговцами или послами — проявляется не только интерес, но и стремление по их возвращении на родину рассказать своим соотечественникам об увиденном в чужих краях. Вместе с информацией в их слове выражалось и оценочное отношение. Так, в “Путешествии иеродиакона Зосимы по Святой Земле в 1420 г.” Армения упоминается в географическом смысле, как нечто хорошо знакомое: подойдя к Понтийскому морю, где на самом берегу стоит город Троада² иеродиакон Сергиевского монастыря

---

¹ Амирханян М.Д. Россия и Армения. Ч. I. Ереван. 2003. С. 9-10.

² Бывший город на современной территории Турции.

Зосима увидел, что “отселе выходят пути на Великое море: направо поидти ко Святой горе, и ко Арменской земле, и к Риму...”¹ А в “Истории о Казанском царстве” (XVI в.), в главе “О встрече царя и великого князя епископ всего народа московского и о красоте облачении его” автор пишет, что в почестях всенародной встречи царя вместе с представителями других народов принимали участие и армяне: “... и изыдоша на поле за посад встретити царя и великого князя князи и велможи его, вси старейшины града, богатии и убози, юноша и девы, и стари со младенцы, чернцы и черницы, и спроста все множество бесчисленное народа московского, ти с ними же вси купци иноязычныя, турцы, и армены, и немцы, и литва, и многия странницы...”².

Значительные по информативности сведения, отображающие различные стороны армянской действительности, внесли в русскую среду памятники паломнической литературы. Так, в “Хождении купца Василия Позднякова по святым местам Востока в 1558-1561 гг.”³ повествуется об уроженце Смоленска купце Василии Позднякове, занимавшемся торговыми делами в Москве. Ему было предложено в ответ на просьбу Александрийского патриарха Иоакима и архиепископа Синайской обители Макария в составе послов везти в 1558 г. милостыню царя Ивана Грозного, предназначенную для отстройки обветшавшей Синайской обители. В “Хождении” неоднократно встречаются различные упоминания об Армении. В Александрии папа Иоаким, интересуясь Русью, спросил: живут ли “у вас в земле в государеве царстве иноверцы жидове и бусурманы и еретики, Кофти, Армени и прочия...”⁴.

Говоря о церкви на Голгофе и самой горе, Поздняков пишет, что “по обе страны великия церкви престолы стоят еретические приделаны к стенам. А се еретики суть называются христиане:

---

¹ См.: Сахаров И.П. Путешествие русских людей по Святой Земле. Ч. 2. СПб. 1839. С. 45.

² Хрестоматия по древней русской литературе / Сост. Гудзий Н.К. Изд. 8-е. М. 1973.

С. 284.

³ Православный Палестинский сборник. Т. 6. Вып. 3. СПб. 1887. С. 3-45.

⁴ Там же. С. 7.

Латыни, Хабежи, Кофти, Армени, Арияне...”¹.

Большую наблюдательность проявил автор “Хождения” в церкви Воскресения Христова. Он рассказывает, что за два часа до наступления вечера луч солнца пал на крест, что стало божественным знамением, знаком начала вечерни. Выходит патриарх, а за ним идут иноки-христиане и “за ним армянский игумен со армяны”. Позднякова заинтересовал и процесс богослужения: “Дивно же видехом в ту нош в церкви еретиков бесящихся и чистоту их. Армени ходят и един от них ходит пред их владыкою — болшо их поп, а звонит в колоколец, а дьякон их ходит перед тем же владыкою назад пяты с кадилом и кадит его. А Арияне тако же ходят, яко Армени”².

В другом сочинении этого жанра, в “Хождении” Ф. Котова дано уже одно из первых описаний природы Армении, одно из ранних сообщений отрывочных сведений об Эривани, сведений о духовной культуре Армении. Рассказ автора занимателен и выгодно характеризует самого Котова, подчеркивает широту его кругозора. Во время путешествия автор обратил внимание не только на город “Раван” (Ереван), церкви Эчмиадзина, но и в меру своих возможностей описал пейзаж этих мест и даже вскользь упомянул, что здесь когда-то было “Армянское царство”.

В 1623 г. “Московский гость Федот Афанасьев сын Котов, а с ним в товарищех 8 человек, ходил за море в Персидскую землю”³. Свое путешествие Котов начал из Москвы. Придя в Гянджу, он в Персию должен был идти через Армению. “От Геньжи 6 дней ходу до Равана горами, — пишет Котов, — а в Раване город каменной, стоит на ровном месте над рекою над Зетичею (Зангу-Раздан. — М.А.), а широка река человеку каменею бросить. А от города Равана полдни ходу, тут стоят три церкви Арменские велики,

---

¹ Там же. С. 36.

² Там же. С. 42.

³ См.: О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. М. 1852. Кн. 15. Отд. 2. С. 1.

и бывали стройны, и то место и Раван бывало Арменское царство, тот настольной город был, а церквами для того называем, что на них кресты, а две церкви стоят пусты, а в третьей поют Армени, а в церкви образов никаких нет, только крест да образ Пречистые Богородицы и колокол есть невеликой, а звонят временем бояся Бусурман. Да над тем же городом Раванию на полдень стоит гора добре высока и велика, а верх взошел, что колпак, а Русских верст до ней ходу от города Равана больши 10, а около тое горы сказывают ходу 5 дней, и на той горе лежит вековой снег зимою и летом: а на ту гору восходу нет никому, а на той горе стоит Ноев ковчег, а Персы и Турки тое гору называют Султана-агры-Тогорезов, — по их, да они зовут Башьдаками.., а у нас тое гору зовут Арарат”¹.

Среди авторов “Хождений” Котов по праву занимает особое место. Он оставил не только красочное описание пейзажа Армении, но и ознакомился с духовной культурой некоторых восточных народов. Его фраза “а звонят колокола временем бояся Бусурман” напоминает нам о том, что в XVI-XVII вв. Османская Турция и Сефевидская Персия неоднократно завоевывали и делили между собой Армению².

Любопытно другое. Котов транскрибировал русскими буквами количественные числительные турецкого, персидского и грузинского языков, и, указав повторы после 10, 20, 30 и т. д., объяснил методику их счета. Вместе с тем Котов записал также русскими буквами и названия букв армянского алфавита: «Се же азбука армянская: айн, пень, кень, та, ечь, за, е» и т. д. К сожалению, запись названий букв искажена (айб, бен, гим, да, эдж, зат, хе). Вероятно, она была сделана на слух, поэтому он не смог адекватно передать армянский алфавит. Важно то, что, ознакомившись с армянским алфавитом, которым обозначались у армян и числительные (первые 30 букв), Ко-

---

¹ Там же. С. 20.

² См.: История армянского народа с древнейших времен до наших дней / Под ред. Нерсисяна М. Ереван. 1980. С. 160-163. В дальнейшем: История армянского народа.

тов пожелал сделать их достоянием русского читателя. Однако он не объяснил методiku счета. Она имеет свои сложности и, очевидно, в силу каких-то причин Котов не вник в их суть. Но как бы там ни было, такой подход к элементам духовной культуры других народов, если учесть, что это к тому же и первая попытка, свидетельствует о большом интересе русского паломника, указывает на пытливость и подчеркивает его стремление к духовному самообогащению¹.

Подобная информация со временем встречается все чаще.

Ценное упоминание о географическом местонахождении Армении начала VI века встречается у Феодосия, в его описании "О местоположении Святой Земли начала VI века". "Там где Иерусалим, — пишет Феодосий, — зовется провинция Палестина, земля Ханаанская, затем Галилея, затем Сирия, затем Месопотамия, влево Армения первая и вторая Армения и Персидская, и эти Армении под Императором"².

Более содержателен в отображении армянской действительности памятник паломнической литературы "Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары, 1634-1637 гг."³. Его сообщения имеют большое познавательное значение, они изобилуют наблюдениями светского характера. "Житие" Гагары начинается с описания маршрута, по которому совершал он свое путешествие до Иерусалима. Будучи родом из Плеса Костромской губернии, Василий Яковлев по прозвищу Гагара жил в Казани, торговал с Восточными странами и вел распутный образ жизни: "от юности своеа житие свое блудно и скверно препроводил". Когда на склоне лет он лишился всего состояния (его корабль затонул на пути в Персию), он раскаялся в грехах и дал обет совершить паломничество в Иерусалим. Путь Василия Яковлева до Иерусалима был долгим (более года) и проходил через Тифлис, армянские го-

---

¹ Амирханян М.Д. Россия и Армения. Ч. I. Ереван. 2003. С. 15.

² См.: Православный Палестинский сборник. СПб. 1891. Т. 10. Вып. 2/28. С. 21.

³ Там же. Т. 11. Вып. 3 (33).

рода Эривань, Ардаган, Карс, Эрзрум, Себастию и далее — Кесарию, Алепо, Амидонию, Дамаск и Самарию. Примечательно, что от меткого взора автора “Хождения” не ускользнуло выселение армян с насиженных мест, запустение края. Вместе с тем красочное описание Тифлиса, Эчмиадзина, Ара-рата и других мест делает “Хождение” Гагары весьма интерес-ным и раскрывает незаурядные способности писателя-паломни-ка допетровской поры. После Тифлиса Гагара “шел на град Родян, а близ того града Родяни 15 поприщ на ровне месте стоит монастырь армянский, а в нем три церкви; в одной собор-ной церкви препочивает Григорий Великия Армении. Да от того же гради Родяни 2 днища есть горы Араратские, а на них Ноев ковчег, а мимо тех гор идет река велми быстра, и лето и зиму не мержет...”¹.

Таким образом, наш краткий обзор русской прозаиче-ской литературы свидетельствует об интересе русского автора к соседнему народу — к армянам, стремление рус-ского автора вникнуть в суть жизни, быта и духовной составляющей, что в дальнейшем, и послужило основой для создания поэтических произведений об армянской разно-образной действительности и стало поводом для создания русской светской разноплановой и разноуровневой поэзии об Армении и расширение темы и появления цельных худо-жественных прозаических произведений, таких как “Путе-шество в Арзрум” А. Пушкина, “Уроки Армении” А. Бито-ва, “Тоска по Армении” Ю. Карабчиевского и других... А сколько упоминаний об армянской действительности в эпи-зодах, отдельных картинах, рассказах в русской литературе, таких как рассказ “Красавицы” А. Чехова, эпизод об армян-ской семье из “Войны и мира” Л. Толстого и многое, многое другое, мы не рискуем сделать такой учет... Мы лишь сдела-ли попытку рассмотреть в возможном объеме и последо-вательности и впервые представить в нашем исследовании читателю огромный пласт **русской поэзии** об Армении (с

---

¹ Православный Палестинский сборник. СПб. 1891. Т. 11. Вып. 3 (33). С. 4-5. См.: Арешян С.Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван. 1957. С. 62.

момента ее возникновения и до наших дней) в первоисточниках с кратким указанием, что привело автора произведения к созданию армянских стихов, помятуя, что проблемой русско-армянских литературных взаимоотношений, а точнее темой “Армения в русской литературе” мы занимаемся уже более пятидесяти лет.

По глобальной теме “Армения в русской художественной литературе, публицистике и поэзии нами опубликованы”:

1. Амирханян М.Д. Армения в русской литературе до присоединения к России. Ереван. 1976 г.
2. Амирханян М.Д. Армения в русской литературе XIXв. Ереван. 1977 г.
3. Амирханян М.Д. Армения в русской литературе XXв. Ереван. 1978 г.
4. Амирханян М.Д. Русская художественная литература об Армении. Ереван. 1983 г.
5. Амирханян М. Д. Русская художественная публицистика об Армении. Ереван. 1984 г.
6. Амирханян М.Д. Русская художественная литература и геноцид армян. Ереван. 1987, II доп. изд., 1990 г.
7. Амирханян М.Д. Классики русской литературы и Армении. Ереван. 1991 г.
8. Не убий! Геноцид армян и русская поэзия. 1995-1918. Составление, редакция и вступительный очерк М.Д. Амирханян. Ереван. 1996 г.
9. Амирханян М. Д. А.С. Пушкин и Армения, Ереван. 1999, II доп. изд. 2012 г.
10. Амирханян М.Д. Русская поэзия и Ван. 2825. Ереван. 2002 г.
11. Амирханян М. Д. Россия и Армения. Ереван. 2000г., Ч. I. II доп. изд. 2003 г.
12. Амирханян М.Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. Ереван. 2005, II расш. изд. 2012 г.
13. Амирханян М.Д. Нация и национализм. Голос разума и милосердия. К 100-летию геноцида армян. Ереван. 2015 г.

14. Амирханян М.Д. Геноцид армян и русская публицистика. Сб. статей. Составление и предисловие. Ч. I. М. 1997 г.
15. Амирханян М.Д. Геноцид армян и русская публицистика. Сб. статей Часть II, Составление, редакция и предисловие Ереван. 1998 г.
16. Амирханян М.Д. Геноцид армян и европейская публицистика. Сб. статей. Составление и предисловие Ереван. 2005. II доработ. изд. 2014 г.
17. Амирханян М.Д. В дополнении к перечисленному, по теме опубликовано около 100 статей.

Указанный список дополняется некоторыми исследованиями армянских авторов в том числе:

1. “Это Армения” Стихи русских поэтов. Ред. сост. и автор предисловия Л.М. Мкртчян. Ереван. 1967 г.
2. Ганалаяна О.Т. “Армения в творчестве русских поэтов”. Ер. 1967 г.
3. Григорян К.Н. “Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений”. Ереван. 1974 г.
4. Григорян К.Н. “Армения в русской литературе и живописи” (XVIII-первая половина XIXв.), Ереван. 1962 г.
5. Багдасарян Р.А. Николай Тихонов и Армения. Ереван. 1995 г.
6. Книга Братства. Советские поэты об Армении. Составление и редакция Вруйра Баласана. Ереван. 1981 г.

А также несколько статей, опубликованных в различных русских изданиях:

1. Амирханян М.Д. “Русская советская поэзия 20-30-х гг. и Армения”- “Вопросы русс. яз. и литературы”. Межвуз. сб. науч. труд. Вып. 2. Ереван. 1989 г.
2. Амирханян М.Д. “Русско-армянские религиозные контакты на раннем этапе” – Русский язык в Армении N1. 2001 г.
3. Амирханян М.Д. Павлова Л.В, Романова И.В. Реконструкция «армянского текста» в русской поэзии 20 века. Опыт

- компьютерного исследования. «Известия» Смоленского госуниверситета. N2. 2020 г.
4. Багдасарян Р.А. “Армения звенящая огнем и кровью...” геноцид армян глазами очевидца С. Городецкого. // “Голос Армении”. 2013 г., 23 мая
  5. Андреева М. Р. “Армянские фрески О. Мандельштама”. Ереван. изд. РАУ. 2001 и др.

Настоящее исследование возникло в ответ на весьма актуальное предложение доктора филологических наук, заведующего кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета, профессора Ирины Викторовны Романовой принять участие в разработке и составлении «Электронного справочника “Армения в зеркале русской поэзии”». Проект И.В. Романовой состоит из двух частей. Первая часть — это антология “Армения в зеркале русской поэзии”, вторая — электронный справочник, включающий анализ лексики, образной системы, повторяющихся лексических комбинаций корпуса стихотворений антологии. Первой частью проекта мы занимаемся, повторимся, более 50-ти лет. Об этом свидетельствует опубликованный выше список наших работ.

Мы благодарны профессору И.В. Романовой за такое актуальное и ценное в научном смысле предложение. Наше исследование охватывает русскую поэзию от ее возникновения и до наших дней, поэзию многих десятков авторов, что, естественно, создало определенные трудности в построении книги. Поэтому наше исследование получилось частью монографией, частью антологией. Хочется надеяться, что читатель поймет нас и не осудит, что мы в монографическую часть внесли некоторые сведения о творческом пути авторов, а в антологической части поместили их стихи без анализа и комментариев. Эти пробелы восполнит будущий электронный справочник. В этой части наша задача была показать читателю содержательную часть стихотворений, что является более важным, показать собранный корпус “армянских текстов”, в котором Армения упоминается не как инородное

тело, а как часть русской художественной действительности и русской языковой картины мира.

Целью проекта является создание в сети Интернет в открытом доступе уникального «Электронного справочника “Армения в зеркале русской поэзии”», *который охватывает впервые* собранный Корпус “армянских текстов” русской поэзии и исследуется:

- алфавитно-частотный и частотно-алфавитный словарь «армянского текста» русской поэзии;
- указатель концептов «армянского текста» русской поэзии;
- словарь лексических комбинаций «армянского текста» русской поэзии;
- указатель метафорических моделей «армянского текста» русской поэзии;
- словарь афоризмов “армянского текста” русской поэзии.

Таким образом, читатель получит исследование по теме “Армения в зеркале русской поэзии”, а пользователи будут иметь доступ к собранным в одном месте поэтическим произведениям русской литературы от средних веков до наших дней, посвященным Армении. К ним приложен справочный материал в виде словарей и указателей, позволяющих обнаружить неочевидные структуры текста, действующие на уровне лексики, образной системы, семантики.

Научная новизна проекта состоит не только в создании “армянского” корпуса текста, но и в применении к его анализу фундаментальных направлений, характеризующих международным научным сообществом как Digital humanities (включающих составление корпусов и компьютерные методы обработки текстов), а также data mining – интеллектуальный анализ данных. Такой подход позволяет реконструировать общие для русской поэзии и индивидуально авторские стратегии текстопорождения “армянского текста” русской поэзии.

Исходя из этих задач, автор сделал попытку по возможности собрать воедино огромный пласт стихов русских поэтов

об Армении, начиная с русских былин и до наших дней. Хотя мы помним, что русская проза об Армении возникла намного раньше. К включенным в книгу стихам кратко дается некоторый справочный материал об авторах стихов, сделана попытка расположить материал в возможной хронологической последовательности, стихотворения русских поэтов даны текстуально в авторском варианте без содержательного анализа. Именно в этом отличие данного исследования, охватывающего огромный исторический период от существующих изданий по отдельным авторам, темам и историческим временным отрезкам.

Автор сознает, что охватить все опубликованные в различных временных литературных и исторических источниках стихотворения русской поэзии, не представляется возможным. Вместе с тем включенные в настоящее исследование разные по уровню и содержанию стихотворения различных авторов, в совокупности создают определенное цельное впечатление об исторически удивительных, добрых взаимоотношениях между русскими и армянами и показывают, что никогда не было непонимания и столкновений между этими народами **в глобальном** масштабе. Наоборот, на протяжении всей истории взаимоотношений, между двумя народами, как и в наши дни, наблюдаются доброжелательность, преданность, взаимопонимание и взаимопомощь, что мало или вовсе не встречается у русских и армян с другими народами. Сюда не входит взаимная неприязнь, враждебное отношение и недоверие отдельных должностных лиц и простых представителей русского и армянского народов.

Примером доброжелательности является вмешательство России в прекращении военных действий и кровопролития в Карабахской войне, в начале XXI в. в наши дни, хотя это объективно пока и не разрешило проблемы.

Наше исследование разбито на исторические периоды с возможным сохранением хронологической последовательности авторов. Так:

- Глава I. Русская ранняя поэзия и Армения.
- Глава II. Русская поэзия XIX в. и Армения.

- Глава III. Русская поэзия начала XX в. и Армения.
- Глава IV. Русская советская поэзия и Армения.
- Глава V. Стихи русских поэтов начала XXI в. и Армения.
- Вместо заключения.
- Послесловие.

М. Д. Амирханян
Доктор филологических наук, профессор
Почетный профессор Российского
нового университета

ГЛАВА I

РУССКАЯ РАННЯЯ ПОЭЗИЯ И АРМЕНИЯ

*«Полнее сознавая прошедшее,
мы уясняем современное,
глубже опускаясь в смысл былого –
раскрываем смысл будущего»
А.И. Герцен*

Наше обзорное краткое ознакомление с русской прозаической литературой в слове “К читателю”, позволяет нам согласно цели работы “Армения в зеркале русской поэзии” продолжить в возможной хронологической последовательности исследование, возникшей с давних времен **русской поэзии** об Армении.

На заре появления поэтического слова в русской литературе объектом воспевания была и армянская действительность. Одно из ранних поэтических упоминаний об Армении встречается дважды в былине “Илья Муромец и Святогор”, возникшей в XVI-XVII в. В первом случае, когда Святогор, проснувшись от крика и неоднократных ударов Ильи рассерженный

Поглядел богатырь в руку правую
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадьё да богатырской,
И поехал он да по Святым горам,
По Святым горам да Араратским

Так Илья просидел в кармане Святогора три дня. Затем богатыри побратались.

Как седлали они коней добрых
И поехали они да не в чисто поле,

А поехали они да по Святым горам
По Святым горам да Араратским¹

Поэт XVIII века Василий Петров, автор многочисленных од и посланий, личный чтец Екатерины II, “позабыв” об абсолютистской политике императрицы, ее угнетении крестьян, воспел “благотворительность” и просветительные деяния Екатерины II. В 1770-х гг. Императрица, продолжая начинания Петра I, предприняла добровольное переселение из Крыма армян, греков и других национальных меньшинств на юг России. На новых местах переселенцев нужно было, согласно ее указанию, “приласкать”, чтобы не только “перешедшие в пределы сохранены были, но и чтобы находящиеся за границей, видя их благоденствующих, к ним присоединились”². Специальной грамотой Императрицы они освобождались от рекрутства, от уплаты государственных податей и повинностей сроком на десять лет. Им разрешалось свободно торговать как вне, так и внутри России, строить фабрики, заниматься промыслами и т.д.³ Мероприятия Екатерины II осуществлялись через влиятельного государственного деятеля князя Г.А. Потемкина. Эти события легли в основу оды В. Петрова “Его светлости, князю Григорию Александровичу Потемкину” (1778), в которой восхваляются действия Потемкина в вопросах подчинения России южных областей, где он стремился создать города и подвести многие народы под “материнское крыло” Екатерины:

Се Небо безъ угрюмыхъ тучь!
Туда, гласить, простритесь прямо,
Тамъ нивы плодоносны, тамо
Екатерининь блещетъ лучь.
От ногъ прахъ Крыма оттрясите,
Ей дань-духъ чистый принесите.

---

¹ Русские народные былины М. 1958. С. 45-46.

² Собрание актов. СПб. 1833, Ч. 1. С. 44-46.

³ См.: Нерсисян М.Г. Суворов А.В. и русско-армянские отношения. Ереван. 1981.

Молдавецъ, Армянинъ
Индеяненъ иль Еллинъ,
Иль черный Ефиопъ,
Подъ коимъ бы кто небом
На светъ ни произникъ;
Мать всемъ Е к а т е р и н а;¹

В этом стихотворении В. Петров показывает “заботу” фаворита Екатерины Г.А. Потемкина о многих народах, явно намекает на переселение армян из Крыма к Азовскому морю и основание на Дону города Ново-Нахичевани, а в стихотворении “На кончину князя Григория Александровича Потемкина-Таврического”, вместе с оценкой роли князя в деле переселения национальных меньшинств и их размещения, описана скорбь и печаль представителей многих народов, в том числе и армян, по поводу кончины князя:

Крушатся по тебе и малы, и велики,
Болезнуют свои и чуждые языки;
Молдаванец, Арменин и Влаха, и Галл, и Грек...

У другого писателя этого периода, Василия Рубана, издателя журналов “Ни то, ни се” и “Трудолюбивый муравей”, личного секретаря Г.А. Потемкина, также встречаются упоминания об армянах. В стихотворении “Эпидикион или Надгробная песнь”, посвященном князю Г.А. Потемкину-Таврическому, автор вместе с его “заслугами” в осуществлении политики Екатерины с документальной точностью описывает факты недавнего прошлого: для чего были переселены с других мест национальные меньшинства на юг России, о строительстве там армянами Ново-Нахичевани и важности предпринятого правительством политического и экономического акта. Стихотворение В. Рубана начинается:

---

¹ Петров В. Сочинения. Изд. 2-е. СПб. 1811. Ч. 1. С. 181.

В сем Храме погребен преславный тот Ирой¹
Таврида коего покорена рукой,
По воле Росския Великия Паллады,
Воздвиглись многие в России Южной грады
Где Ворисфенский в свет произведен Вион,
Там сей с пристанищем сооружен Херсон,
Где храбрый Святослав с Древлянами сражался,
Екатеринослав в том месте основался;
С Екатериною Иосиф были там,
И ими заложен в честь Богу в оном Храм
Он таков Терека до самого Черкаска
Строением черта укреплена Кавказска,
Чем к Югу и предел России расширен
И Горских хищников набег к нам отвращен
Саратов, Астрахань, Днепр, Харьков, Крым, Азов,
Гражданских суть его свидетели трудов,
И Николаев и Богоявленск на Буге
К Его же ревностной принадлежит заслуге
Ты, тихий Дон, и вы, усть-Кальмусски воды!
Из ваших влагу недр днесь новы пьют народы!
Нахичевань при том, Мариуполь при сих,
И множество еще селений других;
Для удобрения полей и садоводства,
Художеств и ремесел, торгов и судоходства,
Род греков и армян из Крыма переведен
И при Миотиде в России заселен.
Жизнь ведши странную пресеклись Запорожцы
И верный вместо их явились Черномордцы.
Лежавша впусе степь заселена Днепра,
И тучныя поля от Буга до Днестра,
Пределом Росския назначены державы,
Екатеринына могущества и славы
Воздвигнут Монумент на суше и водах,
И в Севастополе родившись Росский Флаг

---

¹ Русская поэзия XVIII в. Под ред. Венгерова С.А. СПб. 1897. С. 356.

Гребной и парусный взрос в скорости безмерной,
И повелителем стал всей пучины Черной
Умножены полки и легких войск число
Благоустроенных, в дни кратки возросло.
Коль кратко с дерзкими врагами ни сражались,
Победоносцами толико крат авлялись.
Очаков гордый пал, Бендеры, Измаил,
И Задунайской брег законы Россов чтит,
Анапа и Суджук, России покорилась,
И Мусульманская кичливость умиралась,
Пленением пашей, падением градов,
И многих гибелью своих морских судов,
Которые в крахности из медных жерл палили
И средь Серальских стен Селима разбудили:
Он в страхе мечет взор – чертогов от высот,
И погибающий зря пред Стамбулом флот,
Средств ко спасению других не обретает,
Как мир с Россиею творить повелевает:
Но прежде нежели сей мир пришел к концу,
Угодно сделалось вселенная Творцу,
Ироя взять сего от жизни скоротечной,
Для воздаяния ему награды вечной,
И по божественным судьбам для смертных силе,
Здесь гроб Потемкина-Таврического зрим:
Достойный памятник воздвигнет здесь Паллада,
А сверх того и все сего строение града,
Храм, крепость и морских жиздилище судов,
Есть памятник его недремленных трудов,
Дела его всегда пребудут в свете громки,
И слава пренесет их в поздние потомки,
Иройских подвигов Его в безсмертну честь,
Здесь будут с Лаврами оливны ветви цвести.

В заключении этой главы обратим внимание на два фактора. Во-первых, В. Рубан в довольно пространным стихотворении прослеживает историю и мощь России времен Екатерины и ее фаворита А. Потемкина. И во-вторых, как было указано выше в нашем слове “К читателю” (С. 18) армянская действительность упоминается в русской поэзии не как отдельное инородное тело, а как элемент русской художественной действительности, который расширился в дальнейшем в русской поэзии XIX в.

ГЛАВА II

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА И АРМЕНИЯ

С. МИТРОПОЛЬСКИЙ

Малоизвестный русский поэт С. Митропольский в 1813 г. издал в Санкт-Петербурге стихотворную поэму “Мысли о Армении”. Сейчас однозначно трудно утверждать, что побудило С. Митропольского написать поэму “Мысли о Армении”. Но как бы там ни было, судя по сочинению, можно утверждать, что в поэме проявились незаурядные и глубокие знания автора истории Армении, что свидетельствует об интересе автора к исторической судьбе армянского народа. Поэма начинается с географического описания расположения древней Армении, с которой “сопряжена Мидия” и дружески “объемлет Ассирия”, к которой устремлен взор Каппадокии и ограждена она хребтом Кавказских гор. В этой стране величественно возвышается Арарат, народы видят, чем увенчана эта земля. К этой стране и обратил свой взор русский поэт. Его “Мысли” не простое в поэтическом выражении перечисление перипетий в исторической судьбе армянского народа — это философское осмысление событий в их связи с судьбами страны и со временем.

В Армении “праотец” армян Гайк основал села, а природа дала народу все блага и “повсюду воссияла красота соборов”. Воскрешая картины прошлого, автор воспекает трудолюбие армян:

Сыны Армении к сему душой склонились,
И качеством драгим особенно пленились,
Чтоб побеждая все, быть в действиях своих
Полезным для себя, полезным для других.

С. Митропольский особо восхваляет действия дочерей Армении, которые, блистая “свойством нежности с невинностью”, своим трудолюбием украшая природу, “Армении процвести судьбы определили”.

Скрупулезно прослеживая страницы исторического прошлого, С. Митропольский утверждает, что с Арменией времен Тиграна, Арташеса, Трдата и в последующие времена сталкивались Лукулл, Красс, Помпей, аланы, персы и многие другие. В поэме хотя и кратко, но метко характеризуются действия некоторых армянских царей: чего достигла страна при каждом. Так, Тигран Великий “силою армян обогатил”, при Арташесе “на стогнах и в градах обилие вселилось. Счастливая страна! Во времена златые”. Трдат “цели важныя открыл в своих делах”. Вспоминаются времена принятия христианства в Армении (301 г.), когда “благия небеса Григория избрали”, когда святой Месроп создал армянский алфавит (404 г.), а полководцы Ваан и Исаак отводили бедственные удары от трона и т.д.

Прослеживая важные исторические вехи, С. Митропольский в поэме доводит повествование до начала XIX в., до той поры, когда род Лазаревых и Абамеликов был уже известен в России. Обращает на себя внимание историческая значимость поэмы. Если исключить религиозно-монархические реминисценции, поэма была написана в духе уважения и любви к армянам, хотя в поэтическом отношении она оставляет желать лучшего, в этом смысле мы будем снисходительны к поэме. Важно, что в поэме показано, с одной стороны, тяготение армян к России, с другой — доброжелательность русских, трудолюбие и степень полезности армян русскому обществу.

Место армян в русском обществе, как справедливо показывает С. Митропольский, не было второстепенным. Им были предоставлены широкие возможности для проявления способностей и таланта во всех сферах жизни:

“Мысли о Армении” — это первое стихотворное произведение, широко поставившее в русской художественной литературе вопросы взаимопонимания двух народов. В поэме показана огромная роль, которую сыграла Россия в жизни армянского народа.

О сказанном читатель может убедиться, ознакомившись с поэмой С. Митропольского “Мысли о Армении”.

Дружески

МЫСЛИ
О
АРМЕНИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Митрополитский.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Юс. Юаннессона, 1813 года.

МЫСЛИ О АРМЕНИИ.

Спрана, съ которою сопряжена Мидія,
Которую, какъ другъ, объемлешь Ассирія,
Къ копорой успремлешь Каппадокіи взоръ,
И огражденная хребтомъ Кавказскихъ горъ,
Предѣлъ рамень своихъ Иверіи склоняешь;
Спрана, гдѣ Араратъ шель гордо возникаетъ,
Дабы главой своею народамъ показатъ,
Чемъ восхотѣлъ его всевышній увѣнчатъ,
Когда спихи связь между собой прервали,
И все лице земли морями покрывали;
Арменія, къ тебѣ я мысли обратилъ,
И въ древность преклонясь на Нордъ возвѣспилъ
О дщери Азіи опцемъ время избранной
Для Ноя въ горесни къ оспрадъ шель желанной.

Въ предѣлахъ сей спраны Гайкъ села основаль;
Отъ Гайка родъ Арминъ начало воспріаль.
Природа блага всѣ народу измѣла,
Которая она для смертныхъ соблюдала:
Повсюду возсѣлъ красотъ ея соборъ;
Предстали дѣйствія пленяющія взоръ,
Которыми она шель ясно опкрываешь,

Что тварь словесную всему предпочитаетъ.
 Сыны Арменіи пріили оны небесъ,
 Что въ человѣческѣ онець вѣковъ вознесъ,
 Непоснижимо духъ съ шѣлами сопрягалъ,
 И разумнѣемъ всѣхъ равнымъ украшалъ.
 Но тщательность еще возвысила людей,
 Которые свой умъ въ драгій союзъ вещей
 Спезею опыта повсюду углубляютъ,
 И въ нѣдрахъ естества истощникъ обрѣтають,
 Откуда нужное съ полезнымъ изыскало,
 И зрѣть пріипное народы привлекло.
 Сыны Арменіи къ сему душой склонились,
 И качествомъ драгимъ особенно пленились,
 Чтось побѣждая все, быть въ дѣйствіяхъ своихъ
 Полезнымъ для себя, полезнымъ для другихъ.
 Но дщери сей страны природу украшаютъ;
 Въ нихъ свойства нѣжности съ невинностью блистають,
 Какъ зефиръ, кротость въ нихъ сердца къ себѣ влечетъ,
 Сладчайши чувствія ихъ скромность въ душу льетъ;
 И опкровенность ихъ кого не восхищаетъ?
 Чья болѣе, какъ ихъ чувствительность пленяетъ?
 Но что сопряжено съ душевной красотой?
 Представимъ умственно предметъ очамъ драгой,
 Когда Лапоны дщери въ долины удалялась,

И въ красотахъ своихъ предъ Фебомъ открывалась,
 Опъ взоровъ смершнаго спараясь избѣгать,
 И Афродиты даръ въ себѣ уничтожая.
 Се взоръ, какъ лучъ небесъ, васы, какъ перья врана,
 Лице, какъ лиліи, но поступью Діана;
 И Флора на щекахъ велѣла розамъ быть,
 Велѣла въ радости раскрыться, и любить.

Арменіи процвѣсть Судьбы опредѣлили,
 И жребій сей снраны собою озлапили:
 Ихъ гласу внявъ, Паруйръ корону воспріалъ;
 Арбаку правому онъ помощь оказалъ
 Дабы испоргнуть скиптръ изъ рукъ Сарданапала,
 Котораго душа пресполы посрамляла,
 Который спыдъ и срамъ природѣ наносилъ:
 Но все въ изящный видъ Арбакъ преобразилъ,
 Безпечность срамную опъ трона уснраняя,
 Въ народахъ мужество и швердый духъ вселяя.

Въ премѣнахъ Азіи Арменія цвѣтеть.
 Се Киръ всемъ овладѣть, все премѣнить шечеть,
 Мидію, Вавилонъ, Сирію низвергаетъ,
 Съ Емладой Геллеспонтъ предѣломъ посшавляетъ,
 Въ надменности своей на Сѣверъ мечъ подъялъ;
 Но алчности оплотъ всевышній предписалъ.
 Среди волненій сихъ Тигранъ союзникъ Кира,

Во браняхъ бодрственный и другъ драгаго мира,
 Желанный въ воинствѣ порядокъ учредилъ,
 И силою своей Армию обогатилъ.
 Но добродѣтелямъ короною въцѣпленныхъ,
 И благо измѣнивъ судьбами предъизбранныхъ,
 Еще въ связи вещей предмѣты предсказавъ.
 Начала общества монархамъ говорилъ,
 Что щастіе людей законы водворяють,
 Что слабымъ только симъ оны сильныхъ ограждаютъ:
 Что прихоти снѣсшишь, и снѣспати обуздашь,
 Что сердце возбудить, и умъ образованъ,
 Содолаешь то, чего верховна власть желаетъ,
 Вперить великій духъ, что троны возвышаетъ,
 Въ печеніи вѣковъ повсюду могъ законъ.
 Природу побѣдилъ въ Лакедемонцахъ онъ:
 Но дѣлъ Залевковыхъ Ирои усмирялися;
 Волненія въ души Харондасомъ родилися;
 Филиппи грудь гражданъ собою соприкоснулъ,
 Когда ихъ гробъ узрѣвъ граждане припекутъ,
 И Брутъ? Великій духъ! природа препѣвала,
 Когда на мечъ отца, на кровь сыновъ взирала.
 Армения сего вкусила сладкій плодъ.
 Се Багаршакъ пріимъ во власть ея народъ,
 И въ качества его душою преклоняясь,

Въ его наклонности и силы углубляясь,
 Только мудрые успавы водворилъ,
 И въ подданныхъ своихъ спремительность вселилъ,
 Возвысись умомъ, трудами восхищась,
 И правовъ красою особенно пленяясь.
 Чпо въ дѣйствіяхъ царей сравнишь ся симъ?
 Въ чемъ сполько благъ сына, Арменія, пвоимъ?
 По симъ драгимъ пупамъ ты къ славѣ соплескалась,
 И въ дѣйствіяхъ своихъ повсюду возвышалась.
 Для благъ пвоихъ Тигранъ корону воспріалъ.
 Онъ свойство рѣдкое въ душѣ своей вмѣщаль,
 Которымъ Мипридапъ предъ всѣми возносился,
 И славы вѣчныя лучами оѣнился.
 Лукулла твердый духъ любезенъ былъ судьбамъ;
 Помпей нанесъ ударъ народамъ и спранамъ:
 Но Крассъ въ спремленіяхъ Тиграномъ пораженный,
 Тиграна мужествомъ Габиній угнѣщенный
 Попомству памятникъ могущества его.
 Народъ! ты узришь верхъ блаженства своего.
 Се Авгаря въ себѣ Арменія срѣтаешь.
 Къ чему великій мужъ всѣ мысли успремляешь?
 Кому торжественно все Авгаръ посвящилъ?
 Кто сердце Авгаря простеръ, и озарилъ?
 Господь, Господь снишелъ; народы воспринише,

Познайте путь небесъ, и мысли освятише.
 Вы, коихъ Зороастръ собою увлекалъ,
 Вы, коихъ Озирисъ собою ослѣплялъ,
 Вы, коихъ мысль и духъ Брамию помрачались,
 И вы, которые Конфуціемъ пленились,
 И вы, которые Одина богомъ чли,
 Спѣшите зрѣть душой Спасителя земли.
 Се шопъ, гласъ коего соснавъ небесъ вращаетъ,
 Се шопъ, который жизнь природѣ изливаетъ,
 Се шопъ, предъ кѣмъ ничто могущество царей,
 Когда пренебрегутъ гласъ совѣсти своей.
 Господь снишелъ возвать порокомъ омраченныхъ,
 Но воля всеблагая только драгоценныхъ.
 Весь міръ законъ его хранишь, и сохранялъ:
 Но только человекъ сему противосталъ.
 Се Финикиане младенцовъ закалываютъ,
 Супругу въ Индіи Браминны сожигаютъ,
 Въ кровосмѣшеніе Египетъ погружень,
 У Гебровъ въ Персіи бракъ съ матерью внушень,
 Друиды внутренности терзаютъ осужденныхъ,
 И правила умовъ химерой увлеченныхъ
 Въ стремленіи страстей священными всѣ чинятъ,
 Всѣ кровь невиннаго Кумира въ жертву льютъ.
 Конфуцій и Зенонъ вселенную украшали,

Когдабъ безсмертія души не отвергали.
 Но что Христіюсъ Господь къ ученикамъ изрекъ?
 Чшо въ правилахъ Его срѣщается челоуѣкъ?
 Желайте блага шѣмъ, кошоры зла желаюшъ;
 Благошворише шѣмъ, кошоры васъ спѣснюшъ;
 И симъ порывъ спрасней обузданъ и погранъ,
 Естествонный законъ съ божественнымъ сѣинъ.
 Но Авгарь въ семь пути Монарховъ предваряешъ,
 Почтеніе креста въ народахъ водворяешъ,
 И въ жертву Господу духъ правый посвящилъ.
 Господь посланіемъ царя благословилъ,
 И Авгарь образъ зришъ чудесно начертанный,
 Къ нему единому отъ Господа посланный.

Узнали Господа въ твореніяхъ Его.
 Арменія зришъ верхъ блаженства своего.
 Аршась пресполъ прѣмъ. Природа восхищалась,
 Когда душа его къ природѣ преклонилась.
 Онъ въ нѣдрахъ Естества сокровища обрѣлъ,
 Которыхъ красоту при Нумѣ Римъ узрѣлъ.
 О земледѣліе! шобой цвѣтушъ народы;
 Ты сила, слава, честь въ дѣяніяхъ природы.
 Се Цинциннатъ влечетъ вѣнчанный лавромъ плутъ;
 Фабрицій, правоты необоримый другъ,
 И Регулъ, сынъ небесъ ко благу спранъ посланный,

Вселенну украшать судьбами предызбранный,
 Священные пруды поднимают на браздахъ.
 Арташь узрѣлъ народъ въ сихъ радостныхъ прудахъ.
 На сногахъ и въ градахъ обиліе вселилось;
 Оно въ дѣлахъ цари незыблемымъ открылось.
 Поселеницъ ошца въ царѣ себѣ сръталъ,
 И къ выгодамъ пущи повсюду обрѣталъ.
 Почто спѣшилъ людей шолко драгоцѣнныхъ,
 И обществу пишалъ, и охранять рожденныхъ,
 Людей, которые и въ зной и въ хладъ пекутъ,
 Да плодъ прудовъ своихъ народамъ принесутъ,
 Людей, которые пошъ съ кровью проливаютьъ,
 И пшгостимъ себя жестокииъ подвергаютъ,
 Чтобъ смершоносный гладъ другихъ не поразилъ?
 Видъ злаша и сребра народы ослапилъ,
 Народы по нескамъ и по водамъ спремются,
 Да дома ихъ сребромъ и злашомъ изпецранся:
 Но что богатство ихъ для цѣлыя страны,
 Коль плуги поселанъ въ ничпо обращены?
 Пришное народъ влечешъ, и восхищаетъ;
 Но нужное царей и царсшва соблюдаетъ:
 Богатъ поселанинъ, богатъ и Государъ;
 Такъ въ мысляхъ полагалъ Арташь арменскій царь.
 Враговъ ошъ Сѣвера Арменіи узрѣла,

И брань съ Аланами просиерлась, позшумѣла :
 Аршась въ спременихъ исходящъ ополченъ ,
 И врагъ Арменій пожатъ, и изложенъ.
 Щасливая страна! но времена зланыи ,
 Для благъ нивонхъ сыновъ желанныи, драгіи ,
 Спокойствіе нвое возвыситъ, оградитъ ,
 И истиной теби, какъ свѣтомъ, освѣтитъ.
 Се * Тиридапъ народъ во власъ свою приѣмлетъ!
 Се царь, который все душой своей объемлетъ ,
 Чшо человѣчество возвысило въ вѣкахъ.
 Онъ цѣли важныи открылъ въ своихъ дѣлахъ
 Пороки истребитъ, возвыситъ добродѣтель ,
 Чшобъ совѣсть правал, божественный свидѣтель
 Велѣній разума и дѣйствія страстей ,
 Срѣшала, какъ Монархъ, пресполъ въ сердцахъ людей,
 Чшобъ нравъ съ доброю предъ нею сопрягался ,
 Чшобъ умъ, какъ вождь планетъ, предъ нею озлащался.
 Желанія царя всевышній увѣнчалъ:
 Повсюду Тиридапъ драгій успѣхъ срѣталъ;
 Доброга мудраго съ могуществомъ сліялась ,
 И жребіемъ своимъ Арменія пленялась.
 Онъ кротостью вселилъ къ художествамъ любовь ;
 Но на мечѣ его дымилась Персовъ кровь :

* Современникъ Константина Великаго.

Врагомъ Арменій и Сѣверъ изрыгаешь;
 Но адепость Тиридашь разнишь, и попираешь.
 Во славу Господа народы просиѣлаишь,
 И вѣру во Христа возвысишь, утвердишь,
 Благія небеса Григоріа избрали,
 И вѣчнымъ щасіемъ родъ Гайка увѣчтали.
 Какъ чирная зари изъ мрачныхъ облаковъ,
 Простерши въ рѣбра ихъ свой радостный покровъ,
 Восходишь при вранахъ востока ползавица,
 И взоромъ спутника повсюду осѣненна
 Женишь ошесюду мракъ въ сиремленіи своемъ,
 Да будешь путь готовъ драгимъ ея дучемъ
 Текущему за ней вождю планешь избранну
 И славою дѣлъ своихъ въ природѣ увѣчтану;
 Такъ умъ Григоріа средь мрака возникалъ,
 Илюскія похощи въ народъ разсѣвалаъ,
 Небесной истины лучами озаралась,
 И свѣтомъ Божесіа въ путяхъ пріосѣчалась.
 Се свѣтъ, гласъ коего земля и небо чуешь:
 Онъ просвѣщаешь всѣхъ, которы въ міръ градуютъ.
 Сандухта, дщерь царя, имъ сердце наполняешь,
 Енисею Лусикъ въ немъ душу погружаешь,
 И побѣждаешь міръ, за вѣру смерти пріавъ.

Какой пирань возмогъ, гласъ совѣсти поправъ,
 Преодолѣвъ въ душахъ стремленія священны,
 И перенюмъ Божества въ сердцахъ напеташаины?
 Григорій и Варшанъ, * Нерсесь и Исаакъ
 Разсѣли собой плетескихъ внушеній мракъ,
 И въ храмъ всевышняго народы привлекая,
 Въ жилище вѣчности всѣхъ мысли преклоня,
 Вперили твердый духъ добротою своей.
 Се мужи мудрые! Епископы душей!
 Нерсесь! Въ дѣлахъ твоихъ Арменія срътала,
 Чпо въ ней вселенная великимъ сознавала.
 На спогнахъ и въ градахъ ты дома учредилъ,
 Гдѣ бѣдный въ старости опраду находилъ,
 Гдѣ помощь обрѣталъ болѣзнями стѣсненный,
 Гдѣ странникъ зрѣлъ покой въ смущеньяхъ драгоценный.
 Несчастныхъ вдовъ, сиротъ ты слезы опиралъ,
 И бѣдствій людей смягчалъ, и утишалъ.
 Сыны Арменіи спокойствіе вкушали,
 И дщери сей страны судьбу благославляли.
 Но все въ подсолнечной премѣнѣхъ подлежатъ,
 Коль смертный разумъ свой страстима порабощитъ.
 Народы многихъ странъ въ ничто преобращались,
 Когда сердца царей въ безпечность погружались.

*) Патриархъ Арменскіе.

Холрой и Санапрукъ, Тиранъ и Арташиръ
 Собой повергли въ стыдъ Арменію и міръ.
 Еще * Ваганъ, ** Месробъ и Исаакъ воспали,
 И бѣдственнѣйшій ударъ оныхъ прѣстолу усмирили;
 Но что могло пресѣчь стремленіе спрасней,
 Которыхъ жершвою тогда былъ духъ царей?
 Такъ вѣпры мрачныя низвергнувши оковы,
 Презрѣвъ Еола власть и взоръ его суровый,
 Стремился лопомъ водъ собою возмутить,
 И все враждой своею несся преобратить,
 Возносясь на водахъ превыше облакъ горы,
 Иль бездну мрачную раждающъ ихъ раздоры,
 Да нѣдра оныя корабль собой пожрутъ,
 Или разрушатъ все, и въ морѣ погребутъ.

Судьба... Арменію храмъ божій украшаетъ:
 Въ немъ истина цвѣшетъ, и крѣпость обитаетъ.
 Сыны Арменіи Россію зрѣтъ спѣшатъ,
 Да мысцѣю Ея себя предъоградятъ.
 Монархи мудрые паланшы одобря,
 И трудолюбію путь всюду открывая,
 Сыновъ Арменіи склонились охранять,
 И ихъ усердіе наградами вѣнчать.
 Сколь пользы и услугъ Россія въ нихъ срѣтала,

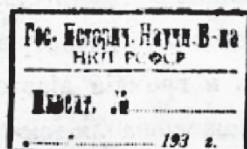
* Полководецъ. ** Ученый: мужъ; онъ изобрѣлъ Армянскія лансеры.

Какой духъ рѣвности въ ихъ сердцахъ обрѣтала.
 Се Лазаревыхъ родъ попомниво будешь чинить,
 И благъ общественныхъ любовь превозносишь,
 Кошорая собой ихъ сердце наполняешь,
 Течешь въ драгихъ дѣлахъ, и Россювъ восхищаешь!
 Се храмы Господу въ сполницахъ предстолышъ,
 Кошорые въ вѣкахъ народамъ возвѣсташъ,
 Въ чемъ Лазаревыхъ мысль съ воспоргомъ погружалась,
 Къ чему душа ихъ всѣхъ неслась, и усилемьлась!
 Се храмы Господу швореніе ихъ рукъ;
 Гласъ благочесній, — не тщетной славы звукъ.
 Здѣсь сынъ Арменій въ стремленьяхъ драгоцѣнныхъ,
 Здѣсь дщерь Арменій въ желаніяхъ священныхъ,
 Предъ Господомъ небесъ слѣвъ свои сердца,
 Благословляющъ всѣ Монарха и Ошца.
 Се жершва мудросни короною вѣчанныхъ,
 И Сѣверъ озаритъ всевышнимъ предъизбранныхъ!
 Чшо въ древности Колосъ и громкій Мавзолей?
 Великолѣпный знакъ ничиножества людей.
 Но благочесліе народы возвышаетъ,
 И олащаетъ скипиръ, и царства простираетъ.
 Въ открытіи вещей пунъ первый начершавъ,
 И пользу обществу въ успѣхахъ показавъ,
 Сунъ дѣйствіа людей монархамъ драгоцѣнныхъ,

И гениемъ своимъ въ попомощь незабвенныхъ.
 Абабелкова таланты Россѣ узялъ :
 Онъ знаніи свои въ открытіяхъ просперъ ,
 Въ которыхъ столько пользы и выгоды обрѣтають ,
 Когда орудія шоль нужны слагають
 На пораженіе и Кировъ и Апиэль ,
 Дабы умножить симъ сославъ народныхъ силъ.

Сыновъ Арменіи шакал мысль питаешь ,
 И душу всѣхъ влечешь , и сердце усипремляешь ,
 Чшобъ жертвованъ собой великому въ царяхъ ,
 Монарху мудрому, избранному въ судьбахъ ,
 Да миръ и щасіе по всюду водворяется ,
 Да славой дѣлъ Его нароры оградиши.

Д.И. ХВОСТОВ

События войны России с Турцией нашли широкое воплощение не только в исторической и документальной литературе, в русской прессе, но и в русской поэзии. Откликом на войну с Османской Портою и мир, заключенный в Адрианополе 2 сентября 1829 г. между Россией и Турцией, явились стихи графа Д.И. Хвостова. Освободительная миссия русского солдата воспета в этих стихотворениях. Жаркие баталии развернули солдаты против турок в “краю Тиграна”. Автор воздает хвалу силе и мощи русского солдата, идущего на помощь притесненному народу:

Летит на Крыльях Эриванский,
Зеленый лавр всечасно жнет...

.....
Там рать за горы перекинет,
Там на твердыни силы двинет,
Тиграна край покрыв щитом,
Дерзает дале в крепкой думе
И вдруг являя в Арзеруме,
На Трапезонт бросает гром¹

В другом стихотворении — послании А.А. Писареву² Хвостов воспевае генерала русской армии А.П. Ермолова, подвиги которого “забвенья избегнут”. Но радость поэта в этом стихотворении выражена по другому поводу. Его стихи читает в Колхиде Язон, не “рыцарь жен”, не древних лет Язон, который взял руно “волшебством у Дракона”, а

Современник наш, Российских честь знамен,
Аракса бодрый страж, восточных друг племен.

Таким образом, воспевая силу русского оружия, несущего освобождение угнетенным народам окраин России, поэт упомянул здесь и армянскую реку Аракс, сделав ее в об-

---

¹ Хвостов Д.И. На мир в Адрианополе 1829 г. сентября 2 дня. СПб. 1829.

² Хвостов Д.И. Полн. собр. стихотворений. СПб. 1828-1834. Т. 3. С. 95.

щей канве стихотворения органической его частью, конкретизировал место события.

Во время Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. граф И.Ф. Паскевич-Эриванский во главе Отдельного Кавказского корпуса 14 июля 1828 г. двигался за Арпачай (приток Аракса). Этому переходу посвящено стихотворение Н.И. Бутырского “Селение Гумры”¹, в котором, обращаясь к полководцу русской армии, поэт восклицает:

Постой, колена преклони.
Рушитель грозный Эривани!
Здесь — без шелома и брони,
Прилично пасть пред богом брани.

Эти места являются, по мнению поэта, священными, потому что здесь стоит гора Арарат в “броню снегов”, над которым как мир “мелькнули семьдесят веков”. Арарат устоял против раската “потопных яростных валов”. Эта “допотопная гора” является стражем на границе. К ней “пришла” слава русского оружия, которая

... Где, в каких местах,
Арзума ль в вековых стенах,
В Варшаве ль вознесешь Алкиду,
Сказав: «не делай», пирамиду!

---

¹ Бутырский Н. И моя доля в сонетах. СПб. 1837. С. 51-52.

Н.И. БУТЫРСКИЙ

Никита Иванович Бутырский — профессор Санкт-Петербургского университета.

В 1812 г. — адъюнкт-профессор эстетики, в 1819 г. — экстраординарный профессор поэзии; в 1826 г. — ординарный профессор.

В 1821 г. — преподаватель политической экономии и финансов. В 1835 г. — преподаватель российской словесности в Императорской военной академии.

В 1812 г. Н. И. Бутырский перевел на русский язык “Курс философии” Лудв. Якоба (СПб.); в 1815 г. “Историю Тридцатилетней войны” Шиллера (СПб.); в 1826 г. “Речь о действии просвещения” Дегура (СПб.).

В 1837 г. издал сборник своих стихотворений под заглавием «И моя доля в сонетах» (2 ч., СПб.).

✓ 3/6/77 51 901-82
122 11573

И МОЯ ДОЛЯ.

ВЪ СОНЕТАХЪ,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. Н. Бутырсаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОНРАДА ВИНГЕБЕРА,

1837.

II.

СЕЛЕНІЕ ГУМРЫ,

передъ движеніемъ Графа Паскевича Эриванскаго съ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, за Орпачай, 14 Іюня 1828.

Постой, колѣна преклони,
Рушитель грозный Эривани!
Здѣсь — безъ шелома и брони,
Прилично пасть предъ Богомъ брани.

Его тутъ око, *) искони
Печать Его тутъ вышней длани. —
И допотопныхъ горъ въ тѣни,
Стоящихъ стражами на грани,

Все пало предъ Незримымъ въ прахъ
И слышитъ гласъ Его: «предыду.»
О слава! гдѣ, въ какихъ мѣстахъ,

Арзума-ль въ вѣковыхъ стѣнахъ,
Въ Варшавѣ-ль вознесешь Алкиду,
Сказавъ: «не даждь,» пирамиду?

---

*) Гора «Аллагезъ» въ переводѣ «око провидѣнія.» Тутъ же и Араратъ.

LII.

(Къ предыдущему).

Мелькнули семьдесятъ вѣковъ,
 Какъ мигъ, надъ темемъ Арарата.
 Но исполнитъ, въ бронѣ снѣговъ,
 Не сокрушимъе булата,

Стоитъ и ждетъ конца міровъ.
 Онъ устоялъ противъ раската
 Потопныхъ яростныхъ валовъ.
 Все хлябь покрыва, бичъ разврата.

Лишь непорочности символъ —
 Вилась голубка надъ пучиной.
 О бѣлоснѣжная! еще-ль

Порхаешь въ страхъ надъ вершиной?
 Одѣнь ее крыломъ, Орелъ,
 Спаси отъ злости ястребиной!

ЛП.

НА ВЗЯТІЕ АХАЛЦЫХА ПРИСТУПОМЪ,

16 Августа 1828.

Гдѣ въ Куръ стремится Ахалцыхъ,
Тамъ грозно выплась твердыня
Съ луной на башняхъ тѣковыхъ,
Какъ Троя, Мусульманъ гордыня.

Не стройный крикъ: Алла! затихъ.
Сверкало только съ горъ, въ лощинахъ
Булатовъ остріе кривыхъ,
Звенѣлъ лишь голосъ Муэдзина. *) —

Вдругъ, буйный ощути восторгъ,
Съ не стройнымъ крикомъ Курды мчатся.
По ятаганъ ли Курдовъ могъ

О Русскій штыкъ не изломаться?
И слышно: *да воскреснетъ Богъ,*
Враги его да расточатся!

---

*) Такъ называются Магометанскіе причетники, призывающіе на молитву. Это родъ нашихъ звонарей. Назначаемые къ этой должности, обыкновенно выдерживаютъ напередъ ужасную операцію ослѣпленія, чтобы не глядѣть съ вершины минаретовъ на прелести гаремскихъ красавицъ, и хорошо дѣлають: *лице соблазняетъ тѣ око, истини его.*

С.Н. ГЛИНКА

Во вступительном слове мы упомянули о сочинениях С. Глинки касательно армянской действительности. Это его фундаментальный двухчастный труд “Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области армянской в Российской империи” (Ч.1. 1832, Ч.2. 1833). Ему принадлежит также ряд историографических, документальных и художественных сочинений, в том числе “Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей” (1831) и другие.

В своих сочинениях Глинка объективно показал, что армяне никогда не “домогались завоеваний”, они всегда отражали насилие, “попирающее человечество”. Во все времена армяне “утверждали училища, — пишет Глинка. — В наше время вполне ощутили пользу первоначальных училищ для развития умственных способностей. Но чем с таким жаром занимались в XIX столетии, армяне занимались тем в первые века народного своего существования¹”. С. Глинка — первый русский автор, написавший историю Армении в 2-х частях. В истории Армении он увидел трагичную многовековую судьбу армянского народа, которая произвела на него сильное впечатление. Поэтому вполне поучительны и современны в наши дни заключительные слова его труда: **“Если бы в сие мгновение прервалась нить моего бытия, то последнею моею мыслию была бы мысль: да цветет человечество союзом братства, любви и взаимного благоговения”** (выделено мною. — М.А.).

Обозрев историю Армении, С. Глинка сочувственно воспринял тяжелую судьбу народа. На основе исторического материала он написал две повести в стихах, в которых художественно отобразил события далеких времен.

Любопытно и ценно то, что С. Глинка предваряет свои повести “Предупреждением”, в котором читатель знакомится с

---

¹ Глинка С.Н. Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области армянской в Российской империи. Ч.II. М. 1833. С. 241.

весьма и весьма ценными высказываниями древних мыслителей, об армянской истории¹.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

»Исторія, сказалъ Цицеронъ, есть свидѣтельница временъ; свѣтъ истины, жизнь памяти и наставница нравовъ.«

Исторія Армянская одушевлена всѣми качествами, изложенными Цицерономъ; но къ сожалѣнію у насъ существуютъ одни блѣдные отблески лѣтописей Армянскихъ.

Плиній Старшій увѣряетъ, что всякая исторія правится, какъ бы она ни была написана (*). Это не справед-

---

(*) Historia quoquo modo scripta delectat. lib: 5.
epist: 8.

---

¹ Здесь и далее цит. по: Две повести в стихах. Сочинения С. Глинки. Ереван: "Гркери ашхар". 1990. С. 43-71.

VI

ливо. Если исторія и не сопровождается строгими учеными изслѣдованіями; но по крайней мѣрѣ должна предлагать непрерывное повѣсповованіе о событіяхъ и удовлетворять любопытству чипапелей. Повторяю еще, что и въ этомъ отношеніи у насъ нѣтъ ни одной Армянской Исторіи.

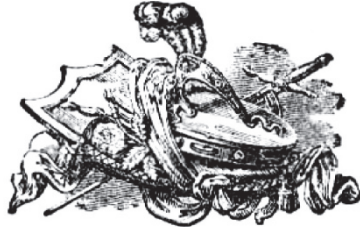
Занимаясь теперь обзорніемъ исторіи Армянской я предлагаю изъ оной двѣ повѣспи въ спихахъ.

Ученый Бело, изслѣдователь лѣтописей Армянскихъ, говоритъ, что весьма желательна, чтобы Армянская Исторія Моисея Хоренскаго переведена была на Европейскія нарѣчія, ибо она служить къ поясненію многихъ со-

бышій Римской Исторіи. — И мы же-
лаемъ, чѣобы она переведена была
вполнѣ на Русской языкъ. Исторія
Армянская предлагаетъ ту нравсп-
венность, кошую *Тацитъ* называетъ
душею лѣтописей, и лица, увѣнчавшія-
ся любовью къ человѣчеству и устро-
еніемъ общаго блага.

“Гайк — первый победитель завоевателя” — так озаглавлена одна из двух повестей. Глубоко вникнув в суть предания о Гайке и Бэе, Глинка эпическими штрихами нарисовал образ Гайка, наделенного характерными чертами древнего народа, показал его стремление к свободе и независимости. В основу повести положена история о “первой войне”. В повести показано единство цели предводителя и его соплеменников — праотец армян Гайк и народ нерасторжимы. На лучезарном небосклоне Армении, где “Ковчег окончил дивный ход”, люди жили в мире и дружбе. Но властолюбие Бэа “расторгает братолюбие”, и, нарушив мирную жизнь армян, он хочет стать их владыкой.

Г А Й К Ъ,

ПЕРВЫЙ ПОБѢДИТЕЛЬ ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

Спрана, и колыбель вторая
Возобновленія людей!
Въ тебя душой перелетая,
Жить памянью хочу твоей.
Когда земля была объята
Бурливой казнью грозныхъ водъ;
Тамъ — на вершинахъ *Арарата*,
Ковчегъ окончилъ дивный ходъ.
Тамъ — на Армянскомъ небосклонѣ
Блеснулъ запыла первый лучъ;
Тамъ — къ опращенью мрачныхъ тучъ,
Любовь Творца въ своемъ законѣ
Велѣла кровь людей беречь,
Чтобъ съ небомъ связи не пресѣчь.

Но вскорѣ змѣи власполюбья
 Прокрались въ глубину сердець.
 Успавъ разпоргся браполюбья:
 Тогда ужъ былъ *Немвродъ*—ловецъ;
 Былъ *Исполинъ*, на зло былъ сильный —
 И въ злобѣ яроспью обильный;
 Въ чаду тщеславья своего,
 Владыкой бышь алкалъ всего. . .

И грозны бишвы закипѣли;
 И люди грызнь людей летѣли
 И заструилась кровь рѣкой! . .
 Прослылъ побѣдой грозной бой;
 И названъ врагъ людей *великииъ*
 Ненсповымъ воспоргомъ, дикимъ.

О заблужденіе умовъ!
 За бѣдствія свои, за кровь,
 Вы мечъ лобзаеице убійства;
 Въ рабы идете исполнства!

И уподлялся душой ,
 Страстей спановитесь игрой.
 Вы цѣпи для себя ковали ,
 Когда цвѣтами усыпали
 Мѣста губительныхъ побѣдъ ,
 Гдѣ крови рѣкъ багрѣлся слѣдъ ! . .

Но былъ еще,—предѣлъ былъ мирной (*)
 Подъ свѣтлой высокою зорной ,
 Онъ цвѣлъ опрадной пишиной : .
 Тѣхъ житей былъ Гайкъ главой .
 Съ Патріархальной проспопою ,
 Онъ общей управлялъ спраною.
 Твое , мое , въ предѣлахъ тѣхъ
 Уста еще не повноряли ;
 Все мысли — въ мысль одну сливали.
 Какъ солнце свѣтъ лѣпъ для всехъ ,
 Такъ шамъ все было встѣхъ удѣломъ.
 Не возмущаяся раздѣломъ ,

(*) *Мессопотамія.*

Равнины тучныя, луга,
 Спадамъ памъ паспбищсмъ служили;
 И свѣжеснью къ себѣ манили. . . .
 Какъ свѣпная нечепъ рѣка
 И все собою оживляетъ,
 Гдѣ благоспъ спруй своихъ являетъ:
 И жизнь пакъ спройно памъ пекла
 И — общей жизнию была.
 Млеко памъ спады кровь освѣжало;
 Раздоровъ сердце памъ че знало.
 Любитъ всегда и всѣхъ любитъ
 Тамъ значило: и *быть* и *жить*!
 Успавъ, въ сердца напечатлѣнной
 Самимъ Правителемъ вселенной
 И Устроиелемъ міровъ;—
 Успавъ памъ сей внушалъ—*любовь*.

Но между тѣмъ — злой духъ *Немрода*
 Неупомимо бушевалъ;
 И въ *Тайкова* предѣлы рода
 Онъ жадной мыслью заепалъ. —
 Чпо оспорожностъ добродѣтель;
 Въ шомъ опытъ всѣхъ вѣковъ свидѣтель.

Рѣшась оставить край родной,
 Гайкъ веѣхъ сыновъ своихъ собираетъ,
 »Друзья! семействамъ онъ вѣщаетъ:
 »Немвродъ грозился намъ войной;
 »Сей хищникъ областей окрестныхъ
 »Насъ алчетъ опягчить ярмомъ.
 »Уйдемъ съ полей своихъ прелестныхъ,
 »Чтобъ не поникнуть въ прахъ челою.
 »Такъ! для сыновъ родной свободы (*)
 »Неспрашны ужасы природы.
 »Съ опчизной разлучась своей,
 »Пойдемъ шуда, гдѣ горъ вершины
 »Теряются средь облаковъ. . .
 »Вспѣснимся въ глубину лѣсовъ;
 »Пусть памъ насъ ищутъ Исполины!

(*) Любя *родную*, или свободу отечественную, Армяне и у могущественныхъ Калифовъ выговаривали право не быть ни когда рабами ихъ. (См. *Bullaigé rotain*, Ч: IV стр: 78.) И въ наше время, н. е. 1828, переселяясь изъ прелестной Азербиджской Персидской страны въ ново установленную область Армянскую, Армяне — переселенцы говорили: »мы лучше хотимъ ѣсть праву Русскую, нежели хлѣбъ Персидскій.«

»Среди лѣсовъ, ущелинь горъ,
»Мы грудь поставимъ имъ въ оппоръ.«

Вѣщаль,—и слышнѣ восклицанья:
»Исполнимъ *Гайки* мы желанья!
»Сынами вольности *родной*
»Пойдемъ повсюду за тобой!»

Идутъ съ равнинъ въ лѣса и горы;
Мѣснъ дикость не спрашивъ ихъ взоры;
Тупъ, тушъ насилью предѣль! . .
Когда вѣка распростирались
И кровью смертныхъ упучнялись;
Когда Римъ міръ поработалъ:
Тогда здѣсь, *Аннибалъ* гонимый
И яростью Римлянъ пѣсимый,
За *Кароагенъ* здѣсь призывалъ
И силу душъ и мѣснъ природы.
Онъ думалъ, что полень свободы,
Спрямясь изъ горъ и изъ лѣсовъ,
Напоръ оспановишь орловъ! (*)

(*) Преданіе историческое.

Какъ шигрь бѣснуется , рыкаетъ ,
 Когда добычу упускаетъ ,
 Ее очами ужъ пожравъ :
 Такое чувствуетъ волненье
Немеродъ , вѣсть громкую узнавъ ,
 О *Гайкиномъ* переселеньѣ.

Но властолюбецъ шакъ , какъ змѣй ,
 Готовъ и ползти и пресмыкается ;
 Гдѣ бодрый духъ его сильнѣй
 И гдѣ онъ долженъ унижаться.
Немеродъ , народовъ сей палачъ ,
 Опъ хитроспи и обольщенья
 Побѣдъ ждетъ новыхъ и удачъ ;
 И къ *Гайку* въ новыя селеня ,
 Осправилъ онъ своихъ пословъ
 Съ вѣщаньемъ сихъ коварныхъ словъ :
 «О, жишель горнаго предѣла ,
 Гдѣ шумъ ты слышишь непогодъ ;
 Ко мнѣ свой приведи народъ
 Для жизни льготной и удѣла.

Не льстись сокрыть себя нигдѣ ;
 Мой мечъ найдетъ тебя вездѣ.
 Но длань я дружбы проспираю ,
 Какъ другъ , я друга призываю:
 Приди ! себя , свой родъ спасай ;
 Иль бури грозной ожидай !«—

»*Нейду!*« посланъ *Гайкъ* возражаетъ :
 Напрасно съшь *Немвродъ* сплетаетъ.
 Коваренъ , силенъ , спрашенъ онъ ;
 Мы слабы , но не малодушны ;
 Свободѣ нашей мы послушны
 И совѣсь — первый намъ законъ.
 Пословъ я отпускаю съ миромъ ;
 (*Гайкъ* чловѣчества не гналъ ;)
 И повпорите предъ кумиромъ ,
 Что по душѣ моей сказалъ.»

»Къ мечамъ ! спѣшите , ополчайтесь ;
 За честь мою со мной сражайтесь ;
 Носпавимъ дерзости оплошь !« —
 Такъ въ гнѣвъ возопидъ *Немвродъ*.—

Не мечъ , не мечъ войны виновникъ ;
 Мечъ властолюбья лишь поборникъ.
 Жельзо хладное молчишь ;
 Его несповсво оспринтъ.
 Война , изчаде властолюбцевъ ,
 Болѣзнь привычныхъ душегубцевъ ,
 Изшедъ изъ смрадныхъ ихъ спраспей—
 Война въ свирѣпости своей
 Гопова дланью раздраженной
 Пожаръ зажечь во всей вселенной ,
 Чпобъ все испнишь , самой сгорѣшь
 И воцаришь повсюду смерть !

Спѣшашъ *Немеродъ* и *Исполины* !...

Видали ль вы , когда долины ,
 Поля , луга , верхи холмовъ ,
 Вершины рощей и лѣсовъ ,
 Объяны саранчи спадми ? . . .
 Такъ двинулся *Немеродъ* съ полками.

2*

И *Гайкъ* не дремлетъ въ нѣдрахъ горъ.
Его орлиный, быстрый взоръ
Все видитъ, все соображаетъ;
Впередъ онъ *Кадма* опрягаетъ.
Кадмъ внукъ его. . . и попому
Даль къ смерти первый шагъ ему.

Ужъ знамена *Неперода* вѣютъ;
Полки его вдали нестрѣютъ:
Гайкъ Кадмомъ извѣщенъ о помѣ.
И *Гайкъ* съ своимъ роднымъ полкомъ,
Съ своими ближними сынами
И съ ополченьемъ дружныхъ силъ,
На помощь къ *Кадму* поспѣшилъ.
На берегахъ озерныхъ *Вана*
Вся рать его была собрана.

»Друзья! сыны!» воскликнулъ *Гайкъ*:
»Согласье душъ — победы знакъ.

Не мы обидили строптивыхъ ,
 Сихъ исполиновъ горделивыхъ .
 Немроду пѣсенъ цѣлый свѣтъ ;
 Но и душѣ преграды нѣтъ !
 За правос, святое дѣло ,
 За вольность нашихъ женъ , дѣтей ,
 Душа пойдетъ сражаться смѣло ;
 Не опдадимъ страны своей !
 Чѣмъ понесши ярмо злодѣя ,
 Мы все умремъ , или побѣдимъ !
 Пойдемъ ! и молніи быспрѣ
 Враговъ наснигнемъ , поразимъ !«

Враги киченъемъ упоены ,
 Побѣду въ мысляхъ одержавъ ,
 Являли силы раздѣленны ,
 Забывъ надежныхъ бивъ успавъ .

Сомкнулись Гайковы дружины ;
 Ведущъ ихъ *Кадмъ* и *Арманьякъ* (*) ;

(*) Сынъ *Гайка*.

А съ претпымъ сонмомъ, былъ самъ *Гайкъ*.
 Какъ волны яроспной пучины
 Кипящъ въ разсѣлинахъ береговъ :
 Такъ закипѣли средь враговъ
 Защитники роднаго края.
 Ихъ спрѣлы смерть сама пуская ,
 Въ плѣнь неизбѣжный ихъ берещъ.
Гайкъ пылъ надежно спережентъ,
 Гоповый къ бою ополчентъся.

И воптъ ! *Немеродъ* съ горы спремится..
 Какъ пугръ свой разверзаетъ зѣвъ ,
 Когда пожранъ свой ловъ грозится :
 Такъ въ гордоспи закоренѣвъ ,
Немеродъ на *Гайка* нападаентъ ;
 Но шагу *Гайкъ* не уступаетъ.

Тамъ *Кадмъ* , тамъ *Арманьякъ* разянтъ.
 Въ позорный бѣгъ враги спѣшатъ. . .

А здѣсь, *Гайкъ*, мужествомъ кипящій,
 Злодѣю за злодѣйства мстящій,
 Лепить къ нему на явный бой.
 Наспигъ—и мощною рукой
 Копье свое въ плу грудь вонзаетъ,
 Гдѣ адъ свирѣпый обитаетъ.

Палъ съ шумомъ, палъ, палъ врагъ людей!
 Палъ первый битвъ изобрѣтатель!
 Въ гордынѣ буйственной своей
 Изчезъ, изчезъ завосватель! . . .

И съ горъ гремишь Армянскихъ кликъ:
 »Кпо другъ людей, поплъ спалъ великъ!
Гайкъ съ божествомъ умѣлъ сродниться,
 За человѣчество сразиться.

Чеснь *Гайку*! чеснь его сынамъ!
Гайкъ соплеменникъ небесамъ (*)!»

(*) За превосходныя качества Гайка, онъ названъ *Тюцъ-Азнъ*, то есть: попомокъ боговъ. Армяне и другіе народы, подвластные его скипетру, любя Гайка, какъ отца и Государя своего, проименовали себя Гайканами, а землю свою—спраною Гайканскою.

В другой повести в стихах “Ардоат или Адоат” С. Глинка также раскрывает исторические события древней Армении.

АРДОАТЪ

ИЛИ

АДОАДЪ

СПАСИТЕЛЬ АРМЕНИИ И ОТЕЧЕСТВА.

Явился новый Исполнѣ
Опважный, пламенный и юный:
Филлиппа появился сынъ.
Разящіе его перуны
Народы низвергали въ прахъ ;
Духъ въ сильныхъ замиралъ царяхъ.
Подъ мощною его спопою ,
Подъ сильною его рукою

Поникла *Персія* челомъ.
 Но ярый онъ бросаю громъ,
 И самъ симъ громомъ огромился ;
 Въ гордынь буйной позабылся ,
 И богомъ возмечпалъ прослыть !
 Леспи богу новому кадишь.
 Но леспи смерть не опдаляешъ
 И только больше обличашъ
 Ничтожность пышности земной.
 Среди побѣдъ своихъ блестящихъ ,
 Среди кликовъ, слуху , сердцу льстящихъ ,
 Сраженъ шопъ смертною косою,
 Предъ кѣмъ вселенная молчала.

Но новая брань воспымала
 Межъ *Александровыхъ* вождей.
 Какъ паупинну шканъ, скудельну,
 Они вселенную смященну
 Кровавой дланію своей
 Въ клочки мечами разпоргали ;
 И кровью землю наводняли,
 Тѣся народы подъ ярмомъ.

Арменія! въ краю швоемъ
 Родъ *Селевкидовъ* воцарился :
 А съ *Ваге*,—*Гайковъ* прекрапился :
 Но не безславно онъ угасъ.
 Когда еще вождь *Македонскій* ,
 Разилъ *Кавказъ*, спраны *Придонски*!
 Когда его гремящій гласъ
 Перуномъ грознымъ опзывался,
 Живяся *Гайковой* душой,
 Къ оружью *Ваге* устремлялся;
 Съ непобѣдимымъ онъ сражался
 И въ бивѣхъ палъ за край родной,
 Съ безсмертьемъ славой обрученный. . .
 И что же здѣсь нашъ вѣкъ мгновенный?
 Жизнь быспрою спрѣлой лешинъ;
 А слава — онъ забвенья щипъ. . .

Почто *Армянскія* вы горы
 Завѣсой мрачною облеклись?
 Вездѣ слезящи вижу взоры;
 Повсюду споны разнеслись!

Почто плачъ слышу я народа ?
 Уже ль блестящій вашъ *Аревъ* (*)
 Свѣпиль , *Армине* ! опказался ?
 Уже ль *Вагакъ* (**) явилъ намъ гнѣвъ ,
 Гдѣ къ вамъ любовью оживлялся ?
 Нѣтъ ! солнце тоже свѣпиль намъ ;
 Но грусть , но скорбь пришла душамъ !...

Настала власъ *Неоптолема* (***) !...
 Подъ пятоспью его ярема
 Одинъ лишь ужасъ обипалъ ,
 Селеня , грады обпекалъ
 И грабежи вель за собою . . . .
 Но часъ , назначенный судьбою ,
 Приспѣлъ , ударилъ , прогремѣлъ :
 Злодѣйству наступилъ предѣлъ .

(*) *Солнце* , которому поклонялись язычники Армяне.

(**) Другъ людей и защитникъ ихъ отъ звѣрей дикихъ и проч.

(***) Коварный *Пердикасъ* , изгнавъ изъ Арменіи добрыхъ правителей , ошправилъ шуда свирѣпаго *Неоптолема*.

Тогда подъ сѣнью *Аррарата*
 Жилище было *Ардоата* :
 Блиспалъ онъ нѣкогда въ бояхъ.
 Горя къ *Арменіи* любовью ,
 Всегда радъ жертвовать былъ кровью
 И памятникъ воздвигъ въ сердцахъ.
 Попомъ съ дѣшми , съ супругой нѣжной ,
 Въ *патріархальной* проспопѣ
 Вкушалъ онъ жребій безмятежной. . .
 Блещащей не служба мечпѣ ,
 Покоенъ духомъ былъ и воленъ ,
 И скромной участью доволенъ.
 Но видя скорбь родной страны ,
 Въ поску онъ духомъ погрузился.
 Лишася сладкой пишины ,
 Душой и видомъ измѣнился. . .
 Онъ днемъ и ночью слезы лилъ
 И возсымалъ къ богамъ моленъ ,
 Чпюбъ ихъ предѣлъ оспановилъ
 Опчизны гореспной паденье.
 Онъ въ пищѣ желчь одну вспрѣчалъ
 И добровольно голодалъ.
 Въ уныньи прошекали ночи ;
 Бѣжалъ сонъ опъ его очей ;

Едва на мигъ смыкались очи :
 Онъ спалъ чужимъ въ семьѣ своей.
Тоска по родинѣ свящая !
 Его болѣзною пы была.
 Когда онъ жилъ — изнемогая ;
 Душа его шобой жила.
 Въ изодранной одеждѣ , мрачной ,
 Ему мечтался край родной .
Неоптолемъ , къ злодѣйству алчной ,
 Какъ будто призракъ гробовой ,
 Слѣдилъ его , за нимъ гонялся ! . .
 Спрадальцевъ вопли слышалъ онъ ;
 Ошъ ихъ напасей содрогался
 И раздѣлялъ ихъ горькій спонь ! . .

Однажды—ночи въ часъ глубокой
 Вздремавъ, въ поскѣ своей жестокой ,
 Онъ видишь — въ свѣшлыхъ мужъ лучахъ
 На разноцвѣтныхъ облакахъ ,
 Съ круговъ превыспреннихъ спустился ,
 Къ одру спрадальца подшупилъ ;

Къ груди длань помпой приложилъ
И *Ардоатъ* вновь оживился ! . .

Такъ оживаетъ видъ луговъ ,
Палящимъ зноемъ испомненныхъ ;
Когда изъ влажныхъ облаковъ ,
Прохладнымъ въпрямъ нанесенныхъ ,
Польется благодатный дождь.

»Мой сынъ! узнай я *Гайкъ*! — вашъ вождь!«
Чудесный призракъ восклицаетъ.
»О , *Ардоатъ* ! ты другъ Армянъ ;
Тебя безсмертье ожидаетъ.
Возстань ! Изчезнетъ вашъ тиранъ ;
Достигли къ намъ швыи молитвы.
Нашъ край не вызывалъ на битвы ;
Мы не дружились съ войной. . .
Но если люпый врагъ , спропшивый ,
Въ своемъ презорствѣ горделивый ,

Дерзалъ нашъ нарушати покой,
 Тогда мы жизни не жалѣли
 И быть героями умѣли. . .
 Хвалились ль подвигами намъ?
 Хвалились-ль славными дѣлами?
 Когда былъ осажденъ *Пергамъ*
Атрида гордаго полками;
 Когда погибель зрѣлъ *Пріамъ*:
 Армяне подъ спѣнами *Трои*,
 За утѣсненныхъ ополчась,
 И грозной смерти не спрашась,
 Въ кровопролитные шли бои.
 Другъ *Гектора*, нашъ *Зормаиръ*,
 Съ *Ахилломъ* дивнымъ пѣмъ сражался,
 Кому дивился древній міръ. (*)
Тигранъ нашъ съ *Киромъ* ополчался
 Противъ мучителя людей;
 Онъ сильной дланію своею
 Свергъ *Астіага* въ мракъ могилы.
Ассиріане, *Вавилонъ*,
 Армянъ испытывали силы. . .

(*) Преданіе историческое.

Почтожъ теперь позорный сонъ
 Повергъ Армянъ въ оцепененье? ...
 Свирѣпствуешь *Неоптолемъ*,
 И вы — душъ робкихъ въ онѣмье;
 Вы носите его яремъ! ...
 Почто, Герои! вы вздремали?
 Ужель вы не Армяне спали? ...
 Проснись! воздвигнись, *Ардоатъ*!
 Самъ *Мигръ* (*) твой изостригъ булапъ.
 Возстань! Арменія возстанетъ;
 Всѣ оживутъ твоей душой;
 Свободы солнце вновь проглянетъ
 И озаритъ твой край родной.
 Возстань! для славы ты родился
 И въ дальныхъ прогремишь вѣкахъ.
 Возстань! «... Съ симъ словомъ Гайкъ со-
 крылся,
 Какъ лучъ, мелькнувшій въ облакахъ.

Какъ будто громомъ пробужденный,
 Проснулся быспро *Ардоатъ*.

(*) *Мигръ*, почитался богомъ войны у Армянъ
 язычниковъ.

Чудесной силой вдохновенный,
 Схватилъ онъ со стѣны булавъ.
 »Пойду! съ мучнишлемъ сражуся!
 Воскликнулъ онъ въ душѣ своей:
 »Или въ гробъ мрачной погружусь;
 Или погибнетъ нашъ злодѣй...
 Умру!... Но, ахъ! дѣшай, супругу,
 Я обреку на скорбь и муку.

«Приходитъ праздникъ *Вартсваръ*; (*)
 Уже близокъ праздникъ *Анагиды*; (**)
 Уже розами луга покрыты
 И принесутъ сей цвѣтъ ей въ даръ.
 Не буду я съ дѣшми, съ женою,
 И алшарей своей рукою
 Не буду съ ними украшать!..
 Ихъ плачъ въ душѣ моей внимаю;
 Спонаютъ дѣши; спонетъ мать.
 Ахъ! на кого ихъ оставляю?...

(*) Праздникъ розъ.

(**) Тоже, что *Діана*; богиня непорочности и покровительница опечесива.

Чпо говорю?... Доколь злодѣй
 Разитъ нашъ край своимъ свирѣпствомъ,
 Доколь насъ испомлаетъ звѣрствомъ:
 Нѣтъ женъ у насъ и нѣтъ дѣтей....
 Пойду!... я уклонюсь прощанья;
 Дѣтей и мащери спенанья
 Невольно сердце потрясуть:
 Пусть спятъ! а я — опираюсь въ путь.
 Но чпожъ ихъ будетъ пробужденъ?...
 Безвѣстіе ихъ въ гробъ сведетъ.
 Нѣтъ! имъ оставлю извѣщенье,
 Меня судьба какая ждетъ.»

Беретъ скрыжалъ; едва самъ дышетъ;
 Рукой пррпещущою пишеть
 Душевныя слова къ друзьямъ —
 Передала ихъ древность намъ.
 »Прощайте, милые, прощайте!
 До радостныхъ прощайте дней!
 Къ богамъ моленъе возсылайте
 Покорною душой своей.

Цвѣтущія срывая розы,
 Съ росой на нихъ смѣшайте слезы
 Но не поминется тоской:
 Хранимъ вашъ другъ боговъ рукой. . . .
Прощайте, милые! прощайте!
До радостныхъ прощайте дней!
Къ богамъ моленье возсылайте
Покорною душой своей!»...

Въ одеждѣ ратника простова
 Пустился *Ардоатъ* стрѣлой.
 Воинскій жаръ въ немъ вспыхнулъ снова
 И овладѣлъ его душой.
 Не жаръ — кровавыхъ бивъ любовитель;
 Но чтобъ исчезъ людей мучитель;
 Чтобы опчизна разцвѣла;
 Чтобы жизнью — къ жизни ожила
 Подъ сѣнью пишины и мира,
 Какъ въ пихомъ вѣянн зѣфира
 Весенній ясный день блеститъ..

Повсюда гласъ его гремишь :
 Рѣчь льется пламенной рѣкою ;
 Все движется его душою
 И все во слѣдъ его спѣшишь.
 Дружины воиновъ спеклися ,
 И земледѣльцы поклялися
 За край печальной грудью спастъ.
 Самъ *Мигръ* ихъ духъ одушевляетъ ,
 Неопытныхъ онъ научаетъ
 На злобныхъ грозно нападать.

Межъ тѣмъ злодѣй ожесточенный
 На лонѣ роскоши дремалъ ;
 Гордыней буйной ослѣпленный ;
 Опасность поздно онъ узналъ.
 Ужъ *Ардоатъ* лепитъ съ полками :
 Ужъ *Армавира* (*) подъ спѣнами
 И копьа и мечи звучатъ. . .
 Гдѣ Македонцевъ ополченъе ,

(*) *Армавиръ* одинъ изъ сполчныхъ городовъ
 древней Арменіи.

Самонадѣянье, киченье? . . .
 Все въ прахъ низринуть Ардоашъ.
 »Довольно!« Онъ полкамъ вѣщаетъ :
 »Отчизна наша спасена.
 Пусть духъ Армянъ пиранъ узнаетъ ;
 Ему жизнь будетъ отдана. »

Сказалъ — и вѣспникъ въ градъ отпра-
 вленъ

Злодѣю выходи възвѣспить.
 Уже льспечами онъ оставленъ ;
 Уже за жизнь свою дрожитъ ;
 И вѣсть помилованья слышитъ !
 Позорной радостью онъ дышитъ.
 Какъ рабъ ничпожный, жизнь любя,
 Все пережилъ, но не себя.
 Бѣжитъ быстрѣ робкой лани ;
 И порываясь гнать копей,
 Успалыя чупъ движетъ длани.

Отчизна ! швой исчезъ злодѣй !
 »Великъ Арменія спасишель ! »

Въ чesнѣ *Ардоата* пѣснь гремишѣ.
 »Великѣ опчизны избавишель!
 Ему пресполѣ принадлежишѣ,
 Онѣ избранѣ нашими сердцама;
 Онѣ воцарился надѣ душама.
 За насѣ себя на смершѣ обрекѣ:
 Любовь — любовью онѣ привлекѣ!« —

»Греми, повсюду раздавайся,
 Греми, греми глаголѣ любви!
 Въ вѣкахѣ сердцама повторайся
 И чesовѣчеснво живи!»

К О Н Е Ц Ъ.

АРМЕНИЯ В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА

Творчество гения мировой литературы А.С. Пушкина тесно связано с жизнью многих народов. Это русские, французы, татары, горцы, немцы, грузины и др. Особое место в этом аспекте занимают армяне. Общение Пушкина с армянами, неоднократные упоминания о них в художественных произведениях, отдельные зарисовки из армянской действительности, в стихотворениях: “Дон”, “Опять увенчаны мы славой”, “Черная шаль”, “Стамбул гяуры нынче славят”, в поэмах “Бова”, “Гавриилиада”, “Тазит” и очерке “Путешествие в Арзрум”, в романе “Евгений Онегин” и др. свидетельствуют о реалистическом начале творчества, об интересе Пушкина к жизни других народов.

В лицейские годы молодой Пушкин дружил с офицерами русской армии П. Чаадаевым, Н. Раевским и др., которые служили в квартировавшем в Царском Селе гвардейским полку. Полком командовал Давид Семенович Абамелик (Абамеликяц) — участник Аустерлицкого и Боронинского сражений. За мужество и отвагу он неоднократно был отмечен наградами. В архивах сохранилась запись: “Апреля 2-го 1813 <...> отличившимся мужеством и храбростью в сражениях 3, 4, 5 и 6-го числа при городе Красном в воздание за их подвиги <...> награждены: полковник Абамелик Орденом св. Анны 2-го класса, штабс-ротмистрам...князю Абамелику <...> золотые сабли за храбрость, корнету князю Абамелику <...> св. Анны 3-го класса¹”.

Жена князя Давида Абамелика, Марфа Овакимовна, происходила из рода Лазарянов — основателей Московского института восточных языков, который посетил Пушкин и слушал там лекции о Востоке.

Анну Давидовну Абамелик, их дочь, Пушкин увидел впервые, когда ей было немногим более года², когда привезли ее в лицей во время посещения кого-то из его товарищей.

---

¹ Цит. по: Базилянц А.П. Над архивом Лазаревых. М. 1982. С. 81.

² Ленинградская правда». 1985. 5 февраля.

В доме Абамелика Пушкин бывал неоднократно. Знакомство с Лазаревыми, дружба с семьей Абамелик, несомненно, дополнительно давали возможность поэту узнать какие-то сведения об армянах, о героических подвигах многих крупных военачальников русской армии - армян, воевавших против Наполеона. В их ряду были генералы В.Г. Мадатов, П.П. Меликов, Д.А. Делянов и другие.

В 1820 году Пушкин написал балладу “Черная шаль” с подзаголовком “Молдавская песня”.

Это знойная песня о страстной любви, о том, как лирический герой во время пира с друзьями узнает, что его возлюбленная отдалась другому. На быстром коне он скачет и застаёт свою возлюбленную гречанку в объятиях другого, обезглавливает их и тела сбрасывает в Дунай. Вот как звучит его стихотворение:

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ¹

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковверен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

---

¹ Пушкин А.С. ПСС. Т. 1. С. 245.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моления... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

В 1821 году Пушкин написал поэму “Гавриилиада”¹, доставившую поэту немало хлопот своей антирелигиозностью. Поэма сохранилась в списках и была опубликована лишь в советское время. В “Гавриилиаде” есть такие стихи:

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моление, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? к Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»
И прочее... всё, что придумать мог, —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нем и ум и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренья сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес... а по-земному сводник.

---

¹ Пушкин А.С. Соч. В 3-х томах Т. 2. 1986. С. 26.

Картины Одесской жизни Пушкина в 1823-1824 гг. нашли отображение в отрывках из “Путешествия Онегина”, в которых также встречается упоминание о безымянном армянине.

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там все Европой дышит, веет.
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин...

В “Путешествии в Арзрум” Пушкин приводит эпизод описания похоронной процессии в горском ауле. Этот эпизод лег в основу поэмы “Тазит”, созданной Пушкиным в конце 1829 года по возвращении из Эрзрума. Поэма осталась незавершенной, хотя Пушкин и продолжил работу над ней в 1833 г. Она была опубликована после смерти поэта в “Современнике” (1837). В поэме нарисован образ молодого горца Тазита, который, в отличие от своего окружения, не приемлет многих из устоявшихся обычаев, хотя он, как явствует из поэмы, и не наделен, на первый взгляд, качеством активного борца.

Пушкин показывает в поэме открытое столкновение двух разных возрастных характеров, носителей противоположных взглядов на мир отца Гасуба и сына Тазита. В психологии Гасуба превалирует неприкрытая жестокость, разбой, месть. Эти качества он стремится навязать и своему сыну Тазиту — носителю гуманности, нравственности, глубокой человечности. Психология отца и сына, их восприятие жизненных явлений раскрывается через диалог между ними, с эпизодическим упоминанием безымянных представителей других национальностей, в том числе и армян. Вот несколько штрихов, раскрывающих суть поэмы.

В семье горца Гасуба несчастье. Его старший сын убит рукою неизвестного. Пушкин был свидетелем похоронной процессии. А Тазит ребенком был отдан на воспитание в другую

семью, согласно бытовавшим тогда обычаям горцев. Причем воспитуемого нужно было научить метко стрелять, владеть шашкой и проворно управлять конем.

По завершении похоронного обряда:

Из-за горы явились вдруг¹
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу —
И скорбному старик отцу
Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца.
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу,
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу».

Однако Тазит в доме отца ведет себя отчужденно. Он не вписывается в активную жизнь аула, вечно обособлен и замкнут. Он всегда стремится к уединению. Однажды два дня и две ночи пропадавший в горах Тазит возвращается домой, отец (Гасуб) спрашивает его:

---

¹ Пушкин А.С. Соч. в 3-х томах. Т. 2. М. 1986. С. 130-136.

Где ты был, сын?
Сын
В ущелье скал.
Где прорван каменистый берег
И путь открыт на Дариял.
Отец
Что делал там
Сын
Я слушал Терек.
Отец
А не видал ли ты грузин
Иль русских?
Сын
Видел я, с товаром
Тифлисский ехал армянин
Отец
Он был со стражей?
Сын
Нет, один.
Отец
Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса?—
Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

Проходит время. Тазит вновь уезжает из дома и также пропадает два дня и две ночи. Он встречает “за белою горою” бежавшего от них раба. А когда возвращается, отец, как и прежде, спрашивает сына, где он был, кого видел и что делал? Тазит признается, что видел “на кургане” их раба.

Отец
О милосердная судьба!
Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил? —
Тазит опять главу склонил...

Поведение Тазита противоречит психологии Гасуба, наводит его на различные недобрые размышления, он недоволен сыном. Отец замечает, что Тазит не похож на старшего брата, всегда замкнут, одинок и бездеятелен. Он любит “внимать волнам” и “глядеть на звезды”, а не своим «трудом» обогащать отца. Этого не понимает Гасуб, для него нет альтернативного отношения к врагу.

“Нет, — мыслит он, — не заменит
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают злата.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с нагайскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать”.

Хотя Тазит открыто и не выражает своего отрицательного или одобрительного отношения к рассуждениям отца, тем не менее в действиях он не согласуется с ним. У него другое, свое отношение к людям. Он вновь уезжает на любимом коне далеко от дома к “лесным границам” Кубани и возвращается также через два дня и две ночи. Отец, как и прежде спрашивает:

Где ты был?
Сын
Около станиц
Кубани, близ лесных границ.
Отец
Кого ты видел?
Сын

Супостата.
Отец
Кого, кого?
Сын
Убийцу брата.
Отец
Убийцу сына моего!,,
Приди!... где голова его?
Тазит!... Мне череп этот нужен
Дай нагляжусь!
Сын
Убийца был
Один, изранен, безоружен...

Далее Пушкин рисует сцену воображаемой Гасубом зверской расправы с супостатом:

Ты долга крови не забыл!...
Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? Ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул.
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем...
Где же голова?.... подай... нет сил...
Но сын молчит, потупя очи.

В эпизоде отказа Тазита от кровомщения Пушкин, может быть, выразил свой идеал саморазвития характера персонажа. Ведь ни для кого не является секретом, что для Гасуба и его окружения идеалом возмездия была лишь месть, кровоиспускание. Пушкин предопределяет Тазиту другой путь. Читатель не видит как формировался характер Тазита. Он дан в поэме уже сложившимся. Его тринадцатилетнее пребывание в доме старика-аталыка Пушкин не раскрывает. Лишь можно предположить, что загадочная фигура старика-воспитателя, безусловно, имела влияние на формирование характера юного

горца. Но в какой степени — загадка. Это дает право думать, что Пушкин выразил в образе Тазита, повторяем, может свой идеал — идеал христианина. Ведь в плане “Тазита” есть фраза: “черкес-христианин”. Хотя не исключается, что сам Тазит в силу инстинкта мог, видя муки жертв, самостоятельно прийти к отрицанию разбоя и грабежа. В свое время В.Г. Белинский подчеркивал, что юный горец в пушкинской поэме самостоятелен в своем развитии: “Без образования, без всякого знакомства с другими идеями и другими формами общественной жизни, но единственно инстинктом природы юный Тазит вышел из стихии своего родного племени, своего родного общества. Он не понимает разбоя ни как ремесла, ни как наслаждения”¹.

Более того, развивая мысль Белинского, Д. Благой утверждает, что “драматическая коллизия, воплощенная в образах отца и сына, нечто гораздо большее, чем просто столкновение двух разных характеров, двух противоположных натур. Перед нами даже не только трагический конфликт двух поколений, а борьба старых и новых начал в черкесском быту — двух ступеней сознания, двух антагонистических мировоззрений, двух различных культур”².

Убедившись в том, что Тазит оставил в живых “убийцу брата”, Гасуб приходит в неимоверную ярость, становится “чернее ночи” и с пеной у рта проклинает сына. Гасуб называет Тазита “старухой”, “трусом”, “рабом”, не считает его “чеченцем”, запугивает грозной встречей с “мертвым братом”, угрожает детьми русских деревень, которые должны его поймать и как “волчонка затерзать”, называет его армянином, выдворяет его из дома и т. д. и т. д.

Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин.

---

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. М. 1955. С. 548-549.

² “Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). М. 1967. С. 381.

Будь проклят мной!
Поги — чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи.
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненный олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И, как волчонка, затерзали —
Чтоб ты... Беги... беги скорей!
Не оскверняй моих очей!”

Возникает вопрос: почему в широком перечне проклятий Гасуб называет сына “армянином”? Могло ли “бранное” в устах Гасуба слово “армянин” иметь реальную основу, или это вымысел автора?

В русском литературоведении на эти вопросы прямого ответа, к сожалению, нет. Некоторые соображения высказаны в наших публикациях.¹

Ответ, нам кажется, может быть следующим: армянин для Гасуба — мусульманина, как любой другой христианин, — иноверец (помните выше: “а не видал ли ты грузин иль русских”). А любой иноверец им не приемлем, он нечисть, гяур. Это первое. Кстати, слово “гяур” в смысле иноверца (христианина) встречается у Пушкина и в “Бахчисарайском фонтане”. Хан Гирей размышляет:

Ужель в его гарем измена
Стезей преступного вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру сердце отдала?

---

¹ См.: М.Д. Амирханян. Армянские упоминания в произведениях Пушкина. — “Советакан граканутюн”, №3, 1976 (на арм. яз.); его же: Пушкин и Армения. — “Литературная Армения. №1. 1980; его же: Русская художественная литература об Армении. Ереван. 1983. С. 65-83.

Кроме того, в те времена в Тифлисе проживало много армян, которые занимались разным ремеслом, кустарным трудом, земледелием, торговлей и т. д. По переписи духовенства в 1821 г. в Тифлисе насчитывался 2951 дым (очаг) армян. Грузин и русских вместе взятых — 417 дымов¹. Да и сам Пушкин в “Путешествии в Арзрум” пишет, что в Тифлисе “главную часть народонаселения составляют армяне; в 1825 г. было их здесь до 2500 семейств”². Ну а поскольку армяне занимались торговлей, то они, естественно, вывозили свои товары и в горы. А кто может утверждать, что Гасуб или кто-то из его близких, носители алчной и хищной психологии, не имели попытки или не нападали на армян из своего окружения или заезжих и не получали отпора. Ведь упрекает же Гасуб сына, не ограбившего тифлисского армянина:

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса?

Приведенные строки раскрывают кровожадную ненависть Гасуба не только к армянам, но и к родному сыну, названному им в перечне проклятий и “бранным” для него словом “армянин”. Надо полагать, что Пушкин, как человек острой и тонкой интуиции, в общем и целом исходил из конкретной ситуации. Он ведь на пути в Эрзрум побывал в некоторых аулах, думается, в чьем-то сопровождении, а может быть, повторяем, и армянина (шла война России с кавказскими горцами и вряд ли кто-либо из русских мог сопровождать Пушкина), который познакомил поэта с некоторыми обычаями кавказских горцев, их религиозными догмами, а также обратившего внимание поэта на их смелость, отвагу, преданность своим идеалам, отношение к представителям других народов и т. д. Поэтому негативное в устах Гасуба слово

---

¹ Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М. 1898. С. 555.

² Пушкин А.С. Соч. В 3-х томах. Т. 3. С. 336.

“армянин”, нам кажется, не относится непосредственно к поэту. В этом не трудно убедиться, прочитав “Путешествие в Арзрум” А.С. Пушкина. Сам факт появления такого нового слова как пример в ругательном лексиконе говорит о той обстановке в наши дни, которая в Азербайджане создана¹. Мы можем добавить к этому, что ненависть к армянам в Азербайджане стала государственной политикой. Более того, неоднократные высказывания президента И. Алиева о том, что армяне всего мира являются врагом азербайджанского народа вряд ли улучшит историческую ситуацию и пойдет на пользу азербайджанцам.

А теперь рассмотрим выражение “ты трус, ты раб, ты армянин” с грамматической точки зрения. Дело в том, что у Пушкина после слова “раб” стоит запятая, тем самым разграничивается перечень слов-проклятий, однородных членов предложения, но не односмысловых, не синонимов.

“Словарь синонимов” русского языка объясняет эти слова следующим образом: “«раб» — это «невольник»; трус — это «боязливый»”². Эти слова не являются синонимами.

А “Краткий этимологический словарь русского языка” указывает, что слово “раб” заимствовано из старославянского языка и означает “подневольный работник”, а слово “трус” — является общеславянским выражением и означает “трясущийся”, “дрожащий”, боязливый, скажем мы³.

Слово же “армянин” показывает национальность. Возникает вопрос: что же общего между приводимыми словами. Ровным счетом ничего, кроме того, что они в одном ряду употреблены в смысле проклятия. Это видно и невооруженным глазом. У Пушкина эти слова стоят в одном ряду и отделены одно от другого, как мы сказали выше, запятыми как однородные члены предложения и не более.

Если бы у Пушкина после слова “раб” стояло тире, тогда

---

¹ Мальгин А. О последнем завоевании Муталибова // Голос Армении. 1991.4 мая.

² См.: Словарь синонимов. Л.: Изд. АН СССР. 1976. С. 466, 585.

³ См.: Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение. 1971. С. 376, 452.

смысл слова “трус” и “раб” входил бы в понятие “армянин”. Коль такого нет, то и понимать извратно Пушкина, который не нуждается в извращенных комментариях и моей защите, является неприкрытым невежеством. Несостоятельности извращенного толкования строки “ты трус, ты раб, ты армянин” мы считаем необходимым противопоставить наше следующее четверостишие:

Утром к столу нам подали
Только закуску одну
Все мы кушать стали
Зелень, селедку, ветчину.

Если кто-либо осмелится и сумеет “втащить” смысл слов “зелень” и “селедка” в слово “ветчина” и обосновать это, пусть первым бросит камень в меня. Все эти слова, разные по обозначению и смыслу, объединены одним общим понятием “закуска”, как и выше — перечнем проклятий и не более.

При внимательном прочтении поэмы “Тазит” нетрудно заметить еще одно новаторство Пушкина. Поэт показывает, как выдворенный из отчего дома Тазит попадает в сложную ситуацию. Бездомный в кругу забавляющейся верховой ездой, поющей и танцующей молодежи Тазит всегда грустен и молчалив, полон переживаний. Дело в том, что он влюблен в девушку, которой без него также немило и печально. Согласно существующему мусульманскому адату, молодой человек обязан послать кого-то из своих близких к родителям девушки, предложить калым и получить согласие. Обычно это делают родители или близкие люди. Ситуация с Тазитом иная. От него отвернулся отец, а значит и все, и надеяться на кого-либо бессмысленно. Тогда он, не выдержав “волнений сердца”, как показывает Пушкин, сам является к отцу девушки, раскрывает тайну сердца, говорит о своей чистосердечной любви к его дочери и просит благословения. Одновременно он не скрывает, что беден, но “могуч и молод” и не боится труда, голод не страшен ему. В этом Тазит находит выход из создавшейся ситуации. Он обещает отцу девушки быть сыном

и другом, а его сыновьям кунаком:

Твоя мне дочь
Давно мила. — По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден, но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный.
Твоим сынам кунак надежный,
А ей приверженный супруг.

Таким образом, в “Тазите” Пушкин противопоставил грубой силе гуманизм, показал человека с новым психологическим укладом, который молча, но последовательно и даже рискованно для себя идет против воли отца, тем самым нарушает его патриархальные устоявшиеся воззрения, удовлетворяется проклятия и выдворения из отчего дома.

В образе Тазита, нам кажется, сочетаются два начала; повторяем: саморазвитие характера горца и идеал Пушкина. Кровопущение чуждо русской культуре и, шире, христианской религии. Это превалирующее пушкинское начало вплетено в судьбу героя. С другой стороны, Тазит, согласно воле отца, обычаям горцев и законам общества, в котором он вырос, должен был отомстить врагу только кровопусканием. Однако он настойчиво и последовательно, не испугавшись лишений и наказаний, не имея в округе прецедента своим действиям, отказался от мести. В этом новаторство Пушкина, победа гуманизма над жестокостью и саморазвитие характера.

В нашем изложении “по Тазиту” мы сознательно отклонились от цели нашей работы. Этого требует создавшаяся историческая ситуация вокруг нас, армян, в турецком и азербайджанском мире, когда азербайджанские молодчики выписали пушкинские слова из “Тазита”: “Ты раб, ты трус, ты армянин”, лозунгом и, наслаждаясь, смаковали повсюду. Было

бы лучше, чтобы они почитали “Путешествие в Арзрум”, великого поэта и узнали, как красиво Пушкин описывает его встречу в армянском селе, где ему вынесли “молока и сыру”. Или в тон этому, как в Карсе в армянской семье старуха подошла и поцеловала руку поэта, как приготовила она для него баранину с луком, что показалось Пушкину “верхом поваренного искусства” и как молодой 17-и летний юнец Артемий скакал рядом с Пушкиным на турецком жеребце “и бредя о турках и о сражениях”, или как бежали армянские мальчишки перед лошадьми Пушкина и его друзей, с возгласами — “христиан, христиан...”. Может быть, это просветлило бы головы азербайджанских молодчиков и не собирали бы детей дошкольного возраста и учили их отвечать на вопрос: “Кто наши враги?”, а те отвечали: “армяне”. Поэтому хочется надеяться, что русский читатель поймет изложенное правильно и не осудит нас. А мы продолжим наше исследование.

По возвращении из Эрзрума Пушкин стал “вестником победы”. Явившись к берегам Дона, он приветствовал великую русскую реку:

дон¹

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!... Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.
Как прославленного брата
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон,
Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю
Приготовь же, Дон заветный,

---

¹ Пушкин А.С. ПСС в 10 т. Том 2. С. 154.

Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

Выше мы упомянули, что в лицейские годы Пушкин впервые увидел еще грудным ребенком Анну Давидовну Абамелик, которая в 30-е годы XIX в. в Петербурге пользовалась уже большой известностью. Она была образованна, владела английским, немецким, французским и греческим языками, переводила на английский язык стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Козлова и других. На русский язык перевела 25 стихотворений Гейне. Издала сборник «Переводов немецких, английских и французских стихотворений». Ей, княжне, теперь уже фрейлине императрицы, наделенной огромной славой красавицы, Пушкин при встрече весной 1832 г. посвятил редчайшей лирической теплоты, полное воспоминаний и признаний стихотворение “В альбом кнж. А.Д. Абамелик”. Стихотворение датировано 9 апреля:

Когда-то помню (с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благо говеньем
Вам нынче поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

Княжне Анне Абамелик посвятили стихи и другие русские поэты. Не будет большим грехом, если исследуя тему Пушкин и Армения, мы сознательно несколько отклонимся и рассмотрим здесь и их стихи, поскольку своей красотой, общественным положением и деятельностью Анна Абамелик не оставила равнодушным их и вдохновила на создание красивых поэтических сочинений.

Поэт Иван Козлов в том же 1832 г. воспел в полном душевной теплоты, ласки, переживаний и раздумий стихотворении Анну Абамелик:

В душистой тьме ночных часов
От звезд далеких к нам слетая,
Меж волн серебристых облаков
Мелькает пери молодая,
И песнь любви она поет, —
И нам мила той песни сладость,
И в грудь она невольно льет
Тревогу чувств, тоску и радость.

Стихотворение “Анне Абамелик” было написано, когда Анна уже перевела на французский язык поэму “Чернец”, автор которой Иван Козлов к этому времени уже более десяти лет был слепым:

Не зреть мне дня с зорями золотыми,
Ни роз весны, ни сердцу милых лиц!...

— писал поэт в начале “Чернеца”. Но жил он, как признается далее Козлов, в близких ему людях: “Я в вас живу, — и сладко мне мечтанье!” Не это ли мечтанье, адресованное своим детям и жене, сделало возможным так естественно описать признанную красоту Анны Давидовны Абамелик? Молва о ее красоте была настолько широко распространена, что незрячий поэт сумел написать:

Подобно ей, явилась ты
С ее невинными мечтами,
И в блеске той же красоты,
С ее улыбкой и слезами.
Восток горит в твоих очах,
Во взорах нега упоенья,
Напевы сердца на устах,
А в сердце пламень вдохновенья.

В мае 1832 года “Дамский журнал” поместил посвященные новой фрейлине следующие строки:

Умом и красотой кому же, как не ей
Блистать в чертогах у Царей.

А в июне того же года был напечатан экспромт “Княжне А.Д. Абамелик” за подписью “Мечтатель”:

Наш Пушкин, Вяземский, Козлов
Тебя осыпали поэзии цветами.
Что после них сказать? Не нахожу я слов!
Скажу простыми лишь стихами:
Твой ум и твой талант дают тебе венец!...
И это суд сердец!

Коль речь в экспромте вместе с Пушкиным, Козловым зашла и о П. Вяземском, то следует заметить, что в 1833 году в литературном альманахе “Альциона” (с. 88) было опубликовано посвященное фрейлине императрицы, полное лиризма, очарования, признаний, философских раздумий и нежной грусти стихотворение поэта П. Вяземского “Княжне Анне Давидовне Абамелик”, в котором подчеркнута светозареная краса “прекрасного светила” любезной родины поэта. Когда поэт любит им, он, плененный обаянием фрейлины, волнуется “заботой невольной”, задумывается о “таинствах заветных сердцу дней”, в мечтах переносится в край другой и “жизнь иную”.

Вяземский написал это стихотворение перед отъездом в Москву из Италии, где он ее встретил. Поэт восклицает:

Любезной родины прекрасное светило!¹
Приветствую тебя на чуждой стороне!
На небесах родных ты улыбалась мило,
Но на чужбине ты еще милее мне!

Других ты радуешь красою светозарной
И яркою игрой живых твоих лучей,

---

¹ Вяземский П.А. ПСС. Т. 4. СПб. 1880. С. 176.

Но ты не говоришь их мысли благодарной
О милых таинствах заветных сердцу дней.

С другими наравне поклонник богомольный
Звезды любви, звезды поэзии молодой —
Один, волнуемый заботой невольной,
Волнуюсь я, люблюсь тобой.

Мечтой переносюсь в край милый, в жизнь иную...
Воспоминаний луч скользит глубоко в грудь,
И, радуясь в тебе, о небесах тоскую,
К которым ты от нас склоняешь светлый путь!

Известная русская поэтесса, переводчица Каролина Карловна Павлова (урожд. Янишь), близкий друг семьи Баратынских, в сентябре 1858 года в Петербурге написала стихотворение, адресованное А.Д. Баратынской¹, в котором выражено признание поэта, воспеается женская красота. Заметим, что в литературе нечасто встречаются стихи авторов-женщин, восхваляющих женскую красоту. Подобные стихи, нам кажется, еще раз являются свидетельством широкого общественного признания воспеваемого образа. Стихотворение не нуждается в комментариях. Оно само говорит за себя:

Писали под мою диктовку²
Вы, на столе облокотясь,
Склонив чудесную головку,
Потупив луч блестящих глаз.

Бросала на ваш профиль южный
Свой отблеск тихая мечта,
И песнь души моей недужной
Шептали милые уста.

---

¹ Анна Абаменик была замужем за братом поэта Е.А. Баратынского, Ираклием Абрамовичем Баратынским, генерал-лейтенантом, впоследствии сенатором.

² Павлова К. Стихотворения. М. "Сов. Писатель". 1985. С. 113.

И данную мне небесами
Я гордо сознавала власть
И поняла любуясь вами,
Что я не вправе духом пасть.

Что не жалка судьба поэта,
Чье вдохновение могло
Так дивно тронуть сердце это
И это озарить чело!...

Сентябрь, 1858, Петербург

Образ Анны Абаделик не оставил равнодушным и поэта-юмориста, автора многих пародических и макаронических стихов и куплетов Ивана Мятлева. Он попеременно с многими французскими выражениями создал в шутовском тоне стихотворение, раскрывающее, в дополнение к приведенному выше, новые черты образа Анны. Стихотворение И. Мятлева озаглавлено “А.Д. Баратынской”:

Что ни метте а ля фигур,
Все вам идет, же вуз-асюр;
Что ни парле, все а пропо
Комиссарьятский вы депо
И главный арсенал амура:
Простого даже вы бонжура
Не можете проговорить,
Чтобы рублем не подарить!
А исподлобья пар азар
Если вы бросите регар
Так уж вуле не па вуле
А нотр фрер сейчас брюле
Вы так и веете востоком!
При вас стою я боком,
Чтоб не растаять, не сгореть
Иль пар амур не умереть,
Или не сделаться тут свит
Каштан роти или пом кюит!

В заключение скажем, что своей деятельностью А.Д. Абамелик оставила некоторый след в культурной жизни России. В конце XIX в. о ней С.А. Рачинский писал: “Эта шутка остроумного автора “Курдюмовой” (П. Мятлев — М.А.) была обращена к моей тетке Анне Давидовне Баратынской, известной в свое время красавице, воспетой Пушкиным и Козловым. Не одною красотою отличалась Анна Давидовна, но также — умом и любезностью и немалым стихотворным талантом. Прекрасные ее переводы из поэтов германских и английских печатались в повременных изданиях и были собраны в книжечке, изданной за границую”.¹

Таким образом, своим трудом, умом и красотой урожденная армянка заняла высокое положение в светском обществе России XIX века. Обратив на себя внимание русских поэтов, она стала объектом их вдохновения и вошла в русскую литературу не только как переводчица и поэтесса, но и в образе тепло и нежно воспетой женщины.

А теперь, дорогой читатель, после краткого нашего обзорного исследования творчества великого поэта, познакомьтесь с некоторыми стихами А.С. Пушкина, в которых встречаются армянские упоминания или посвящения Армении.

---

¹ Татевский сборник. СПб. 1899.

СТАМБУЛ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТ¹

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрёкся от пророка;
В нём правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьёт вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух:
Там жёны по базару ходят,
На перекрёстки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струёю трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистойой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к жёнам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

---

¹ Пушкин А.С. ПСС. В 10 т. Т. 2. М. 1981. С. 187.

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришёл гонимый янычар.
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликаая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик. Тогда султан
Был духом гнева обуян.

17 окт. 1830

ОПЯТЬ УВЕНЧАНЫ МЫ СЛАВОЙ...»¹

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И дале двинулась Россия.
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие.

---

¹ Пушкин А.С. ПСС. В 10 т. Т. 2. М. 1981. С. 165.

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах.....Перикла,
На .... мраморных Афин.

1829

АРМЯНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Разнообразна тематика творчества М.Ю. Лермонтова. Это патриотическая и любовная лирика, романтические сочинения и драма, русская действительность и инонациональная тема. В этом многообразии определенный интерес представляют армянские мотивы в художественном слове поэта.

Известно, что стихотворение “Смерть поэта” Лермонтова доставило автору много хлопот и неприятностей. Против поэта было возбуждено дело, в результате чего высочайшим повелением он должен был покинуть Петербург и продолжить службу в том же чине в Нижегородском Драгунском полку в Тифлисе. Так, в марте 1837 г. Лермонтов выехал на Кавказ. Дорога была длинной и изнурительной. Он в пути простудился и заболел. Из Ставрополя Лермонтова направили на лечение на воды в Пятигорск. В конце мая поэт уже был здоров. В сентябре он выехал в Анапу, оттуда отправился в Нижегородский полк в Тифлисе. Здесь, вместе с отрядом полка Лермонтов побывал в некоторых городах Закавказья: Шуше, Шемахе, Кубе и других. В Пятигорске он встречался с В.Г. Белинским, в Тифлисе — с генералом А.Г. Чавчавадзе, с переведенными в кавказскую армию декабристами А.И. Одоевским и др.

Ссылка на Кавказ дала Лермонтову богатый материал для творчества. Он написал первую редакцию “Демона”, горскую легенду «Беглец» и широкий ряд других сочинений¹.

В 1838 г. Лермонтов написал стихотворение “Поэт”, в котором выражена мысль о высоком назначении поэта и поэзии. Слово поэта в стихотворении сравнивается с кинжалом, блистающим “отделкой золотой”, который много лет служил наезднику в горах, прорывал кольчуги, оставлял след на груди противника.

---

¹ Амирханян М.Д., Амирханян А.М. Лермонтов и армянский мир. Ереван. 2014.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На холодном трупe господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

1828 г.

Согласно цели нашей работы нас интересует, что это за “походная лавка армянина”, где ее мог видеть Лермонтов? Реальность это или вымысел?

Лишившись политической независимости у себя на родине, армяне уезжали в разные края. В России переселенцы-армяне занимались земледелием, садоводством, виноделием, различными ремеслами, торговлей. Будучи неоднократно на Кавказе еще с детских лет (1818, 1820, 1825 гг.), затем в зрелом возрасте (1837), Лермонтов не один раз мог встретить торговые караваны армян, их “походные лавки”. Могло же запечатлеться такое в памяти поэта, а затем воплотиться в стихотворении? Кроме того, в черновом варианте “Поэта” читаем:

В серебряных ножнах блистает мой кинжал,
Геурга старое изделие.
Булат его хранит таинственный закал,
Для нас давно утраченное зелье.

Что за Геург? Где мог его встретить Лермонтов, это реальность или вымысел. В Тифлисе Лермонтов посещал мастерскую известного тогда оружейных дел мастера, большого

знатока секретовковки оружия армянина Геурга Элиарова, где подолгу наблюдал за ковкой оружия.

В наброске “Я в Тифлисе” говорится: “Я снял с мертвого кинжал для доказательства. Несем его к Геургу. Он говорит, что делал его русскому офицеру”.

Это штрихи, которые, несомненно, наводят на армянский мотив в стихотворении “Поэт”, намекают на его источник.

Армянский мотив встречается и в “Грузинской песне” Лермонтова. На первый взгляд, казалось бы, неприметный. Однако этот мотив указывает на принадлежность грозного и ревнивого старца к армянской национальности, в действиях которого проявляется прозорливость, жестокость и месть.

ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЬ

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился;
Ах, ею старый армянин
Гордился!..
Вокруг нее кристал, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же? —
Скрываются красы как тень.
О боже!..
Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но все любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Явился

И перл между ресниц порой
Не бился.
Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.

В эту песнь Лермонтова вкралась неточность. У армян никогда не было гаремов. В автографе Лермонтов впоследствии приписал; “Слышано мною нечто подобное на Кавказе”. Приписка напоминает пребывание Лермонтова в имении своих родственников армян Хастатовых близ станицы Шелковской на Тереке, где тогда жили несколько десятков грузинских и армянских семей. Здесь, пожалуй, и слышал Лермонтов песню, которая послужила основой этого стихотворения.

Таким образом, армянские мотивы в сочинениях Лермонтова, как показывают наблюдения, имеют реальную основу, свидетельствуют о многокрасочности русской литературы, ее особенностях.

Д.В. ДАВЫДОВ

Денис Васильевич Давыдов — русский поэт, яркий представитель “гусарской поэзии”, мемуарист, генерал-лейтенант. Один из командиров партизанского движения во время Отечественной войны 1812 года.

Русско-персидская война 1826-1828 гг. привела в Армению многих русских военачальников. В 1826 г. Денис Давыдов во главе своего отряда пересекает Грузию. В погоне за врагом он проезжает Памбакскую долину, в Армении Безобдал¹, настигает и поражает “отряд известного Гасан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости”². Здесь взору Дениса Давыдова, открывается красивая природа и снежная вершина Арарата, не оставившая равнодушным поэта и яркими художественными образами воплотилась в стихотворении “Полусолдат”. По определению В. Белинского, стихотворение “Полусолдат”, “отличаясь высоким поэтическим достоинством, оно в то же время и превосходная автобиография и полный верный портрет Давыдова, написанный им же самим...” Основная часть стихотворения раскрывает биографические штрихи — смелость, отвагу, находчивость, общительность автора. И лишь в двух, не выпадающих из общей концепции стиха, куплетах, вклиненных в стихотворение, отображена природа Армении. Прочитаем это стихотворение.

ПОЛУСОЛДАТ

“Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

---

¹ Ныне Пушкинский перевал.

² Давыдов Д. Сочинения. М. Гослитиздат. 1962. С. 118.

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Всё так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И всё кипит, и всё гремит;
А я, меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далёко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вокруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш;
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век златой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?

Бывало, слово: друг, явись!
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый вырождаком глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьётся до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вокруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!»

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз, нахмуясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;

И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывёт над Араратом.

Но воин наш не упоён
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека грома снеговая...

На нём знакомый вихрь, на нём громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

1826

Я.П. ПОЛОНСКИЙ

Художественные произведения на армянскую тему систематически публиковались и в русской периодической печати. Так, журнал “Московитянин” в 1841 г. (№ 11) поместил стихотворение “Арабат” за подписью “П”.

Об Арабате к тому времени был опубликован целый ряд путевых очерков и документальных сообщений. В 1829 г. впервые в истории было совершено восхождение на его вершину, которое, вскоре после сообщения об этом, было поставлено под сомнение. Тогда профессор Ф. Паррот, покоривший вершину Арабата, потребовал создать специальную комиссию Министерства народного образования, которая изучила бы материалы, признала и подтвердила достоверность его восхождения. Вокруг этого было много шума и много писалось¹.

Тема Арабата в это время стала особо актуальной. В очерке Карла Раумера “Арабат, Пизон и Иерусалим”², автор характеризовал Арабат как самую высокую гору в Европе и пытался раскрыть смысл его названия касался лишь весьма любопытных художественных зарисовок, встречающихся в прессе.

Другой публикацией на эту тему был очерк П. Савельева “Путешествие г. Паррота на Арабат”³. Автор очерка преследовал цель “обозреть открытия ученой экспедиции” профессора Дерптского (Тарту) университета Паррота, отчет о которой был опубликован за несколько месяцев до того в Берлине. Обильно цитируя отчет Паррота, Савельев показывает подготовку ученого к экспедиции, знакомит читателя с предгорной местностью, видами Эчмиадзина, «ведет» читателя по совершенному Парротом пути, а в конце очерка он, как бы в подтверждение экспедиции Паррота, приводит строки красочного описания восхождения на Арабат в августе 1834 г. К.

---

¹ См.: Некоторые подробности о восхождении Паррота на Арабат // Тифлиские ведомости. 1829. № 39; Прогулка на Арабат // Там же. 1830. №№ 1-3; Путешествие г. Паррота на Арабат // Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. С. 109-143 и др.

² Горный журнал. СПб. 1830. Кн. 7. С. 13-136.

³ Библиотека для чтения. СПб. 1835. Т. 12. Отд. 3. С. 109-143.

Спасского-Автономова, которое также ставилось под сомнение, как и в свое время восхождение Паррота. Но как бы там ни было, спор порождал истину, концентрировал и активизировал внимание, все больше и больше возбуждал интерес читателя к этой стране.

В 1839 г. в Москве вышла книга К. Спасского-Автомомова “Всход на Арарат, или вакациальная прогулка от Тифлиса до вершины Арарата”. В пространным документально-художественном очерке автор в популярной форме излагает процесс восхождения и причины, побудившие предпринять это путешествие. Увлеченный всем увиденным К. Спасский-Автономов, воспитанник Московского Лазаревского института восточных языков, обращается к читателю: “Простые души и сердца! Прошу лететь со мною в горы и на горы: я вам с такою же простотою, как и искренностью покажу и расскажу без всякой прикрасы, что видел и чувствовал в стране, где была колыбель послепотопного мира”¹.

Интерес к Арарату у русских деятелей проявлялся по самым различным причинам. Одних привлекал он как “священная” гора, других — научные цели, третьи — обзоредали результаты экспедиций, опубликованные в прессе, четвертые хотели испытать себя и т. д.

У писателя Д.Л. Мордовцева желание побывать на вершине Арарата возникло после посещения им Палестины и Египта. “После восхождения на пирамиду Хеопса и после благоговейного созерцания Иерусалима с его Голгофою <...> мне неудержимо хотелось видеть библейскую святыню и совершить восхождение на ее недостижимую высоту”, — писал Д.Л. Мордовцев в 1882 г. в своих “набросках путевых впечатлений”, озаглавленных “На Арарат”.

Весьма любопытная легенда об Арарате, сведения о ее распространении в Европе, о первых попытках восхождения на Арарат и т. п. приведены в книге А.А. Ивановского “Арарат” (М., 1897). Последняя и значительная глава этой книги

---

¹ Спасский-Автономов К. Восход на Арарат, или вакациальная прогулка от Тифлиса до вершины Арарата. М. 1839. С. 14.

вводит читателя в мир сказочной красоты “исполина Земли”. Это страницы захватывающей художественной прозы.

А. Ивановскому были известны стремления многих путешественников, ученых, историков и писателей покорить вершину Арарата. Ему были известны также первые неудачи, а затем и достижение заветной цели профессором Ф.П. Парротом.

Таким образом, мы назвали лишь некоторые из многих документально-публицистических очерков об Арарате, где вместе с богатым документальным материалом значительное место занимает художественное описание горы. Следует заметить, что художественные и документальные материалы об Арарате неоднократно публиковались в русской периодике 40-х¹ и последующих годов XIX века².

Публикации 30-х гг. XIX в. об Арарате, думается, были известны автору стихотворения “Арарат” Я. Полонскому, которое явилось своеобразным гимном древней, многострадальной и аллегорически воспетой в образе непокорного Арарата Армении. В стихотворении говорится о том, что этот “исполин Земли”, помнит всемирный потоп, обновление природы, “семейство Ноя” на “девственных долинах”, жертвоприношения и благословения божества, помнит и о том, что еще никто не смел совершить восхождения на него: ледяные утесы, снежные вихри и обвалы закрывали дорогу.

И вот спустя пятьдесят веков пришел “от Запада <...> властитель человек”, перед которым всюду “природа рабствует” и, “науке веру покорив”, дерзнул взойти на неприкосновенную вершину “священной” горы.

В стихотворении глухо намекается на экспедицию профессора Дерптского университета Ф. Паррота в 1829 г. В этом восхождении на Арарат, как известно, участвовал в качестве переводчика и молодой Х. Абовян. “Дерзновенный” акт

---

¹ Ивановский А.А. Арарат. М. 1897. С. 32.

² См.: Абих. Восхождение на Арарат 29 июля 1845 г. // Литературные прибавления к “Журналу министерства народного просвещения”, 1845; Абовян Х.А. Новое восхождение на гору Арарат // Закавказской вестник. 1849. № № 50 и 51; Восхождение на гору Арарат в августе месяце 1850 г. // Кавказ. 1850. № 80 и т. д.

экспедиции был воспринят в религиозных кругах как святотатство. Об этом, нужно полагать, и стихотворение “Арарат”. Это одно из лучших поэтических воплощений о “священной” горе.

АРАРАТ

Я помню, как на дно земли,
Всемирного потопа веда,
По крутизнам моим текли;
Как обновлялся вид природы!
Я помню, как с моих вершин
Сходило по крутым ступеням,
На лоно девственных долин
Семейство Ноя к новым сениям.
Там пред порогом первых хат
Дымились жертвоприношенья;
Там рдел на солнце виноград,
Дар божьего благословенья...
И с той поры никто ходить
Не смел по высоте священной,
И тщетно думал дерзновенный
На верх отважный путь пробить:
Дорогу вихри заматали
И за утесом ледяным,
Навстречу новые вставали,
Грозь обвалом снеговым.
Никто не совершал ночлега,
Никто костей не положил
Там, где нетленный труп ковчега
Я в хладных недрах схоронил,
К моим громадам собиралась
Лишь туч угрюмая семья.
В мои уступы упиралась
Лишь радуги цветной дуга.
И утром в зареве востока,
Когда венец мой пламенел,
Поклонник ревностный пророка

На лик мой набожный глядел
И к ночи, снарядившись в битву,
В чалме, угрюм и молчалив,
Он предо мной творил молитву.
Над грудью руки перевив.
Стою я, неприкосновенный,
Уже пятидесятый век; —
Но вот от Запада, надменный,
Пришел властитель — человек,
Потомок праведного Ноя —
Везде, в краях полярных зим,
В странах тропического зноя,
Природа рабствует пред ним.
Не верит он моим преданьям;
Науке веру покорив;
Весь предан мертвым изысканьям,
Неутомим и горделив,
Он не почтил моей святыни;
Достиг, презрев мертвящий хлад,
Венца — я без венца отныне.
Сказал — и рухнул Арарат...
И с древних стен Эчмиадзина,
С дороги где протянут вал,
И с плоской кровли армянина,
Кричали: Арарат упал!..
Казак на лошади крестился,
Черкес коня останавлил.
Еврей испуганно молился,
Смотря как легкий пар клубился
Там где гигант вчера стоял
И суеверно толковала
Разноплеменная страна,
И безотчетных дум полна,
Народам что-то предрекала...

1846-1851 — годы содержательной творческой деятельности Я. Полонского в Тифлисе. Сразу же по приезде в Закавказье

казье ему было поручено собирание статистических данных об этом крае. Итогом этой работы явился «Статистический очерк Тифлиса». Затем в начале 1847 г. Полонскому было предложено продолжить эту работу и составить статистику всего Закавказского края, что и стало поводом для его поездки во многие города Закавказья, в том числе в Эривань, Александрополь, Эчмиадзин, Нахичевань, Елисаветполь и др. В результате большой и кропотливой работы в 1848 г. в «Кавказском календаре» появился «Краткий очерк некоторых городов Кавказского и Закавказского края».

Таким образом, в первые годы пребывания в Тифлисе Я. Полонский получил большую возможность познакомиться не только с армянами, проживающими в Тбилиси и других городах края, но и с Арменией. Вследствие этого накопленный годами разнообразный обширный фактический материал вылился в цикл поэтических и прозаических сочинений, среди которых особо выделяются произведения об Армении¹.

В отличие от многих предшественников, Я. Полонский в своих сочинениях не просто упоминает представителей той или иной национальности, а на фоне общественно-политического развития выделяет уже социальные группы людей, одни из которых были близки поэту, другие чужды. Я. Полонский «отобразил два мира, — пишет И. Богомолов, — мир угнетателей и мир угнетенных, мир эксплуататоров и мир созидателей <...>, он очень любил простых людей, верил в их гуманное, прекрасное начало, не переставал восхищаться их благородством»². Я. Полонский, пожалуй, первым из русских писателей показал развивающуюся армянскую буржуазию, торговый капитал которой со временем вышел далеко за пределы Закавказья («Тифлиссские сакли», «Агбар», «Караван» и др.). С особой симпатией и сочувствием он показал трудовой люд:

Два армянина, завязав от пыли
Глаза платком, натянутой струной
Перебивают шерсть...
(«Прогоулка по Тифлису»)

---

¹ Подробнее см.: Богомолов И. Армения в творчестве Я. Полонского. Ереван. 1963.

² Там же. С. 77.

Стихотворение “Прогулка по Тифлису” заметно выделяется среди других сочинений Полонского, посвященных Закавказью. Оно особо характерно для тогдашнего Тифлиса. Полонский “ведет” читателя по разноязычному городу: то он является “прямо на армянский базар”, то к “крутому подъему к заставе Эриванской”.

В стихотворении перечисляются различные профессии, предметы, представители многих народов, показан местный колорит. Из знакомых Я. Полонского по Тифлису видное место в его художественных сочинениях занимает красавица-армянка Софья Гулгаз (Гулгазян). Ей было посвящено одно из лучших лирических стихотворений “Не жди”:

Пойду бродить! — Послушаю, как льется
Нагорный ключ во мгле заснувших Саллалак,¹
Где звонкий голос твой так часто раздается,
Где часто, вижу я мелькает твой личак.²
Когда сама душа — сама душа не знает,
Какой любви, каких еще чудес
Просить или желать — но просит — но желает —
Но молится пред образом небес.

Почти вся вторая часть стихотворения “На пути из-за Кавказа”, полная философских раздумий и переживаний, относится также к Софье Гулгаз:

Ты, с которой так много страдания
Терпеливо я прожил душой,
Без надежды на мир и свидание
Навсегда я простился с тобой.

---

¹ Сололаки — район старого Тбилиси.

² Личак — фата.

И в основу рассказа “Тифлиские сакли” Я. Полонский положил жизнь Софьи Гулгаз, описанную им в образе Магданы. “В Тифлис приезжал В.Ф. Тимм, и я с ним познакомился, — писал позже в своих воспоминаниях поэт. — Он хотел срисовать самую красивую женщину в Тифлисе — я дал возможность срисовать ту армянку, которую я описал в рассказе “Тифлиские сакли”, которая долго была близка мне и которая страшно измучила меня не столь физически, сколь нравственно”¹.

В исторической драме “Дареджана имеретинская” прототипом царицы Дареджаны также послужила Софья Гулгаз. В письме к Н.А. Некрасову в 1856 г. Я. Полонский писал: «Смею Вас уверить, что Дареджана отчасти похожа на ту армянскую даму, о которой я Вам недавно рассказывал. Даже фразы некоторые ей принадлежат, например: "Чума возьми" и др.”

САЯТ-НОВА²

Много песков поглощают моря, унося их волнами,
Но берега их сыпучими вечно покрыты песками.

Много и песен умчит навсегда невозвратное время —
Новые встанут певцы, и услышит их новое племя.

Если погибну я, знаю, что мир мои песни забудет;
Но для тебя, нежный друг мой, другого певца уж не
будет.

Если погибну я, знаю, что свет не заметит утраты;
Ты только вспомнишь те песни, под звуки которых
цвела ты.

---

¹ Цит. по сб.: Русские писатели о Грузии. / Сост. В. Шадури. Тбилиси. 1946. Т. 1С. 506.

² Саят-Нова — аноним одного из армянских певцов прошлого столетия. (Прим. авт.)

Я просветил твоё сердце — а ты, ты мой ум помрачила;
Я улыбаться учил — а ты плакать меня научила.

Так, если смолкну я, страстно любя тебя, друг
благородный,
Где — разреши мне последний вопрос мой, — где
будет холодный

Прах мой покоиться? там ли — в далёких пределах
чужбины,
Здесь ли, в саду у тебя, близ тебя, под навесом раины?..
1851

П. ЗУБОВ

Писатель, историк, поэт. Творческая деятельность начинается в 30-е годы XIX столетия. Незаслуженно позабытые временем его содержательные и любопытные сочинения представляют интерес и в наши дни. В течение двадцати лет П. Зубов издал более 20 книг. Это:

- “Картины кавказского края, принадлежащие России и сопредельных оному земель” (1834);
- “Прекрасная грузинка и нашествие Ага-Мамед хана на Тифлис в 1795 г.” (1834). Исторический грузинский роман в двух частях;
- “Карабахский астролог или основание крепости Шуши в 1752 г.” (1834). Исторический закавказский роман в двух частях;
- “Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 гг.” (1835);
- “Персидская война в царствование Николая I” (1837);
- “Сборник стихов” (1845);
- “Талисман или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II” (1847). Исторический роман в двух частях;
- «Вот это чисто по-русски! Или как разгромил князь Бебутов турок под Карсом 24 июля 1854 г.» (1854). Поэма;
- “Альбом патриотических стихов на нынешнюю войну” (1854) и др.

Мы сознательно привели небольшой, неполный перечень публикаций П. Зубова по Карабаху, как свидетельство о компетентности и объективном изложении исторических событий. Это мы к тому, что в наши дни *архиаktуальна* проблема Нагорного Карабаха. Поэтому, глубокоуважаемый читатель, мы вынужденно отклонились от темы нашего исследования и привели цитату из романа “Карабахский астролог. Или основание крепости Шуши 1752 г.” в ответ на заявление

президента Азербайджана — Ильхама Алиева и многих азербайджанцев о принадлежности Нагорного Карабаха Азербайджану. П. Зубов в 9 главе второй части своего романа на страницах 85-88 “Карабахский астролог. Или основание крепости Шуши в 1752 г.”, (М. 1834) показывает беседу отца с сыном. Мы сознательно приводим из книги репринтный вариант беседы Мелика с сыном Гусейном о сложившейся тогда ситуации в Карабахе:

»Наконецъ Мелихъ прервалъ молчаніе и сказалъ прерывистымъ голосомъ: Вотъ до чего мы дожили! Пришлецъ, простой Джевонширецъ, который у Шаха Надиръ служилъ для того только, чтобъ кричать во все горло: Ханъ приказалъ то и то, теперь, благодаря своему крѣпкому горлу и глупости нашего Варандинскаго Мелиха, которой поссорившись со мной, призвалъ его на помощь, изволишь повелѣвать у насъ Карабахомъ, какъ самовластный Ханъ, и къ стыду нашему всѣ Хамчинскіе Мелихи, кромѣ меня только, слава Богу, покоряивуютъ ему, какъ Государю! Что ты думаешь о такомъ позорѣ, мой любезный Гуссейнъ?»

»А всему причиною наши распри. Будь мы всегда соединенными, какъ въ старину наши предки при Шахъ Аббасъ, этому Джевонширцу и въ голову бы не пришло владычество надъ Карабахомъ; а то мы всѣ лишь маленькихъ владѣтелей, послѣдній остатокъ знаменитаго Арменскаго царства, давай безпрестанно спорить, ссориться и воевать за каждый вздоръ, за всякую бездѣлицу, воевъ и довоевались до того, что нажили себѣ повелителей. . .

Въ сію минуту вошелъ Нукеръ и объявилъ, что прибылъ посланникъ отъ Панахана и желаетъ предстать Мелиху: »Слышишь ли, Гуссениъ, сказалъ Талышинскій владѣлецъ, это посольство не предвѣщаетъ добра. Я готовъ биться объ закладъ, что Панаханъ требуетъ, чтобъ мы признали его своимъ Государемъ.«

Выводы делайте сами, уважаемый читатель!..

А теперь согласно нашей проблеме представляем читателю поэму П. Зубова «Вот это чисто по-русски! Или как разгромил князь Бебутов турок под Карсом 24 июля 1854 г.» (1854).

Уроженец г. Тифлиса, будущий генерал русской армии князь Василий Осипович Бебутов (Бебутян) в 1807-1809 гг. учился в Первом кадетском корпусе в Петербурге, по окончании которого ему был присвоен чин прапорщика. Первое боевое крещение он получил в 1810 г. при блокаде Ахалциха русской армией под началом генерала Тормасова. С этого времени военная карьера неизменно сопутствует Бебутову. До конца своей жизни (1858 г.) он проявил незаурядные способности военачальника, за что был удостоен многих высших наград:

- Орденов Св. Анны I степени,
- Георгия II степени,
- Белого Орла,
- дважды — Александра Невского,
- Св. Андрея Первозванного и др.

В июле 1854 г. генерал Бебутов в войне России с Турцией последний раз в бою командовал русской армией. Около села Кучук-дара близ г. Карса турки напали на русскую армию. Сражение 24 июля легло в основу вышеназванной поэмы Платона Зубова, в которой автор красочно описывает героические подвиги русской армии в этой битве¹.

В 5 часов утра 60-тысячная турецкая армия под командованием Зарифа Мустафа Паша напала на 18-тысячное русское войско генерала Бебутова. Но численное преимущество противника не смутило русских. Смелость и отвага русского солдата сделали свое. Храбро сражались они против турок. В бою отличился генерал Бебутов — полководец суворовской закалки.

---

¹ См. Амирханян М.Д. Россия и Армения. Изд. II. Ереван. 2003. С. 90.

Натиск русской армии был невыносим. Турки стали перед крахом. Командование Зарифа Паши приказало выдать солдатам «для смелости» опиум. Однако эта искусственная смелость вызвала, как говорит поэт, смех у русского командира.

Факт отображения подвигов русской армии и ее командира заслуживает особого внимания. Предводитель русской армии генерал Бебутов¹ показан опытным, мудрым и умелым командиром, хорошо владеющим искусством боя. П. Зубов сделал читателя свидетелем событий далеких времен. Об этом поэма Платона Зубова.

---

¹ Кстати, с времен А. Суворова и до Октябрьской революции в Царской армии служило 136 генералов армянской национальности.
URL: <https://shkolazhizni.ru/@ARARAT/posts/45086/> (Дата обращения: 20.01.2021).

ВОТЪ ЭТО ЧИСТО ПО РУССКИ!
ИЛИ
КНЯЗЬ БЕБУТОВЪ
ПОДЪ КАРСОМЪ

24 Юля 1854 года.

Ген.-Лейт. Князь Бебутовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1854.

103

ВОТЪ ЭТО ЧИСТО ПО-РУССКИ!

или,
**КАКЪ РАЗГРОМИЛЪ КНЯЗЬ БЕБУТОВЪ
ТУРОКЪ ПОДЪ КАРСОМЪ.**

24 Юля 1854 года.

=

Ляхо! Бебутовъ нашъ славный,
Молодецъ изъ молодцовъ!
По-Суворовски, отважно,
Распатронилъ ты враговъ.

Собралася, вишь, громада —
Тысячъ слишкомъ шестьдесятъ —
А тебѣ-то то и надо,
Молодецъ тому и ралъ...

Чѣмъ враговъ собралось больше,
Такъ и бить ихъ веселѣй,
И о дѣлѣ память дольше,
И она-то пославнѣй.

Русскій воинъ не считаетъ
Непріятельскихъ полковъ,
Онъ одно лишь только знаетъ
Прикажи Царь — и готовъ.

Тамъ гдѣ крѣпость *Карсъ* большая,
Какъ уродъ какой, стоитъ
Надъ скалой у *Карсачая*
И, нахмурившись, глядитъ,

Какъ Русь по полю гуляетъ,
Рветъ и головы съ чалмой,
Усы Туркамъ расправляетъ,
Ихъ играетъ бородой;

Тамъ собрались Турки снова,
Впереди *Хаджи-Вали*,
Раскричались такъ здорово,
Что по-русски: *ай-люли!*

А съ предлинной бородою,
Ихъ *муширь Зарифъ-паша*,
Не казистъ хотя собою,
За то слава хороша.

Онъ вѣдь вмѣ начальникъ главный,
Магомета позабылъ:
Мосульманинъ неисправный
Для себя лишь только жилъ.

Цѣлый день игралъ въ гулячки,
А хотѣлось покутить...
Не удастся-ль какой штучки
Полего~~ньку~~ отпускить?

Какъ увидѣлъ, что собралась
У него толпа-толпой, —
Кровь въ немъ бойко разыгралась,
И затрясъ онъ бородой.

Ходить гоголемъ, отважно,
Гордо кверху вздернулъ носъ,
Разсуждаетъ лихо, важно,
Треплетъ всѣхъ и вкривь и вкось.

Русь ему ничто — такъ, шутки:
Сѣсть безъ соли нашъ отрядъ.
Говорить все прибаутки,
Что за гордый — чудо—взглядъ!

Поднялся онъ вдругъ на шутики,
Пушекъ множество собралъ,
Весь низамъ, баши-бузукки,
Съединить онъ приказалъ.

Чтобъ не струсилъ бы хваты,
Всѣмъ онъ опиумъ раздалъ:
Рады пьянствовать солдаты,
Когда старшій приказалъ.

Завертѣлись ихъ головки,
И пошли они кругомъ;
Турки пьяные-то ловки,
Все имъ просто нипочемъ,

Чтобъ они не протрезвились,
Да не спятились опять,
Чуть едва разгорячились,
Такъ паша давай ихъ гнать.

Побѣжали какъ шальные;
Только солнышко взошло,
Ихъ колонны боевыя
Какъ нелегкое несло.

А изъ пушекъ такъ и дуютъ
Ходенѣмъ гуляетъ дымъ,
И расхваставшись толкуютъ:
«Мы-де жару имъ дадимъ!»

И, какъ бѣшеные волки,
Такъ и лезутъ на штыки,
Они съ опіумомъ — ловки,
Храбры, живы и легки.

Князь нашъ *Бобутовъ* смѣется,
Кавалеріи махнулъ...
Вотъ она какъ вихрь несется.
Паща бороду согнулъ.

Лобъ съ досады потирая,
Не успѣлъ вскричать: *Алла!* —
Наша конница ляхая,
Восемь пушекъ ужъ взяла.

Турки дрогнули, бѣжали,
Да на гору забрались,
И оттоль — изъ пушекъ стали,
Штуцеровъ — палить на низъ.

Чудо что за перепалка!
А убитыхъ сколько тутъ!
Нашимъ было очень жарко —
Да Кавказцы не дрогнуть.

Въ рукопашную — по-свойски,
Гдѣ съ штыкомъ, гдѣ съ кулакомъ,
Они бросились геройски
И столкнулися съ врагомъ.

Для Кавказцевъ — бой забава,
Такъ и треплютъ мусульманъ,
Такъ налѣво и направо
И колотятъ бусурманъ.

Мигомъ центръ врага прорвали,
А пашу съ его толпой
И разбили и погнали,
Какъ барановъ на убой.

Паша бросился направо
И войска опять собралъ:
Все народъ лихой и бравой,
Да и въ дѣлѣ не бывалъ.

Пушекъ много, а народу
Сколько — право не понять,
Не спросяся они броду,
Въ воду сунулись опять.

Вотъ пошла опять потѣха...
Кучи Турокъ безъ головъ!
Много шума, много смѣха —
Для кавказскихъ молодцовъ.

Солнце просто жгло, палило,
Нѣтъ ни капельки воды,
Да Кавказцамъ нашимъ было
Нипочемъ жаръ и труды.

Ко всему они привычны,
Ихъ пичѣмъ не испугать,
И въ бояхъ всегда отличны
И не прочь — пощировать.

А драгуновъ и пѣхоту,
Что недавно къ нимъ пришли,
Молодецки — на охоту
Съ собой вмѣстѣ повели.

Новички-то вѣдь лѣхѣ, —
Не уступятъ старикамъ;
Русачки они прямые,
Эго видно по глазамъ.

Такъ усами и поводятъ:
Что за пыль у нихъ въ глазахъ!
Вотъ смотри наколобродятъ,
Что Кавказцы скажутъ: ахъ!

Такъ и вышло... Вотъ пустились
Выѣстѣ всѣ... вотъ пыль столбомъ;
Дымомъ горы обложились,
Пулей свистъ и пушекъ громъ.

И въ дыму штыки сверкаютъ,
Свищутъ сабли, — крикъ ура!
Наши сильно наступаютъ,
Самъ паша кричитъ: Алла!

Сбиты Турки. Лихо! славно!
Пушки бросилъ басурманъ.
Наши крошатъ ихъ исправно
Бьютъ въ-догонку мусульманъ.

Раздаютъ имъ пренарядно
Молодецкіе щелчки,
Забираютъ такъ парадно
Ихъ знамена и значки.

Турки дуютъ безъ оглядки,
Любо дорого смотрѣть,
Какъ курьеръ — во всѣ лопатки
Забывая и глазѣть.

Осрамилися какъ шуты!
Въ укрѣпленный лагерь свой
Всѣ за брустверы, редуты,
Такъ и бросились гурибой,

И оттоль глядятъ сычами,
Носъ боятся показать.
Эхъ! куда вамъ, крысы, съ нами
Толковать и воевать?

За Царя-Отца, за вѣру
И за родину свою,
По отцовскому примѣру,
Отдадимъ мы кровь свою.

Лихо, Бебутовъ нашъ славный,
Молодецъ изъ молодцовъ,
По-Суворовски отважно,
Распатронилъ ты враговъ.

П. СУВОВЪ.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 19-го августа 1854 года.
Цензоръ В. Бекетовъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТД. КОРПУСА ВНУТР. ОГРАЖИ.

СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

В последней трети XIX в. значительно осложнилось и без того тяжелое положение армянского народа в Западной Армении.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. закончилась победой России. По Сан-Стефанскому договору на Балканах ряд областей признавался султанским правительством независимым, а на кавказском направлении к России была присоединена часть Западной Армении, в том числе Ардаган, Карс, Баязет, Алашкертская долина и город Батум. По настоянию русского правительства в договор была включена специальная статья [16], которая предусматривала гарантии безопасности армянского населения Западной Армении. В частности, в ней говорилось: “Ввиду того, что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые, должны быть возвращены Турции, могло бы подать повод к столкновению и усложнениям, могущим вредно отразиться на добрых отношениях обоих государств, — Блистательная Порта обязуется осуществить, без замедления, улучшения и реформы; вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов”¹.

Однако Сан-Стефанскому договору исторически не было суждено вступить в силу. Некоторые европейские государства, в первую очередь Англия и Австро-Венгрия, отнеслись к договору враждебно. Их внешнеполитические цели не соответствовали успехам России и усилению ее влияния в Малой Азии и на Балканах. Представители этих государств настояли на пересмотре Сан-Стефанского договора. В конце июня — начале июля 1878 г. в Берлине состоялся конгресс с участием России, Англии, Италии, Турции и Франции, на котором вместо Сан-Стефанского был заключен Берлинский договор. В нем относительно Западной Армении появилась 61 статья, согласно которой «контроль за проведением реформ возлагался на шесть государств, каждое из которых имело свои интересы». А это значило, что вопрос фактически был оставлен на произвол судьбы. Кроме того, в 61 статье говорилось, что “Блистательная Порта обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызывае-

---

¹ История армянского народа с древнейших времен до наших дней // Под ред. М. Нерсисяна. Ереван. 1980. С. 14-23.

мые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением”.

Однако, время, последовавшее за Берлинским договором, показало, что, вопреки своим обещаниям, турецкий султан Абдул-Хамид не предпринял никаких мер по осуществлению условий 61-й статьи. Более того, “видя, что великие державы не озабочены решением Армянского вопроса, султанское правительство начало новые преследования армян. В 1880-х годах по приказу султана Абдул-Хамида были закрыты многие армянские школы и газеты, совершены многочисленные аресты, усилилось угнетение и разорение армянского крестьянства”¹.

Таким образом, к последнему десятилетию XIX века положение армянского народа под турецким владычеством еще более усугубилось.

Продолжая жестокую политику угнетения, порабощения и истребления, “султан Абдул-Хамид разработал план всеобщей резни армян. По его приказу в 1890-ые годы были созданы специальные конные отряды, одной из основных задач которых заключалась организация армянских погромов”². Известно, что в период массовых избиений в 90-х годах погибло более 300 тысяч армян. Были разграблены, опустошены и разрушены сотни деревень и городов, много людей осталось без крова и опеки, необходима была помощь извне.

Вот несколько примеров в подтверждение к сказанному.

Из донесения российского военного агента полковника Филиппова послу в Турции Новикову от 19 октября 1880 г.:

“<...>В течение с лишком двух месяцев народ ожидал какого-нибудь движения армянского вопроса, уже возбужденного Европой, но увидел, что положение, принятое как европейскими государствами, так и особенно Портой, лишает надежды на скорое изменение теперешнего невыносимого положения Армении. Между тем турецкое правительство воспользовалось этим временем и приступило к введению известного Вашему высокопревосходительству проекта Аббедина-паши, проекта, единогласно признанного европейскими представителями неудовлетворительным...”³.

---

¹ Там же С. 214-223.

² Там же. С. 220.

³ См.: Геноцид армян в Османской империи. Ереван. 1982. С. 11-12.

Из донесения русского посла в Константинополе Нелидова министру иностранных дел Гирсу от 19 июля 1890г.:

“<...>Самым выдающимся событием в течение истекшей недели являются кровавые беспорядки, происходящие в воскресенье в Стамбуле, близ армяно-григорианской патриархии... Турецкие власти безумной подозрительностью и бестактным приложением мер строгости вызывают ненависть и враждебность армянского населения, очень значительного в столице и рассеянного по всей Турции. Из этого легко могут произойти весьма опасные осложнения...”¹.

Из донесения русского генерального консула в Эрзруме В. Максимова послу в Константинополе Нелидову от 20 октября 1894 г.: “По полученным в последнее время сведениям, турки истребили в Сасуне около 4000 армян... Турки свирепствовали в течение 25 дней и разрушили 30 деревень...”².

Из телеграммы Британского вице-консула в Себастии Бюльмана послу в Константинополе Кэрри от 24 марта 1897 г.: “<...>Тот факт, что резня продолжалась восемь часов, доказывает, что она была организована. В Токате расквартировано пятьсот солдат. По имеющимся у меня сведениям, дело не обошлось без их участия, но даже если эти сведения не соответствуют действительности, несомненно, что пятисот солдат было достаточно для пресечения беспорядков, если бы это входило в намерения властей...”³.

Таким образом, эти несколько различных по времени кратких свидетельств отдельных должностных лиц о событиях в Западной Армении в последней четверти XIX века приведенные из сборника “Геноцид армян в Османской империи” (Ереван, 1982), как и все материалы этого сборника, вобравшего в себя на 704 страницах 267 документов — “официальных рапортов, докладов и писем консулов, послов, министров и других высокопоставленных чинов разных государств” показывают возмущение мировой общественности, осуждение геноцида армян. В числе этих материалов заняли свое место и документы различных чиновников России. Параллельно с этим официальным каналом, в России шло осуждение геноцида армян и со стороны общественности, деятелей культуры и литературы, выразившееся в поэтических циклах и отдельных стихах, публицистических

---

¹ Там же. С. 18.

² Там же.. С. 19.

³ Там же. С. 153.

очерках, путевых заметках. Это, безусловно, является еще одним свидетельством чудовищного акта каннибализма турецких палачей, творимого над армянским народом.

С целью оказания помощи пострадавшим в результате погромов 90-х гг. XIX в. известный деятель культуры, историк, публицист, один из редакторов-издателей “Русских ведомостей” (1883-1900) Григорий Аветович Джаншиев (Джанщян 1851-1900) предпринял в конце 1896 в Москве издание литературно-научного сборника, получившего название “Братская помощь пострадавшим в Турции армянам”. Первое издание было в 1897 г., второе через пять месяцев в 1898 г.

В создании сборника непосредственное участие приняли русские и зарубежные деятели культуры К. Бальмонт, Д. Мамин-Сибиряк, Ю. Веселовский, А. Жемчужников, В. Верещагин, К. Айвазовский, В. Суренянц, Ф. Корш, М. Ковалевский, В. Гольмстрем, Р. Штакельберг, Ж. Лемерт, Э. Диллон, Лепсиус, К. Тимерязев, И. Стороженко, В. Миллер, А. Веселовский и многие, многие другие, около 200 авторов.

Оба издания литературно-научного сборника содержали богатые сведения по истории, культуре и литературе армянского народа, современному трагическому его положению. В русской читающей публике сборник вызвал большой интерес, этим объясняется второй обновленный его выпуск. Многие периодические издания России высоко оценили “Братскую помощь”. В частности, “Петербургские Ведомости” писали, что материалы сборника заслуживают большого внимания, что “культурное единение с армянским народом (с его богатой историей, с его цельным и здоровым мировоззрением, с его испытанной духовной силой) является вкладом в сокровищницу русского духовного бытия и самосознания. Это живой и сильный поток, влившийся в русское море, им надо дорожить и уметь воспользоваться... Это книга — симфония. Она полна поэзии, красок, идей, добра, труда и человеческого достоинства. Она властно проникает в душу, звучит в ней чудными аккордами и вызывает вдохновение. Этот сборник — одно из самых светлых явлений нашего времени. он как бы энциклопедия, хрестоматия добра. Такая книга воспитывает”. А “Вестник Европы” писал, что независимо от своей благотворительной цели, заслуживающей всякого сочувствия. “роскошно напечатанный литературно-научный сборник “Братская помощь”, почти в тысячу страниц с массой иллюстраций, портретов и автографов, должен обратить на себя общее внимание читающей публики по богатству и разнообразию своего содержания <...> Значительная часть книги содержит в себе потрясающий обзор турецких зверств и насилий над армянским народом за последние три года, по

свидетельствам очевидцев и по данным дипломатических документов”. О “Братской помощи” одобрительно писали “Новое время”. “Мир божий” и др. периодические издания России.

В публикациях “Братской помощи” приняли участие русские поэты В.А. Шуф (отрывок из романа в стихах “Сварогов”) Е.К. Алибекова (стихотворение “Пора”), Г. Кансон (“К смерти, армянская мелодия”) Е. Морозов (“Привет”), Ст. (“Песнь армянского переселенца”).

Стихотворение “Пора” было напечатано в “Братской помощи пострадавшим в Турции армянам» (М. 1897, с. LXX). Здесь публикуется по II изданию (1898) этой книги.

Указанные ниже стихи были напечатаны во втором издании “Братской помощи пострадавшим в Турции армянам”.

ВЛ. ШУФ

ИЗБИЕНИЕ АРМЯН В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

(Отрывок из романа «Сварогов¹»)

Становится темней,
Но последний блеск заката
Озарял Стамбул вдали, —
Точно заревом объято
Было небо... тучи шли...
И, блестя в заре кровавой,
Подымались сквозь туман
Минареты величаво.
Точно копыта мусульман.
Скоро на краю дороги
Всадникам попался труп.
Он лежал, раскинув ноги.
Синий весь... зрачок был туп...

---

¹ Славянский символ бога-творца Сварога.

XXI

— Так!.. Заразан!.. — Молвил Марко,
Поправляя ятаган,
Зорька тоже светит жарко...
Не пожар ли? Бьют армян! —
Из армянского квартала,
Кум-Капу, огонь блеснул,
И по ветру долетела
Перестрелка... смутный гул.
Тишина была в Стамбуле,
Пуст ряд улиц, но и тут,
Лишь в предместье повернули
Дмитрий, Марко и Мамут,
В доме, жавшемся в сторонке,
Женский крик раздался вдруг.
Крик был жалобный и тонкий,
В нем звучали боль, испуг...

XXII

Режут женщину! угрюмо
Марко стал, армянский дом! —
Дмитрий быстро и без шума
Спрыгнул с лошади: «войдем!»
Не ходи, эффенди! робко Звал
Мамут, нельзя теперь! —
Но уж Дмитрий, вырвав скобку
Распахнул ногою дверь...
Ни души... кувшин разбитый,
Тряпки в комнате пустой...
Дальше вход вился открытый
Вверх по лестнице крутой.
Там был шум, возня и стоны...
Дмитрий, вмиг взведя курок,
Бросился вооруженный,
Но споткнулся о порог.

XXIII

Мертвое старухи тело
С кровью в волосах седых
На пороге коченело...
Крик вверху на миг затих,
Но тотчас раздался снова...
Дмитрий быстро вверх вбежал,
Марко с ним, бранясь сурово.
И Мамут, схватив кинжал.
Стоны, схватка... там, в конурке
Били женщину втроем
Люди в фесках — курд и турки
С исказившимся лицом.
Вся в крови, она кричала
Отбивалась и рвалась...
Хохот брань... вдруг сталь кинжала,
Заблестев, ей в грудь впилась.

XXIV

Дмитрий выстрелил... смятенье,
Крики, шум, пальба и стон, —
Все смешалось на мгновенье
В дикий бред, в безумный сон.
Дмитрий горло сжал кому-то,
Курд, борясь, хрипел под ним.
Вдруг сверкнул кинжал Мамута,
И опять стон, шум и дым.
Баста! хрипло крикнул Дмитрий.
Женщина где? — Ах, злодей!
В сердце ткнул! — Лицо ей вытри,
Дай, Мамут, платок скорей! —
Но в крови, среди убитых,
Хороша, нема, бледна,
С мертвым взглядом глаз открытых
Вечным сном спала она.

XXV

Профиль резкий, резки брови,
Смерти странная краса,
На лохмотьях пятна крови,
Разметались волоса...
Поздно! кличет Марко, едем!
Ловко ранили меня!..
Не услышать бы соседям:
Будет нам тогда резня! —
С лестницы спустившись скоро
И на седла сев, они
Мчатся к берегу Босфора
Стороной, держась в тени,
Вдруг раздался окрик гулкий,
И штыками цепь солдат
Путь закрыла в переулке.
Повернуть пришлось назад.

XXVI

Мчатся в сумерки ночные,
Ближе все пальба слышна...
Вот за куполом Софии
Медленно взошла луна.
Осветила минареты,
От мечети тень легла,
Тенью паперти одеты,
Площадь дальняя бела...
Все слышней была тревога.
Миновав низами пост,
Гавань Золотого Рога
Дмитрий увидал и мост...
Конь косился беспокойный...
Ужас был тут... здесь висел
Вдоль перил, как мясо в бойне.
Ряд окровавленных тел.

XXVII

Здесь был центр кровавой драмы,
Совершившейся в ту ночь.
Как безумный. Дмитрий прямо
Через мост помчался прочь.
За мостом у поворота
Были крик, пальба и гул.
Вот бежал, спасаясь, кто-то,
Вот он с берега прыгнул...
Рослый турок в красной феске
Вслед за ним нырнул в Босфор
И в воде, в борьбе и плеске,
Завязался страшный спор.
Оба прятались в пучину,
Появлялись вновь вдвоем...
Турок всплыл и армянину
Голову отсек ножом.

XXVIII

Всюду турки и армяне,
Всюду кровь, неравный бой.
Дмитрий видел, как в тумане.
Смерть священника. Толпой
Окруженный, на колени
Он упал, избит, чуть жив,
Точно в храме в час молений
Руки дряхлые сложив.
Турок с бранью непристойной
Старика ударом сшиб,
И под палками, спокойный,
Он, как мученик погиб.
Армянин, носильщик жалкий,
Робко жался в стороне, —
И его убили палкой,
Мозг разбрызгав по стене.

XXIX

Вот другой... в безумье диком
Он бежал от двух солдат
И стрелял, не целясь, с криком,
Вправо, влево и назад.
В страшных воплях, в шуме рати
Смерть неслась во все концы...
Вдруг у Дмитрия в Галате
Лошадь взяли под уздцы.
Стой! Кто едет? — Как в стихии
Потонув стеснен толпой,
Дмитрий видел лица злые,
Камни, палки пред собой...
Чех елдан!¹ он крикнул.
В феске подхватил Мамут: “Алла!”
И, услышав окрик резкий.
Чернь, волнуясь, отошла.

XXX

В улице близ Перу свалка,
Арнауты, блеск штыков...
Раздавалась перепалка
С улицы и из домов...
В окна целились солдаты,
Отвечали в окнах им.
Крики, выстрелов раскаты,
Стоны раненых и дым.
Каждый дом здесь брали с бою...
И под пулями в огне
Дмитрий пролетел стрелою,
Наклонясь на коне.
З Перу тихо, но в отеле
Дмитрию на громкий стук
Дверь открыли еле-еле, —
Всюду ужас был, испуг...

*«Братская помощь» изд. II. 1898,
отд. II, С. 161-165*

---

¹ “Чех елдан” — уйди с дороги (ред.)

Е.К. АЛИБЕКОВА

ПОРА!¹

Пора! Пробил последний час!
Вас ждут, ждут скорого спасения,
Зовет давно защиты глас
В стране позора, преступленья.
Зачем вы медлите? Скорей,
Златое время не теряйте!
Пора вступить за людей —
Собратьев гибнущих спасайте.
В одной вы вере рождены,
Одною вскормлены землею...
Они на смерть осуждены,—
К защите дружною толпою!
Под властью диких мусульман,
Под гнетом гнусного народа
Погибли тысячи армян,
Погибла воля, честь, свобода.
У них отняли все: детей,
Отцов, мужей на поруганье,
И честь армянских дочерей
На страсти дикой истязанье.
Презренный турок грабит их.
Вокруг разбой и похищенье
Средь воплей, просьб, молитв глухих..
Скорей, скорее на спасенье!
Резня кровавая кипит,
Бегут мгновенья дорогие
Армян вся Турция разит!
Не медли, добрая Россия!
Услышь несчастных скорбный глас,
Услышь предсмертные моленья,—
Для них пробил последний час
И гибнут целые селенья.

---

¹ Стихотворение “Пора” было напечатано в “Братской помощи пострадавшим в Турции армянам” (М. 1897. С. LXX). Здесь публикуется по II изданию (1898) этой книги.

Вкруг них кинжалы лишь блестят
Да шашек лезвия стальные,
И с криком яростным летят
На христиан толпы лихие
Свирепых жадных мусульман,
Горящих жаждою наживы...
Громят беспомощных армян!
В крови дома, поля и нивы.
Отец сраженный здесь лежит,
Там мать несчастная рыдает,
Ребенок на костре горит,
К пощаде старец призывает...
Чу!., раздается стон глухой.
Вот драма смерти роковая!
Убийцы дикою толпой,
Как коршунов зловещих стая.
Бегут за жертвою своей.
Несчастный падает в смятении,
Встает, бежит вперед, скорей.
И взором молит о спасении.
Увы! Победы звук гремит,
Все ближе, ближе крик погони,
Все ближе смерть... толпа летит,
Во весь опор несутся кони.
Раздался выстрел, раз, другой,
Со свистом пуля пролетает.
И перед зверскою толпой
Несчастный старец умирает!
Но турки дальше все спешат,
Стреляют, режут, жгут, терзают,
Грудных младенцев не щадят —
На колья сотнями сажают!
Повсюду смерть... повсюду стон,
Везде кровь заревом пылает.
Где правосудие?.. Закон?..
Ведь люди, люди погибают!
Довольно крови христиан!
Пора в путь доблестный спасенья
Вступитесь, братья, за армян
И успокойте их мученья.

Давно их стоны разнеслись
По всей Европе. Где ж участие?
Чьи слезы горько пролились,
Глядя на ближнего несчастье?
Кто был их стоном поражен?
Чьи струны сердца не порвались.
Когда толпы армянских жен
От гнусных турок вырывались?
Бежали в горести, в слезах,
Родных могилы покидая, —
Их гнал свирепый голод, страх...
Бежали... но куда, не зная!
На их призывный скорбный глас
Пусть чуткие сердца ответят,
И пусть переселенцы в вас
Друзей, отцов и братьев встретят.
Откликнись на мольбы армян,
Не трать мгновенья дорогие,
Спаси от диких мусульман
Их, просветленная Россия!

*“Братская помощь” изд. II, 1898,
отд. II, С. LXVIII*

Г. КАНСОН

К СМЕРТИ (армянская мелодия)

Убиваешь ты безжалостно
Сотни, тысячи людей,
Порази ж врага лютого
Бедной родины моей!
От тебя пощады не было
Лучшим силам молодым.
И могилы ненасытные
Рано вырыла ты им.
Сколько прежде их боролся
За любимый край родной:
Свято жертвовали радостью,
И любовью, и собой!
Ты их словно убаякала
Спят подвижники в земле,
Край родной, край опозоренный
Потонул, как ночь, во зле!
Смерть! Коль вправду косу острую
Держишь ты в своих руках.
Пусть захватит беспощаднее
Каждый яростный размах,
Пусть он выжжет словно пламенем,
И пусть вырвет с корнем вон
Все, что дерзко так нарушило
Мирный праведный закон!..

*«Братская помощь» изд. II., 1898,
отд. II, С. 48.*

Е. МОРОЗОВ

ПРИВЕТ

Привет тебе, народ многострадальный!
Ты верить в будущность свою не устаешь.
Под игом вековым на родине печальной
Судьбу жестокою ты с твердостью несешь.
И лишь порой, когда ордой остервенелой
Свирепый курд и турок закоснелый,
Глумятся над тобой, губя твоих детей,
Хотят стереть тебя с лица земли твоей,
Как плачущий прибой, к подножью Арарата
Они стекаются замученной толпой
Искать прибежища, не помощи, у брата.
Да, помощи им нет, с врагом неравный бой!
Давно уж стон твоих селений разоренных
И к человечеству и к небу вопиет.
И еще не пробил час, оставленный народом,
Признанья прав твоих, священных и законных;
Но верь, крепись и жди — желанною зарей
Освобождение блеснет и над тобой.
Когда Европы мощь зовется христианской,
Она не даст, чтоб вновь душил тебя ислам
И кровью обагрят твой крест григорианский.
Грядущий век несет конец твоим слезам.
Исчезнет гнусный мрак насилия, жертв без шума.
На старых пажитях воспрянет новый труд,
И возрожденные долины Эрзерума
Красою мирною роскошно зацветут.

*«Братская помощь» изд. II,
1898 г. LXXXI*

СТ.

Песнь армянского переселенца
Уж близок час, — скажу тебе:
«Прости», отчизна дорогая,
Страна, где лишь напасти мне
Сулила рока воля злая!..
Где ласки и кров родной
Отравлен с самой колыбели,
Где безотрадною чредой
Дни юности моей летели,
Где только в возраст я пришел.
Увидел гнет и силу злобы,
Где мрак и грубый произвол
Где люди мрачны, словно гробы...
Прощай родимая страна:
Тебя мне не увидеть боле,
Доколе ты осуждена
В сей рабской находится доле!..

*«Братская помощь» изд. II,
1898, отд. II, С. LIX*

ГЛАВА III

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА И АРМЕНИЯ

Трагические события последнего десятилетия XIX в. в судьбе армянского народа, продолжились в первом десятилетии XX в. теперь уже в братском Турции Азербайджане.

Об этих событиях красноречиво свидетельствует открытое письмо, бывшего бакинского городского головы Александра Новикова, адресованное Генерал-губернатору Бакинской губернии М. А. Накашидзе о погромах армян 6-9 февраля 1905г. в Баку. Письмо было распространено в рукописи. Копию получил и Л.Н. Толстой.

Александр Новиков писал:

«Вся Россия, весь мир содрогнулся от ужаса, когда узнали про события 6-9 февраля в Баку.

Россия ищет и не может найти, кто виноват в бедствии. Долг того, кто знает виновника, указать на него открыто. Иначе он сделается его укрывателем. Я его знаю и считаю священной своей обязанностью без обиняков назвать его. Виновник резни - вы.

Вот основания, на которых я возвожу это обвинение, которое берусь доказать. Все полицейские, солдаты, казаки, когда их просили спасти погибающих, поименно в один голос отвечали: «Нам не велено». Некоторые из них сами негодовали, что принуждены бездействовать и с оружием в руках смотреть, как избивают невинных.

Вы и ваш помощник, полицмейстер Деминский, с многочисленной охраной казаков разъезжали по городу и вместо того, чтобы разгонять громил, нарочно уезжали, как бы торопясь в другое место, чтобы дать убийцам довершить свое кровавое дело. Между тем, доказано, что появление двух казаков или пяти вооруженных армян было достаточно, чтобы убийцы разбежались.

Вы отталкивали взывавших к вам о спасении и когда Лалаев и другие при вашем приближении с восторгом думали, что спасены, вы на них же набросились с заведомо ложным обвинением, что они стреляют и тем вызывают месть. Вы с вашей свитой подъезжали к громилам, ласково с ними разговаривали, а иногда даже приказывали возвращать им оружие, по ошибке отобранное у них казаками.

Вы отказывались давать письменные предложения военным властям прибегать к оружию и ограничивались словесным распоряжением, зная, что вам не поверят на слово. Этого достаточно, чтобы считать вас не только попустителем преступления, но и пособником убийц, а при вашем высоком положении в Баку, и душою неслыханного погрома. Каин, что ты сделал с братьями твоими!

Но как трус, вы все время лгали, притворяясь, что у вас нет достаточных сил, чтобы действовать, обманывая общество, что вы дали приказ пустить в ход оружие, проливая даже иногда крокодиловы слезы.

Вы не погнушались сделать попытку обмануть общество, как будто представив официальную просьбу о гласном расследовании дела в присутствии представителей общества, хорошо зная, что такого суда вы не получите. Ваши сообщники Деминский, Хаминский, Бородин лучше вас. Им стало совестно смотреть людям в глаза после преступления, в котором они играли лишь второстепенную роль. Они ушли. Вы остались в Баку, вы - главный преступник. Вы принимаете людей, вы созываете совещания.

Вы хуже Каина, ибо Каин убил одного брата, а вы обагрили ваши руки в крови сотен невинных ваших братьев. Каин убил Авеля сам, а вы, пользуясь вашим авторитетом, ввели в грех многих несчастных, которые долго будут мучаться угрызениями совести. Каин убил Авеля и не коснулся следующих поколений, а вы постарались на многие поколения посеять семена вражды между дружественными народностями, живущими в Баку. И лишь благоразумие их может расстроить ваши гнусные планы.

Вы хуже Иуды, ибо Иуда, совершив ужасное дело, раскаялся, пошел и удавился, а вы находите возможным жить после всего вами содеянного.

Вы опозорили чудную Грузию, считавшую вас своим сыном. Вы опозорили Россию, против которой могут возроптать и пострадавшие и бессознательные преступники, думая, что между вами и Россией есть что-либо общее. Да будет ваше имя презренно навеки»¹.

Александр Новиков

P.S. Прошу это письмо распространить за моею подписью по-русски и на местных языках.

Александр Новиков

Объективность обвинения Ал. Новикова подтверждается тем, что 11 мая 1905 г. в проезжавший фаэтон князя Накашидзе было брошено взрывное устройство, в результате чего бакинский Генерал-губернатор погиб на месте².

---

¹ Цит по: Амирханян М.Д. Русская художественная литература и геноцид армян. 2-ое расширенное изд. Ереван 1990. С.142-144. Оригинал хранится в госмузее Л. Толстого в Москве. Бл 172/7.

² См.: «Новое обозрение», N 175. 18 августа 1905 г. Судебная хроника. Дело об убийстве бакинского губернатора князя М.А. Накашидзе.

А.П. КУЛЕБЯКИН

Мы сознательно отклонились и привели письмо А.Новикова, чтобы показать историческую ситуацию, погромы армян в начале XX в, которые получили воплощение в художественном слове многих известных и преданных забвению русских писателей и поэтов. О погромах армян писали В. Брюсов, С. Городецкий, К. Бальмонт, А. Кулебякин, Ю. Верховский, Е. Алексеева, Е. Сырейщикова, К. Саянский, Х. Бахчисарайцев и многие другие. Каждый из них внес свою лепту в дело отображения армянской действительности в русской художественной литературе, в дело расширения ее гуманистического характера.

Война России с Турцией в 1914-1916 гг. привела в Армению и генерала русской армии А.П. Кулебякина. Освободительная миссия русского солдата в этой войне вновь проявилась в судьбах армянского народа. 8 января 1916 г. Кулебякин благодарил судьбу за то, что она «дала возможность увидеть» эту прекрасную, хотя и разоренную, страну, ее гениальные творения зодчества, «овеянные дыханием неразгаданной красоты», мужество изнуренного народа.

Пять месяцев пробыл Кулебякин в Западной Армении, в Ване (с ноября 1915 по март 1916 г.), «Невыразимо тяжелое настроение, — пишет он, — навеивает этот дотла разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает даже ужас запустения и гибели. Красота синего озера Вана в серебряной рамке запорошенных снегом гор, прозрачность вод, ясность неба, чистота воздуха и богатство солнечных красок очаровывают душу каждого наблюдателя. Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца»¹.

Как полководец русской армии, Кулебякин оказал немалую помощь угнетенным армянам, а как поэт он издал в «пользу пострадавших от войны» армян свои поэтические сочинения. Так, решением Армянского комитета «Верашинутюн» в 1916 г. была издана книга «Дверь Мехера». «Отзвуки Вана», в которую вошли поэма «Дверь Мехера» и цикл стихотворений «Отзвуки Вана».

Поэму «Дверь Мехера» предваряет стихотворение А. Кулебякина, которое сильным аккордом звучания создает зримое впечатление о давно прошедших временах армянской истории.

---

¹ Кулебякин А.П. «Дверь Мехера». «Отзвуки Вана». М. 1916. С. 43.

Темна история армян —
Не все дошли до нас преданья.
Но горы, где синее Ван
Доныне полны обаянья.

И наслоение веков
Живут бессмертными следами
В легендах древних уголков,
Укрытых мирными садами.

Содержание легенды о герое одноименного армянского народного эпоса Давиде Сасунском и Мгере А. Кулебякин взял из известных на армянском языке печатных текстов. Переводил варианты армянских текстов для Кулебякина в Ване старший хранитель Кавказского музея С.В. Тер-Аветисян. В работе над поэмой Кулебякин использовал также и эпос на русском языке, переведенный известным армянским литератором, критиком и историком Г. Халатянцем. Работу над эпосом «Давид Сасунский» Кулебякин завершил 8 января 1916 г. в г. Ване. После завершения работы над поэмой решение об ее издании, как показано выше, было принято 24 февраля 1916 г.

Поэма «Дверь Мехера» Кулебякина является частью одной из четырех ветвей (третьей) армянского народного эпоса «Давид Сасунский». Кулебякин обработал ее и издал в стихотворной форме как самостоятельное, поэтически цельное произведение с эпилогом, вступлением, четырьмя частями и заключением. Примечательно, что русский поэт правильно отобразил гиперболическую силу героев эпоса, их преданность родной земле и своему народу. Любопытно и то, что герой эпоса, Мгер, напомнил Кулебякину богатыря Святогора из русских былин. В своем изложении он несколько русифицировал содержание текста, хотя и сохранил национальные качества героя. «Дверь Мехера» познакомила русского читателя с ратными подвигами в героической борьбе армян за свой народ в историческом прошлом, а в настоящем Кулебякин сам наблюдал, примеры доблести в своем окружении и правдиво воспел их в стихах.

В апреле 1916 г. «Армянский вестник» писал: «Русский генерал Кулебякин во время своей поездки по Васпуракану изучил армянские легенды и, в частности, легенду о «Давиде Сасунском и двери Мехера» с несколькими вариантами, которые переведены покойным Г. Халатянцем. Генерал Кулебякин написал поэму на русском языке в стихотворной форме под названием «Дверь Мехера». Узнав об этом прекрасном

поэтическом труде и принимая во внимание, что это «поэтическое произведение дает цельное понятие русскому обществу, чтобы глубоко понимать и переживать красоту той поэзии, которую дала эта многострадальная страна (Армения), как пишет автор, “Комиссия по восстановлению Армении” решила издать на свои средства это прекрасное произведение генерала Кулебякина и весь доход обратить в пользу пострадавших от войны»¹.

Что касается его поэтического творчества, думается, прежде чем говорить об этом следует заметить, что во время недолгого его пребывания в Ване проявились незаурядные способности поэта. В короткий срок (около 5 месяцев) обработать и написать поэму «Давид Сасунский» и цикл стихотворений о городе Ване, его жителях, их борьбе, природе и любви, и развернутые примечания к ним, поистине нужно было обладать огромным поэтическим даром. Ведь генерал, кроме творчества, занимался и своими прямыми обязанностями — шла война, генералу должно было быть не до поэзии. Однако творческое вдохновение позволило А. Кулебякину — поэту перенести свои переживания на бумагу, оставить для грядущих поколений увиденное и пережитое: красивое и трагическое, радостное и печальное. Хотя стихи А. Кулебякина и не всегда отвечают всем канонам поэзии, но в данном случае, нам кажется, это второстепенно.

«Армянские» стихи Кулебякина в основе своей документальны. Поэт был в Западной Армении в самые трагические дни истории этого края. Являясь свидетелем геноцида армян в 1915 г., когда боль и трагедия одного была всеобщей болью и трагедией, А. Кулебякин глубоко и сочувственно воспринял ужасную судьбу зверски истребляемого народа. 6 сентября 1915 г. газета «День» в корреспонденции «Из дневника турецкого врача» по поводу происходящих событий писала: «<...> Недавно здесь получена телеграмма от генерала Ч., отряд которого остановился возле Вана, но в город не мог войти вследствие трупного смрада. В телеграмме, между прочим, сказано: “Город Ван весь в развалинах. Лучшие постройки сожжены, а глинобитные разрушены. Улицы и дворы усеяны трупами армян и животных. Имущество разграблено и растаскано”»².

---

¹ Армянский вестник. 1916. № 7. С. 20.

² Геноцид армян в Османской империи / Сост. Нерсисян М.Г., Саакян Р. Г. Под ред. М.Г. Нерсисяна. II доп. изд. Ереван. 1982. С. 354.

Ванские стихи А. Кулебякина «написаны под непосредственным впечатлением виденных мест и слышанных рассказов»¹. Поэт наблюдал трагедию армян. Его переживания вылились в цикл стихотворений. Это стихи, повторимся, о городе Ване, его жителях, природе, архитектуре, озере Ван, разорениях, героической борьбе и страданиях этого народа. «Нужно много времени и труда, — пишет А. Кулебякин, — чтобы восстановить мирную жизнь в этом сожженном крае, но история отметит пережитую кровавую эпоху величественными чертами. “Старый Ван” уже много говорит тем, кто любит и знает историю...»².

СТАРЫЙ ВАН³

Причудливый город за метлами ив
Под Ванской скалой приютился, —
Как будто бы сверху под желтый обрыв
Он грудой развалин скатился.

Турецких мечетей пестрят купола,
Как свечки торчат минареты,
Там двор без ворот, там остатки угла,
Там вынутых окон просветы.

И трупы собак, черепа и тряпье,
И в лавках обломки товара.
Безлюдье и ужас. Пустое жилье.
Следы грабежа и пожара.

Там кости людей на навозе гнилом,
Там кучи разрытого хлама,
Там тесный проулок, открытый пролом
И стены армянского храма.

Кое-что уцелело. Кое-где серебром
Иконы белеют в уборе.
Но Господи! Господи! что за разгром!
Калое ужасное горе!

---

¹ Кулебякин А. «Дверь Мехера». «Отзвуки Вана». М. 1916. С.50.

² Амирханян М.Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. Ереван. 2012. С. 16.

³ Здесь и далее примечания А.Кулебякина.

Разбитая люстра лежит на полу,
Сквозят паутины волокна,
И свет золотистый роняют во мглу
Большие разбитые окна.

Уродливо боком висят образа.
Валяется в хламе кадило,
И только алтарь боевая гроза
Местами еще пощадила.

Узорами царскими блещут врата,
И целы иконы святыя.
Божественных обликов живы цвета
И яркие кресты золотые.

И кажется, смотрят святыя со стен
И шепчут с упреком во взоре:
— Все злоба, все мерзость, могила и тлен,
Безумие, ужас и горе! —

.....
Мечеть: сочетание мглы и лучей,
Громада обширного свода,
По фризам узоры цветных кирпичей,
Колончатый портик у входа.

Изгиб мавританский у арочных дуг.
Кристаллов стенных украшенья.
Но также пусто и дико вокруг,
И та же печаль разрушенья.

Остатки мэйолик, обломки столбов,
Обрывки затертых материй.
У входа доски прогнивших гробов,
И в щепки расколоты двери.

Могильные камни торчат из земли, —
Иные на части разбиты.
Весь двор разворочен в сору и в пыли,
Ребром перевернуты плиты.

А вот с двухсторонним узором одна
Покрыта армянскою вязью.
И клинопись древняя сбоку видна
Забитая пылью и грязью.

Здесь род урартийцев когда-то владел,
Потом их сменили армяне.
Их царство постигло такой же удел
Когда подошли мусульмане.

А ныне и тех поразила беда,
И надписи чуждых значений.
Пытливому духу напомним всегда
Закон перемены течений.

ТОПРАК-КАЛА¹

Среди садов бежит река,
Над ней высокая скала —
Крутые желтые бока.
Ее зовут «топрак-Кала»,
Что значит — крепость из земли.
Она, как гроб, видна вдали.

А на вершине дом стоит:
Его легко находит взор.
Кругом хребты: угрюмый вид
Покрытых снегом пестрых гор
К реке спускается овраг
За ним увесистый Вараг.

Дорожка вьется под холмом,
Потом взбирается на склон
К пещере с входом, как окном:
За поворотом виден он
В отвесной каменной стене,
Где эхо слышно в глубине.

---

¹ Топрак-Кала — «земляная крепость» (по-турецки). Отдельная скалистая гора над городом садов (Айгестан, или Новый Ван). На ней остатки древней крепости VIII века до Р.Х.

Дыра с порогом глубока.
За ней пещера — целый дом¹,
С волнистым сводом потолка.
Подавлен взор таким трудом:
Кто эту толщу продолбил?
Кто эти окна прорубил?

Овальный зал. Изрытый пол.
Вверху оплывшие слои.
Направо выступ, точно стол.
Вдоль стен уступы, как скамьи.
И выем сводчатый ведет
В широкий каменный проход.

Полсотни ребер — ступеней,
Крутой подъем и поворот.
Большая лестница. За ней
Квадрат разинутых ворот,
И свет лучистый в вышине
Из окон в каменной стене.

Площадка. Треснувший обрыв.
Внизу опять открытый вид.
Вверху утесы: как красив
Стеною срубленный гранит
И в нем пещера и над ней
Рубцы отвесных ступеней².

Тропинка лезет на откос
К стенам развалины пустой.³
Под ней отрывистый утес
Пугает взоры высотой
Внизу долина: реет мгла.
Темнеет Ванская скала

---

¹ Большая пещера, по-видимому, очень древней постройки. Работа грубая, поражает колоссальностью.

² Характерные вырубки на многих отвесных скалах Вана, по-видимому, предназначенные для лазания при помощи канатов.

³ Постройка давнего происхождения: турецкий наблюдательный пункт.

Вот земляные бугорки:
Кирпич сырцовый по краям.
Посуды глиняной куски.
Остатки стен и старых ям:
Следы раскопок прежних лет,¹
Далекой жизни жалкий след.

Но здесь ученые нашли
Постройки крепости былой.
Зарытой в глиняной пыли:
Ее зовут «Топрак-Калой»,
Но звалась иначе она
В те роковые времена.

Был храм когда-то на скале.
Здесь жил великий царь Русас:²
Наукой вырыты в земле.
Его дела дошли до нас
В словах исписанных кусков,
Которым двадцать семь веков.

Отсюда есть подземный ход³ —
Остаток древнего пути:
Он к Ванской крепости ведет,
Но им теперь нельзя пройти:
Под грузом тяжести и лет
Обрушен свод, проходу нет.

---

¹ В 80-х годах XIX в. здесь делали раскопки немецкие ученые В. Бельк и К. Леман. Вырыто много предметов, часть которых расхищена, а часть отправлена в Берлин.

² Царь Урартийской эпохи VIII в. до Р.Х. См. книгу Линча: Армения. Т. II.

³ Начало этого хода находится под восточным склоном «Топрак-Калы», где есть большое сводчатое углубление в виде пещеры с остатками древней постройки из крупных сырцовых кирпичей. Жители рассказывают, что начало хода было засыпано по приказанию турецкого паши, т.к. были случаи невозвращения ходивших туда людей, погибших от удушья.

С тех пор немало лет прошло,
Настала очередь армян.
Все царства время унесло,
Остался только древний Ван,
И турок власть осталась в нем.
Но и ее смело огнем.

Здесь был турецкий караул.
Отсюда видны все места.
Где старый враг давил и гнул
Упорных воинов Креста.
Их помощь русская спасла:
Свидетель ей Топрак-Кала.

АЙГЕСТАН¹ **(Новый Ван)**

Старый Ван разбросан за стеною,
Айгестан рассыпался в садах.
Смертью, злом, разломом и войною
Дышит вид в обоих городах.

Айгестан приветливый немного:
Есть народ и признаки жилья,
И к нему от озера дорога —
Как обух прямого лезвия.

Вдоль шоссе заплывшие канавки,
И дома без окон и дверей,
Мусор, грязь, разрушенные лавки
И ряды забытых пустырей.

Телеграф дорогу оживляет.
И возы с соломой ползут,
И народ по улицам гуляет,
И пожитки жители везут.

---

¹ Айгестан — в пер. «город садов». Новый Ван населен главным образом армянами.

Вот айсоры в войлоках рогатых¹
Семят с мешками ешаки.
Склад. Верблюды. Скопище вожатых
Арбы. Скот. Солдаты. Казаки.

Кое-где уж строятся армяне.
Детвора играет у канав.
Рядом с смертью в разоренном Ване
Божья жизнь свершает свой устав.

Штаб отряда. Кони. Вестовые.
Снова зелень, стены и сады.
Огороды, виды полевые,
Птичий гам, журчание воды.

ОБОРОНА ВАНА² (апрель 1915 года)

Ход весне открыт в апреле:
Зимний снег исчез в долинах
Всюду зелень, птичьи трели
И цветы на луговинах,

Все в цвету — миндаль, черешни,
Виноград в зеленых лапах.
Полон солнца воздух вешний,
Полон силы нежный запах.

На деревьях, точно иней, —
Все одел убор цветочный.
Ван³ сверкает ширью синей,
Берега — ковер восточный.

---

¹ Айсоры — народ халдейского племени, считаемый потомками древних ассирийцев. Рогатые войлоки — характерная верхняя одежда горных айсоров: нечто вроде бурки (светлого цвета) с остроугольно выкроенными плечами.

² Памятные для Ванских армян дни конца апреля 1915 года, когда они успели кое-как продержаться против осаждавших их турок, пока не подошли русские войска (отряд генерала Николаева).

³ Ван — озеро.

Вся природа миром дышит,
Беспокойны только люди:
Воздух взрывами колышет
Непрерывный гул орудий.

Жизнь поникла в древнем Ване,
Гнев пылает, слезы льются.
Из последних сил армяне
В ожиданьи русских бьются.

Бьются с злой турецкой силой
За родное достоянье.
За поля отчизны милой,
За свое существованье.

Бьются, милости не просят,
Все усилия напрягают.
Хлеб, патроны жены носят,
Дети взрослым помогают.

Всюду в городе пожары
Возникают, догорают,
Под ружейный треск фанфары¹
Песни бодрые играют.

Много случаев геройства,
Много мужества и пыла.
Но борьба такого свойства,
Что в запасах только сила.

Постепенно мусульмане
Круг осады замыкают,
С каждым днем в упорном Ване
Силы храбрых иссякают.

---

¹ Экстренная мера, принятая организаторами самообороны для укрепления духа осажденных.

А на помощь обороне
Уж давно спешат отряды,
Видят дым на небосклоне,
Слышат грохот канонады.

.....
Дом большой стоит над Ваном.¹
Там устроились аскеры
И стрельбой своей армянам
Надоели свыше меры.

Ночью к ним подходят люди.
Шорох, тьма, воды журчанье.
Вот к земле припали груди:
Окрик. Свист... В ответ молчанье.

Легкий стук... Не отвечают.
Смельчаки идут в ворота.
Турки залпом их встречают.
Слышат: ранили кого-то.

Все кидаются как звери.
Крик. Пальба. Удары. Стоны.
Колют, бьют, ломают двери,
Разряжают все патроны.

Турки сбиты. Шум, тревога...
А с зарей, глядят армяне, —
Видят, вся черна дорога:
Отступают басурмане.

Теплой лаской воздух веет,
Синий Ван шумит в прибое.
Все цветет и зеленеет.
Блещет небо голубое.

---

¹ Большая турецкая казарма. Вообще турки в самом Ване своих не держали, а располагали их на ближайших высотах вокруг города, держа его под постоянной угрозой обстрела своих орудий.

А вдали за тополями
Приближается колонна:
Над свободными полями
Реют русские знамена.

ГИБЕЛЬ ВАНА¹
(июль 1915 г.)

Отошли войска в июле
И с началом отступления
Курды сразу заглянули
В беззащитные селенья.

Поднялась тревога в Ване:
— Ах, зачем ушли отряды? —
И ворвались мусульмане,
Избивая без пощады.

Загорелся город старый,
Шли на улицах сраженья,
Дымной тучею пожары
Охватили все строенья.

По ночам была картина:
Тьма над городом пылала.
Золотая паутина
Волны дыма застилала.

Шум пожара гаммой грозной
С треском выстрелов сливался.
И, грустя в лазури звездной,
Месяц дымкой закрывался.

На смерть резались армяне,
В пламя женщины бросались,

---

¹ Окончательный разгром Вана в июле 1915 года, когда русский отряд временно должен был отойти. Началась общая паника под натиском осмелевших турок и курдов. Погибло множество народу. Город был подожжен главным образом самими же армянами, чтобы скрыть под развалинами зарытое в ямы имущество.

Наконец в сожженном Ване
Лишь развалины остались.

Да обобранные трупы —
Грабежа немые знаки,
Стен обугленных уступы,
Злые кошки, да собаки.

Город страшный и унылый
Давит смертною тоскою.
Веет запахом могилы.
Дышит мерзостью людскою.

Только солнце с небосвода
Ту же ласку излучает
И бессмертная природа
Ничего не замечает.

АВАНЦ

Берег. Пристани остатки.
Полусмытые мостки.
Камни, бревна в беспорядке,
Барж изломанных куски.

Светлый Ван на гравий плещет,
И хрустальная волна
Глубью прозрачной трепещет,
Светит проблесками дна.

Все спокойно. Вот селенье:
Жмутся домики к воде.
Лезк¹ желтеет в отдаленье,
Бродят люди кое-где.
Все спокойно. Бродят люди.

---

¹ Лезк или Леск— армянское селение в 2-х верстах от Аванца. Там же большая скала, на которой, по преданию, Семирамида построила храм. Видны остатки каменной кладки.

Шепчет с ветром светлый Ван.
А давно ль под гром орудий
Турки били здесь армян?

Отошли назад отряды.
Курды к Вану подошли
И повсюду без пощады
Разоряли, били, жгли,

Ванцы к пристани спешили,
Чтоб спастись через Ван
Турки войском окружили
Обезумевших армян.

Баржи, полные народу,
Колыхались тяжело,
От стрельбы спасаясь в воду
Все тонуло и плыло.

Шум прибоя, стоны крики,
Плач, угрозы и мольбы,
Все сливалось в грохот дикий
Беспорядочной борьбы.

Все мужское истребляли,
Чтоб пропал армянский род,
Женщин в баржах отправляли
И топили в свой черед.

.....

Все прошло. Никто не спросит,
Сколько жатвы смерть взяла.
Только Ван порой выносит
Полусгнившие тела.

Да порою ветер стонет,
Про минувшие бои. —
Словно озеро хоронит
Жертвы бедные свои.¹

**АХТАМАР
МОНАСТЫРЬ²**

Дремлют горы Курдистана
В сизой мгле воздушных хмар.
Дремлет в светлой глади Вана
Древний остров Ахтамар.

Остров желто буроватый,
Птиц кочующих приют,
Весь шершавый и горбатый,
Точно тонущий верблюдо.

Переливчато синее
Вод серебряная ширь
В складке острова темнеет
Живописный монастырь.³

Видны стены грубой кладки
Из растрескавшихся плит.
На обстроенной площадке
Церковь древняя стоит.

Купол острый, восьмигранный,
Окна в рамках и карниз,
На стенах рисунок странный
И кругом богатый фриз.

---

¹ Аванц или Искеле. Армянское селение в 6 верстах от города Вана. Лежит на берегу озера. Служит постоянной пристанью для города. Жители его занимаются рыболовством и каботажным плаванием по озеру.

² Древний монастырь X века по Р.Х. (см. Линча).

³ См. Примечание 2. Описан подробно у Линча.

Ряд узорчатой скульптуры
Опоясывает храм,
Крупной высечки фигуры
Выступают по стенам.

Голиаф, Адам и Ева,
Змей, ползучий виноград,
Иисус, святая Дева,
Древних мучеников ряд.

Под карнизом пояс ровный, —
Вязь фигурных завитков.
Строгость линий. Стилъ церковн
Настроение веков.

Две пристройки. Вход.
Колонны Купол с светлой пустотой.
В алтаре кресты, иконы
И орнамент золотой.

Фресок темные узоры;
Ниши, выемы дверей.
Сверху каменные хоры
С горельефами зверей.

Все и здесь пришло в упадок, —
Все ограбила война.
Но и этот беспорядок
Освящает тишина.

Только голуби воркуют,
Да в иконах алтаря
Лики скорбные тоскуют
О беде монастыря.

А снаружи за стеною
Спит над озером Сипаи¹
И немолчною волною
Плещет в берег синий Ван.

Греет солнце вечной лаской,
Ходят тени облаков
И на душу веет сказкой
Улетающих веков².

СЛЕПАЯ

В разоренном армянском селенье
Задержался отряд отдохнуть,
Казаки, добровольцы, солдаты
Разбрелись по дворам заглянуть.

Перерезали жителей курды,
Все добро перерыли до дна,
Лишь в одной полутемной пристройке
Уцелела старуха одна.

Уцелела старуха слепая
Посреди перебитой семьи,
Несмотря на свое истощенье
И на дряхлые годы свои.

Уж неделю она голодала,
И, не в силах подняться с земли,
Только слухом едва угадала,
Что какие-то люди вошли.

---

¹ Сипан или Сипан-даг. Большая гора на северном берегу Ванского озера (13700 ф.).

² Красивый скалистый остров на Ванском озере недалеко от Востана.

А вошли добровольцы армяне,
И их оторопь сразу взяла:
Трупный запах душил нестерпимо,
Вкруг старухи валялись тела:

С перерезанным горлом мужчина,
Молодая армянка в белье,
Две задушенных девочки, мальчик
И младенец в кровавом тряпье.

А старуха лежала живая
И, услышав вошедших армян,
Шевельнув головой, застонала:
— Ай, Нана!.. Арташес!.. Ай, Оган!¹

Добровольцы ее расспросили,
Но слепая твердила одно,—
Что ее позабыли родные,
Что ее не кормили давно.

Перед ней истерзали невестку,
Перед ней задавили внучат,
А старухе в потемках казалось,
Что они меж собою кричат.

Перед нею зарезали сына,
А она упрекала его,
Что ушел он зачем-то из дома
И поесть ей не дал ничего.

Простирая беспомощно руки,
Как ребенок, стонала она
И по несколько раз повторяла
Перебитых родных имена.

---

¹ Собственные имена у армян.

Добровольцы смущенные вышли, —
Их незрячий преследовал взгляд,
А селенье уже опустело:
Уходил отдохнувший отряд.

И один армянин воротился,
Зарядивши патроном ружье.
На полу шевелилась старуха.
Он печально взглянул на нее.

На полу шевелилась старуха,
Трупный запах чуть с ног не валил...
Армянин помолился, заплакал...
И не глядя ее пристрелил¹.

БЕН-ДИМАХУ²

Из Вана есть широкая дорога:
На север путь ведет к Бегри-кале.³
По сторонам остатков всяких много
Пестреет на земле.

Обломки арб, разбитые кадучки,
Котлы, тазы, корзинки, башмаки,
Баранья шерсть, тюфячные подушки
И рваные мешки.

Там старый пост, там брошенная зыбка,⁴
Там труп быка, ободья от колес,
Там черепа — безглазая улыбка,

---

¹ Действительный случай 1 мая 1915 года в сел. Корсот между Бегри-Калою и Ваном. Рассказан мне уполномоченным союза городов К.И. Амбарцумяном.

² Бен-димаху довольно большая река, впадающая в северо-восточный угол Ванского озера. Описанное в этом стихотворении избиение бежавших армян произошло в июле 1915 года.

³ Старая турецкая крепость к северо-востоку от озера Ван. Район этот населен курдами. Через Бегри-Калу ведет дорога от Вана на Игдырь и Эчмиадзин через Тапаризский перевал и Баязет.

⁴ Детская люлька.

И пряди женских кос.
Лежат тела, — уродливые позы,
И тленный дух волнует и гнетет.
Журчат ручьи, — как будто льются слезы,
И в поле хлеб растет.

Пошли холмы. Дорога в гору вьется.
Кругом обрыв и скалы наверху,
И по камням внизу бурливо льется
Река Бен-димаху.

Не хватит слез, бессильны выраженья
И красок нет, чтоб все нарисовать:
Видны следы ужасного сраженья,
Каким уж не бывать.

С дороги здесь в одну сплошную груду
Сгребли мужчин и женщин, и детей.
В камнях, в воде белеются повсюду
Остатки их костей.

Здесь часть армян, оставших от отряда,
Настигла смерть от вражеской руки,
Здесь их казнила курдская засада
В извилинах реки.

Тепло и тишь. И думою печальной,
Как бы в ответ свершенному греху,
Шумит трава, и песенкой хрустальной
Журчит Бен-димаху.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ
(1915 г.)

Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
Спи, мой сын! я с тобой! ты со мной!
Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
Спи, дитя! спи, дружок! спи, родной!

Баю-бай, баю-бай! Тишина:
Даже озеро волною не плеснет.
Баю-бай, баю-бай! ночь темна,
Только сердце до рассвета не уснет.

Баю-бай! я боюсь! Боже мой!
Где отец? не пришел! мы одни!
Баю-бай! не узнать ли самой?
Ай, стучат!.. Тише! спи! спи! усни!..

Баю-бай, баю-бай! Ах! Оган!!!
Жив, мой бедный? для чего мы здесь дрожим?
Баю-бай, баю-бай! страшен Ван!
Турки, турки!!! Ах, скорей убежим!

Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
Ранен ты? кровь на лбу! милый мой!
Баю-бай, баю-бай, баю-бай!
Скоро ль день? Спи, сынок! Спи родной!!!

ВАРАГСКИЙ МОНАСТЫРЬ¹

I

Стоит он под горой на выступе оврага,
За склонами холмов, встающих из полей,
На фоне бурых скал зубчатого
Варага Средь верб и тополей.

---

¹ Древний армянский монастырь у горы Вараг. Турки называют его Едди-Килиса, т.е. 7 церквей. Основан в 10 веке по Р.Х. Васпураканским царем Сенекеримом Арцруни, который в нем и похоронен.

Обрушен свод ворот. Везде остатки хлама.
В постройках окон нет. Изрыт широкий двор.
Но каменный фасад поруганного храма
Прекрасен до сих пор.

Какая кладка стен! какой рисунок линий!
Три арки на столбах. Ступени сходят вниз.
Оттенок куполов оранжевый и синий.
Обломанный карниз.

Мозаика дверей. Сквозной проход притвора.
Лепной орнамент стен. Угрюмый, темный фон.
И двухколонный свод старинного собора
В красе стенных икон.

Вот древний царь Абгар,¹ — с ним Спас нерукотворный;
Мучитель Тиридат, Великий Константин;
Святая Гаянэ — лик нежный и покорный,
И ряд других картин.

Спаситель, Моисей и Иоанн Креститель,
Рипсима лицо — святая красота;
Сандухта, Григорис, Григорий просветитель.²
Все воины Христа.

Наивный склад фигур,³ коричневые тоны,
И фресок темный цвет набрасывает мглу.
Горелые куски и рваные иконы
На каменном полу.

Армянские кресты и надписи на плитах
Отмечен в их словах одиннадцатый век.
Вот царь Сенекерим, вот ряд могил забытых...
Ничтожный человек!

---

¹ Современник Иисуса Христа. По преданию, записанному Моисеем Хоренским, Спаситель исцелил его заочно, послав ему полотенце, которым он прикоснулся к Своему лицу (Спас нерукотворный).

² Просветитель Армении. Наиболее почитаемый армянами святой.

³ В рисунках много анахронизмов. Так, например, Константин одет в костюм Людовика XIV, что дает приблизительное понятие о времени создания этой фрески.

Обугленный багет, изломанный орнамент,
Разрушенный алтарь, и в нем изрытый пол,
И черный, как графит, приподнятый фундамент —
Ограбленный престол.

И клинопись на нем:¹ ирония Господня! —
Язычество и крест. И все разорено.
Вчера здесь жил Христос, — осталось сегодня
Язычество одно.

Две церкви по бокам: потемки, паутина,
Колеса и плуги, куски цепей и рам.
А вот еще собор: такая же картина,
Такой же странный храм.

Три купола целы, четвертый обвалился:
Небрежности и лет слепое торжество.
И видно, что давно никто здесь не молился:
Все дико и мертво.

Большой квадратный двор. Журчание фонтана.
Построек новых ряд; в земле обрывки книг;
Изломанный станок печатни Серванцтяна²
И дом, где жил «гайрик».³

---

¹ Фотография этой клинописи находится в Кавказском музее. Характерно то, что многие армянские церкви построены на местах древних языческих храмов, части которых входили в состав и новых построек. Нередко в разоренных армянских церквях обнаруживаются обломки древних колонн и фризів иногда с очень ценными надписями. Христианское духовенство первых веков усиленно уничтожало все следы язычества, закрывая их своими храмами.

² Епископ Гарегин Серванцтян, настоятель Вагарского монастыря, исследователь и собиратель церковных преданий и народного эпоса. Преемник епископа Хримяна. впоследствии каюликоса всех армян. Умер в Константинополе в 1892 г.

³ «Гайрик» по-армянски «отец», известное всему армянскому народу название знаменитого католикоса Мкртыча Хримяна.

II

Я смотрел в Вагарском храме
На ограбленный престол
И в сожженном, грязном хламе
Образ сорванный нашел.

Холст овальный медальоном.
Божья Матерь: свет лучей,
Нежный лик в платке зеленом
С грустной ласкою очей.

Губы — цвета алой крови.
Нос склоненный и прямой.
Как крутые дуги брови
Под изогнутой каймой.

Уголок рубашки красной
К шее девственной прильнут.
Взгляд заплаканный и ясный
Мыслью в небе потонул.

И рисунок чуть наивный
И цвета не все верны,
Но какой-то силой дивной
Все черты озарены.

Матерь Божья! кто с Тобою
Этой кистью говорил?
Кто с надеждой и мольбою
Образ Твой боготворил?

Сколько слез Ты осушила?
Сколько слабых подняла?
Сколько горя потушила?
Сколько радостей дала?

И теперь в забытом соре
Я нашел Твой лик святой
С вечной ласкою во взоре,
С вечной юной красотой.

В этом горе и разгроме
Злой рукой оскорблена,
В разоренном Божьем доме
Уцелела Ты одна.

И с иконы обветшалай,
Тайны прошлого храня,
Ты с улыбкою усталой
Грустно смотришь на меня.

III

А вот еще кусок холста:
Спаситель, снятый со креста,
И три Марии и Иосиф.
Его порвали, в мусор бросив, —
Христос без ног остался в нем
И краски тронуты огнем.
Изорван холст затерты лица.
Грустна измятая страница
Людской вражды и темноты,
Страданий вечной красоты.

IV

Армянский монастырь Вараг семицерковный
Одна из тех святынь, какими славен Ван.
Его воспел отец Армении духовной
Великий Хримиан¹.

Воспураканский царь Сенекерим Арцруни.
Построив монастырь, почил в нем вечным сном.
Жена его из рода Багратуни².
Создала церковь в нем.

---

¹ Хримиан был большой поэт.

² Об этом свидетельствует надпись на стене этой церкви рядом главным собором. Эта разрушенная церковь поражает громадностью обтесанных глыб, из которых сложены ее стены. Надпись на древнем армянском языке: «Я Хушуш хатун (госпожа) из дома Багратуни жена Сенекерима Арцруни построила этот храм. Вспоминайте меня у Христа».

Еще десятый век свидетель основанья
Его высоких стен и светлых куполов,
Хранящих до сих пор печать очарованья
Невысказанных слов.

Над ним неслись века. Событий перемены
Касались и его в молитвенной тиши.
И веру берегли его немые стены,
Как свет своей души.

Он видел смену царств, величье и невзгоды,
И скорбь и торжество и беды христиан.
Как золото, хранят его святые своды
Предания армян.

И нем жил и поучал, работал и молился
Святитель Микиртич — прославленный «гайрик».
Над тайнами легенд в нем Серванцтян трудился
В кругу старинных книг.

В последнюю войну в его стенах армяне
Спасали жен, детей от варварской резни¹.
Их кровь лилась рекой в селениях и в Ване
В те памятные дни.

Его не пощадил народ искоренитель:
Он курдскою ордой ограблен дочиста.²
В развалинах стоит сожженная обитель
Печальна и пуста.

Вдали синеет Ван. Хребты встают стеною.
Безмолвен монастырь, забыт и одинок
Молчит бывшая жизнь, и только с тишиною
Болтает ручеек.

---

¹ В апреле 1915 года множество народу помещалось в монастырских пристройках Варага. Мужчины отстреливались от турок и курдов в окопах недалеко от монастыря.

² Грабили курды Хошабского (соседнего) района.

За ширью светлых вод седой Сипан маячит,
Темнеют под горой постройки и сады.
И чудится душе, что кто-то горько плачет
Под жалобу воды.

ВОСТАН¹

С Топра-Калы, как с древней пирамиды,
Широкий вид охватывает взор:
Востанский мыс, террасы Артемиды²
И озера простор.

Из Вана вьет по берегу дорога
Через поля и выпуклины скал
На сгиб плеча Артосского отрога —
Востанский перевал.³

С него видны вершины Курдистана, —
Хаос хребтов, как каменный кошмар.
Изрытый горб — позиции Востана
И остров Ахтамар.⁴

Внизу сады в изгибах речки бурной
И переплет распаханых полей.
Волнистый скат и у воды лазурной
Граненный мавзолей.⁵

---

¹ Турецкое селение Вастан в 12 верстах к западу от г. Вана. По-арм. Востан.

² Ардамет — Артемида или Адрамит — турецкое селение на берегу Ванского озера в 18 верстах к западу от г. Вана. Очень красивое расположение. По преданию основано легендарной Семирамидой, построившей здесь целую систему уступчатых террас, засаженных садами, называвшимисяисячимами. Летняя резиденция Семирамиды (см. Линча).

³ Перевал у села Востан и горы Арто. Укрепленные позиции русских в 1915 г. Известен боями.

⁴ Красивый скалистый остров на Ванском озере недалеко от Востана.

⁵ Турецкий памятник мусульманской эпохи. Теперь ограблен и поврежден. Надпись на арабском языке.

Обломки стен, солдатские землянки,
Навесы, скот, солома, склады дров,
Обоз, войска, — все признаки стоянки,
И курево костров.

По склону вверх зигзаги вьет дорога...
Окоп... Блиндаж... Вверху змеистый вал
И часовой, как сторож у порога:
Востанский перевал!

Ушел назад высокий зуб Артоса.
Вон — Ахтамар, как тонущий верблюд;
Белеет дом в саду католикоса¹
И в берег волны бьют.

Кое-где людьми чернеются высоты.
Внизу дымки, — разложены костры.
Рысит казак и длинный взвод пехоты
Ползет из под горы.

Картинный вид. войною порожденный:
Стоят войска и горы стерегут,
И тот порог, их грудью загражденный,
Враги не перейдут.

Здесь треск пальбы привыкли слушать люди
И вражьих сил движенья замечать,
Привыкли жить под грохот их орудий
И тем же отвечать.

Священный край. Здесь пролитою кровью
И влагой слез напитаны хребты.
Здесь Божья Скорбь приникла к изголовью
Востанской высоты.

---

¹ Довольно благоустроенное место на берегу Ванского озера против острова Ахтамара. Там до войны 1914–1916 гг. жил автономный католикос турецких армян, не признававший верховенства Эчмиадзина. Последним был Хачатур, могила которого находится на острове Ахтамаре. См. Линча: Армения. Т. II.

Стоят войска спокойно и сурово,
И Бог их здесь не даром приковал;
Пройдут века и живо будет слово:
«Востанский перевал»

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ ВАН¹

В разрушенном городе гром ликования,
Веселый, торжественный шум:
Сбылися народной души упования,
Взят Эрзерум!!!

Объявлена радость войскам и народу
И льется в сердца, как волна, —
Победу героев, успех и свободу
Славит она.

Священник на площади речь произносит
Толпа умиленно молчит.
Он Богу хваленье народа возносит
Пенье звучит.

У церкви собрались войска для парада.
Сказать о победе пора.
И всех поздравляет начальник отряда:
— Ванцы! Ура!!!

Да здравствуют храбрые русские люди
И к родине наша любовь!
Не даром под грохот победных орудий
Пролита кровь. —

---

¹ Торжество в г. Ване по случаю взятия Эрзерума 2 февраля 1916 г. Нужно было быть на месте среди Ванских армян, чтобы видеть их радость по поводу падения Эрзерума. Этим кончилось их многовековое рабство. Восторг народа не имел границ: люди буквально плакали от счастья. Ликовала толпа обездоленного, разоренного народа, потерявшего все свое состояние, множество самых близких родных. Взятие Эрзерума сразу вселило в них уверенность в окончательном торжестве над исконным врагом.

Забыты невзгоды, снега и морозы,
Кровавых сражений пора,
И радостно льются счастливые слезы;
— Ванцы! Ура!!!

Из стен Эрзерума восходит свобода
Россией спасенных армян,
И день окончания рабства народа
Празднует Ван.

Перед этой картиной героической отваги
Молчит человеческий ум.
И только колышутся русские флаги:
Взят Эрзерум!!!

**СОНЕТ-АКРОСТИХ
ОВАННЕСУ ТУМАНЯНУ**

О чем грустишь, задумчивый поэт?
В твоих глазах мы видим тень укора.
Армянский бард! Ты грустен, что не скоро
Народам Бог пошлет покой от бед.
Но это будет: стихнут волны спора,
Едва в сердцах забрезжит новый свет —
Святой огонь... Уже полсотни лет
Тоска о нем твои туманит взоры.
Уныл наш мир, как темный жуткий лес,
Могила грез, святилище обмана.
А все же и в нем сквозит лазурь небес.
Нет! Не померкнет солнце Айастана.
Яснеет даль: ты видишь, Ованнес?!..
Не умолкай: нам нужно Туманяна!!

20 февраля 1919 г.

В конце марта 1916 года А. Кулебякин писал: «Ванские стихотворения написаны мною под непосредственным впечатлением виденных мест и слышанных рассказов. Я был в Ване с ноября 1915 по март 1916 года. Невыразимо тяжелое настроение навевает этот дотла разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает даже ужас запустения и гибели. Красота синего озера Вана в серебряной рамке запорошенных снегом гор, прозрачность вод, ясность неба, чистота воздуха и богатство солнечных красок очаровывает душу каждого наблюдателя. Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца.

Город Ван первоначально занят русскими в мае, а последнее разрушение его закончено в июле 1915 года, когда наши войска на короткое время должны были отойти.

Нужно много времени и труда, чтобы восстановить мирную жизнь в этом сожженном краю, но история отметит пережитую кровавую эпоху величественными чертами.

Одно имя «Ван»¹ уже много говорит тем, кто любит и знает историю, особенно же тем кто в нем пережил и выстрадал войну, не говоря уже о детях того народа, который теперь ценою долгих страданий и жертв дожидается, наконец, до счастья освобождения от векового гнета турок. Бог даст, сгладятся следы пережитого тяжелого времени, и настанут более счастливые дни освобожденного Россией края, но тем поучительнее тогда будет оглянуться на пережитое и ярко представить себе те картины разрушения и смерти, которые породила нынешняя мировая война в этой древней ране, овеянной дыханием неразгаданной красоты».

А.К.

25 марта 1916 года, Ван».

---

¹ Ван — областной город Турецкой Армении на берегу озера того же имени. Основан по преданиям, Семирамидой. Другие его древние названия: Шамирамакерт, Тосп, Дуспас. В июле 1915 года разрушен почти до основания курдами, турками и самими армянами после отхода русских войск. Предлагаемый цикл стихотворений относится к эпохе последней русско-турецкой войны 1914–1915 гг.

ВАС. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Василий Иванович Немирович-Данченко — русский писатель, поэт, журналист, военный корреспондент во время русско-турецкой войны 1877-78, русско-японской войны 1904-05, Первой мировой войны 1914-18 гг. Автор многих романов, стихотворений, мемуаров, корреспонденций. Собр. соч. в 50-ти книгах (П., 1916). Написал цикл стихотворений об Армении.

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

I

НА БЕРЕГУ ЕВФРАТА

Мой старый дом стоял на берегу Евфрата...
Смоковницы над ним раскинулись шатром.
У моего окна румяная граната
Вся в девичьих устах. И алых роз дождем
Осыпана земля... К воде спускалось поле.
Я тонкорунных коз пасла... По вечерам
Любила я свирель тоскующую брата
И, птиц слетающих к смолкающим садам.
Наш белый дом стоял на берегу Евфрата...

Наш милый дом стоял на берегу Евфрата...
Я помню: мать, окончив знойный день,
Певала часто нам в прощальный час заката
О тихих радостях смиренных деревень,
О старине седой, о витязях свободных,
Державших меч святой в защиту прав народных,
Ученых иноков в тени монастырей.
О праведных царях, хранивших нас когда-то
От козней и обид чужих и злых людей.
Мой чудный сад стоял на берегу Евфрата...

Наш белый дом стоял на берегу Евфрата...
Мы жили в стороне от распри и тревог
И только изредка стремившихся куда-то
Аскеров видели... И тихий наш порог
Вражда и ненависть еще не посещали.
Пожарами кругом не загорались дали...
С верблюдами на юг шел пыльный караван
Водой студеною меха из Эль-Абада
Мы наполняли им, арабам чуждых стран.
Наш милый сад стоял на берегу Евфрата...

Мой старый дом стоял на берегу Евфрата...
И купы пальм росли у мутно желтых вод,
И в светлые часы молчанья и прохлады
Туда в убогий храм молиться шел народ.
Священника мы слушать были рады
Венцы чернели их на полымье заката.
И видеть в алтаре животворящий крест.
Армяне верили: ни мести ни захвата
Не будет в тишине благословенных мест...
Душистый сад стоял на берегу Евфрата...

Наш бедный дом стоял на берегу Евфрата...
И как-то раз вдали... О, не забыть тот день!
Бегущая толпа, отчаяньем объята,
Нахлынула на нас из отчих деревень.
Кровавые на ней еще сочились раны.
Там были женщины и дети из Аданы,
Из Лаллы, Эйменэ и Таша, и Метли...
За ними злая смерть от пули и булата,
Пожарище и вопль замученной земли...
Наш бедный сад стоял на берегу Евфрата...

Наш белый дом стоял на берегу Евфрата...
От крови покраснев струилась вода.
За ружья мы взялись... но, смелые когда-то,
Что мы могли теперь, невольники труда!
Колосья под серпом: легли отцы и братья...
И буйный крик убийц и вопли и проклятья...
И корчилась земля. Казалось в огне

Дымились небеса... Бежала я куда-то...
За мною волчий вой... Где схорониться мне?
Наш бедный сад затлел на берегу Евфрата.

Наш милый дом горел на берегу Евфрата...
Упала я в песок... зову своих сестер...
С тоскою кличу мать, ищу глазами брата...
Но все мертво кругом. Родимую в костер
Злодеи кинули... Ползти уже не в силах,
Осталась я одна на дедовских могилах...
Молила смерть: «Приди!» И слышала кругом
Как-будто гул зловещего набата.
И жадный свист огня и черных ружей гром.
Дымился старый сад на берегу Евфрата.

Мой отчий дом сгорел на берегу Евфрата...
И вдруг звериная ко мне припала пасть...
За счастье светлое жестокая расплата —
Мне суждена была презреннейшая часть!
Я — труп истерзанный поруганной святыни!
Я — падал жалкая, забытая в пустыне!
Лохмотье смрадное заброшенных дорог...
Цветок семьи моей, любимая когда-то,
Я псицею влачусь у ненавистных ног.
О, где душистый сад на берегу Евфрата?¹

---

¹ Здесь и далее стихи публикуются по: Не убий. Геноцид армян и русская поэзия. 1895-1918. Изд. Музея-института геноцида армян. Составление, редакция и вступительный очерк доктора филологических наук, профессора Амирханяна М.Д. Ереван. 1996. С. 93-103.

У БЕРЕГОВ ЕВФРАТА

II ЗНАМЯ

Я уношу с собою вдаль
В край злобных джинов и эблиса
Душистых роз моих печаль
И строгий траур кипариса.

Кругом пески чужих пустынь,
Небес сверкающее пламя...
Где гор родных святая синь?
Где ты, моей дружины знамя?

Как белый снег вершин чиста,
Его мне девушка вручила.
Животворящего креста
На нем божественная сила.

Оно овеяно молитв
Восторгом, радостью, тоскою.
Его в громах кровавых битв
Держал я твердою рукою.

За ним незримые вослед,
Покинув тьму могильной сени,
Стремилась вестники побед,
Бойцов разорванные тени.

Но час ударил роковой,
Я пал в бою, мечом сраженный,
И знамя выхватил другой,
И спас в борьбе ожесточенной.

Очнулся я в тени чинар,
В багровом полыме заката.
Прохладою сменился жар
Над желтой ризою Евфрата.

Синел восток. Ночная мгла
Как-будто свиток дня свивала
И тень сизого крыла
Его от света заслоняла.

Там пенье труб... Там вражий стан...
Коней пронзительное ржанье...
И рать усталая армян,
Ее суровое молчанье...

Нас мало было. Враг силен...
Я ждал последнего удара
И колыхался небосклон
Цветами алыми пожара.
И ночь прошла. И знойный день...
Я поднят был как труп бездушный...
И вот теперь влачусь как тень,
Как раб безвольный и послушный.

Иду... Куда?... Зачем?... Молчу...
В пески пустынь? Спросить не смею!
Как вол свистящему бичу
Я гну истерзанную шею.

Но снятся мне издалека
Благоуханные долины.
Моя библейская река
И знамя белое дружины.

Возврата нет! Не станет сил
Уйти дорогою безводной
В далекий край моих могил,
В нетленный рай земли свободной.

Воскреснет родина моя!
А я — боец ее плененный,
Любовь и ненависть тая,
Умру в пустыне отдаленной.

Но в час последний надо мной
И в блеск и в зной ее пленящий
Святого стяга золотой
Увижу крест животворящий.

И я душой в родную даль
Уйду от джина и эблиса
В душистых роз моих печаль,
Под строгий траур кипариса.

ИЗ ПЕСЕН ОБ АРМЕНИИ

Я уношу с собою в даль,
Где солнце, счастье и свобода, —
Несчастной родины печаль
И песнь воскресшего народа.

Она, как ласточка весной
Под старой кровлею... С любовью
Весь день щебечет надо мной
А ночью никнет к изголовью.

Ее гнездо в душе моей.
С лучами первыми денницы
На клич ее из-за морей
Ко мне летят родные птицы.

И в отчий край в былые дни
Зовут тоскующего сына —
К руинам царственным Ани
И в строгий храм Эчмиадзина.

**ПЕСНИ О ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ
МОЛИТВА ЭМИГРАНТА**

Я помню вас, чудесные сады
Далекой родины над братскою могилой
Моих отцов, сраженных в час беды
У мирных очагов слепой звериной силой.
Ты вся теперь — печальный саркофаг
В развалинах церквей, дворцов и старых башен...
Там свищет бич, неистовствует враг,
И льется, как вино, святая кровь из брашен.
О, нет таких невероятных мук,
Каких бы ты, моя Армения не знала
С тех пор, как вся под игом подлых рук,
Прекрасный рай земной, ты черным адом стала.
Но ты жива и в трепете чинар,
И в говоре ручьев, и в тишине священной —
Родная песнь, в ней предков жар,
В ней слезы матерей, в ней клич грозы военной.
Из крови жертв нетленные цветы...
Из праведных мощей — победные дружины...
Предания — грядущего мечты,
Гнездо и колыбель, где дремлют исполины.
Армения! Ты слышишь ли набат?
Твои ли шелестят знамена?
Прими меня, многострадальный брат,
Без злого ропота и позднего упрека...
Я весь остыл в холодной стороне.
Вдали я забывал тоску родимых песен
И мать, чья кровь горячая во мне...
И край, мой отчий край казался чужд и тесен.
Но в эту ночь уже не стало сил,
Вся жизнь моя — как темные кулисы
Над тишиной торжественных могил,
Где желтый мирт цветет, и плачут кипарисы.
Голгофою Армении родной
Явилось прошлое...
И лучше мне, как брату,
Быть на кресте мучительном с тобой,
Чем мстительно кричать: «Распни ее» Пилату...

ВЕСНОЮ
(из армянских впечатлений 1914 г.)

Цвели застенчивые розы
Благоуханною весной.
Капризно вьющиеся лозы
Убрались листвой золотой.

Родной земли открылось лоно.
Пьянела мысль... Бродила кровь.
И с страстной жаждой у балкона
Уста гранат пылали вновь.

Тысячерукие титаны
Полузабытой старины
Благословляли нас платаны
Прохладой вечной тишины.

Природа-мать, лаская око,
Щедрее ткала каждый день
Цветами пышными востока
Печаль сожженных деревень.

Святых вершин живые воды
Стремилась в рай родных долин.
Уже встречал зарю свободы
Веселой песней армянин.

Неописуемые муки
Свивались прочь, как злые сны.
Под эти радостные звуки
На светлом празднике весны.

Быстрее птиц слетались вести:
«Вставай, молись, спасенья жди!
Идут бойцы народной чести,
Освобождения вожди.

Как тучи гневной непогоды
В туманах севера, они
Таят в рядах своих свободы
Молниеносные огни...

Мы верим, близок час расплаты!
За ружья — в строй! Воскресший брат,
Ты слышишь дальние раскаты, —
Побед обещанных набат?..»

И если пасть судьба сулила,
Так лучше встретить смерть в бою, —
Чем гнуть, как смрадная могила,
В тобою преданном краю.

Ю.А. ВЕСЕЛОВСКИЙ

Юрий Алексеевич Веселовский — первый русский деятель культуры целенаправленно и системно изучавший армянскую литературу, первый издатель сборников армянской литературы на русском языке, первый русский автор монографий об армянских писателях. Юрий Веселовский неоднократно в своих работах освещал трагическое положение армянского народа. Он как активный популяризатор богатейшего духовного наследия армянского народа в русской среде, в течение всей своей жизни систематически исследовал армянскую литературу и культуру. Его работы публиковались на страницах широко распространенных тогда органов печати и по мере накопления издавались в литературно-критических сборниках. В его статьях объективно отображены светлые начала и теневые стороны армянской действительности. В этой связи большой интерес представляет статья Ю. Веселовского «Тогда и теперь», опубликованная в № 9 за 1916 г. в журнале «Армяне и война». В этой статье Веселовский как бы подводит итог той большой работе по ознакомлению русского общества с армянской действительностью, которая проводилась за последние два с половиной десятилетия. Он справедливо подчеркивал, что теперь, как никогда возрос интерес русской публики к армянской действительности, что лет 20-25 назад, хотя и выходили «в свет книги об армянах, переводились армянские рассказы и стихотворения», время от времени публиковались в периодике статьи, то теперь все это приняло более широкий характер и главное теперь «со всем этим знакомятся более обширные круги читателей».

Что же привело Ю. Веселовского к выступлению в печати с такой публикацией? Ответ на этот вопрос мы находим в его же словах. На праздновании юбилея 10-летия литературной деятельности в январе 1900 г., в ответном слове Ю. Веселовский сказал: «Я занимался и занимаюсь армянской литературой, так как эта литература имеет присущие ей привлекательные стороны, это сокровище, к которому, к сожалению, нужно признать, очень мало кто приходит. Я отношусь к изучаемым материалам как человек и, верно, не знаю, как еще можно к этому относиться. Я не знаю более привлекательной идеи, чем идея всеобщего братства. Верно, что этой, да этой идее принадлежит будущее и рано или поздно победит. Именно этой идее я ставил на службу до настоящего дня свое слабое перо, этой же идее поставлю на службу и в будущем мои скромные силы».

Стихотворение «Из поэмы “Думы армянского узника”» публикуется по «Армянскому вестнику» (1916, № 3)¹. «Узнать Армению, восток...», «Армения», «Армянскому народу», «Старый армянин к маленькому сыну».

ИЗ ПОЭМЫ
«ДУМЫ АРМЯНСКОГО УЗНИКА»²

Заснул Босфор в объятьях ночи чудной...
Ильдиз — киоск в молчанье погружен...
Затихло все на улице безлюдной;
Базар и храм — все погрузилось в сон!

Но он не спит в сырой своей темнице...
Герой-борец, в безмолвный час ночной
Проклятье шлет бездушной он столице
И рвется вдаль, к стране своей родной.

Он родился в Армении несчастной
И, с давних пор свидетель мук и зла.
Он скорбных жертв услышал вопль ужасный
И увидал, как братьев кровь текла!..

И здесь, в тюрьме турецкого султана,
Вдали от всех тоской души томим.
Он вспомнил вновь заветный берег Вана —
И встала вновь Армения пред ним.

---

¹ «Армянский вестник» — еженедельный общественно-политический и литературный журнал, посвященный вопросам армянской жизни, был основан в начале 1916 г. Московским армянским комитетом и просуществовал до весны 1918 г. Его целью было доводить до русской читающей публики страницы прошлого армянского народа, публиковать современные материалы общественно-политического и публицистического характера, художественные произведения об армянской действительности и освещать вопросы из национальной жизни армян. Это было одно из интереснейших периодических изданий, публиковавшее богатый и разнообразный материал из жизни «малых» народов России.

² Здесь и далее стихи публикуются по: Давтян А.М. «Юрий Веселовский и армянская литература». Ереван. 1970. С. 278-296.

И вспомнил он, как, горем истомленный.
Он поклялся всей славою отцов
Будить умы в отчизне угнетенной
И не щадить безжалостных врагов!

Его призыв могучею волною,
В годину мук пронесся над страною;
Он звал армян бороться с грозной тьмою,
Он говорил о новом, светлом дне.

Он говорил: «Не вечен сон народа,
Не вечен гнет турецких палачей.
Смирится курд... вернется к нам свобода...
Лишь жизнь должны любить мы горячей!»

Печаль и мрак в сырой его темнице,
Где стойкий вождь, не сломленный судьбой,
Проклятья шлет врагам своим в столице
И смерти ждет за смелый подвиг свой.

Но не страшит конец его ужасный.
Он не один... уж много есть борцов!
На их крови в Армении безгласной
Воскреснет вновь геройский дух отцов...

А он умрет, бесстрашный, благородный,
Храня в душе надежды юных лет;
В своих мечтах он видит край свободный.
Он смело даст мучителям ответ!

Не станет он молить в слезах султана,
Своих друзей не выдаст до конца...
Но ... кто придет на берег дальний Вана,
Сказать, что нет уже борца?!

УЗНАТЬ АРМЕНИЮ, ВОСТОК...

К армянам

Я не родился там, где вы могли родиться,
Востока жаркий луч меня не согревал.
Нет! В северной стране я должен был томиться,
Но я далёкий край любить не перестал.

Он вдохновлял меня; меж трудностей науки
Он для меня светил отрадною звездой,
Я видел новый свет, другие слышал звуки,
И я стремился вдаль восторженной душой.

Аракса древнего шумящее течение,
Под шапкой белою великий Арарат,
Развалины дворцов и замков разрушение
Мечтанья разные невольно возбуждают.

И вспомнил я тогда про древние сказанья,
Победы Гайка я, Арама воспевал,
Тиграна славного великие деянья
Я с уважением и страхом вспоминал.

Я пел о мужестве великого Вардана,
О славных с персами сражениях я пел;
Про горестный конец и гибель Айастана
Народу своему поведать я хотел.

А вы, рождённые под ярким солнца светом,
Узнайте, что в глуши, средь северных лесов,
Я не могу никак быть северным поэтом, —
Восточную страну я воспевать готов.

Я вам сочувствую, о дети Айастана,
Одно заветное мечтание храня:
Быть может, день придёт: средь мрачного тумана
Взойдёт на небосклон Армении заря.

1887

АРМЕНИЯ

Есть древний край — о нем давно забыли,
Но вспомнить вновь судьбу его пора!
О, тяжелы его страдания были ...
Он смерти ждал — но дожил до утра.

В былые дни он знал иную долю,
Свободных стран изведаль он удел!
Он вел борьбу за веру, честь и волю,
В глухую ночь, как светоч, он горел.

Те дни прошли... Покорен и печален
Стал древний край, тяжелым сном объят.
Он был теперь страной немых развалин,
Угасших грез, разрушенных палат.

Где прежде жизнь свободно расцветала,
И бодрых сил исполнен был народ,
Склонив чело, все молча трепетало,
Снося врагов тяжелый, грубый гнет . . .

Страна борцов, подвижников, героев!
Ты скорбный крест, Армения, несла ...
Средь диких зверств, пожаров и разбоев
Грозила смерть — но ты не умерла!

Пусть ты была безмолвна, как могила,
Угасла жизнь, не стало красоты, —
Но ты в душе глубоко сохранила
Счастливых лет порывы и мечты.

И в дни борьбы великой и тревожной
Вновь над тобой рассеялся туман, —
И стала вновь твоя мечта возможной,
Забытый край, печальный край армян!

Встречая тех, кто нес им избавленье.
Твои сыны рвались отважно в бой, —
И там, где жизнь сулила лишь мученье,
Там новый путь открылся пред тобой.

АРМЯНСКОМУ НАРОДУ

Когда свобода оживится
И время славное придет,
Народ армянский устремится
На притеснителей вперед.

Великий день! Тогда судьбою
Решится долгий, тяжкий спор
Пред возмущенною толпою
Враги увидят свой позор.

И взглянет мир с немым презреньем
На козни злобные врагов.
И вы помчитесь с упоеньем
В освобожденный край отцов.

Пусть в вашем сердце вспыхнет пламя:
Вперед, Армении сыны!
Уж рог трубит, взвилось знамя
Опять прославленной страны.
1887–1888

В АРМЕНИИ

В былые годы я стремился
Увидеть сказочный Восток;
Я молод был, и веселился,
И наслаждался, сколько мог.

И мысль моя неслась далеко,
Я об Армении мечтал,
И песни дивного Востока
Я там услышать ожидал.

Но я рвался туда напрасно
И не попал я в дивный край;
Сказали мне: и здесь прекрасно,
Ты лучше север воспевай.

Прошли года — я изменился
И стал угрюм и одинок,
Но все, как прежде, я стремился
Узнать Армению, Восток.

Мне было грустно; истомленный
Работой тяжелой и трудом,
Я все мечтал, изнеможенный,
Найти покой в краю чужом.

Прошли года; и сединою.
Моя покрылась голова,—
А я все здесь; передо мною
Шумит по-прежнему Москва.

Навек потухло вдохновенье,
От светлых мыслей я далек;
Затихло прежнее стремленье:
Узнать Армению, Восток...

СТАРЫЙ АРМЯНИН К МАЛЕНЬКОМУ СЫНУ

— Ты расти, сынок мой милый,
На войну пойдём,
Собирай свои ты силы
Для борьбы с врагом.

И когда промчатся годы,
Взяв тяжёлый меч,
Ты пойдёшь искать свободы
Среди грозных сеч.
Пусть исчезнет угнетенье...
Что ж, сынок, молчишь?
Иль боишься ты сраженья
И пред ним дрожишь?

— Нет, отец, прошло то время,
Я пойду с тобой;
В руки меч, а ногу в стремя,
И помчимся в бой.

Не боюсь я супостата
И его полков —
У подошвы Арарата
Умереть готов!

— Так, мой сын! Промчатся годы,
Мы вперёд пойдём, —
Мы пойдём искать свободы
Среди сеч с врагом...

1887–1888

НОЧЬ НА АРАЙРСКИХ ПОЛЯХ В ГОДОВЩИНУ БИТВЫ ГОДА
(Баллада)

Ночь; все мирно засыпает,
    Поднялась луна;
Только плещет и играет
    На реке волна.
Я один; передо мною
    Древняя земля,
Освещенные луною
    Славные поля.
Здесь сражались исполины,
    Срашный бой кипел,
Враг армянские дружины
    Истребить хотел.
Вот и полночь наступила,
    Я брожу один,
Жду, что встанет из могилы
    Славный исполин.
Вдруг военный крик раздался,
    Грозный крик армян,
С храбрым войском приближался
    На коне Вардан.
Вкруг Вардана собралися
    Славные полки,
В строй персидский понеслися
    К берегам реки.
И шумят Тигмута (!) воды,
    Как в былые дни,
И он вспомнил, в прежни годы
    Как дрались они.
И сражаются герои,
    Славный бой кипит,
И над древнею рекою
    Сам Вардан стоит.
Бой окончен; вмиг пропали
    Славные войска,
И в уныньи и печали
    Древняя река.
«Не вернуть уж нам свободы

И побед отцов
И нельзя, как в прежни годы,
Побеждать врагов»
Вновь затишье наступает,
Крепко спит земля,
Бледно месяц освещает
Славные поля.

ЗА РОДИНУ

(Баллада из времен борьбы армян с турками)

На игривом коне, в богатырской броне
Славный витязь в поход отправляется,
И печалью томим, перед домом своим
Он с невестой своею прощается.

И рыдает она, своим горем полна,
И струятся обильные слезы:
Он уедет в поход, его турок убьет, —
Разлетайтесь же, юности грезы.

Витязь

«Ты не плачь, не рыдай и красы не теряй,
От разлуки со мной увядая;
Ты жалея о стране, вспоминай обо мне,
Но не плачь обо мне, дорогая!

Я сражуся в бою за отчизну свою,
За свободу и честь Гайастана,
Я умру средь боев за могилы отцов
И прославлюсь на лире баяна.

Ты же, старая мать, что мне хочешь сказать,
Когда рвусь я к великому бою?
Не проси ты меня, чтоб увел я коня
И остался навеки с тобою.

Нет! Решительный час наступает для нас;
Еду я, не могу я остаться;
Я отброшу печаль и в печальную даль
Я пойду, чтоб с врагами сражаться».

Мать витязя

«Я стара, но горда; не велю никогда
Я позорить тебе свое имя;
Будь герой и храбрец, как твой славный отец;
С ним сравняйся делами твоими.

Да, ты должен идти; на великом пути
Ты получишь прозвание героя.
Не рыдай, Шушаник, твой Вардан не старик, —
Пусть попробует силу средь боя!»

На игривом коне, в богатырской броне
Славный витязь в поход отправляется,
И на вражеский строй, возбужденный борьбой,
Он с дружиною своею бросается.

Он летит меж рядов, он летит на врагов,
И стремится он вдаль, вдохновенный,
Враг увидел его, — с коня своего
Вдруг нацелился турок презренный.

Грозно выстрел гремит, быстро пуля летит
И попала в геройское тело, —
И сраженный герой вдруг поник головой, —
Он погиб за армянское дело!

О несчастья таком все узнали кругом;
Шушаник неустанно рыдает.
Только старая мать не желает рыдать,
Она сына счастливым считает.

Мать витязя

«Он погиб от врагов, и как слава отцов,
Так и слава его не забудется:
Быстро время идет — и окрепнет народ.
И бог весть, что в Армении сбудется.

Все восстанут тогда, чтоб не пасть никогда,
И дух мести во всех разожжется:
Не рыдай, Шушаник, твой Вардан был велик, —
Его слава тогда вспомнётся.

И в опасном бою за свободу свою
Только вспомнят про славу Вардана, —
И дружнее вперед застремится народ,
И поднимет он меч Гайастана!!»

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ВАРДАНА МАМИКОНЯНА

(Посвящено Г.К. Томасяну)

Нет! Я не армянин. Где лес шумит сосновый
И где холодная колышется волна,
Где холод и мороз, и воздух где суровый,
Там мой народ, моя страна.

Но тронулся и я несчастьем Гайастана, —
И я скорбел о нем меж северных полей,
Я вспомнил про конец великого Вардана,
И чувства горькие кипят в душе моей.

О, если б был он жив! Мечом вооруженный,
Услышав горький плач народа своего,
Он спас бы Гайастан, врагами угнетенный,
И выше всех племен поставил бы его.

Увы! Погиб герой! Любимому народу
Не может помощь он в несчастьи подать,
Он не пришел спасти армянскую свободу
И родине своей не помешал страдать.

Уж целых пять веков покоя и свободы Его
Армения врагами лишена;
Но старец Арарат стоит, как в прежни годы,
И он напомним всем былые времена.

Пройдут года, и правда вновь проснется,
И тронется весь мир несчастьем армян,
И после долгих лет свободы вострепнется
И полный новых сил воспрянет Гайастан.

ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ

(Посвящено Минасу Берберяну)

Ты знаешь край, где вдаль Аракс стремится
И песню дивную поет про старину,
Где бледный лик луны в его струю глядится,
Когда с своих высот он серебрит волну.

Где все возносит ум к тому, что миновало,
Чего в наш жалкий век не будет никогда,
Что в древний век побед и вольности бывало
В те незабвенные далекие года!

Где патриарх Масис с седою головою
Стоит, как верный страж, над землями отцов
И смотрит полон дум и с горестью большою
На длинный грустный ряд разрушенных дворцов.

Увижу ль я когда тебя, о край блаженный!
Я о тебе всегда на севере мечтал,
Когда истории страницы вдохновенной,
Оставив шумный свет, задумчиво читал.

ЛЕВОН VI В ПЛЕНУ (1375 г.)
(Посвящается Григорию Тумасову)

Погибли надежда и слава;
Заснул навсегда великан, —
В могилу сошел величаво,
Как гордый король, Гайастан.

Я царь; но отчизне далекой
Нельзя мне в нужде помогать,
Сраженный судьбой, одинокий,
Я должен безмолвно страдать.

Упало армянское знамя,
Труба боевая молчит.
В душе разгорается пламя,
И сердце сильнее стучит.

Погибло владенье Рубена,
В развалинах храмы лежат,
Разрушены гордые стены,
И нет величавых палат.

Рыдайте ж, Армении девы,
О родине плачьте своей,
Пусть тронут печали напевы
Сердца огрубелых людей.

А вы под ярмом не томитесь,
Армении милой сыны;
К свободе и славе стремитесь
Для блага родимой страны.

Бегите, друзья, и спасайтесь,
Бегите к зейтунским горам,
В ущелья, в теснины бросайтесь
И мстите презренным врагам.

Уж скоро сойду я в могилу,
Прощайте ж, армяне-друзья;
Сгубил я здоровье и силу,
Ослаб и измучился я.

И вдаль навсегда увлеченный
От наших селений и гор
Угаснет судьбою сраженный,
Левон Շմբրրրդ Թազիբր:

Когда же забудут Леона
Средь грозных отважных боев,
В вас будет, друзья, оборона
Для блага родимых краев.

Что будет с несчастной страпою?!
Спасите ее от врагов.
Восстаньте могучей стеною
Пред страшной громадой полков.

Быть может, туман разнесется,
И солнце на небе взойдет.
Быть может, свобода проснется,.
И смело восстанет народ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я был смешон толпе: минувшим увлеченный,
Я пел про старину Армении сынов;
Чужой историей и славой возбужденный,
Я новых чувств искал среди других краев.
Да, я смешон толпе; с презреньем и упреком
Здесь о моих мечтах и думах говорят, —
Но отзвук песням я найду в краю далеком,
Где грустен и угрюм великий Арарат.
Пусть вспомнят в тех краях про голос мой бесплодный,
Который средь толпы бесчувственной звучал,
Когда я пробудить хотел народ холодный,
Когда я древний век героев воспевал...

**СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ РУССКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XX в.
О ТРАГЕДИИ АРМЯН**

Е. АЛЕКСЕЕВА

ЗИНВОРАМ¹

Идите, идите, зинворы,
Армении скорбной сыны,
Отмстите за муки позора,
За гибель родной стороны!..
Отмстите за веру святую,
За братьев своих христиан,
Отмстите за кровь пролитую
Замученных зверски армян!
Отмстите за землю родную,
За множество, множество ран!..
Отмстите за жгучее горе,
Отмстите за девичью честь!
За скорби кровавое море,
За слезы, которых не счесть!
Отмстите, — вы, правые в споре, —
За все, что пришлось перенести!
Армения тяжело страдает,
Армения стонет от мук, —
В безумной тоске простирает
К вам длани измученных рук...
Вас ныне к себе призывает.
Как верных и преданных слуг!..

---

¹ Стихи «Зинворам», «Песня ашуга», «Мать Айастан», «Зачем вы молчите», «Зачем?», «Рассвет», «Армении», «Тебе, о мученик-народ» публикуются по «Армянскому вестнику». 1916. №№44, 48; 1917. №№2. 4. 10-11, 13.

ПЕСНЯ АШУХА

Вы послушайте песню ашуха
Много, много их есть у него,
Ум и сердце откройте для слуха
И внимлите печали его...

Я пою о страданиях народа,
О несчастной отчизне моей.

Я пою вековые невзгоды.
Пою тяжесть оков и цепей...

И слезами и кровью невинной
Вся родная страна залита...

Мой народ льется скорбной лавиной.
Покидая родные места...

Беспощадно врагами гонимый
Он бежит от позора и мук, —

Счастлив тот, кто ушел невредимый.
Не погибнув от вражеских рук!

Счастлив тот, кто измучен тревогой,
Истомленный, несчастный, больной,

Изнурен непосильной дорогой,
Среди гор нашел вечный покой..,

О, Отчизна моя разоренная,
Ты страна горьких слез и скорбей,

Стонешь ты у креста, пригвожденная.
Призывая к отмщенью детей!..

Где ж конец вековому насилию.
Конец рабству и гнету цепей?..

О, Победы могучие крылья,
Принесите ж свободу скорей!..

Вы послушайте песню ашуха,
Много, много их есть у него,
Ум и сердце откройте для слуха,
И внимлите печали его.

МАТЬ АЙАСТАН

Проходят века за веками,
И тонут в волнах бытия, —
Как прежде звенит кандалами
Отчизна родная моя...
Обильно полита слезами
Несчастливая наша земля...
Не шумные воды реками, —
А кровь орошает поля!..
Там горные стонут вершины,
Там стонет родной Арарат,
Безмолвные стонут равнины
И камни пощады молят...
Об участи злой армянина
Далекие звезды твердят
О жертвах страны неповинной
В сиянии ночи скорбят...
Аракса мятежные волны
Печальные песни поют
И, жгучим страданием полны,
О берег бессильные бьют...
И ропщут в тоске безысходной
Кому-то проклятия шлют,
И плачут о доле свободной
И слезы горячие льют...
Гокчайские¹ синие воды
И светлый колдующий Ван
Рыдают о скорби народа,
О крови святой христиан...
Расскажет немая природа —
Свидетель зияющих ран.
Про все вековые невзгоды,
Что вынесла Мать Айастан!..

---

¹ Гокча — Севан.

ЗАЧЕМ ВЫ МОЛЧИТЕ?

О, зачем вы молчите, — когда столько муки
Терпит родная страна?
О, зачем вы молчите, когда свои руки
К вам простирает она?
О звезды! О, звезды! Вы ярко горите!
Льете на землю свой свет!
Зачем же вы грустно, печально глядите,
И не даете ответ!
О, солнце! О, солнце! Взгляни, как струится
Кровь неповинных детей!
Взгляни, как устали страдать и томиться
Люди под гнетом цепей!..
О ветер! О, ветер, свободный и вольный,
Резвое бури дитя.
Ужель страданий еще недовольно
Знала отчизна моя!
О, небо! О, небо! Ты — вечный свидетель
Нечеловеческих мук!
Ужель ты не видишь, как бедные дети
Гибнут от вражеских рук!
Но и небо и звезды, и солнце — молчат,
Ветер утих и молчит!..
Только древний, угрюмый, седой Арарат
Вдаль с любопытством глядит...
А рыдания и крик не смолкают кругом —
Гибнет несчастный народ...
И, как прежде, он стонет под тяжким ярмом,
Заколдованный в цепи невзгод!..

ЗАЧЕМ?

Зачем в бездонных небесах
Сияют звезды все в лучах?
И соловей свистит в кустах,
Скажи, зачем?
Зачем растут цветы в полях?
Зачем шумит волна в морях?
Зачем поет ашух в горах?

Скажи, зачем?
Зачем, как птица в облаках,
Моя душа парит в мечтах?
Зачем я вся в волшебных снах?
Скажи, зачем?
Зачем огонь такой в глазах?
Зачем улыбка на устах?
Моя рука в твоих руках,
Скажи, зачем?
Зачем Армения в слезах?
Зачем повержена во прах?
Зачем народ родной в цепях?
Скажи, зачем?

РАССВЕТ

Ты помнишь ночь!
Бежали прочь
Пугливо тени пред рассветом,
И серп луны дрожащим светом
Нас освещал.
И угасал
С прощальным ласковым приветом!..
И в небесах
В златых венцах
Бледнели трепетные звезды...
Роняла ночь свои одежды...
И в блеске дня.
В лучах огня.
Нам открывало утро вежды!..
Встает заря!..
Словно царя,
Земля встречает луч рассвета!..
Мой друг. Ты помнишь утро это?..
Ночная мгла
В поля ушла;
Прозрачной дымкой даль одета...
О, погоди.
О, не грусти.

Моя Армения родная, -
Уж скоро скука неземная
Исчезнет прочь,
И злая ночь
Уйдет в лучах зари растая!.

АРМЕНИИ

Армения страдальца святая!
Прекрасной девою встаешь ты предо мной, —
Под игом мук, в тоске изнемогая,
Ты к небесам моления воссылая,
На грудь склоняешься печальной головой!..

Твои глаза сверкают нестерпимо;
Глаза огромные, как звезды, хороши, —
В них боль горит тоски неодолимой,
В них яркий свет любви неугасимой,
В них тайна страшная истерзанной души!..

Излом бровей сокрыл тоску мучений...
Скорбь безграничная застыла на лице...
И вся ты, словно бред больных видений,
Одна из грез печальных сновидений,
В своем мучительном сияющем венце!..

И слышу я, как цепи громыхают...
В оковы тяжкие закована она; —
Ей кровь одежду белую пятнает.
Она от рук убийцы погибает,
Она рабой несчастной быть осуждена!..

Но, гордая не хочет примиренья!
Уж брезжит заря, там, на краю небес, —
О, то заря — заря освобожденья, —
Конец страданью, рабству, униженью, —
Заря великая, — грядущих в мир чудес!..

Армения! Страдалица святая!
Это твоя заря, — она к тебе идет!
Это тебе свободу обещая,
Она горит таинственно сияя!,
Проснись, Армения! — твоя заря встает!..

ТЕБЕ, О МУЧЕНИК—НАРОД

Не вам, свободным и беспечным,
Я песни грустные пою,
Не вам в страдании бесконечном
Свои мечты я отдаю...
О тех, кто спит покоем вечным,
Я слезы горестные лью!..

И песни, полные слезами,
Звонят надорванной струной
И льются скорбными волнами
Над кровью залитой страной,
Вечные скорбными цветами
Чело Армении родной!..

Тем, кто уснул на поле брани,
Кто голову сложил,
И вам, исчезнувшим в тумане,
Мир о которых позабыл
И чьих не помнит он названий, —
Кто также родину любил!..

Я в этой песне светлокрылой !.
Благословение им шлю, —
Пред светлой памятью, уныло
Склоняю голову свою...
Я над забытою могилой
Душой измученной скорблю!..

Я вижу, брат над трупом брата
В молчаньи горестном поник,
Безмолвным ужасом объятый,
Челом к груди его приник...
Черты, прекрасные когда-то,
Вселяют ужас в этот миг!..

Я вижу, дева молодая
Над свежей насыпью скорбит...
Дитя! О ком тоска такая?..
Жених иль брат в земле зарыт?..
А дальше, дальше мать седая,
Как изваяние сидит

Я слышу голос полный муки.
Я вижу боль прекрасных лиц,
С тоской протянутые руки
И ужас, ужас без границ!..
Вам лучших струн живые звуки!
Вам яркий свет златых зарниц!..

Тебе истерзанному краю,
Тебе, о, мученик-народ,
Я песни скромные слагаю
И бездну черную невзгод
И солнца яркого восход
С тобою вместе я встречаю!..

В. ОПОЧИНИН

ПРОВОДНИК¹

Вот снежная грань миновала,
Кустарник к утесам приник...
С людных вершин перевала
Спускаемся мы напрямик...
Седой армянин бородатый
Тропинку в горах отыскал, —
И мирно шагают солдаты
По гребню неведомых скал...
Иной озирается робко,
Взглянув неожиданно вниз:
Над бездной опасная тропка
Нависла, как узкий карниз...
Ущелья как трещины, сжаты,
Зловещи изломы стремнин, —
Но знает дорогу вожатый —
Высокий седой армянин...
Недаром он эти отроги
Исхаживал в детстве своем, —
Идет теперь важный и строгий
С фельдфебелем русским вдвоем.
В лохмотьях, но с русскими вместе
Он в отчужденную землю проник,
Он дожил до радостной мести,
Он в этих горах — проводник...
И даже в вечернем тумане
Глаза его ярко горят:
Бегите враги-мусульмане, —
Идет крестоносцев отряд!
Исполнилась вечная дума.
Он шепчет в каком-то бреду:
«С отрядом до стен Эрзерума
Я завтрак, старик, добреду»...

---

¹ Приложение к газете “Новое время” от 20 февраля 1916 г.

К. САЯНСКИЙ

АРМЕНИЯ¹

Палентэкена скалы вековые,
Свидетели всех ужасов живые,
Что гайкская страна перенесла!
Ответьте мне: — чего всегда молчанье
Отзвуком были муки и страданья
Армянского великого русла?

Молчите вы, нахмурившись сурово,
Но я стою в надежде слышать слово
То страшное... Скажите мне его.
Я не уйду. Стоять тут буду годы
Ответа ждать: чтоб знали все народы
Историю народа одного...

И пробудились грозные массивы.
И содрогнулись скал гранитных гривы,
И бездна их ответ мне принесла:
«Молчи поэт! Преступны все народы
В гибели померкнувшей свободы
Армении... Тут всех вина была»!..

Их глас умолк... И жутко мне так стало
Перед лицом неложного зеркала
За кровь и смерть истерзанной страны...
Молиться-ль Ей?... Рыдать ли мне над Нею?..
О, Боже мой! Прострись Рукой Своею
Над бедною... От власти Сатаны,

От Турции спаси Ее, о Боже,
И свет над ней целительный умножи
И воскреси и раны излечи!
Не допусти во Храме Твоей Воли
Навек погаснуть от смертельной боли
Армении Святой Своей Свечи...

---

¹ Стихи К. Саянского публикуются по «Армянскому вестнику». 1916. №№ 25, 35, 36, 41.

ЗАБЫТАЯ

Утром в полдень, в час вечерний
На берегу она Евфрата
Все сидит, сидит и кличет:
Мать, отца, сестер и брата.
Мама! мама! братец милый!
Поскорее выходите!
Вот уж турки... близко, близко...
Помогите! защитите!..
И хохочет и рыдает.
И глядит, глядит в пучину,
И кивает головою
В волны брошенному ... сыну
И разгневавшись, бросает
Камни в брызжущую воду
И грозит кому-то строго
И клянет свою... свободу...
А потом садится снова
Меж камнями у Евфрата
И зовет, зовет безумно:
Мать, отца, сестер и брата.

ВЕЛИКОЙ МУЧЕНИЦЕ

Дорога мне культура твоя,
Вековое твое христианство,
О, святая Востока земля,
О великое слово «армянство»!

Виноградные лозы твои,
Масляничные рощи и нивы
И сады, где сплелись до земли
Абрикосы, бананы и сливы.

Я люблю Алагез, Арарат
И воздушные горные цепи;
Среброводный Аракс и Ефрат
И цветущие доли и степи.

Мил язык твой, бурливый такой.
Словно сок молодой винограда.
И люблю я твой труд и покой
После нежного солнца заката.

Все люблю горячо я в тебе,
Все, чего я не ведал когда-то,
А теперь. Теперь в бедном рабе
Армянине увидел я брата...

Но сторицею больше люблю
Я твои опустевшие села.
Оскверненные храмы твои,
Сиротливо стоящие школы.

Тут в любви я молюсь за тебя
О страна, мне теперь дорогая
И как мать, тебя и любя,
Твои раны лобзаю, рыдая.

О Армения! сердце мое
Словно сердце у сына родного —
Бьется, стонет над трупом твоим
И само разорваться готово!.

ШЕСТВИЕ МЕРТВЫХ

Вот бредут по камням вереницы
Истощенных старух и детей,
У всех кровью облитые лица,
У всех видны остатки... костей,
Нагибаясь, чрез силу листочки
Они рвут и жуют со слезой...
Ни на ком ни плаща, ни сорочки,
Все в лохмотьях, а кто и нагой...
Вот присели в пыли. Истомленье
Всех заставило лечь на камнях;
Подхожу к ним осилив мученье,
Затаив пред рыданиями страх.
И гляжу на терпящих покорно
Полон жгучих и жалостных чувств.
О могу ль облегчить я их скорбный
Путь страдания улыбкою уст!
И не плачу я. Что мои слезы!
Я врагов иступленно кляню
И шепчу им проклятым, угрозы.
А душой к умирающим льну.

АЛ. ПОПОВ

ПЕСНЯ АРМЯНСКОЙ ДЕВУШКИ¹
(Подражание Мик. Налбандяну)

Край родимый, край несчастный
Призывает нас к борьбе;
Весь в оковах, исстрадавшись,
Безнадёжно гибнет он.

Брат мой милый, брат родимый,
Ты — оплот страны родной,
Белоснежный стяг с крестами
Припасла я для тебя!

Дни и ночи лила слезы,
Вышивая этот стяг,
Пусть он вьется над войсками!
Пусть же Турция падет!

Вот он вьется, вот кружится
Над твоею головой!
Выступай же, брат, мой милый,
На борьбу за край родной!

Вмиг на коня! К полю битвы
Поезжай, храбрец, скорей!
Хоть не в брани, но душой,
Мыслью я всегда с тобой!

Осени крестным знаменем
Образ милый свой!
Помни Бога и отчизну!
Выезжай скорей, скорей!

Смерть твою благословляю.
Умирать ведь всех удел!
Смерть едина, неизбежна!
Так лучше смерть за край родной!

---

¹ «Армянский вестник». 1916. № 44.

С.П. КРОТКОВ

ПЕСНЯ АРМЯНСКОЙ ДРУЖИНЫ¹

Други, за раны и кровь,
Жен, матерей и отцов
Смело мы бросимся в бой
Дружной, сплоченной гурьбой!
Миг нам дается судьбой!

Вспомни, товарищ, как песни мать пела!
Сердце сжималось от горя тоской,
Рана зажить ведь еще не успела,-
Рану нанес враг жестокой рукой!
Враг ее силой куда-то увлек...
Видел ты зарево, кровь пролитую?
Час наказания за все недалек!
Миг наступил! И собрались мы, братья,
С помощью дружеских сил гнать врага!
Все, как один, окрыленную ратью
Честь защитим мы родных очага!

Други, за раны и кровь
Жен, матерей и отцов
Смело мы бросимся в бой
Дружной, сплоченной гурьбой!
Миг нам дается судьбой!

---

¹ Стихи С.П. Кроткова «Воспрянь Армения», «Песня армянской дружины», «Картинка Армении», «Колыбельная песня армянки», «Прощанье», «За что?» публикуются по «Армянскому вестнику». 1916. №№ 31, 36, 40; 1917. №№ 24, 26, 28, 31.

ВОСПРЯНЬ, АРМЕНИЯ

Страдал народ в подъяремном труде,
Терпел, лишь про себя стонал,
Мгновенья радости не знал,
Покорно голову клонил в нужде...
Мечтой жизнь услаждал-
Свободы ждал!

Когда весь истрадавшийся народ
Тиран до гибели довел,
Поднялся грозный вихрь и смел
Всю накопль тягостных невзгод...
И всех, кто в рабстве гнил.
Освободил!

Всех громкий клич теперь зовет туда,
Где в небесах нет мрачных туч
Где блещет, греет яркий луч
Любви и знания, счастья и труда...
И будит в нас призыв
Святой порыв!

Скорей, Армения, воспрянь теперь!
Уж для тебя пришла пора
Добиться воли и добра.
И пред тобой, открыта к счастью дверь...
Армения, гляди —
Свет впереди!

Ты вся истерзана, но есть в тебе
Кипучей жизни, мысли ключ!
Тебя возбудит яркий луч
Свободы, новых сил придаст в борьбе...
Ведь счастье впереди!
Вперед иди!

КАРТИНКА АРМЕНИИ

Головкой радостно бодая,
Несется быстро лань лесная...
К реке несется напрямик.
Вдруг шум!.. Прислушалась на миг...
И снова мелкими прыжками
Стремится вдаль
И листья рвет с кустов пучками,-
Их ей не жаль!
На берегу остановилась,
К воде студеной наклонилась.
И быстро, жадно струйки пьет
И ножками о камень бьет.
Напившись, глазками играя,
Подняла грудь
И, радостно кругом взирая,
Собралась в путь.
Но страшный крик и вопль!..
Кто плачет? Вдали свирепый турок скачет,
За ним несется стон и крик...
И лань встревожилась на миг...
И снова мелкими прыжками
Стремится в даль;
И листья рвет с кустов пучками, —
Их ей не жаль.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ АРМЯНКИ
(На мотив Рафаэла Патканяна)

Сын мой ненаглядный! Ты, пока не спишь,
Слушай весть страданий! Матери простишь,
Что в такие годы мучила тебя
Песней о невзгодах, родину любя.
Мы живем с врагами, терпим столько бед
Годы за годами, а спасенья нет!
Каждый час мы можем зверских фесок ждать, —
Головы все сложим, будешь ты страдать...
Все сожгут, разграбят, скроются... и вновь
Горя нам прибавят, и польется кровь!..
Но дождешься, сын мой, ты иной судьбы!
Ты расти и думай о путях борьбы!
Солнце новой жизни всходит над тобой.
Для своей отчизны ты готовься в бой!
Трон султана дрогнул... Помощь к нам идет...
И злодей жестокий наказанья ждет.
Ты ж расти, мужайся, чтоб врага сразить
Веры не лишайся — будешь в счастье жить!

ПРОЩАНЬЕ
(Из армянской жизни)

Слеза жемчужинкой спадает
По смуглой щечке, взор сверкает
Мольбой и страхом, и дрожит
Звнящий голосок... Бежит
Дочурка за отцом и просит
Сказать: куда ружье уносит?
Зачем простился? аж спешит?
А мать потупилась, молчит?

И сердце дрогнуло! И мигом
Отец, отбросивши ружье,
Остановился, с горьким криком
Обнял сокровище свое...
В последний раз... и, как герой,
Стремительно к друзьям вперед,
Подняв ружье над головой,
Отец на зов судьбы идет!

И лишь тогда очнулась мать
И стала жалобно стонать,
Дочурку к сердцу прижимать
И лаской горе унимать:
«Не плач, голубка! Мне поверь —
Погибнет враг наш, лютый зверь!
Нам Бог откроет к счастью дверь!

С надеждой будем жить теперь!»
Есть край, где небо полно ласки
И манит взор прозрачной синевой,
Где Арарат с сверкающей главой,
Как великан народной сказки,
Родит восторг в груди!
Там веют дивным ароматом
Долины все поросшие травой,

А горы все — народною молвой...
В ущельях с солнечным закатом
Во мраке не пройти!
Но в этом крае нет счастливых:
То муж один, то вдруг жена вдовой,
Там сына труп с разбитой головой...
Не слышно песен, слов смешливых...
Что ж будет впереди?!

ЗА ЧТО?

Перестрадав в борьбе с врагом,
Отдав все силы на спасенье
Семей согретых очагом,
Народ мечтал о воскресеньи.

Он сыновей своих послал
В ряды защитников отчизны,
Он весь в душе своей пылал
Исполнить долг без укоризны...
И долг исполнил, как желал.

Когда ж нахлынула толпа
Бежавших вдаль от бед сражений,
Тут до последнего снопа
Народ отдал из сбережений
И спас других от злых мучений.

А что теперь?! Идет пора
Весною взяться за работы...
Но тут — пустые закрома,
Но тут — своих сынов сироты!..
И тяжкие пришли заботы!..

И мысль о том, что вновь удар
Готов армянскому народу,
Пусть всех терзает, как кошмар!
Да ополчимся на невзгodu,
Спасем народу жизнь, свободу!

Армения, родная сторона!
За что, когда ты заслужила,
Что так страдать осуждена,
Что столько горя пережила,
Отдавши все, чем дорожила?

Теперь что станется с тобой?
Мы страстно ждем: придет то время,
Когда не будешь ты рабой,
Когда спадет несчастий бремя
И возрастет иное племя!

ЗА СЧАСТЬЕ РОДИНЫ¹

Армения, страдалница!
Настанут счастья дни,
И твой народ избавится
От ужасов резни.
Армения несчастная!
Душою ты воспрянь!
Пора пройдет ужасная,
Как игу диких дань.
Армения прекрасная!
Ты слышишь сыновей?
Их речи, зовы страстные,
Желанья лучших дней?
Армения любимая!
То сыновья твои!
Всегда с тобой, родимая,
Страдают и они.
Армения! призывами
Готовят мир тебе...
Одушевят порывами
За счастье всех в борьбе.
Армения, кормилица!
Увидишь счастья дни!
Конец страданий близится -
Придет с концом войны!

---

¹ «Армянский вестник». № 20. 1916.

ПРИВЕТ АРМЕНИИ¹

Я был на берегах твоих озер,
Взбирался на вершины гор...
Как сабля закаленная, остер
Твоих сынов блестящий взор...
Армения, ты жаждешь воли с давних пор!

Я был в причудливых твоих долинах,
Бродил средь бедных там селений...
Как полная любви хвала в былинах,
Чаруют звуки песнопений...
Армения, ты жаждешь счастья с нетерпением!

Я был и в городах тоскливых,
Стоял в ущелье диком над рекой...
Как у аскетов молчаливых,
Там подвиг тяжкий, сумрачный покой...
Армения, готовишься взмахнуть рукой!

Теперь вдали я слышу голос твой, —
Несутся вести о твоих страданиях!
Я понял, над твоею головой,
Уж поседевшей в тяжких испытаньях,
Зрел час, о коем будут сказывать в преданьях!

И пробил час, дарованный судьбой!
И на горах твоих спасенья бой!
И воля, счастье над твоей межей!
Армения, тебя люблю — тебе чужой!

---

¹ «Армянский вестник». № 32. 1916.

А. КУШЛЮ

РАЗРУШЕННЫЙ ВАН¹

В тени садов, покинутых, цветущих,
Среди аллей изнеженных мимоз,
Так много слов неслыханных, гнетущих,
Так много слез, невыплаканных слез...

Среди цветов, среди благоуханий,
Мне слышится молитвенный напев
И тихий вопль немых страданий
Прекрасных дев, прекрасных юных дев...

И красота разрушенного Вана,
Семирамидиных садов уют,
Как злой кошмар, как злая язва-рана,
Мой мозг гнетут, покоя не дают.

ВАНСКАЯ ГАЗЕЛЛА

Где-то далеко кукует кукушка,
Жутко мне, жутко в ночной тишине, —
Плачет над трупом армянка-старушка,
Плачет старушка в ночной тишине.
В городе пусто, мертво, одиноко, —
Дремлют руины в ночной тишине, —
Жуткое пение, пение рока, —
В городе мертвом в ночной тишине.

---

¹ Стихи А. Кушлю публикуются по «Армянскому вестнику». 1916. №№ 21, 26.

Я. БАРАНОВСКИЙ

АРМЯНСКОМУ НАРОДУ¹

О, сколько горя и страданий
Народ несчастный перенес!
Им нет ни счету, ни названий
В бездонном море жутких слез...
Любовью страстно к свободе
Себя прославил он вовек:
— Слагайте ж песни о народе,
В котором каждый — человек!
Любовь к свободе, он как знамя,
Несет бестрепетной рукой...
Народ-порыв, экстаз и пламя,
Склоняюсь низко пред тобой,
Но близок яркий день свободы,
Тот день, что кажется мечтой, —
Он даст армянскому народу,
Что завоевано борьбой!..

---

¹ «Армянский вестник». 1916. № 19.

Ю. ВЕРХАВСКИЙ

ПАМЯТИ КЕРИ¹

Век за веками, живя мы страдали,
С железным терпением покорны мы судьбе,
Надеясь и веря, мы ждали, все ждали
Конца испытаньям и тяжелой борьбе.
И ныне алеют кровавым потоком,
Безоблачны чисты высоты небес;
Во вздохе бессильном и в вопле жестоком.
С потупленных лиц смех веселый исчез.
Невольно мы взор устремляли к юдоли
Страданий и слез, где так жребий суров.
Где скорбным рыданьем томленья и боли
Звучит каждодневная песня плугов.
И ждем мы с надеждой, ждем как бывало,
Чтоб розы в кровавых полях зацвели.
Чтоб грозное небо из тучи послало
Живительный ливень на лоно земли.

---

¹ Стихотворение «Памяти Кери» (Кери (арм.) — дядя) посвящено Аршаку Кюфаряну (1853-1916), командиру армянской добровольческой дружины на Кавказском фронте во время Первой мировой войны. Публикуется по «Армяне и война», 1916, № 4. Журнал «Армяне и война» был основан в Одессе в марте 1916 г., просуществовал около года. Это был «единственный по своему типу ежемесячный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам армянской жизни в связи с войной». Главной целью его было «широкое ознакомление русской и армянской читающей публики с армянской действительностью, быть информационным органом всех событий армянской жизни в связи с войной. Для русской интеллигенции, — писал журнал в обращении к читателю, — это будет интересный сборник фактов об участии в войне одною из храбрых союзников России, а для армянской — памяткой Великой Отечественной войны, где пролито на поле брани и много армянской крови». К участию в работе журнала были приглашены известные русские и армянские литераторы, журналисты и общественные деятели: М. Горький, В. Брюсов, К. Бальмонт, И. Бунин, Ю. Веселовский, Д. Овсяннико-Куликовский, А. Дживелегов, И. Марр, А. Цатурян, Г. Чубар, М. Шагинян, А. Ширванзаде и др.

С. ЗАРОВ

БРАТЬЯМ АРМЯНАМ¹

С давних пор над печальной армянской землей
Все в крови, солнце жутко светило
И, свой путь отмечая кровавой стезей
Среди стонов страны заходило.

С давних пор мы привыкли безгласно молчать
Под тяжелой пятой властелина
И, в неволе томясь — все обиды скрывать,
— Вот суровый удел армянина.

Мы привыкли сносить все удары судьбы.
С верой в Бога терпеть поруганья,
И никто, никогда не услышал мольбы:
Мы врагам не покажем страданья!..

Но наступит пора за позор отомстить
И сломить нечестивых гордыню,
Тяжкий плен не сумел честь армян заглушить,
Мы восстанем за нашу святыню!..

Мы восстанем и сбросим оковы свои.
Нам не страшны грозящие беды,
Нам наскучило цепи веками нести.
Сбросим их в ликованьи победы!..

Да! поднимется гордый армянский народ
Славной мощью былою воспрянет,
Не сломил дух свободы томительный гнет
С нашей смертью его лишь не станет!..

---

¹ Стихи С. Зарова «Братьям армянам», «На смерть Кери». «Из мрака», «Не плачь ашуг», «Во дни народного бедствия...», «Клич» публикуются по «Армянскому вестнику». 1916, №№ 6, 8, 22, 41; 1917. №№ 12, 23.

НА СМЕРТЬ КЕРИ

Там далеко, где бьются за отчизну,
И кровянит пожар тяжелый небосвод,
Где льется кровь и смерть справляет тризну,
Погиб Кери за край свой и народ.
Он шел на бой, последний волей Рока,
И встретил смерть в земле ему чужой, —
Он пал, сраженный пулей роковой,
Печальный сын, печального Востока.
Как верил он, что край его суровый,
Вновь обретет покой, увидит свет зари,
Как верил — сын Армении — Кери,
Что рушатся теперь извечные оковы.
Он пал вдали, где дымны небосводы,
Где смерть и жизнь пирует красный пир,
Но клич Кери под знаменем свободы,
Зовет вперед за счастье и мир.

ИЗ МРАКА

Дождь струит, клокочет вьюга,
В диком бреге вихрь мчится,
Как темно вокруг, подруга,
Как легко с пути нам сбиться!
Стонет вьюга во тьме ненастной,
Дождь стремиться с ветром слиться,
Чу, дорога здесь опасна, —
Бездна черная таится!
Все темно, ни зги не видно,
Духи ночи к бездне гнутся,
Во мгле сплетаются бесстыдно,
Режут воздух, В кольца вьются.
Ничего, пусть стонет вьюга,
Нас она не испугает, —
Мы уйдем туда, подруга,
Где свирельный Пан играет!
Мы уйдем в страну Востока,

Где немеркнувшее солнце
Разбросало луч стооко,
Блеском хрупкого червонца,
Руку дай скорей из бури,
Прочь из мрака — выйдем к свету,
К солнцу, солнцу и лазури, —
В край желанного привета.

НЕ ПЛАЧЬ АШУГ

Не пой, ашуг, песнь скорби и печали
Не надо слез, когда душа болит,
Смотри, певец — там розовеют дали
И свет зари так радостно горит...

Не надо слез — страдать мы так устали.
Спой песнь певец далеких тех времен,
Когда бойцы, ликуя восставали
Сбираясь на борьбу в победный легион...

Не плачь, ашуг, настанут дни свободы
Повержен будет курд и властелин осман.
Смотри, певец, блистают неба своды,
То свет зари и счастья для армян...

Ашуг, не плачь, ты даром песнопений
Зови сынов Армении родной.
Поведай им о днях былых сражений,
Зови, зови защитников на бой!..

**«ВО ДНИ НАРОДНОГО БЕДСТВИЯ
НЕ МЕСТО КРАСИВЫМ И ЛЖИВЫМ СЛОВАМ...»**

Вы слагаете гимны крылатым мечтам,
Вы поете о радостях жизни,
А неведомо где — по унылым путям,
По когда-то привольным и пышным полям —
Слышны песни печальные тризны.

Вы в стихах золотозвонных, красивых стихах
Отдаетесь порывам мечтанья,
Оглянитесь назад — там рыдания в ночах,
Там, где все потонуло в крови и слезах —
Слышны песни тоски и страданья.

Вы зимою поете о розах весны,
Ложь в созвучные песни вплетая,
А вдали, как кошмарные, жуткие сны,
Проплывают картины терзаний страны —
Ад кровавый — недавнего рая...

Что же! Пойте в звенящих, беспечных стихах
Гимны радости — грезе напрасной,
Пусть неведомо где на кровавых полях
Гибнут братья с проклятьем немим на устах.
А не с песней обманно-прекрасной!..

КЛИЧ

Вставайте, братья! Настало время,
Настало время для новых слов,
Не давит плечи насилий бремя
И путь широкий для нас готов.

Страна проснется, и в обновленьи
Вздохнет свободно родной народ,
Вставайте, братья, долой сомненья, —
С открытой грудью пойдем вперед!

Умолкнут громы, уйдут туманы,
Весна настанет у нас в сердцах,
В борьбе забудем и боль и раны,
В душе погасим минутный страх!

Пусть над страною еще нависли,
Окутав солнце, громады туч, —
Для новой цели, для юной мысли
И в единеньи — наш дух могуч!

Вставайте, братья! Рука с рукою, —
Рука с рукою — всему залог.
Пусть над свободной родной страною
Воскреснут счастье, любовь и Бог!

Х. БАХЧИСАРАЙЦЕВ

АРМЕНИИ¹

На грани двух материков,
Там, где сошлись земель пределы,
Стояла ты, во мгле веков,
Как страж безтрепетный и смелый
И много раз у горных врат
На жизнь и смерть борьба кипела,
И в брызгах крови был булат,
И даль пожарами алела.

Но враг несчетною толпой
Все шел, все шел, рожденный бездной..
Твой древний край, твой край святой
Попрал пятою он железной.
И Божий мир стал словно ад...
И человек познал все муки...
И цепь раба, как злобный гад,
Связала скорченные руки.

Казалось пал последний час.
И нет пощады, нет исхода...
Но вещий пламень не погас
В груди армянского народа!
Враг-победитель сна не знал,
Не знал беспечного покоя, -
Орел плененный, все терзал,
Пугал его грозой боя.

---

¹ «Армянский Вестник». 1917. №№41, 42.

И вот опять набатный звон
Твоей тюрьмы колеблет своды,
И миг грядущий озарен
Дыханьем огненной свободы.
Отбрось же путы и воспрянь,
Покинь, как феникс, царство тлена,-
Восстань, Армения, восстань!
Борись и вырвись прочь из плена!

Пусть ярым вихрем взвее бой,
Пусть вихрь тот совесть мира будит!
В победу верь! она с тобой!
Она твой древний спор рассудит!..
Уходит скорбь во мглу веков...
Испита чаша искупленья...
И жизнь и солнце шлют свой зов,
Поют о чуде воскресенья.

С. ПИРВЕРДИЕВ

ОДНА МОЛИТВА¹

Ах, знал ли ты далекую страну,
Страну великих мук, страну печали,
Где только кровь приветствует весну,
Где плачут робкие леса и скалы?..
Там тишина задумчивых святынь
Поругана безумьем дикой мести...
Там на обломках пляшет не один,
Как дикий зверь на пиршестве несчастия!..
И плачет там в великой скорби мать,
И тщетно ждет отец желанной встречи:
Их дети в безднах мертвыми лежат,
Их дети лишены, как звери речи!..
Ах знал ли ты далекую страну,
Страну суровых мук, страну гоненья? —
Молитву там лепечут все одну
И трепетно там ждут спасенья!..

АРМЕНИЯ

Армения!.. Страна полуразвалин,
Страна красот и царственных могил...
Твой нежный лик столетиями печален,
Твой нежный взор столетиями уныл...

Армения!.. Страна под солнцем юга,
Страна борцов, пророков и святынь...
Веками над тобой бушует вьюга
И плачет в тишине твой скорбный сын!..

---

¹ Стихи С. Пирвердиева «Одна молитва», «Армения», «Ребенку», «Радуйся солнцу» публикуется по «Армянскому вестнику». 1917. № 5, 16, 41, 42.

Армения!.. Страна великой муки,
Страна надежд, подавленных тоской...
Ты к небесам, в мольбах, простерла руки
И ждешь спасенья, бедный край родной!..

РЕБЕНКУ

(К судьбе армянских детей - «зверенышей»)

О, милое, прелестное дитя,
Склонись ко мне головкою невинной...
Я так люблю твой голос голубиный
И поцелуй в алые уста...
Не правда ли, вся жизнь твоя — мечта,
И жгучих слез твои не знали глазки?..
И может быть смиренное дитя,
Ты любишь слушать только, только сказки?
Ах, знаю сказку страшную и я,
Она смущает детскую беспечность.
Ее родили скалы и поля,
Где люди плачут тягостную вечность!..
И там есть дети, милое дитя,
Угрюмые, бездомные создания...
У них поблекли алые уста
От голода, от жажды и страдания...
У них нет матерей и нет отцов...
Они в глуши безвестной одичали
И детский лепет, детскую любовь,
Все, все, что было свято, потеряли...
Они забыли звуки всех молитв,-
Свидетели угроз и страшных битв...
О, милое дитя, неправда ль ты
Их любишь за страдальческую долю.
За горечь слез, за рабскую неволю
И подарить им хочешь ты цветы
И поцелуя трепетную нежность?..
Не правда ль, будешь Бога ты молить?..
Он любит так детей... И может быть
Им возвратит Он счастье и беспечность...

РАДУЙСЯ СОЛНЦУ...

Армянское племя, великое племя,
О, радуйся Солнцу и снова расти...
Уж вспыхнуло утро, желанное время,
Чтоб вновь возродиться и снова цвести!..

Армянское племя, несчастное племя,
Восстань из развалин и дружно ликуй...
Уж свегнуты идола, свергнуто бремя
И близок и близок святой поцелуй...

Пусть ты испытало миллионы терзаний
И дух твой подавлен коварной враждой –
Никто ж не сломил твоих жгучих желаний.
Никто ж не погасил души молодой...

И кругом, и нет Черного Года,
Нет мести, нет злобы, гонимый народ...
Есть только свобода, святая свобода
И братские песни: «Вперед и вперед!..»

Армянское племя, великое племя.
О радуйся Солнцу и снова расти...
Уж вспыхнуло утро, желанное время,
Чтоб вновь возродиться и снова расти!..

В. ЯЗВИЦКИЙ

АРМЯНСКИМ ДОБРОВОЛЬЦАМ¹

Я помню их. Я помню жесты, лица.
Глаза с безумием страданий...
Они живут, как раненные птицы,
В тоске предсмертных содроганий.

Кровавый призрак с жадными очами
Мертвит их мукой ледяною,
Их слезы льются жуткими ночами
Над бедной родиной больною.

Но каждый рад идти на бой и сечу
И будет петь в разгаре битвы:
«О, если смерть в бою жестоком встречу,
Я к ней не обращаю молитвы!»

И все умрут как раненные птицы,
Отдавши жизнь без колебаний,
Чтоб над Арменией зажглась денница,
Чтоб ночь ушла со тьмой страданий.

---

¹ «Армянский вестник». 1916. № 45.

Е. БАЛКОВОЙ

В ЗАЩИТУ ТУРЕЦКИХ АРМЯН

От Черного моря до озера Ван,
Где землю Евфрат омывает,
Где Муш, Трапезунд, Эрзерм, Эрзинджан
Еще говорят о народе армян.
Тревожно Молва пролетает.

Она пролетает по горным хребтам,
Спускается с плачем в долины,
Бежит по дорогам, по узким тропам,
По бедным селеньям, шумливым лесам,
Заходит в пустые руины.

Разносит повсюду ужасную весть:
«Все наши надежды пропали!
Погибнет великой Армении честь!
Опять замышляют нас в жертву принести,
Презревши все наши печали!

Опять мусульмане огнем и мечом
Погубят свободу и право!
Опять нас растопчут! Опять упадем
Под тяжким, кровавым турецким ярмом!
Погибнет Армении слава!

Опять наших жен, дочерей и сестер
Заставят в Стамбуле томиться:
Опять будут ждать их стыд и позор.-
Иль волны Евфрата, иль дымный костер,
Иль рабство и слезы в темнице.

Начнут наших братьев, отцов, сыновей,
Гноить в казематах ужасных;
Тела их повесят у наших дверей.
На стенах церковных, под тенью ветвей,
Следами мучений напрасных.

Опять мы в цепях под бичами пойдем
На рынках турецких работать;
Мы кровью своей рудники обольем,
С проклятьем и стоном мы спины согнем.
Чтоб выплатить тяжкую подать.

А наши жилища, селенья опять,
Объятые грозным пожаром,
В печальных развалинах будут стоять.
И некому будет в них жить и страдать,-
Погибнет Армения даром!

Погибнет, но бросит народам укор, —
Пред смертью бросит страдальческий взор,
В народах сознание оставив,
Что был их неправ и жесток приговор,
Когда, прекращая военный свой спор.
Забыли про нас, про наш горький позор,
Все племя навек обезглавив!

Чтоб мир, без аннексий вполне заключить
Всех в жертву они нас приносят.
Нам в рабстве придется у турок служить.
И вновь без надежды останемся жить,
И псам на съеденье нас бросят!

И дальше, все дальше несется Молва.
По грозной стране пролетая;
Разносятся стоном тревоги слова.
Заранее хоронить святыя права,
Судьбу всей душой проклиная...

Не можем ее понимать мы добром!
Прошло уже двадцать столетий,
Как страшную, тяжкую ношу несем,
И горькую, смертную чашу все льем,
Судьбы нелюбимые дети!

То мидяне, греки, то римляне нас
Душили и грабили прежде;
Терпенья и силы последний запас
Терять приходилось армянам не раз.
И не было места надежде.

Арабы, и персы, и турки потом
Страной разоренной владели,
И курды, селенья сжигая кругом,
Нам вечно грозили нещадным мечем
И грабили все, что хотели.

Не раз нам казалось; погибла страна!
Иссякнет в ней жизнь, истощиться!..
Но вот подняла нас надежды волна:
Весь мир охватила борьба и волна.
Теперь наша участь решиться должна!
Свобода к нам в двери стучится...

Две тысячи лет мы так ждали ее!..
Безустали, напрягши усилия.
Мы подняли честное знамя свое...
И нас не встречает вниманье ничье, —
И вновь опускаются крылья...

Уж радостью светлой теперь не блещут
Армянок прекрасные очи;
Печальные старцы угрюмо сидят:
На улице дети уже не шумят;
И солнце лучи уж не грея горят,
И стали так холодом ночи...

Армения, полно! Не плачь, не рыдай!
Еще не погибли армяне.
Отважно с тираном ты в битву вступай!
Свободен и радостен будет твой край.
Хоть день его всходит в тумане.

Еще напряги свои силы в борьбе!
Россия тебя не оставит.
В твоей безотрадной кровавой судьбе
Защитой, стеной она будет тебе, —
Она никогда не лукавит.

Россия душою великой поймет,
Что «мир без аннексий» забвенье
Прав слабых народов сурово несет,
Их злобным тиранам навек отдает,
Законных надежд обрывает полет,-
В нем правды лежит оскорбленье.

Уж если оставить страдальцев-армян
Под властью Турции снова,
Не будет ли это — кошмарный обман,
Позорь, преступление свободных всех стран
Забывших про брата меньшого?

В чем смысл тогда будет великой войны
Задачи и цели свободы?..
Чтоб ни было, мы обеспечить должны
Свободу и право армянской страны
На многие - многие годы!..

Армения, полно! Не плачь, не рыдай!
Еще не погибли армяне.
Ты в битву с тираном отважно вступай
Свободен и радостен будет твой край,
Хоть день его всходит в тумане...»¹

---

¹ Балковой Е. В защиту турецких армян. Ялта. 1917.

В. КИПИНОВ

БЕЖЕНЦЫ

Идут они, идут гурьбою,
Идут сюда со всех концов,
Идут гонимые судьбою,
Без матерей и без отцов!..
Идут они, идут гурьбою
С надеждой твердою в груди,
Идут с невинною душою
И верят — счастье впереди!¹

---

¹ «Армянский вестник». 1917. № 10.

Е. СЫРЕЙЩИКОВА

ШАХ АЗИЗ¹

Как зрелая пшеница, чище всех
Ты здесь чистилище, ты — фимиам
И будь душе твоей неведом грех, —
Был бы ты единственный мой храм.

Вои в стихотворном ветре слышу я
Твой сладостный и нежный аромат
И только струи быстрого ручья,
Как голос твой пленительно звенят.

Когда же плавно движутся кусты,
Я вспоминаю трепет милых ног,
Тебя, клонясь, приветствуют цветы
И шепчут радостно тебе: Ты — Бог!

Ты — тихая звезда и ты — луна,
Ты — радость светлая, ты — ужас мук,
Ты — ясный день, ты — ночи глубина,
Ты — жизни грустной верный, добрый друг!

Армянский Вестник. 1916. № 16, 15 мая. С. 6

---

¹ Смбат Симонович Шах-Азиз (Шахазизян), (1841—1908) — армянский поэт, публицист и педагог.

ГЛАВА IV

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ И АРМЕНИЯ

В.Я. БРЮСОВ

*«Просите, и дано будет вам; ищите,
и найдете; стучите, и отворят вам»
(Мф 7:7)*

Аналогичный смыслу эпитафия эпизод в истории развития армяно-русских литературных взаимоотношений произошел в связи с выходом в свет уникальной антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», подготовленной к изданию великим русским поэтом рубежа XIX-XX вв. И.Я. Брюсовым в 1916 г. До выхода в свет «Поэзии Армении» под редакцией В.Я. Брюсова такого объемного труда, так широко и объективно представившего русскоязычному читателю армянскую поэзию всех времен, не было. Именно Брюсов первым сделал удачную, заслуживающую самой высокой оценки, попытку показать миру богатое духовное наследие древнего армянского народа. И достойно представил.

В судьбах народов, населяющих планету, бывают и взлеты и падения, периоды процветания и культурного спада, победы и поражения. В этом аспекте армянский народ не является исключением. В его судьбе также были отрадные страницы мирного труда и созидания, были, к сожалению, и трагические события общенационального масштаба.

В 1915 г., когда армянский народ стоял на грани физического истребления, начатого еще в конце XIX в. и ранее, когда в 1894-1896 гг. турецкими палачами было варварски истреблено более 300 тыс. армян и пущено по миру 500 тыс., когда на исторической его родине культурный пласт которого насчитывает более двух тысячелетий, в течение двух и более десятилетий велось планомерное истребление армянского народа, русский писатель, поэт, ученый, историк, к имени которого применимы все хвалебные эпитеты русского языка, Валерий Брюсов оказал неоценимую высокую моральную поддержку армянскому народу — выступил его искренним духовным защитником.

По рекомендации М. Горького представители Московского Армянского комитета писатели Ал. Цатурян, К. Микаэлян, П. Макинцян и В. Терян в июле 1915 г. обратились к Брюсову с просьбой возглавить работу по переводу и изданию на русском языке Антологии армянской

поэзии. Брюсов в начале ответил «решительным отказом». «Только после долгих настояний отдельных представителей Комитета, — признавался впоследствии Брюсов, — которым за это я обязан глубокой благодарностью», он согласился возглавить эту работу. Одновременно Брюсов поставил непереносимое условие, а именно чтобы «ему дана была возможность ознакомиться с армянским языком и изучить, хотя бы в общих чертах, как историю армянского народа, так и историю его литературы»¹.

Требования В. Брюсова, предъявленные представителям Московского Армянского комитета в июле 1915 г., были выполнены. Ему были представлены соответствующие публикации по армянской литературе, истории и культуре, и, лишь ознакомившись с ними, он согласился возглавить работу по изданию армянской поэзии на русском языке.

Почему М. Горький рекомендовал Брюсова возглавить работу по организации переводов и изданию армянской поэзии на русском языке? Ответ прост. В начале XX в. в России уже были широко известны переводы В. Брюсова на русский язык сочинений европейских авторов Э. Верхарна, П. Верлена, М. Метерлинка, О. Уайльда, Вергилия, Данте и др. Очевидно, их и имел в виду и М. Горький при рекомендации Брюсова возглавить работу по изданию армянской поэзии на русском языке.

В. Брюсов в короткий срок (немногим более одного года) организовал и привлек к этой работе большую группу известных поэтов-переводчиков, в их числе Ю.К. Балтрушайтис, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, И.А. Бунин, Вяч.И. Иванов, В.Ф. Ходасевич, С.В. Шервинский и др., но основную переводческую работу он выполнил сам. Из 232 стихотворений, включенных в известную нам сегодня антологию, Брюсов перевел 144, написал обстоятельный вступительный очерк, не превзойденный и в наши дни по размаху, глубине и объективной оценке армянской лирики всех времен. Так, в 1916 г. на русском языке был издан объемный фундаментальный сборник армянской поэзии, озаглавленный «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней».

Выход «Поэзии Армении» под редакцией В. Брюсова стал явлением не только в армянской литературной жизни, но и в русской. Ежедневная газета «Речь» 19 декабря 1916 г. опубликовала пространную статью профессора Петербургского университета, автора нескольких монографий, редактора журнала «Мир божий» Ф.Д. Батюшкова «Поэзия народа-художника», в которой антология армянской поэзии названа

---

¹ Брюсов и Армения. В 2-х книгах. Книга I. Ереван. 1988. С. 51.

«откровением целого народа». «И когда читаешь подряд эти страницы, на которых собраны образцы творчества с древних времен, — пишет автор, — то кажется, что перед нами одно лицо в разных его проявлениях, одна собирательная единица — народ армянский, как цельный и самостоятельный организм...».¹

О «Поэзии Армении» общественно-политическая и литературная газета «Кавказская копейка» 25 декабря 1916 г. поместила восторженную рецензию Г. Старцева.

Характеризуя труд В. Брюсова как нечто неординарное, автор статьи ссылается на брюсовскую оценку армянской поэзии. «Немногие народы, — замечает рецензент, могут гордиться, что их народные песни достигают такого художественного уровня». Автор подчеркивает «изысканность, пленительность и оригинальность народной поэзии», а средневековую армянскую лирику он считает «воистину чудом из чудес». При этом рецензент не забывает заметить, и это справедливо, что средневековая армянская лирика создавалась в «ужасающих условиях, в каких жил тогда армянский народ...».

Более того, рецензент откровенно признавался, что книга Брюсова неожиданно открыла для русского читателя новый мир поэтической красоты и внесла в сокровищницу мировой культуры огромный вклад. Г. Старцев пишет: «Для русского общества книга эта является настоящим откровением. Мы, русские, и не подозревали, что у народа, живущего рядом с нами, под одним общим государственным кровом, имеется такая богатейшая художественная литература. Книга Брюсова в буквальном смысле открыла нам новый мир поэзии, неиссякаемый источник великих наслаждений для каждого искренне любящего поэзию и скрытую красоту человеческого духа <...> Своей исключительно богатой литературой Армения внесла драгоценный вклад в общую сокровищницу человечества».²

По масштабам творческой работы одного человека, за короткий срок вовлекшего в орбиту своего благородного труда десятки других известных и видных ученых, писателей, поэтов, переводчиков, деятельность В. Брюсова, без преувеличения, можно назвать подвигом.

В письме к писателю, Президенту Вольного общества любителей словесности, наук и художеств Александру Измайлову 8 марта 1916 г. В. Брюсов о своей работе по подготовке «Поэзии Армении» написал: «Когда сборник выйдет, Вы увидите, какой невероятный труд был все же мною

---

¹ Цит. по: Брюсов и Армения. Кн. I. Ереван. 1988. С. 242.

² Там же. С. 248.

исполнен за полгода. Я изучил целую литературу, обнимающую 1½ тысячелетия (а точнее — и все 2½, от V века до Р.Х.) и сам перевел свыше 100 поэм, самых разнородных поэтов в самых разнообразных стилях...».

В мировой практике переводческой школы, нам кажется, трудно поставить что-либо подобное рядом с брюсовской «Поэзией Армении». В ее создании В. Брюсов выступил переводчиком и организатором переводов, редактором антологии, автором вступительного очерка и примечаний.

«За несколько месяцев занятий, — пишет Иоанна Брюсова, — Валерий Яковлевич сделался восторженным поклонником армянской поэзии и армянского народа. Помню, с каким восторгом подыскивал Брюсов слова, которые передавали бы более или менее верно соответствующие звуки стихотворения»¹.

В. Брюсов высоко ценил армянскую поэзию. Он настолько глубоко вник в ее суть, что в цитируемом выше письме к А. Измайлову написал: «Ваше предыдущее письмо пришло в дни, когда я был на Кавказе, именно в Армении, где читал армянам лекции, поучая их красотам и богатствам их родной поэзии»². **Браво!** Мы не можем не воскликнуть...

Чтобы проверить степень восприятия читателем армянской поэзии всех времен, он в конце 1915 — в начале 1916 гг. действительно выступил с циклом лекций в Москве, Петербурге, городах Закавказья: Баку, Тифлисе и Эривани, где его слушателями, естественно, были, в основном, армяне, в числе которых известные деятели культуры и классики армянской литературы. Многочасовые лекции В. Брюсова по своей глубине, объективности и методу изложения материала приводили в восторг слушателя и читателя.

Первая лекция В. Брюсова о «Поэзии Армении» в Закавказье состоялась в Баку 8 января 1916 г. Перед лекцией от имени Бакинского общества любителей армянской словесности классик армянской литературы Иоаннес Иоаннисян в приветственном слове сказал: «Мы восхищаемся Брюсовым-поэтом и, одновременно, преклоняемся перед Брюсовым-человеком, который в час нашего бедствия проявил столько симпатии к народу-страдальцу... Нет на свете воздаяния, достаточного за то начинание, которое возглавляете Вы, начинание, направленное на ознакомление русской общественности с многовековым творчеством

---

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 290.

армянского народа»¹. И, как свидетельствует Иоанна Брюсова, «успех лекции был полным, Валерия Яковлевича приветствовали не только представители армянской интеллигенции, но и группы бакинских рабочих. Мне особенно запомнилась речь одного молодого рабочего, представителя группы армян, не владевших или слабо владевших родным языком. Для этой группы, по словам рабочего, переводы Брюсова с армянского были настоящим откровением»².

Вторая лекция Брюсова в Баку состоялась 13 января 1916 г. и прошла с не меньшим успехом. Затем Брюсов выехал в Тифлис.

«В Тифлисе Брюсову был устроен самый теплый прием. Вокруг О. Туманяна, — вспоминает Иоанна Брюсова, —сгруппировались многие армянские литераторы».

В Тифлисе Брюсов посетил могилу Саят-Новы, побывал в монастыре Св. Давида и поклонился праху А. Грибоедова. Лекции Брюсова в Тифлисе прошли с большим успехом.

Первая состоялась 15 января 1916 г., вторая — по возвращении из Эривани, 22 января.

Перед началом лекции в Тифлисе классик армянской литературы Ованес Туманян, от имени Общества армянских писателей обращаясь к Брюсову с приветствием, сказал:

«Вы явились одним из тех немногих людей, которые смогли прочесть эти волшебные письма (армянской поэзии) и обнародовать их. О нашей поэзии, о нашей культуре просвещенный мир и в особенности Россия знают мало. Вы явились первым из русских поэтов, который вместе со своими известными коллегами широко знакомит читателя с поэзией, творческой силой армянского народа... И за это высокое и прекрасное начинание я сердечно благодарю Вас...»³.

На лекции в Тифлисе присутствовал Александр Ширванзаде. Он был очарован мастерством и широкими познаниями В. Брюсова. В статье «Мои впечатления» классик армянской литературы написал: «Никогда не потускнеют в моей памяти те подлинно поэтические картины, которые в течение четырех часов создавал тонкий мыслитель и не менее тонко чувствующий поэт могуществом своей чарующей кисти»⁴.

А когда завершилась первая часть лекции, Ширванзаде прошел за кулисы, чтобы поблагодарить В. Брюсова за столь интересное,

---

¹ Там же. Кн. 2. С. 11.

² Там же. С. 62.

³ Амирханян М.Д. Первооткрыватель армянской поэзии. Ереван. 2013. С. 61.

⁴ Там же. С. 15.

последовательное и объективное представление армянской поэзии, «гость был бледен от волнения и дрожал. Он был взволнован не столько в высшей степени восторженным приемом публики, до краев заполнившей зал, сколько великолепными образами, возродившимися мощью его чудодейственной волшебной палочки. От тех обломков нашего богатого прошлого, которые имеют право жить и должны жить, если не для всего мира, то хотя бы для нас, как гордость за нашу национальную цивилизацию, за цивилизацию прошлого».

«Помилуйте, — сказал поэт своим трепетным голосом, не вы меня должны благодарить, а я — армянский народ, который доставил мне величайшее наслаждение своими бессмертными творениями прошлого».

И, поверьте, это была не обычная скромность высокообразованного европейца и не тактичность, а присущая русской душе искренность»¹.

Завершив свои лекции в Тифлисе, В. Брюсов выехал в Эривань. 18 января 1916 г. в зале Городского клуба в Эривани состоялись две лекции В. Брюсова, в которых он глубоко и всесторонне раскрыл исторические перипетии в судьбе армянского народа и славной его поэзии, которую Брюсов, как никто другой, мастерски представил русскому читателю. Истари повелось так, что люди в разной форме старались быть благодарны за проявленное к ним доброе отношение. Мы не исключение.

Вот и армяне, видя большие заслуги В. Брюсова в деле пропаганды их духовной культуры в среде русского читателя, бескорыстность и проявление нескрываемого большого интереса армянской публики к русской литературе, выступили инициатором широкого изучения и масштабной популяризации богатого творческого наследия русского поэта. Начиная с 1962 г., Ереванский государственный педагогический институт русского и иностранных языков, носящий имя поэта, организовал и провел восемнадцать «Брюсовских чтений» (1962, 1963, 1966, 1971, 1973, 1980, 1986, 1996, 2002, 2006, 2010, 2013, 2018 гг.), дважды Чтения состоялись, в Ставрополе (1989, 1994) и в 2008 г. — в Пятигорске.

В Ереванских чтениях приняли участие и выступили с докладами более двухсот ученых из различных городов бывшего Советского Союза и зарубежных стран.

Ереванский госпедиститут русского и иностранных языков (ныне Ереванский государственный университет им. В.Я. Брюсова) четырежды переиздал «Поэзию Армении» (1963, 1966, 1973, 1987 гг.).

---

¹ Амирханян М.Д. Первооткрыватель армянской поэзии. Ереван. 2013. С. 15.

Автору этих строк посчастливилось неоднократно быть участником, а в 1986 г. и 1996 г. — организатором «Брюсовских чтений», а также составителем, редактором, автором вступительного очерка «Брюсовских чтений 1986 г.» и, кроме того, составителем, редактором и автором вступительных очерков «Брюсовские чтения. Избранное» (1998), «Брюсовские чтения в критике» (1998), «Венок Брюсову», выдержавшего два издания (1996, 2012). А к 100-летию первого издания «Поэзии Армении» организовал факсимильное воспроизведение в парадном формате этой антологии с добавлением переводов, не включенных в свое время Брюсовым в первое издание.

*Обложка и титульный лист парадного издания
«Поэзии Армении»
Ер. 2016*

По творчеству В. Брюсова в связи с Арменией нами разработаны в разное время статьи, опубликованные в разных местах затем, собраны в одной книге¹.

1. Первооткрыватель армянской поэзии.
2. Средневековая армянская лирика в восприятии В.Я. Брюсова.
3. В. Брюсов и геноцид армян.
4. В.Я. Брюсов и классики армянской советской литературы.
5. Поэтический цикл В.Я. Брюсова «В Армении».

К АРМЕНИИ²

В тот год, когда господь сурово
Над нами длань отяготил,—
Я, в жажде сумрачного крова,
Скрываясь от лица дневного,
Бежал к бесстрастию могил.

Я думал: божескую гневность
Избуду я в святой тиши:
Смирит тоску седая древность,
Тысячелетних строф напевность
Излечит недуги души.

Но там, где я искал гробницы
Я целый мир живой обрел:
Запели, в сретенье денницы,
Давно истлевшие цевницы, —
И смерти луг — в цветах расцвел.

Не мертвым голосом былины, —
Живым приветствием любви
Окрестно дрогнули долины,
И древний мир, как зов единый,
Мне грянул грозное: «Живи!»

---

¹ Амирханян М.Д. Первооткрыватель армянской поэзии. Ереван. 2013.

² Здесь и далее стихи В. Брюсова. цит. по: Брюсов и Армения. В двух книгах. Ереван: «Советакан грох». 1988. Кн. I. С. 29-49.

Сквозь разделяющие годы
Услышал я ту песнь веков.
Во славу благостной природы,
Любви, познания и свободы, —
Песнь цепь ломающих рабов.

Армения! Твой древний голос —
Как свежий ветер в летний зной:
Как бодро он взвывает волос,
И, как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой!

Москва, Тифлис, 9 декабря 1915

К АРМЯНАМ

Да! Вы поставлены на грани
Двух разных спорящих миров,
И в глубине родных преданий
Вам слышны отзвуки веков.

Все бури, все волненья мира,
Летя, касались вас крылом, —
И гром глухой походов Кира
И Александра бранный гром.

Вы низили, в смятении стана,
При Каррах римские значки;
Вы за мечом Юстиниана
Вели на бой свои полки;

Нередко вас клонили бури,
Как вихри — нежный цвет весны, —
При Чингиз-Хане, Ленгтимуре,
При мрачном торжестве Луны.

Но, воин стойкий, под ударом
Ваш дух не уступал Судьбе;
Два мира вокруг него не даром
Кипели, смешаны в борьбе.

Гранился он, как твердь алмаза,
В себе все отсветы храня:
И краски нежных роз Ширази,
И блеск Гомерова огня.

И уцелел ваш край Наирский
В крушениях царств, меж мук земли
Вы за оградой монастырской
Свои святыни сберегли.

Там, откровенья скрыв глубоко,
Таила скорбная мечта Мысль
Запада и мысль Востока,
Агурамазды и Христа.

И ключ божественной улады,
Нетленный в переменах лет:
На светлом пламени Эллады
Зажженный — ваших песен свет.

И ныне, в этом мире новом,
В толпе мятущихся племен,
Вы встали обликом суровым
Для нас таинственных времен.

Но то, что было, вечно живо.
В былом — награда и урок,
Носить вы вправе горделиво
Свой многовековый венок.

А мы, великому наследью
Дивясь, обеты слышим в нем...
Так! Прошлого тяжелой медью
Гудит над каждым новым днем.

И верится, народ Тиграна,
Что, бурю вновь преодолев,
Звездой ты выйдешь из тумана.
Для новых подвигов созрев;

Что вновь твоя живая лира,
Над камнями истлевших плит,
Два чуждых, два враждебных мира
В напеве высшем съединит!

23 января 1916 Тифлис

К АРАРАТУ

Благодарю, священный Хронос!
Ты двинул дней бесцветных ряд —
И предо мной свой белый конус
Ты высишь, старый Арарат,

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободно-голубой простор.

Овеян ласковым закатом
И сизым облаком повит,
Твой снег сияньем розоватым
На кручах каменных горит.

Внизу, на поле каменистом,
Овец ведет пастух седой,
И длинный посох, в свете мглистом,
Похож на скипетр вековой,

Вдали — убогие деревни,
Уступы, скалы, камни, снег...
Весь мир кругом — суровый, древний,
Как тот, где опочил ковчег.

А против Арарата, слева,
В снегах, алея, Алагяз,
Короной венчанная дева,
Со старика не сводит глаз.
1916, Эчмиадзин

АРАРАТ ИЗ ЭРИВАНИ

Весь ослепительный, весь белый,
В рубцах задумчивых морщин,
Ты взнес над плоскостью равнин
Свой облик древле-онемелый,
Накинув на плечи покров
Таких же белых облаков.

Внизу кипят и рукоплещут
Потоки шумные Зангу;
Дивясь тебе, на берегу
Раины, стройные трепещут,
Как белых девственниц ряды,
Покрыв застывшие сады.

С утеса стены Саардара,
Забыв о славе прошлой, ждут,
Когда пройдет внизу верблюды,
Когда домчится гул с базара,
Когда, с мурлыканьем, купец
Протянет блеющих овец.

Но ты, седой Масис, не слышишь
Ни шумных хвал, ни нужд земных
Ты их отверг, ты выше их,
Ты небом и веками дышишь,
Тебе шептать — лишь младший брат
Дерзает — Малый Арарат.

И пусть, взглянув угрюмо к югу
Как древле, ты увидишь вновь —
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп.

Творенья современник, ведал
Ты человечества конец,
И тайну новых дней Творец
Твоим седидам заповедал:
Встав над кровавостью равнин,
Что будет — знаешь ты один.

9 декабря 1916, Эривань

И. ИОАННИСИАНУ
(В альбом)

К тебе приблизиться, то значит —
Вдохнуть души прекрасный свет.
Кто удручен, кто тайно плачет, —
Тот ищет строф твоих, поэт.
В армянской новой жизни начат
Твоим напевом яркий след!

1916

ИВАНУ ФАДЕЕВИЧУ ТУМАНЯНУ

поэту

блистательнейшей звезде

светлого трехзвездья армянской поэзии

...Да будет праведно возмездие
Судьбы — и в годах и в веках!
Так! создал новое созвездие
Ты на армянских небесах.

Пусть звезды, малые и крупные,
Вокруг тебя пронзают тьму:
Мы смотрим в сферы недоступные,
Дивясь сиянью твоему!..

1916 г. 25 февраля, Москва

ТИГРАН ВЕЛИКИЙ

95-56 до Р. Х.

В торжественном, лучистом свете,
Что блещет сквозь густой туман
Отшедших вдаль тысячелетий, —
Подобен огненной комете,
Над миром ты горишь, Тигран!

Ты понял помыслом крылатым
Свой век, ты взвесил мощь племен.
И знамя брани над Евфратом
Взнес, в союзе с Митрадатом,
Но не в безумии, как он.

Ты ставил боевого стана
Шатры на всех концах земных:
В горах Кавказа и Ливана,
У струй Куры, у Иордана,
В виду столиц, в степях нагих.

И грозен был твой зов военный,
Как гром спадавший на врагов.
Дрожал, заслыша, парф надменный,
И гневно, властелин вселенной,
Рим отвечал с семи холмов.

Но, воин, ты умел Эллады
Гармонию и чару чтить:
В стихах Гомера знал улады,
И образ Мудрости-Паллады
С Нанэ хотел отождествить!

Ты видел в нем не мертвый идол;
Свою заветную мечту,
Вводя Олимп в свой храм, ты выдал:
Навек — к армянской мощи придал
Ты эллинскую красоту!

И, взором вдаль смотря орлиным,
Ты видел свой народ в веках
Стоящим гордо исполином:
Ты к светлым вел его годам
Через войны, чрез тоску и страх...

Когда ж военная невзгода
Смела намеченный узор, —
Ты помнил благо лишь народа,
Не честь свою, не гордость рода, —
Как кубок яда, пил позор.

Тигран! мы чтим твой вознесенный
И лаврами венчанный лик!
Но ты, изменой угнетенный,
Ты, пред Помпеем преклоненный
Во имя родины, — велик!

11 декабря 1916

ПОБЕДА ПРИ КАРРАХ

53 г. до Р. Х.

Забуть ли час, когда у сцены,
Минуя весь амфитеатр,
Явился посланный Сурены
С другой, не праздничной арены, —
И дрогнул радостью театр!

Актер, играя роль Агавы,
Из рук усталого гонца
Поспешно принял символ славы,
Трофей жестокий и кровавый
С чертами римского лица.

Не куклу с обликом Пенеея, —
Но вражий череп взнес Ясон!
Не лживой страстью лицедея,
Но, правым гневом пламенея,
Предстал пред зрителями он.

Подобен воинскому кличу
Был Еврипида стих живой:
«Мы, дедовский храня обычай,
Несем из гор домой добычу,
Оленя, сбитого стрелой!»

Катясь, упала на подмости,
Надменный Красе, твоя глава.
В ответ на стук, глухой и жесткий,
По всем рядам, как отголоски,
Прошла мгновенная молва.

Все понял каждый. Как в тумане,
Вдали предстало поле Карр,
И стяг армянский в римском стане.
И грянул гул рукоплесканий,
Как с неба громовой удар.

В пыланье алого заката,
Под небом ясно-голубым,
Тем плеском, гордостью объята,
Благодарила Арташата,
Царя, унизившего Рим!

МОЛЕНИЕ ЦАРЯ

(Историческая сцена)

Лица сцены.

Артавазд II — царь Армении (56-33 г. до Р. Х.)

Еврей — пленник

Спарамет — военачальник армянского войска

Приближенные царя, стража. Действие в царском шатре, у границ Иудеи.

Царь: Теперь ввести ко мне того еврея.

Спарамет: Он здесь.

Царь: Так пусть войдет.

Еврей (входит): Привет царю.

Царь: Мне говорили: ты гадать умеешь
И будущее верно предрекать.
Я приказал тебе прочесть по звездам,
Что моему народу Рок судил.
Готовы ли твои предвозвещанья?

Еврей: Царь! Я не обучен ни ворожбе,
Ни знанью сокровенному халдеев.
Лишь то глашу, что Бог живой в уста
Влагает мне: Его я воли вестник.

Царь: Тебе твой Бог поведал ли судьбу
Моей Армении?

Еврей: Я видел, Царь,
Грядущего видения, но смутно.

Царь: Ты говори.

Еврей: Все ли открывать, Царь?

Царь: Все, без утайки.

Спарамет: Повинуйся тотчас!

Еврей: Царь! Возвеличен ты! Как твой отец,
Свои полки ты вел победоносно
По многим странам: города, народы
Мечом смирял, и сам великий Рим
Твоей могучей длани силу ведал Царь!
славься!

Царь: Дальше.

Еврей: Я тобой отпущен.
По слову твоему, молился Богу,
И был мне глас в ночи:
«Встань и смотри!»
И я увидел, словно в буре некой,
Века, царей и битвы: все неслось,
Крутилось в вихре; восставали царства
И падали. Лишь западный Дракон
Все возрастал в своей безмерной силе
И, простираясь, землю наполнял.
И вот уже не оставалось места,
Где б не было его: Восток и Запад,
В свою утробу, и возвысил вдруг
Две головы венчанные над миром.
И пало все кругом пред ними ниц.

Царь: А мой народ?

Еврей: На севере, в горах
Твоя корона золотом сверкала.
Порой Дракон, свирепствуя, тянул
К ней лапу, и она во мглах тускнела...

Спарамет: Царь, разрешишь ли?

Царь: Пусть говорит.

Еврей: ...Но снова разгоралась блеском.

Царь: Дальше!

Еврей: И вновь в ночи был глас ко мне:
«Смотри!»
И я увидел капища богов:
То были стены храмов Мицраима,
Божеств халдейских и божеств Эллады.
И вдруг они померкли.
Страшный гром
Ударил с неба.
Рухнули кумиры

С подножий, чтобы не встать. И Бог Единый,
 Народа избранного Бог живой,
 Простер над миром пламенную длань,
 И все ему в испуге поклонились.

Царь: А мой народ?
 Еврей: И твой народ познал
 Творца земли и истинного Бога.
 И ложных идолов во прах поверг.
 И Господу с усердием молился.

Спарамет: Царь, повелишь, и этого еврея,
 Немедля, воины твои распнут
 За богохульство?

Царь: Пусть договорит.
 Еврей: И видел снова я и вихрь и бурю
 Веков мятущихся. И тот Дракон,
 Две головы имевший, вдруг распался,
 И стало два; налево и направо.
 И правый был неистов и хитер,
 И продолжал владенья пожирать.
 Но вышел зверь другой ему навстречу,
 Лев с солнцем за спиной. И оный Лев
 И тот Дракон вступили в бой жестокий,
 Терзая и грызя один другого,
 И все, что было вокруг, в бою своем,
 Зубами и когтями сокрушая.

Царь: А мой народ?
 Еврей: Он также был тогда
 Разодран в этой схватке на две части.
 Одну из них схватил себе Дракон,
 Другую Лев. И, стоя над добычей,
 Они рычали, скаля зубы...

Спарамет: Царь!
 Нам нестерпимо эти речи слушать!

Царь: Я все хочу узнать. (Еврею) Что было дальше?
 Еврей: И шли года, и видел я лежит
 Твоя страна, как некий труп в пустыне,
 Не мертвая, однако, но живая,
 Затем, что взор ее порой блистал,
 И грозный голос иногда ее был слышен.
 Но явился третий зверь,

Подобный Парду. Из пустынь внезапно
Он ринулся, и Льва он повалил,
И тяжкие нанес Дракону раны.
И вновь я видел много страшных битв,
Неведомых народов наступленья,
И слушал гулы новых языков.
И вот страна твоя, о Царь, очнулась,
И как бы ото сна, и ожила опять,
И язвы ребр ее вдруг исцелились.
И я увидел в глубине веков,
Как сквозь туман мы видим в отдаленье,
Что также две возносит твой народ
Главы, и обе в золотых коронах,
И два царя венцы приемлют эти:
Один — в горах, другой — на берегу Морском.
Близ них сверкают грады златом,
И к ним плывут с богатством корабли,
И славят их певцы на звонких гусях,
И им вещают правду мудрецы,
И весь народ довольством общим счастлив.

Царь: Благодарю, Еврей! Получишь ты
За предсказанье тысячу статеров
С моим изображеньем, — золотых.

Еврей: Царь! Я не все сказал. Вновь некий голос
Мне повелел: «Смотри!» И видел я
Престол Всевышнего. Там херувимы,
Из огненных кадилъниц фимиама
Струя пред троном, горестно рыдали
И лики закрывали, вопия:
«Помилуй!» Но Творец был непреклонен.
И длань сурово на Восток простер.
И там тогда, в пустынях каменистых,
В ущельях гор, всклубился новый вихрь,
И полчища незнанных чудовищ
Вдруг ринулись на мир. И был ужасный
Рев, стон и плач и скрежеты зубов,
И грады рушились в пожаре лютом,
И трупы запружали воду рек,
И обращались в пустоту поля.

И не было, кто мог бы устоять
 Пред той грозой. Все стало степь и мгла.
 И вновь твой край я видел, распростерт
 Как труп, на перекрестке трех дорог.
 Царь: Ты хочешь искушать мое терпение,
 Еврей? Еврей?
 Спарамет: Царь! Не довольно ль этих басен?
 Царь: Договори, но лишь короче!
 Еврей: Царь!
 Немногое осталось говорить.
 Я видел, как клубилась тьма густая
 Там, где когда-то твой стоял престол.
 И шли века, и не было просвета.
 Лишь изредка сквозь мглу проникнуть мог
 Тяжелый стон иль безнадежный крик.
 Потом на Севере чуть просветлело,
 И всматривался, вслушивался я,
 Но трудно было различить виденья.
 И вдруг опять ужасный гром потряс
 И твердь и землю; снова заблестали
 И молнии, и зарево пожаров;
 Опять народы всех концов земли,
 Где Запад, где Восток, где Юг, где Север,
 Сошлись в безмерной сечи боевой;
 И вдруг главы священной Арарата
 Кровь потекла и зазвенела медь...
 И смерть восстала в яростном обличье,
 Главой касаясь тверди, и гласила,
 Что день — ее! И содрогался мир
 В невиданном дотоль землетрясение.
 Провалы разверзались, поглощая
 Людей, народы, царства и царей!
 Царь: А мой народ?
 Еврей: Я ничего не видел.
 Царь: Что мой народ?
 Еврей: Царь, не страшился я
 Тебе всю правду говорить открыто.
 Не побоялся б до конца сказать,
 Но вдруг виденья прекратились.
 Царь: Лжешь!

Еврей: Глашатай Бога лгать не может, Царь.
Последнее, что мог я видеть, было
Внезапное во мраке озаренье,
Свет просиял, и был мне внятен глас:
«Лежащие в гробах да выйдут к солнцу!»
И тут же пал я, ужасом объят.

Царь: Но дальше!

Еврей: Дальше ничего увидеть
Не мог я, Царь! Довольно. Отпусти
Меня. Я все сказал, что мне позволил
Глаголящий через мои уста.

Спарапет: Царь, погляди, он весь расслаб от бреда.
За эти рассказы ему сто палок
Довольно дать.

Царь: Нет, тысячу статеров
Я обещал. Что Царь сказал, то свято.
Иди, Еврей, но больше никогда
Мне на глаза не попадайся! Горе,
Кто моему народу предречет
Судьбу такую! О, родной народ!
Молю богов, — да будешь ты счастливей!

Еврея уводят. Царь остается в задумчивости.

СВОБОДА И ВОЙНА

Свобода! Свобода! Восторженным кликом
Встревожены дали холодной страны:
Он властно звучит на раздолье великом
Созвучно с ручьями встающей весны.
Россия свободна! Лазурь голубее,
Живительней воздух, бурливей река...
И в новую жизнь бесконечной аллеей
Пред нами приветно раскрылись века.
Но разве сознание не мучит, не давит,
Что в радости марта, на празднике верб
Весны и свободы не видит, не славит
Поляк, армянин, и бельгиец, и серб?

В угрюмых ущельях, за зеркалом Вана,
Чу! лязганье цепи, удар топора!
Там тысячи гибнут по слову султана,
Там пытки — забава, убийство — игра.
А дальше из глуби Ускюба, с Моравы,
Не те же ли звоны, не тот же ли стон?
Там с ветром весенним лепечут дубравы
Не песенки страсти, — напев похорон.
В развалинах — башни Лувена и Гента,
Над родиной вольной — неистовый гнет...
Германских окопов железная лента
От мира отрезала целый народ.
А ближе! в родной нам, истерзанной Польше!
Нет воли всмотреться, немеет язык...
О, как же гордиться и праздновать дольше,
Катить по просторам восторженный клик?
Довольно! Не кончено дело свободы,
Не праздник пред нами, а подвиг и труд,
Покуда, в оковах, другие народы,
С надеждой на нас, избавления ждут!

22 марта 1917

БАКУ

Холодно Каспию, старый ворчит;
Длится зима утомительно-долго.
Норд, налетев, его волны рябит;
Льдом его колет любовница-Волга!

Бок свой погрееет усталый старик
Там, у горячих персидских предгорий...
Тщетно! вновь с севера ветер возник,
Веет с России метелями... Горе!

Злобно подымет старик-исполин
Дряхлые воды, — ударит с размаху,
Кинет суда по простору пучин...
То-то матросы натерпят страху!

Помнит старик, как в былые века
Он широко разлегался на ложе...
Волга-Ахтуба была не река,
Моря Азовского не было тоже;

Все эти речки: Аму, Сыр-Дарья,
Все, чем сегодня мы карты узорим,
Были — его побережий семья;
С Черным, как с братом, сливался он морем!

И, обойдя сонм Кавказских громад,
Узким далеко протершись проливом,
Он омывал вековой Арарат,
Спал у него под челом горделивым.

Ныне увидишь ли старых друзей?
Где ты, Масис, охранитель ковчега?
Так же ли дремлешь в гордыне своей?
— Хмурится Каспий, бьет в берег с разбега.

Всё здесь и чуждо и ново ему:
Речки, холмы, города и народы!
Вновь бы вернуться к былому, к тому,
Что он знал на рассвете природы!

Видеть бы лес из безмерных стволов,
А не из этих лимонов да лавров!
Ждать мастодонтов и в глуби валов
Прятать заботливо ихтиозавров!

Ах, эти люди! Покинув свой прах,
Бродят они средь зыбей и в туманах,
Режут валы на стальных скорлупах,
Прыгают ввысь на своих гидропланах!

Всё ненавистно теперь старику:
Всё б затопить, истребить, обесславить, —
Нивы, селенья и это Баку,
Что его прежние глубы буравит!

25 января, 1917, Баку

С.М. ГОРОДЕЦКИЙ

В 1916 г. корреспондент газеты «Русское слово» Сергей Митрофанович Городецкий приехал в Тифлис. Это был его третий приезд. Он бывал в Тифлисе в 1902 и 1908 гг. Тогда С. Городецкий гостил у своей сестры, муж которой состоял главным архитектором города. В Тифлисе он обратился в общество «Союз городов» с просьбой отправить его на фронт. Ему предложили поехать в Западную Армению, в г. Ван. Городецкий знал о происходящих там событиях, но отчетливо не представлял всей их глубины и масштабности и что он должен был там делать. Счастливая случайность свела тогда его с известным армянским поэтом Ованесом Туманяном. «В толпе собравшихся хлопотал худощавый высокий человек, принимавший активное участие в создании условий для отъезжающих в Ван на помощь беженцам¹», — написал позже С. Городецкий. Узнав, что это был известный армянский поэт Ов. Туманян, С. Городецкий обратился к нему:

«Я еду в Ван. Я — поэт Сергей Городецкий.

— Мы знаем Вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От «Союза городов»? Что собираетесь делать?

— Не знаю.

— Собирайте и спасайте детей. Они там бродят, живут в развалинах. Одичали. Организуем приют².

Вечером Ов. Туманян пригласил С. Городецкого к себе домой.

Увлекательная беседа об Армении, как признавался позже С. Городецкий, надолго запомнилась ему. Туманян рассказывал о гонимом смертью своем народе, который желает жить в мире и верит в помощь русских. Много говорил он и о назначении поэзии и высоком призвании поэта.

Говорил о трудном пути поэта. В частности, он сказал:

«Вы — поэт. Вы едете в разоренную древнюю родину Армении.

Напишите про нее.

— Я хочу, но я ничего не знаю.

— Вы — поэт. Поэзия и есть познание жизни. Иначе она не нужна.

Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, — это и будет поэзия...»³.

Потом, в кругу гостеприимной семьи, Туманян произнес первый

---

¹ Городецкой С.М. Об Армении и армянской культуре. Изд. «Айастан». Ереван 1974. С. 78.

² Там же.

³ Там же.

тост за дружбу Армении с Россией. Спустя время, вспоминая теплоту семейного очага и сердечную беседу, Городецкий написал:

«Я ушел с этого вечера потрясенный и окрыленный, — мой путь стал ясен мне»¹.

Через несколько дней, 13 апреля 1916 года, С. Городецкий написал и принес Туманяну стихотворение «Армения», которое, нам кажется, было исповедальным и стало программным в дружбе Городецкого с Арменией. В стихотворении поэт как бы заглянул в самого себя и мгновенно, на одном дыхании излил свои переживания в трогательном стихотворении. Прочтем его.

АРМЕНИЯ

Как перед женщиной, неведомой и новой,
В счастливом трепете стою перед тобой.
И первое сорваться с уст боится слово,
И первую смущаются глаза мольбой.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнем и кровью
Армения, тебя хочу я полюбить!

Я голову пред древностью твоей склоняю,
Я красоту твою целую в алые уста.
Как странно мне, что я тебя еще не знаю,
Страна-кремень, страна-алмаз, страна-мечта!

Иду к тебе. Привет тебе! Я сердцем скорый.
Я оком быстрый. Вот горят твои венцы —
Жемчужные, алмазные, святые горы;
Я к ним иду. Иду во все твои концы.

Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!

1916

---

¹ Там же.

В 1918г. Городецкий издал книгу «Ангел Армении», на которой сделал дарственную надпись: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован вашей личностью, но и потому, что ваше имя — это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной».

Стихи «Арчак», «Ван», «Путница», «Сад», «Руки девы», «Ребенок», «Прощанье», «Транспорт». «Ангел Армении» публикуются по сборнику: Городецкий С. Об Армении и армянской культуре / Сост. Ир. Сафрасбекян. Ереван. 1974.

АРЧАК¹

С каждым утром тополя
Расцветают краше.
О, армянская земля,
Мученица наша!

Вот опять идет весна,
Где же дети, девы?
Гладь озерная ясна.
Где, армяне, где вы?

Горе озеро таит,
Кости в поле тлеют.
Хлеб несобранный лежит,
Новый хлеб не сеют.

Там, где был приют красы,
Сельской жизни счастье,
Бродят сумрачные псы
С одичавшей пастью.

С церкви сорвана глава,
У могил разрытых
Плачут кроткие слова
На могильных плитах.

---

¹ Арчак — озеро в Западной Армении к северо-востоку от г. Вана. Здесь и далее — примечания С. Городецкого.

И кукушка средь садов
Носится, рыдает.
На развалинах домов
Ворон кость глодает.

Две старухи под стеной
Прячутся в лоскутья,
Дышит ветер ледяной
Голодом и жутью.

Далеко стоит Сипан¹,
Укрываясь в тучи.
В буре битв сгорел вулкан
И потух, могучий.

Кровью к небу вопиет
Сердце Айастана.
Но и вечный небосвод
Весь в слезах тумана².
1916

ВАН³

Душа, огромная как море,
Дыша, как ветер над вулканом,
Вдыхает огненное горе
Над разоренным раем, Ваном.

Какое жертвенное счастье,
Какое сладкое мученье
В народной гибели участие,
С тенями скорбными общенье!
Еще я мог пробыть с живыми
При свете солнца в полдень знойный.

---

¹ Сипан — вулкан в Западной Армении.

² Здесь и далее стихи цит. по: С. Городецкий. Об Армении и армянской культуре. Ереван. 1974. С. 3-18.

³ Ван — урартская Тушпа — город в Западной Армении, столица Урарту IX—VI вв. до н. э.

Но над садами горелыми
Поднялся лик луны спокойный.

Непобедимее сиянье
И неподвижные руины,
Развалин жуткое зиянье
И свист немолчный соловьиный.

Луна лавины света рушит.
В садах от лепестков дремотных
Исходит ладан, душу душит.
Среди цветов — толпа бесплотных.

Они проходят вереницей,
И каждый в дом былой заходит,
Как узник, связанный с темницей,
Меж стен обуглившихся бродит.

Их, лучезарных, много-много,
Что звезд ночных под небесами.
Иной присядет у порога,
Иной прильнет к нему устами.

Рыданья сердца заглушая,
Хожу я с ними, между ними.
Душа, как звездный свод большая,
Поет народа скорби имя.

1916

ПУТНИЦА

Я дал ей меду и над медом
Шепнул, чтоб слаще жизнь была,
Чтоб над растерзанным народом
Померкнуло созвездье зла.
Она рукой темно-янтарной
Коснулась до моей руки,
Блеснув зарницей благодарной
Из глаз, исполненных тоски.

И тихо села на пороге,
Блаженством сна озарена...
А в голубой пыли дороги
Все шли такие ж, как она.
1916

САД

Сад весенний, сад цветущий,
Страшно мне
Под твои спускаться кущи
В тишине.
Здесь любили, целовались,
Их уж нет.
Вот деревья вновь убрались
В белый цвет.
Что мне делать? Не могу я,
Нету сил
Всех вернуть сюда ликуя,
Кто здесь жил.
Из колодца векового
Не достать
У родного павших крова
Дочь и мать.
Не придут со дна ущелья
Сын с отцом.
Жутко вешнее веселье,
Смерть кругом.
Я не знал вас, дети муки,
Но люблю.
И хожу, ломая руки,
И пою.
Не заветные молитвы
Бытия,—
Песни мщения и битвы
Жгут меня.
Но из пламени той песни,
Из костра,
Вдруг шепчу, молю: — Воскресни,

Брат, сестра...
Ветвь беру я снеговую
С высоты
И в слезах цветы целую,
Их цветы.

1916

РУКИ ДЕВЫ

Она упала у двери дома
Руками к саду, где тишь и дрема.

Над нею курды друг друга били,
Над ней глумились, ее убили.

Погибнул город в пожаре алом,
Укрылся пеплом, уснул устало.

Но жизнь земная непобедима.
Весна напала на смерть незримо,

Ее убрала цветами рая
И воцарилась, смеясь, играя.

В саду жемчужном иду во мраке
И чую жизни угасшей знаки.

И вижу руки давно убитой,
В саду зарытой, давно забытой.

Сияют руки в цветенье белом,
Зовут в объятья движеньем смелым.

Я к ним бросаюсь, их воле внемлю,
Они, сияя, уходят в землю.

К земле склоняюсь — трава ночная
Молчит сурово, росу роняя.

1916

РЕБЕНОК

Она лежит. Ея глазенки,
Как две агатовых звезды,
И в ней, сияющем ребенке,
Не видно боли и вражды.

Ей девять лет. Она, играя
Ручонкой, смуглым стебельком, —
Напоминает облик рая,
В цветах увиденный тайком.

Она глядит, как за окошком
Сияет вишня и айва,
И длиннохвостым шепчет кошкам
Кошачьи, милые слова.

И кажется — она для шутки
Легла в постель... Вот побежит!
Но стены белые так жутки...
Нет, почему она лежит?

Нет, почему она в больнице?
И почему у синих глаз
На черно-бархатной реснице
Вдруг светится большой алмаз?

И отчего от брови к брови
Вдруг пролегает тонкий след?
Откуда в губках очерк вдовий,
Печать неисправимых бед?

О чем глухонемая дума
На темно-розовом челе?

Откуда страх шагов и шума
И крики в сумеречной мгле?

Покинул бог людей и землю!
Как страшно правду понимать!
Ответу бедственному внемлю:
Ребенок — будущая мать.

1916

ПРОЩАНИЕ

Прощайте, печальные тени,
В цветы залетевшие души.
Пусть ваши зеленые сени
Ни вихрь, ни гроза не разрушит.

Я с вами томился и плакал,
Я с вами упился цветеньем
И верностью алого мака,
И яблонь жемчужным лучением.

Нет, сирыми вас не покину,
Я солнцу отдам вас родному.
К нему возносите кручину,
Бессмертья глухую истому.

Когда же плоды золотые
Нальются на ветках счастливых,
Вы вспомните, тени святые,
О песнях моих молчаливых.

О вере моей громогласной,
Что жизнь торжествует победно,
Что смерти зиянье напрасно,
Что люди не гибнут бесследно.

1916

Я И ТЫ

Есть дивный звук: он сладостен и тих,
Он на рассвете слышится порою,
Он из садов несется молодых,
На луч похож он радужной игрою.

Он дорог всем — и людям и цветам,
К нему стремятся лучшие мечтанья.
Рожден землей, он рвется к небесам,
Он исцеляет сердце от страданья.

Любимец гор и солнечных долин,
Всегда ликующий, всегда свободный,
Он может на земле звучать один,
Как песен первенец единородный.

Есть звук иной: рожденный алой тьмой,
Питомец лона первозданной ночи,
Но сумрачней, мрачней ее самой,
Тревожный звук, таинственный, пророчий.

Он мечется и бьется над землей,
Он вечно ищет, с кем соединиться,
К кому прильнуть своею жаркой мглой,
С кем творческим пожаром породниться.

Крещенный кровью мировых родин,
Когда над бездной бушевало слово,
Он никогда не может быть один,
Он ищет звука дальнего, другого.

И молится ему — внемли, внемли!—
О тишине, с самим собой в раздоре,
Как у блаженных берегов земли
Взволнованное долгой бурей море.

1916

ВВЫСЬ

Я иду на высоты земли.
Предо мной расступаются горы,
Надевая, как встарь короли,
Из жемчужин седые уборы.

Старики отступают зачем,
Отчего не восстанут вулканы?
Ведь иду я надменен и нем,
Словно царь в покоренные страны.

Только дрогнуть любому из них,
Только двинуть одною морщиной,
И средь дум заповедных своих
Я погибну под страшною льдиной.

Нет, спокойно отходят они,
Преклоняя венчанные главы,
Оттого, что им дан искони
Прозорливый дар величавый.

И провидят седые с высот,
Услыхали таинственным слухом,
Что меж них пламеня идет
Человек ратоборствовать с духом.

Захотел я собой овладеть
И ступить на земные пределы
Иль в бою за себя умереть,
Как боец бескорыстный и смелый.

1916

ЛЮБИМОЙ

О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование,
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.

Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
С яблонь снегом текут лепестки,
Скорбь моя, как огонь, вырастает!

Вот она охватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.

Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но смеясь и сияя,.
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.

Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О, когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки!

1916

ТРАНСПОРТ

Ползет седая черепаха,
Заря горит желтей парчи.
Из синих гор встают из праха
И носятся кружась смерчи.

Затихла, в зное задыхаясь,
Страна, нежнейшая из стран,
Пыля и мерно колыхаясь,
Идет верблюдов караван.

В их взоре ясном и послушном
Душа красивая видна.
Сквозит в труде их добродушном
Садов Адама старина.

И странно мне, что эти звери
Не в рай проходят на покой,
Где Ева им откроет двери, —
Что это транспорт боевой.

1916

АНГЕЛ АРМЕНИИ

Он мне явился в блеске алых риз.
Над той страной, что всех несчастней стран.
Одним крылом он осенял Масис,
Другим — седой от горьких слез Сипан.

Под ним, как туча, темен и тяжел,
Сбираясь по долинам голубым,
С испепеленных, разоренных сел
Струился молчаливый, душный дым.

Под ним на дне ущелий, в бездне гор,
В ненарушимой тишине полян,
Как сотканный из жемчугов ковер,
Сияли кости белые армян.

И где-то по тропиночке брели
Измученной, истерзанной толпой
Последние наследники земли
В тоске изнеможения слепой.

Был гневен ангел. Взор его пылал,
Как молнии неудержимых гроз.
И словно пламень, замкнутый в опал,
Металось сердце в нем, алее роз.

И высоко в руках богатыря.
Держал он радугу семи цветов.
Его чело светилось, как заря,
Уста струили водопады слов:

— Восстань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвещаю новой жизни дни.

Истлеет марево враждебных чар,
И цепи ржавые спадут, как сон,
Заветный Ван и синий Ахтамар
В тебе вернуться из былых времен.

Восстань, страна! Воскресни, Айастан!
Вот радугу я поднял над тобой.
Ты всех земных была несчастней стран,
Теперь счастливой осенись судьбой!

1918

АКОПУ АКОПЯНУ

По звукам «Демона» и «Мцыри»
Учились мы любить Кавказ.
Но в муках бедственной Наири¹
Я прочитал иной рассказ.

О том, как гибли сотни тысяч
В братоубийственной войне.
Его на скалах надо высечь!
Прожог он болью память мне!

И я, из пламени и крови
Детей схватив к себе на грудь,
Не знал, какой им путь готовить,
Где Айастана верный путь.

Но этот путь тропой подполья
Вперед стремился напролом.
Как больно мне, что им не шел я!
Что поздно я узнал о нем!

Земля запуталась в окопах,
Земля костями поросла.
Но песня мудрого Акопа
К пути счастливому звала.

Трудом и радостью гремели
Ее сигнальные гудки,
Зовя к одной и той же цели
За взмахом ленинской руки.

Она рвалась из Айастана,
Чтоб все воскреснули рабы,
И утешала Шаумяна
В час героической борьбы.

---

¹ Наири — древнее название Армении.

Свершилось все о чем задумала
Она в старинные годы
И в годы нашего начала
Она все так же молода.

Лети же дальше, песнь Акопа
Туда, где ждет врагов удар
Где рвется рабская Европа
К свободе! Բարի ճինիքի՛ր¹:

БРАТЬЯМ-АРМЯНАМ

Помню — кожу тверди плавя,
Из вулканов мчалась лава,
Застывая пеной ржавой
По краям кипящих рек.
С молодой природой споря,
Шел по вашим гордым взгорьям
Первозданный человек.

Из пещер могучим роем
Племя вырвалось героев,
С солнцем вздора, над горою
Вспыхнул первый ваш костер.
За огнем взлетая следом,
Песня, звавшая к победам,
Озарила Айоцзор²

И еще на Арарате
Не остыл кипящий кратер,
Как Ваагн позвал собратьев
Власть вишапов разметать,
Очага огонь священный
Уберечь от тьмы надменной,
Род плодить и меч ковать.

---

¹ Бари чанапар! — В добрый путь! (арм.)

² Айоцзор— область в Западной Армении, долина реки Айоцзора города Вана.

Помню — в недрах гор палаты,
Камни храмов полосатых,
Отчеканенные латы
И тяжелые мечи.
Непотухшего вулкана
Бились в людях Айастана
Искрометные ключи.

Вавилонские твердыни,
Заурмийские пустыни
К вашей каменной святыне
Гнали конный ураган,
Погибал Ара Прекрасный,
Пал Ваагн в боях ужасных,
Но не падал Айастан.

Край пожрав необозримый,
Из страны непобедимой,
Зарывав, волчица Рима
Из Армении ушла.
Византийская орлица,
Как эвксинская лисица,
Закогтить вас не могла.

За свои родные горы,
За озерные просторы
Вы не раз вступали в споры
С вражьей силой боевой.
Много есть, за что любить вас,
Но за вашу храбрость в битвах
Любим вас сильнее всего.

Помню в розовых туманах
Голубое море Вана
И в огне зари багряной
Дверь замкнувшихся пещер.
Я стоял у этой двери
И, как весь народ ваш, верил,
Что на волю выйдет Мхер.¹

---

¹ Мхер (Мгер) — герой эпоса «Давид Сасунский».

Помню: плакали граниты,
В снег костей людских укрыты,
Косы девушек убитых
Шли на гнезда воронью.
Дети с гибелью во взорах,
Одичав, скитались в горах,
Потеряв свою семью.

Тени страшного былого
Никогда не тронут снова
Айастан Советский наш.
Неприступною твердыней
Он навек воздвигнут ныне,
Южных далей верный страж.

Помню стук каменотесов,
Открывавших туф утесов
Для дворцов высокорослых
И театров и домов,
Помню первый шелест детский
Вновь посаженных советских
Расцветающих садов.

Помню Зангу, что волнами
Вдруг зажгла электропламя,
Ильичовыми огнями
Озарив весь Ереван...

Братья, здравствуйте, родные!
Пойте песни огневые,
Рубежи держа крутые
Богатырскою рукой.
Никакой вишап не страшен
Для семьи народов наших,
Дружбой спаянных святой.

1941

МАРТИРОСУ САРЬЯНУ

(Экспромт)

Гигант Арарат, Алагез и Севан,
Не страшен вам тусклый осенний туман!
Могучею солнечной кистью своей
Сияние вам возвращает Сарьян!

БЕСЕДА С ОВАНЕСОМ ТУМАНЯНОМ

Задымился тоской кабинет.
Мы рванулись из бархатных кресел.
За окном гордый горный хребет
На себя синий саван навесил.

Друг мой, стройную спину согнув,
Взор зажег над погасшей улыбкой.
Я глядел на его седину,
На движение руки его гибкой.

В этом городе слез и утех
Над Курою зелено-седою,
Мне милей и дороже был всех
Этот старец с душой молодою.

В каждом дне, как в далеких веках,
Сын любимый высокого Лори,
Он читал, чтоб поведать в стихах
И армянскую радость и горе.

В пропотелой коросте сукна
Я приехал из дымного Вана,
Где в развалинах тлела страна,
Дорогая душе Туманяна.

Сын его, мой дружок Артавазд
Пал, зарубленный саблею вражьей.
Знал об этом отец и рвалась
Нить беседы о том, что не скажешь.

Где он взял, Ованес, столько сил,
Чтоб слезою не вспыхнуть ни разу?
Не о сыне своем говорил,
О судьбе всех народов Кавказа.

Встал поэт. Из замученных глаз
Проблеснули зарницы тугие.
Он спросил: «Неужели Кавказ
Покидает навеки Россия?

Ведь она лишь одна помогла
Нам в далекие черные годы
И от шахского рабства спасла
Закавказские наши народы.

Правда в сердце российском живет —
Это знают века и народы.
Неужели же русский народ
Позабудет нас в трудные годы?»

Я, неграмотный в судьбах людей,
В гимнастерке своей запотелой
Задыхался под вихрем идей,
Мудрецу отвечая несмело:

«Буря мчится над нами теперь,
Вольно сердце московское бьется,
И в Россию открытая дверь
Пред Кавказом вовек не замкнется».

Вспыхнул взором седой Туманян.
И душа распахнулась поэта,
О свободе, о дружбе всех стран
Убежденной мечтою согрета.

1947

О.Э. МАНДЕЛЬШТАМ

Выдающийся русский советский поэт Осип Эмильевич Мандельштам оставил разножанровое богатое творческое наследие. Это стихи, проза, переводы, эссе, путевой цикл, очерки по литературе, искусству, культуре и т.д.

Как свидетельствует Р.Д. Сафарян, впервые О. Мандельштам упомянул Армению в 1922 г. в статье «Кое-что о грузинском искусстве». А задумка о его поездке в Армению относится к 1929 г. Об этом свидетельствует письмо Н.И. Бухарина, председателя Коминтерна и главного редактора «Известий» к председателю Совнаркома Армянской ССР С.М. Тер-Габриеляну: «Дорогой товарищ Тер-Габриелян, один из наших крупных поэтов О. Мандельштам, хотел бы в Армении получить работу культурного свойства (например, об истории армянского искусства, литературы, в частности, или что-нибудь в этом роде). Он очень образованный человек и мог бы принести вам большую пользу. Его нужно только оставить некоторое время в покое и дать ему поработать. Об Армении он написал бы работу. Готов учиться армянскому языку»¹.

Для Мандельштама путешествие в Армению, — как позже писала жена поэта Надежда Мандельштам, — «приезд в Армению был возвращением туда, где все начиналось, **к отцам, к истокам, к источнику** (выделено мной. — М.А.). Ведь именно в Армении после долгого молчания стихи вернулись к нему и уже больше не покидали»².

В Армении Мандельштам познакомился с биологом Б.С. Кузиным, который позже вспоминал: «Не помню точно, в каком поздне-осеннем месяце меня позвали к телефону...Трубку взял Осип Эмильевич. Его голос был радостный и бодрый. Он, прежде всего, сообщил мне главную новость: “А я опять стал писать. Какие у меня есть новые стихи!”. Это были стихи, посвященные Армении, которые составили теперь широко известный стихотворный цикл “Армения”»³.

А теперь, уважаемый читатель, у нас появилась дополнительная возможность, почитать своеобразные по построению, оригинальные по содержанию, захватывающие по духу стихи великого поэта Осипа Мандельштама. Он написал цикл из двенадцати стихотворений об

---

¹ Сафарян Р.Д. Армения глазами русских литераторов. Санкт-Петербург: Златоуст. 2013. С. 69-70.

² Там же.

³ Там же.

Армении глубоко своеобразных по изложению и очерк «Путешествие в Армению».

АРМЕНИЯ¹

*Как бык шестикрылый и грозный
Здесь людям является труд
И кровью набухнув венозной,
Предзимние розы цветут.*

1

Ты розу Гафиза колышешь
И няньчишь зверушек-детей
Плечьми осьмигранными дышишь
Мужицких бычачьих церквей.

Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой.

2

Ты красок себе пожелала —
И выхватил лапой своей
Рисующий лев из пенала
С полдюжины карандашей.

Страна москательных пожаров
И мертвых гончарных равнин,
Ты рыжебородых сардаров
Терпела средь камней и глин.

Вдали якорей и трезубцев,
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех жизнелюбцев,
Всех казнелюбивых владык.

---

¹ Здесь и далее стихи О. Мандельштама публикуются по: <https://nashasreda.ru/osip-mandelstam-armeniya/> (Дата обращения: 21.01.2021).

И, крови моей не волнуя,
Как детский рисунок просты,
Здесь жены проходят, даруя
От лвиной своей красоты.

Как люб мне язык твой зловещий,
Твои молодые гроба,
Где буквы — кузнечные клещи
И каждое слово — скоба.

3

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра.

И почему-то мне начало утро армянское сниться,
Думал — возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,

Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки...

Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?

Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю Вавилоны.

Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.

Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда!

4

Орущих камней государство —
 Армения, Армения!
 Хриплые горы к оружию зовущая —
 Армения, Армения!
 К трубам серебряным Азии вечно летящая —
 Армения, Армения!
 Солнца персидские деньги щедро раздаривающая —
 Армения, Армения!

5

Холодно розе в снегу.
 На Севане снег в три аршина...
 Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани.
 Сытых форелей усатые морды
 Несут полицейскую службу
 На известковом дне.
 А в Эривани и в Эчмиадзине
 Весь воздух выпила огромная гора,
 Ее бы приманить какой-то окариной
 Иль дудкой приручить, Чтоб таял снег во рту.
 Снега, снега, снега на рисовой бумаге.
 Гора плывет к губам. Мне холодно. Я рад...

6

Какая роскошь в нищенском селеньи
 Волосная музыка воды!
 Что это? Пряжа? Звук? Предупреждение?
 Чур-чур меня! Далеко ль до беды!
 И в лабиринте влажного распева
 Такая душная стрекочет мгла,
 Как будто в гости водяная дева
 К часовщику подземному пришла.

7

Я тебя никогда не увижу,
Близорукое армянское небо,
И уже не взгляну, прищурясь,
На дорожный шатер Арарата,
И уже никогда не раскрою
В библиотеке авторов гончарных
Прекрасной земли пустотелую книгу,
По которой учились первые люди.

8

Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжною землей,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом.

ФАЭТОНЩИК

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали —
Было страшно, как во сне.
Нам попался фэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм.
То гортанный крик араба,
То бессмысленное «цо», —
Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо:
Под кожевенною маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.
И пошли толчки, разгоны,

И не слезть было с горы —
Закружились фэтоны,
Постоялые дворы...
Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил — черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!
Он безносой канителью
Правит, душ веселя,
Чтоб вертелась каруселью
Кисло-сладкая земля...
Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше
Я изведаль эти страхи,
Соприродные душе.
Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон
И труда бездушный кокон
На горах похоронен.
И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума....

12 июня 1931

***

Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка — армянская речь,
Хищный язык городов глинобитных,
Речь голодающих кирпичей.
А близорукое шахское небо —
Слепорожденная бирюза —
Все не прочтет пустотелую книгу
Черной кровью запекшихся глин.

Октябрь 1930

***

Дикая кошка — армянская речь —
Мучит меня и царапает ухо.
Хоть на постели горбатой прилечь:
О, лихорадка, о, злая моруха!
Падают вниз с потолка светляки,
Ползают мухи по липкой простыне,
И маршируют повзводно полки
Птиц голенастых по желтой равнине.
Страшен чиновник — лицо как тюфяк,
Нету его ни жалчей, ни нелепей,
Командированный — мать твою так! —
Без подорожной в армянские степи.
Пропадом ты пропади, говорят,
Сгинь ты навек, чтоб ни слуху, ни духу, —
Старый понытчик, награвив деньжат,
Бывший гвардеец, замыв оплеуху.
Грянет ли в дверь знакомое: —
Ба! Ты ли, дружище, — какая издевка!
Долго ль еще нам ходить по гроба,
Как по грибы деревенская девка?..
Были мы люди, а стал людье,
И суждено — по какому разряду? —
Нам роковое в груди колотье
Да эрзерумская кисть винограду.

Ноябрь 1930

***

И по-звериному воет людье,
И по-людски куролесит зверье.
Чудный чиновник без подорожной,
Командированный к тачке осторожной,
Он Черномора пригубил питье
В кислой корчме на пути к Эрзеруму.

Ноябрь 1930

***

Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил — черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!

Он безносой канителью
Правит, душу веселя,
Чтоб вертелась каруселью
Кисло-сладкая земля...

Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше
Я изведаль эти страхи,
Соприродные душе.

Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон
И труда бездушный кокон
На горах похоронен.

И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

12 июня 1931

Н.С. ТИХОНОВ

*Каждый советский поэт должен хоть
раз побывать в Армении.
Там ждут его чудеса и открытия.
Н.С. Тихонов*

Эпиграф Николая Семеновича Тихонова напомнили мне слова итальянского писателя, сценариста *Тонино Гуэрра*: «Каждый европеец, каждый человек должен хотя бы на день приехать в Армению, чтобы омыться под облаками его духовности. В Армении время делает пространство, и тот, кто посещает Армению, даже если чуть-чуть, но обязательно становится армянином»¹.

Любопытно первое знакомство Н. Тихонова с Арменией. «В двадцатые годы, — писал поэт в письме автору этих строк², — я жил в бывшем особняке крупного русского торговца Елисеева, ДИСК-е (Доме искусства), в Ленинграде. М. Горький устроил там возможность проживания писателям, поэтам, художникам... В этом доме жили О. Форш, Вс. Рождественский, М. Шагинян и др. <...>

Мы часто собирались у М. Шагинян, говорили о разном, читали стихи И. Иоаннисяна, А. Исаакяна, Е. Чаренца, переводы В. Брюсова из армянской поэзии и др. Я уже тогда знал «Раны Армении» Х. Абовяна, путевые заметки об Армении Линча — английского путешественника, хорошо был знаком с «Поэзией Армении» под редакцией В. Брюсова и т.д.»³.

Что же явилось причиной поездки Н. Тихонова в Армению? «В лето 1924 г., — вспоминает поэт, — я собирался поехать в Закавказье. Поэтесса Е. Полонская, тогда жила в Тбилиси у знакомых и пригласила меня приехать. У меня, естественно, возникло желание: раз я буду в Тбилиси, так почему же не побывать в Армении.

Но у меня не было там знакомых. Вот здесь мне помогла моя армянская ленинградская компания. Они дали мне рекомендательные письма к семье А. Таманяна, к М. Сарьяну и др. Помню, было несколько писем.

---

¹ Амирханян М.Д. Русские классики: русская и национальные литературы. Международные конференции. Отзывы. Ереван. 2019. С. 11. URL: <https://mediamax.am/ru/news/society/17658/> (дата обращения: 21.01.2021).

² В ответ на нашу просьбу Н. Тихонов написал письмо (17.V.1973 г.), в котором подробно изложил, что послужило поводом для первой поездки в Армению.

³ Ереванский университет. Ереван. 1976. N2 (25). С. 25.

Приехал я в Тбилиси, там познакомился с армянином, с каким-то сложным именем — Вираб. С ним мы договорились поехать в Чиа-тури. Но потом он не смог, — заболела его мать. Тогда я сразу же решил ехать в Армению.

В Ереване с мешком за плечами я отправился на Астафьевскую улицу (ныне ул. Абовяна. — М. А.) искать моих адресатов. Пришел в дом архитектора А. Таманяна. Там обрадовались, приняли дружелюбно, накормили, отвели мне комнату... Я спросил, где могу найти других адресатов писем. Мне сказали, что к вечеру нужно пройти Астафьевскую улицу до бульвара здесь в парковой беседке по вечерам собирается ереванская интеллигенция. Там можно всех встретить...»¹.

Так Н. Тихонов первый раз приехал в Армению. Ознакомился он тогда с еще совсем маленьким Ереваном. Увидел грандиозные начала новой жизни, встречался с людьми, посетил исторические памятники древности и т. д.

Спустя 5 лет в 1929г., во время своего второго посещения Армении Н. Тихонов говорил В. Эрлиху: «Советская Армения существует 10 лет. Еще 15 лет назад турки резали армян сотнями тысяч, разрушая дотла их жилища. А через пятнадцать лет мы действительно не узнаем Армении, так она расцветет. В этом я уверен»². Сбылись пророческие слова поэта...

А через много десятилетий, Н. Тихонов в предисловии к своей книге «Дни открытий» в 1970 г. написал: «Помню, как впервые увидев все великолепие горного пейзажа Армении и познакомившись с простыми людьми-тружениками, неутомимыми преобразователями этих гор и долин, я не мог не воскликнуть в восхищении»:

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

В стихах армянской тематики Н. Тихонов отобразил: разностороннюю жизнь молодой республики, показал прочную основу новых завоеваний народа, их незыблемость. «Армянские стихи Тихонова 1924-1925 годов контрастны. В них широкая тишина гор, — пишет Левон Мкртчян, — и приземистая тишина разграбленных еще с времен

---

¹ Там же. С. 25.

² Там же.

Первой мировой войны армянских сел, тишина виноградников, вспаханных полей и осторожная тишина приграничной жизни»¹.

Впервые побывав в Гегарде, он увидел остывшую в камне «мудрость человеческой древности». И в последующие свои приезды в Армению Н. Тихонов не упускал возможности посетить памятники старины. В октябре 1946 г. в очередной раз, посещая пещерный монастырь, оставил запись:

***

Ущелье Айриванка
Для путника — приманка,
Но для меня оно
Как крик души родной.

Три раза я входил,
Как гость, в твои врата.
Три раза понимал —
Бессмертна красота!

И я хочу прийти
В четвертый раз к тебе,
Раз ты в моем пути —
И в жизни, и в судьбе.

А вот и цикл стихов Н. Тихонова, наполненный душевной теплотой и любовью к Армении.

АРАМЕНΙΑ²

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

---

¹ Тихонов Н. Дни открытий. Ереван. 1970. С. 255.

² Здесь и далее стихи Н. Тихонова цитируются по: Тихонов Н. Дни открытий. Ереван. 1970. С. 141-156.

Клыки войны и пламени
Подрублены вокруг,
Под свежим, мирным знаменем
Проходит полем плуг.

Кляняся Араратом
И Арагацем тучным,
Она признала братом
Работы день насущный.

И Дилижанским лесом,
И медью Зангезура,
И валом Дзорагэса
Владеет день лазурный.

Перед азийской глыбью
Племен, объятых ленью,
Форпостом трудолюбья
Красуется Армения.

1924

КРАСНЫЕ НА АРАКСЕ

1.

Зажми слова и шпоры дай им,
Когда, перегибая нрав,
Ты их найдешь, упорств хозяин,
В чужом упорстве прочитай,

В несытой и коричневой
Лавине на горах,
В гремучем пограничнике,
Как молодой Аракс,

Где в звездном косоглазьи,
Давясь тишиной,
Предплечья старой Азии
Качались надо мной.

Но как мне в памяти сберечь
За речью двуязычной
Ночь, громадную как печь,
Зов и запах пограничный:

Он ноздри щекотал коням,
Дразнил разбегом и разбоем,
Грозой белесой оттеня
Степей стодолье голубое.

2.

Дороги тут и водятся,
Насмешливей ресниц,
У тех дорог не сходятся ль
Хранители границ?

Они ступают бережно,
Чтобы сберечь подошвы
Легко идя по бережку,
Как шорох самый дошлый.

Где пахнет гостем крепким
Иль контрабандным шагом,
Идут по следу цепью,
Скалой и камышами.

Ночь зыбится и стелется,
Для всех живых одна —
О шашку храбрость греется,
Как о волну — волна.

Такою ночью сердце вплавь, —
Но с юга — нам закрытого —
Идут, — и против всех застав
Храбятся вдруг копыта.

Но лишь подымет берег вой,-
Сквозь сломанный ардуч
Махает барс, как шелковый,
Лосняся на ходу.

И вслед его, как серый ком
Под ветровой удар,
Несется круглым кубарем
Пройдоха — джанавар.

Попробуй тропы узкие
Законом завязать —
Далеко видят курдские
Точеные глаза.

И что им часовые?
Как смена чувяков, —
Но красные значки их
Одни страшат кочевников;

Значки стоят то хмуро
То пьяно, то нарядно —
На вышках Зангезура,
На стенах Ордубада.

И отступив, номады,
Скача в жару и впроголодь,
Гадают в водопадах, —
На мясе и на золоте.

Но в пене, в жилах скрученных
И в золоченом поясе —
Блеск красный, как ни мучайся,
Он всюду, — как ни ройся!

3.

Как вымысел ущельем рта
Восходит в песен пламя,
Так Арарата высота
Всходила запросто над нами;

Равняясь честно на восход,
С ума свергавшей головой,
Сиял как колокол и лед —
Земли бессменный часовой.

Прости, старик, — мы пили чай,
Костром утра согревши плечи,
Садов зеленая свеча.
Лукавый тополь, нас уча,
Шумел на смешанном наречьи.

Ступали буйволы, — с запинкой
Кувшин наполнился рекой,
Страна камней, как семьянинка,
Оделась в утренний покой.

Кусты здоровались обычно —
Меж них гуляет пограничник.

4.

Стан распоясан, ворот расстегнут, —
Синий глаз отточен, —
Где же ты, Азия? Азия согнута,
Азия загнана в бочку.

Твои ль глаза узорные
Стоптали кайму свою,
Здесь красные встали дозорными
Народов на краю.

Обгрызли мыши Тегеран,
А где ж была ты, старая?
Моссул ободран, как джайран,
Ступай — ты нам не пара.

За что ходили ноги,
Свистело в головах,
За что патрон в берлогах
До барса доставал?

Багдад — питомец праздный,
Багдад не любит жара
Аракского костра, —

Пляши же, тари старая,
Так смейся, тари красная,
Узун-дара! Узун-дара!

Нежней луча ходящего
По заячьим ушам,
Тундырь¹ печет прозрачные
Листовки лаваша.

Дыня жирная садам
О желтизне кричит сама,
Ты — Азия — дышала нам,
Как сладкая дутма.

Перебирая сквозь очки
Качанье четок и цепей,
Ты клюнешь песен — выпечки
Московских тундырей.

Аракс не верит никому, —
Постой, смиришь обычай,
Так лайся же по-своему,
Пока ты пограничен!

---

¹ Тундыр (тонир) — глиняная печь врытая в земле, для выпечки лаваша и приготовления пищи.

5.

Уже звезда, не прогадав,
Вошла в вечернее похмелье,
Работам, пляскам и стадам
Отныне шествовать к постели.

Тропинка неба с красной кожей
Уже краснеет уже,
Деревья тянутся похожие
На черный горб верблюжий.

Одно — двугорбое, во тьму
Входило стройно, без обиды,
Если бы руку пожать ему,
Расцеловать, завидуя, —

Простую тутовую душу,
Рабочих плеч его чертеж —
Сказать: барев, енгер, — послушай,
Ты понимаешь, ты не пропадешь!

6.

Поставь напрямик глаза,
Заострись, как у рыси мех,
Под чалмою шипит гюрза,
Под чадрою — измены смех.

Легкий клинка визг,
Крашенный звон купцов,
Крылатая мышь задела карниз, —
Так Азия дышит в лицо.

Неслышно, как в ночь игла, —
Для иных — чернее чумы,
Для иных — светлее стекла, —
Так в Азию входим мы.

Меняя, как тень, наряды,
Шатая племен кольцо —
Так дышит сном Шахразады
Советская ночь в лицо.

Курдский прицел отличен —
Стоит слова литого,
Падает пограничник, —
Выстрел родит другого!

Что в этом толку, курд?
Слышишь, в Багдаде золото
Так же поет, как тут, —
Только на ваши головы.

Что же, стреляй! Но дашь
Промах, иль вновь не зря, —
Будешь ты есть лаваш
Нашего тундыря!
1924, Армения

ТИШИНА

Раз перед ночью, часом осенним,
Стоял я на горном валу —
Как на ладони лежала Армения
От Гокчи до Камарлу.

С запада пыль, тут ни при чем
Природа: между амбаров
То молокане дерут кирпичом
Сотни своих самоваров.

Тут отношение в тиши и глуши
Особое к чаю имелось,
Ибо вся крепость сектантской души
Без крепкого чая — не крепость.

А на востоке мычанье стоит,
Встали стада великие —
Езидов стада это, всякий езид
Дьявола чтит, как владыку.

Рядом шатер со звездою простерт,
Загса шатер основался —
Так втихомолку здесь дьявол живет
Через дорогу от Маркса.

С юга и с севера дымок пошел,
Горбится, словно кусты, —
Это идет из армянских сел
Горький дымок нищеты.

Лишь кое-где он, а вот и совсем
Нет ничего — одна
Желтая горбь, и во всей красе —
Теплая тишина.

Точно осыпалось небо вниз,
Скалы же газообразными
Стали — коричневый их карниз
Светится вдруг по-разному.

Не разобрать, где и когда
С небом земля встречается, —
То ли ручей, то ли звезда,
Переливаясь, качается.

Тихо... Ни ветер, ни зверь не шуршит,
Бродят вечерние кручи
Шагом янтарным; сверху вершин
Пылает пропасть летучая.

Дикою шалью лежит земля,
Днем далеко невзрачная —
Как прислонились вдали тополя,
Так и стоят прозрачными.

Камни плавают, точно огни,
По тишине вразвалку,
Но провожатый мой — армянин —
С треском роняет палку.

«Вот непроворная грудa».
Спрашиваю: «Старина,
Тишь-то какая, откуда
Такая здесь тишина?»

Он наклоняется: «Камня горсть
Видишь? Это аула кость.
Татарские души дышали
Разбоем, дорогой,
При них ступать не решались
Сюда ни одной ногой.

Аул шумел погоней,
Пальба по ним, по нас, —
Уехали все — ты понял? —
Оттуда и тишина...»

...Так, принимая за водку ром,
Мы столковались. К чему спор?
С этим драконьим юмором
Вошел я в столицу гор.

В садах неизбежных, когда луной
Был город набело выкрашен,
Я виноградной дышал тишиной —
Не той, что указана выше.

Ну просто вино курчавится
В стаканах, а фрукты пестрые,
Сидела с нами красавица,
Кусала пушок абрикоса.

Глаза ее в синем клекоте
Были влажны, длинны, ласковы,
Ресницы, брови, ногти
Покрыты персидскою краской.

Я всё рассказал ей — она
Глазами играла с уменьем,
И тут наступила еще тишина —
По счету третья — в Армении.

1925

НАД СЕВАНОМ

Армения вставала откровеньем
в своей красе суровой неспроста.
Мы шли с утра как будто по ступеням
гигантского Гегамского хребта.

Шли между скал и всплесками тумана,
вел над Севаном, точно в небо, путь,
как будто звал нас голос Туманяна
на песенных высотах отдохнуть.

И мы взошли, и яркий мир открылся —
ущелье разноцветное у ног,
вдали Масис, как снежный дом, дымился
среди сверкавших Туманяна строк.

Как радуга, они связали выси,
людей и землю сказочных высот,
звения, светясь, земную страсть превысив
и бросив сердце в песенный полет!

1968

АВЕТИКУ ИСААКЯНУ

Послушай хор сердечных голосов
На высоте, прозрачным утром рано,
То песня гор, полей, ручьев, лесов,
Иль то звучат стихи Исаакяна.

Да, то стихи, что леса веселей,
Звучней ручья и ветра над Севаном,
В них мир труда, любовь родных полей,
Все, что зовут в стихах Исаакяном.

И виден нам народный их исток,
Родник студений, бьющий на поляну,
И календарный шепчет нам листок,
Что вновь весна пришла к Исаакяну.

Пускай пришла осеннею тропой,
Мы говорим сквозь даль ее тумана:
Пусть вечно бьет под вечною весной
Нам стиховой родник Исаакяна.

В.И. ЭРЛИХ

Вольф Иосифович Эрлих русский советский поэт. Известен и как поэт-переводчик и с армянского языка. Переводил стихи Мкртича Нагаша и Мкртича Аджемяна, которые опубликованы в книге Акопа Акопяна «Мой мир: Стихотворения. Поэмы» (М., 1974) Эрлих написал 4 стихотворения об Армении¹.

В конце 1920-х гг. вместе с Н. Тихоновым совершил своё первое путешествие в Закавказье (Армению).

Как вспоминает Николай Тихонов, Вольф Эрлих хотел написать сценарий об армянских репатриантах. С этой целью он приехал в Армению: «Чтобы лучше изучить их быт, он хотел пожить среди репатриантов. Ему предложили приехать в их поселок, недалеко от Еревана. Сразу по приезде, вследствие какого-то трагического недоразумения, он был там арестован и исчез навсегда»².

АРМЕНИЯ

Ни коша здесь, ни зверя, ни стебля,
Лишь облака ползут свинцовым стадом,
Все трещины набиты мелким градом,
И — забелела мёрзлая земля.

А ведь была когда-то горяча,
Ручей когда-то здесь размыл дорогу.
В его русло я мягко ставлю ногу,
Другую по камням волоча.

Оглянешься — воды севанской гладь,
А берега изрезаны и наги.
Ещё подъем. Ну — шаг, ну — два, ну — пять!
И по бокам вздымаются Ах-Даги.

---

¹ Стихи цит. по: Это Армения / Составитель, редактор, автор предисловия Л.М. Мкртчян. Ереван. 1967. С. 43-45.

² Там же.

Они красны, как слава и как честь,
И зелены, и, может быть, ревнивы.
Они страшны и так тяжки, что есть
Необходимость быть велеречивым.

Пусть этот день падёт за Ахманган,
От новых дней да не отрину взор я...
Я зол, как бес, я хром, как Тамерлан,
А подо мной — Армении нагорья.

2

Еду и песню встречаю.
Песня, а в песне — обида:
«Мало воды в Деличае,
Мало овец у езида».

Еду и ржой на железе
Песня, а в песне — обида:
«Мало воды в Супанезе,
Дохнет ишак у езида».

Брод, да едва по колени.
Песня, а в песне обида:
«Мало воды в Архашене,
Дохнут быки у езида».

Еду, а низом, в овраге,
Стелется песней обида:
«Нету воды в Ангирсаке,
Плачет жена у езида».

СМЕРТЬ

Нагорный день. Он жёлт. Скала одета
В плохой туман и в дождь. Но суть не в том.
На камне — председатель сельсовета
С распоротым на совесть животом.

Они не любят бритых. Губы, щёки
Проколоты, и сломана рука.
И вот лежит — большой и кособокий —
Аванского Совета нахака¹

1.

На камне вождь аванского Совета:
Кровь на зубах и в рёбрах пустота.
И красен клочок партийного билета,
Торчащий из прорехи живота.

Встаёт закат, большой и некрасивый.
И вот, пока я мертвый лёсс топчу,
Заведующий кооперативом
Уже несёт два метра кумачу.

Бьёт барабан, спокойно и отлично.
И дождь и марш — во все концы страны.
Я прожил день, как будто — необычно.
Но я не прав. Я прожил день войны.

1931

---

¹ Нахака – арм. председатель.

С.А. ЕСЕНИН

Великий русский поэт Сергея Александрович Есенин за короткую свою жизнь оставил богатое творческое наследие. После Пушкина и Лермонтова С. Есенин и в наши дни является непревзойденным русским поэтом. В его поэтическом творчестве отражены многие аспекты русской действительности. Мы не будем характеризовать его творчество, лишь коснемся согласно цели нашего исследования стихов, которые затрагивают армянскую действительность. Это два стихотворения из цикла «Персидские мотивы»: «Шагане, ты моя Шагане» и «Ты сказала, что Саади».

Но прежде следует вспомнить историю, как создавались эти стихи.

Известно, что Есенин в 1924-1925 гг. посетил Кавказ, был в Тифлисе, Баку, Батуми и других местах. Стихотворение «Шагане, ты моя Шагане» связано с пребыванием поэта в Батуми. Об этом подробно пишет исследователь творчества Есенина В. Белоусов, которому удалось разыскать девушку, вдохновившую поэта на создание знаменитого стихотворения «Шагане, ты моя Шагане»¹.

В ответном письме В. Белоусову она писала: «Как-то в декабре 1924 года я вышла из школы и направилась домой. На углу я заметила молодого человека выше среднего роста, стройного, русоволосого, в мягкой шляпе и в заграничном макинтоше поверх серого костюма. Бросилась в глаза его необычная внешность, и я подумала, что он приезжий из столицы. В тот же день вечером Иоффе ворвалась к нам в комнату со словами: «Катра, Катра, известный русский поэт хочет познакомиться с нашей Шаганэ»... Уже на 3-й день знакомства поэт подарил девушке стихотворение, ставшее в последствии, самым известным из цикла «Персидские мотивы»... «Он прочитал “Шаганэ, ты моя, Шаганэ...” и тут же подарил два листка клетчатой тетрадной бумаги, на которых стихотворение было записано»². А в одну из последующих встреч, которые происходили почти ежедневно, он прочитал Шагане стихотворение “Ты сказала, что Саади...”».

---

¹ Белоусов В. Персидские мотивы. М. Знание. 1968. С. 27.

² Там же.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

«ТЫ СКАЗАЛА, ЧТО СААДИ...»

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, Бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

А.И. ГИТОВИЧ

На протяжении многих веков русские деятели культуры по-разному знакомились с Арменией. Не стало исключением и знакомство русского поэта Александра Гитовича. Зимой 1944 г. на Волховском фронте Александр Ильич Гитович подружился с армянским киноматургом Кара-Демуром. И как пишет академик Левон Мкртчян «мать Кара-Демура писала сыну из Армении, что ждет его, что зарыла для сына бурдюк с вином – когда вернется, выпьет с лучшим своим другом». Этот рассказ и послужил для Александра Гитовича началом цикла стихов «Пир в Армении». Здесь же, на фронте, были написаны пять сонетов, составивших основу будущей книги об Армении. Естественно, это были стихи о войне, о победе и пирах в Армении, стихи о том, что «только храбрый увидит, как течет «Занга», и день встает над могилой врага»¹.

Стихи Гитовича об Армении, это полное признание в любви к этой стране, к людям, к истории и культуре Армении.

А вот и цикл стихов А. Гитовича «Пир в Армении».

ПИР В АРМЕНИИ²

В ЗЕМЛЯНКАХ

***

Ни печки жар, ни шулки балагура
Нас не спасут от скуки зимних вьюг.
Деревья за окном стоят понуро,
И человеку хочется на юг,

Чтобы сказать: «Конец зиме, каюк», —
И — да простит мне, грешному, цензура —
Отрыть на родине Кара-Дэмура
Давно закопанный вина бурдюк.

---

¹ Мкртчян Л.М. «Добро вам». Ереван. 1971. С. 10.

² Здесь и далее стихи публикуются по: Книга братства. Советские поэты об Армении. Сост. В. Баласан. Ереван. 1981. С. 9-16.

— Он в Эриване ждет, — сказал мне друг, —
И мы его, не выпустив из рук,
Допьем до дна: губа у нас не дура.

А выпьешь да оглянешься вокруг —
И счастлив будешь убедиться вдруг,
Что это жизнь, а не литература.

***

Зима — она похожа на войну,
Бывает грустно без вина зимою.
И если это ставят мне в вину,
Пожалуйста — ее сейчас я смою

Не только откровенностью прямою,
Признаньем слабости моей к вину,
Но и самим вином. Как в старину,
Мы склонны трезвость сравнивать с тюрьмою

Во-первых, это правда. Во-вторых —
Не спорьте с нами: в блиндажах сырых
Мы породнились — брат стоит за брата.

А в Эривань поехать кто не рад?
Там, если не взойдем на Арарат,
То хоть сойдем в подвалы «Арарата»....

***

Не крупные ошибки я кляню,
А мелкий день, что зря на свете прожит,
Когда бывал я у молвы в плену
И думал, что злословие поможет.

Ночь Зангезура сердце мне тревожит.
Торжественного света пелену
Раскинет Млечный Путь — во всю длину —
И до рассвета не сиять не сможет.

Да будет так, как я того хочу:
И друг ударит друга по плечу,
И свет звезды пронзит стекло стакана,

И старый Грин сойдет на братский пир
И скажет нам, что изменился мир,
Что Зангезур получше Зурбагана....

***

Мне снился пир поэтов. Вся в кострах,
Вся в звездах, ночь забыла про невзгоды,
Как будто лагерь Братства и Свободы
Поэзия раскинула в горах.

И, отвергая боль, вражду и страх,
Своих певцов собрали здесь народы,
Чтобы сложить перед лицом Природы
Единый гимн — на братских языках.

О старый мир, слепой и безобразный!
Еще ты бьешься в ярости напрасной,
Еще дымишься в пепле и золе.

Я не пророк, наивный и упрямый,
Но я хочу, чтоб сон такой же самый
Приснился всем поэтам на земле.

***

Не для того я побывал в аду,
Над ремеслом спины не разгибая,
Чтобы стихи вела на поводу
Обозная гармошка красная.

Нет, я опять на штурм их поведу,
И пусть судьба нам выпадет любая
Не буду у позорного столба я
Стоять, как лжец, у века на виду.

Всю жизнь мы воевали за мечту,
И бой еще не кончен. Я сочту
Убожеством не верить в призрак милый.

Он должен жизнью стать. Не трусь, не лги
И ты увидишь, как течет Занги
И день встает над вражеской могилой.

*Февраль 1944
Волховский фронт*

ЛЕТНЯЯ СКАЗКА

Армения сказала нам: «Друзья,
Никто вас не обидит нарочито —
Такая здесь налажена защита,
Что даже пальцем тронуть вас нельзя.

Стоит на страже маршал Баграмян,
Чтоб лезвием бесценного кинжала
Навек отсечь еще живое жало
Антипоэтов и антиармян!»

ЖИВОПИСЬ

Трудился мастер, рук не опуская,
Не требуя от ближних ничего,
Чтобы собрала эта мастерская
Весь свет, все краски Родины его.

Настанет день — и повлекутся к ней
Те, что бредут за гранью океана,
И Сароян вернется в дом Сарьяна,
Как блудный сын Армении своей.

ХАЧАТУР АБОВЯН

Обысканы кустарники и скалы,
Бугры и шрамы выжженной земли, —
Полиция его не отыскала,
Но мы — потомки — все-таки нашли.

Нашли полуседого человека,
Который, бросив старое жилье,
Ушел из девятнадцатого века,
Чтобы войти в бессмертие свое....

ДВА ВАРИАНТА ПИСЬМА АРУТЮНУ ГАЛЕНЦУ¹

1.

Когда устану я и затоскую
Среди литературных передраг —
Я к Вам приду, как странник, в мастерскую
И постучусь, и задержусь в дверях.

А там — иная жизнь, иные нравы,
Там, в обаянии мудрой тишины,
Вам, может быть, и впрямь не нужно славы,
Но слава скажет, что Вы ей нужны.

2.

Угрюмый день.
С утра передо мной
Течет туман, в низинах расплзаясь.
Но мне везет: в краю, где свет и зной,
Есть на примете у меня оазис.

---

¹ Здесь и далее стихи А. Гитовича за исключением особо оговоренных публикуются по:
URL: <https://chto-takoe-lyubov.net/dva-varianta-pisma-arutyunu-galencu-aleksandr-gitovich/> (Дата обращения: 27.11.2020).

Я на воздушном прилечу коне
Напитаться из волшебного колодца —
И не в пустыню надо ехать мне,
А в Ереван, на улицу Моштоца.

1966

***

Так будет до самого марта
Я сплю среди зимних ночей
А горы Гарни и Гегарта
Стоят у постели моей.
И верю я верой младенца,
Что это — основа основ,
Которую гений Галенца
Мне создал из красок и снов.

ЗАНГЕЗУР

К тебе, Владыка конного завода,
Я обращаюсь, голову склоня:
Ты дашь мне зангезурского коня
С такою родословной, что порода

Кричит в зрачках, как бы из тьмы былин
И вместе с ним ворвусь я невозбранно
Туда, где скрыты семьдесят долин,
Как выкуп за царевича Тиграна.

У ПАМЯТНИКА ЧАРЕНЦУ¹

Теперь гляди, прохожий, хорошенько —
Замедли шаг у каменных оград:
Здесь — лестница, и первая ступенька,
И вот — в проем — восходит Арарат.

И в белом блеске утреннего света,
Где тихо бьется сердце родника,
Перед загубленной судьбой поэта
Снимает шляпу секретарь ЦК.

***

Хмельного от хлеба и соли,
Меня развлекали друзья —
Но думал старик поневоле
О том, о чем думать нельзя.

Спала под снегами Европа.
А тут уже знал человек
Звериную злобу потопа,
И разум, и Ноев ковчег.

1965

---

¹ Здесь и далее стихи Гитовича за исключением особо оговоренных публикуются по: URL: <https://nashasreda.ru/aleksandr-gitovich-piry-v-armenii/> (Дата обращения: 05.12.2020).

ОБЛАКА НАД СЕВАНОМ

А. Галенцу

Пришедший из далеких стран
С поклажею нехитрой,
Сезанн, влюбившийся в Севан,
Колдует над палитрой.

Над ними глыба облаков
Плотна и серебриста —
Она как шерсть для башлыков
И рай — для пейзажиста.

1965

У БАЛАБЕКА МИКАЭЛЯНА

На перекрестке путей
В дебрях безводного юга
Дряхлая эта лачуга —
Истинный рай для гостей.
Я не забыл ничего,
То, что запомнил, — навечно:
Так не пируют беспечно
Сильные мира сего.

Щедрому дому под стать
Кружки, подобные чашам.
Что я смогу пожелать
Добрым хозяевам нашим?
Мирные славят труды
Бывший бродяга и воин:
Было бы вдоволь воды —
А за вино я спокоен.

1966

ДВЕ ЧАЙКИ

Как неожиданно воспоминанья
Соединяют вместе север с югом,
Вот и сейчас, вне моего сознания,
Они спокойно сходятся друг с другом:

Две чайки возникают предо мною,
Как будто в сновидении незваном,
Хотя одну я видел над Невоею,
Другую — в знойном небе над Севаном.

1966

***

Пир — это битвы. Заране
Был час испытанья суров:
Меня проверяли армяне —
Пригоден ли я для пиров.
И вот на колхозном базаре
Я принял как первый удар
Кувшин ледяного маджари
И красного перца пожар.

1965

В «АРАГИЛЕ»

Собрание дятлов, соек и синиц
Мне скрашивало зимние досуги —
Так неужели здесь, на знойном юге,
Я позабуду этих милых птиц?

Но ты, Левон, ты мне захлопнул дверь
К воспоминаньям о родных пенатах,
И я из всех друзей своих пернатых
Предпочитаю аиста теперь.

1966

«ДВИН»

Ты прав опять, мой добрый Вартанян:
Нет коньяка, что равен был бы «Двину»,
Пусть я сейчас наполовину пьян,
Но я зато и трезв наполовину.

Я закаляюсь в медленном огне,
Чтоб мысль работала легко и ясно,
И то, что в Ленинграде вредно мне,
В Армении — полезно и прекрасно.
1966

СПОРТИВНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Какая сила в маленькой стране,
Пленившей помыслы мои и чувства,
Сам посуди, ну что за дело мне
До шахматного древнего искусства?
А я по вечерам известий жду,
Переживаю праведно и рьяно —
И с прочими армянами в ряду
Болею за железного Тиграна.
1966

МЫСЛИ ИЗ ГОСТИНИЦЫ «АРМЕНИЯ»

Вдали от родимого края,
В табачной прокуренной мгле,
Я понял, что я умираю
На древней армянской земле.

Душа разрывалась на части,
И тело ей вторило тут —
И длилось все это несчастье
Не больше чем десять минут.

1966

ВОЕННЫЙ ПАРАД В ЕРЕВАНЕ

Путь к справедливости — далек и труден.
Трибуны — слева,
Справа — Арарат.
И дальнобойные стволы орудий
Под солнцем
Недвусмысленно блестят.

И, призрачной прикрытая одеждой,
Следит за ними
С самого утра
С тревогою, восторгом и надеждой
Великая Армянская Гора.

1965

МКРТЧЯНАМ

Я весною вернусь в Ереван,
А пока — Под надзором жены —
Путешествует мой караван
По снегам — От сосны до сосны.
Я весною вернусь в Ереван:
Надо только дожить до весны.

1965

НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ АРАКСА

Текли века — и позабыть пора бы
Религию Погрома и Резни,
Когда зеленая чалма араба
Здесь заслоняла солнечные дни.

А там и ты пришел, Абдул-Гамид,
Побаловаться в каменных деревьях —
Поет зурна, и барабан гремит,
И трупы коченеют на деревьях.

***

Армения! Как путь в небытиё,
Твой старый враг не покидает сцену,
Лелея за кулисами измену
И снаряжая воинство ее.

Еще тебя пометят смертным знаком,
Поволокнут с проклятьем и хулой,
И поп облобызается с дашнаком,
И сын попа обнимется с муллой....

***

Армения! Бессмертен твой народ,
Он не числом прославлен, а умением —
И на него глядят с недоумением:
Что он предвидит? Что изобретет?

В какой еще посмотрит телескоп,
Какое чудо вырастит в долине,
Через какой перемахнет окоп,
Чтоб вместе с нами ликовать в Берлине?!...

***

С балкона, сверху, видно было мне,
Как на дорожке, выметенной чисто,
Стояли иностранные туристы
У памятника Павшим на Войне.

А зной плясал по черепице крыш,
И сон пришел, незримо и неожиданно,
И снились мне Отвага, и Париж,
И улица Мисака Манусяна.

1964

ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

Не забыли мы, как в селах отчих
Полыхал неистовый пожар —
На страну строителей и зодчих
Пали ятаганы янычар.

И когда нас буря долу гнула,
Различали мы через туман
Драгоценные дворцы Стамбула,
Созданные гением армян.

ВАЛУНЫ

Мне кажется, что когда-то
Природа, в глубоком горе,
Оплакивала Армению
Каменными слезами,

И слезы, соединяясь
Подобно шарикам ртути,
Образовали эти
Гладкие валуны.

1966

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПИР ВСТУПЛЕНИЕ

Поэзия! Будь на ногу легка,
Чтоб в гости ездили поэт к поэту,
Чтоб разум не сидел у камелька,
А бодро путешествовал по свету.

Быть может, в этом-то и корень зла,
Что — как признала братская беседа —
Недалеко от глупости ушла
Безрадостная мудрость домоседа.

Тост

1

Итак, в объятьях дружеского пира
Я стал как будто духом посмелей:
Я ловко процитировал Шекспира,
Учитывая близкий юбилей.
Не покидай меня, лихая лира,

И в грозный рог еще вина налей,
Прибавь мне сил и выдумки для тоста,
Которым здесь блеснуть не так-то просто.

2

-«Друзья мои! Как будто с колыбели
Я с вами связан в сумраке времен.
Пусть с нами нет могучего Орбели,
Иосифа Абгаровича, он
Всегда следил, чтоб мы не оробели
И свято чтили божеский закон:
Чтобы никто на доньшке стакана
Не оставлял ни капли «Еревана».

3

И он учил, что у судьбы-злодейки
Ты должен вырвать, хоть из-под земли,
Зачем богатство? — только три копейки
И первая копейка — для семьи,
Вторая — для совсем другой семейки,
Где празднуют товарищи твои,
Ну, а поскольку есть и свет и тень,
То третья, так сказать, на черный день.

4

И вот теперь, среди друзей пируя,
Гостеприимство горное ценя,
Я буду пить сегодня за вторую,
Что сберегли армяне для меня, —
Хотел бы греться у ее огня
До той поры, покамест не умру я,
И да простит семья мои стихи,
Как прочие немалые грехи».

ЭПИЛОГ

Нам ни к чему преуменьшать удачи,
Столь редко посещающие нас, —
В Армении мы стали побогаче
И кое-что скопили про запас.
На склоне лет мы сможем вспомнить пир
Во всем его языческом размахе —
Свободу, а не ханжеский трактир,
Где втихомолку пьянствуют монахи.

1964

ВООБРАЖАЕМОЕ СВИДАНИЕ С ОВАНЕСОМ ШИРАЗОМ (НЕПРАВИЛЬНЫЕ ОКТАВЫ)

1

Нам ненавистны варварские пьянки —
Мы пьем степенно, Ованес Шираз.
И, если это правда без прикрас,
Закажем, друг, по порции солянки
Такой, где, радуя голодный глаз,
Блестят маслины, как глаза армянки,
Что многократно, но не впопыхах,
В твоих изображаются стихах.

2

Вот это значит уважать культуру,
А не бесчинствовать в дыму и мгле,
Где пьют пажоны «под мануфактуру»,
Чтоб через час валяться на земле.

3

Обед по-царски и шашлык по-карски —
Синонимы. Тут разных мнений нет.
Мы не нуждаемся ни в чьей указке,
Чтоб сочинить наш княжеский обед.
Пока есть деньги, мы живем как в сказке,
Ну, а наутро, чуть забрезжит свет,
Мы дома вывернем свои карманы
И как-нибудь опять нальем стаканы.

4

И вот плывут, не ведая смущенья,
Как равные, солянка и шашлык:
То двух культур, достойных восхищенья,
Немой, но выразительный язык, —
И дух взаимного обогащенья
Над ними вьется, важен и велик.
И, понимая это, мы запьем
Солянку — водкой, а шашлык — вином.

5

Могучей кулинарии наука
Ты хороша и ныне, как в былом,
Ты и теперь, не зная слова «скука»,
Объединяешь нас таким теплом,
Что даже фаршированная щука
Была бы тут не лишней за столом.
Хотя тогда, Шираз, придется снова
Потребовать у девушки спиртного.

6

«Да будет так, — кивает Ованес, —
Я замечаю, что с твоим приездом
В меня как будто бы вселился бес,
Он прямо в душу, окаянный, влез,
Усевшись там определенным местом,
И не видать, чтоб скоро он исчез.
И если это, друг мой, предпосылка,
То следствием пусть явится бутылка».

7

По мне, хоть две бутылки: я не жмот, —
Они ускорят ровный ритм рассказа, —
Но люди скажут, что виновен тот,
Кто совратил непьющего Шираза,
Который духом трезвости слывет
От Закавказья до Владикавказа.
Я не хочу, чтоб от меня народ
Шарахался, как от дурного глаза.
И так тревога прибавляет сил,
Что я октаву эту удлинил.

8

А впрочем, пусть десятки зорких глаз,
Слегка знакомых или незнакомых,
Все это видят: нам пришлось не раз
Спокойно пить в прославленных хоромах

9

И что ж? Мы живы, Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего.

1965

М.Л. МАТУСОВСКИЙ

*И вот опять у Верфеля в романе
Делю я с вами слезы и беду.
Прошу у вас прощения, армяне,
Что я рожден в пятнадцатом году.*

Известный, крупный русский советский поэт Михаил Львович Матусовский в первый раз посетил Армению в 1946 г. Первые впечатления об Армении стали поводом для создания его поэтических сочинений. «Зангезурская пляска» (1949), «Каменотес» (1949), «Август», «Подвалы Арарата», «Арарат в тумане», «Скиталец» (все в 1950 г.) и др.

Названные стихи свидетельствуют о том, что поэт глубоко воспринял армянскую действительность, его историю, характер, трудолюбие и гостеприимство народа. Эти стихи послужили как бы началом воплощения армянской тематики в его поэзии, которое широко раскрылось в 80-е гг. прошлого века. Но особенно глубоко воспринял Матусовский трагическую историческую судьбу армянского народа, геноцид армян. Об этом стихотворение «Памятник на горе Цицернакаберд». Посещение памятника произвело на Матусовского трагическое впечатление. В одном из писем Матусовский написал: «Когда я поднимался на гору Цицернакаберд, у меня болело сердце, может от непривычного крутого подъема, но скорее от чтения книги документов о Геноциде»¹, над которой я просидел всю ночь накануне, и которая напомнила мне другой документальный сборник под названием «СС в действии». На этот памятник невозможно смотреть спокойно. Двенадцать гигантских камней собрались вокруг, как двенадцать округов, откуда безжалостно были изгнаны армяне. Или это двенадцать вдов окоченевших в своем горе, или это двенадцать воинов, сговаривающихся, чтобы отомстить врагам...

Армению воспринял М. Матусовский по-своему особенно глубоко и сочувственно. И не случайно, что он в своем сборнике стихов «Это было недавно. Это было давно» (1970) состоящем из семи разделов, в разделе «Все, что мне дорого», состоящем из 13 стихотворений, включил 6 стихотворений об Армении. Это: «Август», «Зангезурская пляска», «Каменотес», «Подвалы “Арарата”», «Арарат в тумане»,

---

¹ Речь о книге: Геноцид армян в Османской Турции / Составитель Нерсисян М.Г., Саакян Р.Г. Под ред. Нерсисян М.Г. II доп. изд. Ереван. 1982.

«Муза, воспой суету ереванских базаров». Более того, в стихотворении «Мой год рождения» поэт просит прощения у армянского народа за то, что он «родился в пятнадцатом году». Трудно что-либо добавить к этому. Но лучше прочитать замечательные стихи русского поэта.

«СТРОКИ ИЗ ГОРЯЧЕГО ТОНИРА»¹
(Из цикла)

* * *

По камням острым, как ножи,
Потоки мчат, ища спасения.
Как мне с тобою быть, скажи,
Что делать мне с тобой, Армения?

За что мне в дар бесценный дан
Твой мир с горами первозданными
И твой вечерний Ереван
С его поющими фонтанами?

Как мне понять Гегарда мрак
Со всей резьбой его настенною,
Куда автограф свой Галдзаг
Врубил рукою дерзновенною?

Что делать с дрожью этих струн,
Где в каждой песне скрыто грустное,
Как травки кинза и тархун
Почти в любом из блюд присутствуют?

С чем мне сравнить твой тонкий лик,
Который даже поздним вечером,
Как будто небо сквозь ердик,
Всегда старается просвечивать?

---

¹ Здесь и далее стихи М. Матусовского цитируются по: Матусовский М.Л. Стихотворения. Песни. М. «Худ. лит.». 1986. С. 315 и далее.

Как мне постичь характер твой
И это бешенство веселое,
Когда от пляски круговой
И я совсем теряю голову?

И у кого мне расспросить,
Как в книжный храм пройти мне следует,
Где до сих пор Нарекаци
На равных с господом беседует.

СВАДЬБА В ГАРНИ

Как на старом фотоснимке, шел жених и с ним невеста
Под ликующие клики многочисленной родни.
Счастлив я, что в этот вечер для меня сыскалось место
На большой и шумной свадьбе в тихом, маленьком Гарнии.

Как в шестнадцатом столетье, кяманча бренчит в сторонке,
Но пред ней, согласно моде, разместились между тем
Современный усилитель, звуковые две колонки
И, конечно, микрофоны, как в ансамбле «Бони эм».

Мы уже почти оглохли от районного оркестра.
Гулкой музыкой до края переполнены меха.
Белоснежной Арарата принаряжена невеста,
И лаваш, как полотенце, на плече у жениха.

Здесь сосед с другим соседом связан тропкою короткой,
Если строго разобраться, все находятся в родстве.
И домашний скот, вздыхая за непрочной загородкой,
Тоже б мог принять участие в деревенском торжестве.

С темпераментом танцоров никакого нету сладу.
Сандалеты и кроссовки так и топчутся в пыли.
И готовы музыканты бить по струнам до упаду,
Лишь бы только их вниманьем за столом не обошли.

Так порою с горных склонов катит вниз река большая.
Так, бывает, строки песни заполняют всю тетрадь.
Предо мной кружился парень, с ним схлестнуться приглашая,—
И тогда я принял вызов, не решаясь отступить.

И помчались друг за другом, и пошли мелькать без счета
Тьма, сменявшаяся светом, свет, сменяющийся тьмой.
В этом танце было что-то от орлиного полета,
В этом танце было что-то от Армении самой.

Я, наверно, долго буду вспоминать напевы ваши,
От которых и на свадьбе подступает к горлу ком.
Миску свежего мацуна, поутру — кастрюлю хаша
И тарелку, что на счастье раздавили каблуком...

ХАЧКАРЫ, ХАЧКАРЫ...

Работает сердце толчками,—
Вот умер я, вот я воскрес.
Встают предо мною хачкары,
Встают, словно каменный лес.

Откуда их тайные знаки
Доносят к нам горькую весть?
Их все невозможно оплакать,
И все невозможно учесть.

Что вспомнил базальт этот старый —
Сасун или Сардарапат?!
Боюсь, что не хватит хачкаров
Для всех ваших бед и утрат.

Под острым ударом железа
Ложится на камень резьба,
Как будто рукой камнереза
Всесильная водит судьба...

Считал бы, что прожил не даром
И сделал на свете что мог,
Когда б я остался хачкаром
У края армянских дорог.

ПАМЯТНИК НА ГОРЕ ЦИЦЕРНАКАБЕРД

С тех пор ночами напролет
Я обречен в бреду метаться.
«Уже весна, а снег идет!» —
Поет безумье Комитаса.

В нем — журавлиной песни грусть,
И боль, и кровная обида.
И я со всеми становлюсь
Безвестной жертвой геноцида.

Они ведут моих детей,
В укрытие всех их обнаружив.
Мне руки рубят до локтей,
Чтоб я не мог держать оружия.

Они меня лишают глаз,
Чтоб я их лица не приметил,
Чтоб я однажды в судный час
Не мог явиться как свидетель.

Землей мне набивают рот.
И мне оттуда нет возврата.
И столько мертвых тел несет
Течение Тигра и Евфрата.

Здесь старцу - за сто лет давно,
Здесь девушке - едва ли двадцать...
Есть раны, коим не дано
Со временем зарубцеваться.

«Уже весна, а снег идет».
Как бы в смятение вся природа.
С лица стирает кровь и пот
Апрель пятнадцатого года.

И явь еще страшней, чем сон,
И в красном кажутся снега нам.
И в небе месяц занесен
Кривым султанским ятаганом.

И беженцы спешат вразброд,
Как птичья испугнутая стая...
Уже весна, а снег идет,
Ложась на землю и не тая.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЗНАКОВ

Вот подкова, что потеряли и на счастье нашли соседи.
Вот склонившая ветви ива, что всегда безутешно плачет.
Вот крутой поворот дороги, уводящей нас в неизвестность.
Вот армянский стрелок с оружием, уцелевший в предместьях Вана.
Вот подсвечник с двумя свечами, чуть мерцающими во мраке.
Вот два горных речных потока, что сливаются воедино.
Вот певучая дека арфы, где еще не надеты струны.
Вот змея, что, сверкнув на солнце, притаилась под тенью камня.
Вот жар-птица, что к нам слетела со страниц рукописной книги.
Вот монах, на колени вставший и о чем-то просящий бога.
Вот проем потайного хода с древней арочной перемычкой.
Вот окно монастырской башни, заменявшее амбразуру.
Не однажды еще сравнения для него мне искать придется,—
Предо мной, как открытие мира, золотой алфавит Маштоца,

ПОЭТАМ СОРОКОВЫХ

Ветрами не задутые земными,
В вас теплились наивность и восторг.
Я помню вас такими молодыми,
Паруйр и Сильва, Ваагн и Геворг.

Еще не приходила к вам усталость,
Еще ничья не досаждала злость.
И вам легко, само собой, писалось.
И вам светло, без всяких снов, спалось.

Железных букв чеканка шла резная,
Страницы покрывая целиком.
Так дети, об опасности не зная,
Со спичечным играют коробком.

Оглохшие от шума горожане,
Вы находили кров в любом селе.
И чем скорей выросли и мужали,
Тем больше риска в вашем ремесле.

Один — считал свою дорогу длинной.
Но мог ли он предвидеть наперед,
Что далеко не каждая машина
Вписаться может в трудный поворот.

Жила другая — только сердцу веря
И инстинктивно чувствуя вранье.
И все размолвки, беды и потери —
Все становилось лирикой ее.

А третий — под огнем прошел полсвета
И умирал десятки раз подряд,
Чтоб осознать, что выкладка поэта
Отнюдь не легче выкладки солдат.

Сумел четвертый — в суть саму взглядеться
И догадаться на своем веку,
Что раньше боль должна пройти сквозь сердце,
Потом имеет право лечь в строку.

Зато как были строки дерзновенны,
Какие осеняли вас слова
На той земле, где родились айрены,
Где жил Чаренц и пел Саят-Нова.

Армянские рассветы и закаты
Переполняли сборники стихов,
И профили орлов Сардарапата,
И музыка его колоколов...

Как жизнь порой была несправедлива,
Вы с нею не вступали в жалкий торг,
Единоверцы одного призыва:
Паруйр и Сильва, Ваагн и Геворг.

МИНАС

Горит мастерская Минаса —
Вам будет не раз вспоминаться,
Как, небо огнем пропоров,
На полках прижатые плотно,
Вовсю полыхают полотна,
Как будто поленница дров.

Горит мастерская Минаса,
И запах дымящихся красок
Поистине невыносим.
Такая судьба живописца:
Порою ему не укрыться
От личных его хиросим.

Горит мастерская Минаса,
Огонь уже занял террасу,
Любые отрезав пути.
Вот пламя врывается в сени —
И где же найдет он спасенье
И что его может спасти?!

Спасенье лишь только в работе —
В мазках этих свежих полотен,
Его выручавших из бед.
В садах, где листва молодая,
В палитре, где преобладает
Особенный, солнечный цвет.

Спасение только в Джаджуре,
В листвы виноградной ажуре,
В характере крыш и террас.
И в этих скалистых дорогах,
Которые, если бы мог он,
Писал еще тысячи раз.

В кружалах соленого сыра,
В пылающем жерле топира,
Где долго не стынет зола.
И в той, что звалась его мамой,
Сидящей достойно и прямо
У самого края стола.

В портретах мужских или женских
Соседей его деревенских,
Глядящих со стен без конца.
В руках их всегда узловатых.
И в этих больших, как лопата,
Крестьянских ладонях отца.

ХУДОЖНИКИ ДЕРЕВНИ МАДИНА

Им красок мало и полотен мало.
Нет полотна, сгодится и стена.
Согласны рисовать на чем попало
Художники деревни Мадина.

Художники — хитрющие ребята:
Они, как все вокруг, встают чуть свет.
Орудуют мотыгой и лопатой,
А до картин им вроде дела нет.

Не смеют помышлять о славе бренной
И работенку ищут посложней:
Стригут овец, завозят удобрения,
Освобождают землю от камней.

Но, кончив труд и подзаправясь плотно,
В сарае, заглянув в любой закут,
Подрамники и кисти и полотна
На божий свет оттуда извлекут.

И, приспособив баночки и блюда
И каждый тюбик выдоив до дна,
Вот тут-то наконец и развернутся
Художники деревни Мадина.

Представив все в каком-то раннем свете,
И робости школярской вопреки,
Рисуют все: и взрослые и дети,
Да что там дети,— даже старики.

Вы будете дивиться их бесстрашью
Сквозь всю наивность различая дар.
Кто пишет акварелью, кто гуашью,
А кто и маслом мажет, как маляр.

По-южному открытые террасы,
Висячие мосты у переправ.
Ну где, скажите, напасешься красок,
Чтоб передать оттенки этих трав?!

Любой ручей пошире вод Раздана,
В листве как будто светится инжир.
Все самобытно здесь, все первозданно,—
Таким, наверно, дети видят мир.

И ты стоишь, любуясь этим миром,
Где полноправно входит все в пейзаж.
Где даже солнце кажется тониром.
В котором вскоре выпекут лаваш.

Вдоль узких троп встают кресты-кампья,
И лепятся дома к стене стена.
И так прекрасны в этом неуменье
Художники деревни Мадина.

ЛУСИНЭ

Спой мне, спой мне, Лусинэ,
Спой одна иль с хором вместе,
Чтоб ознобом по спине
Пробрало от этой песни.

Если хочешь, то начни
Прямо с трудного коленца —
С голубых небес Гарии,
С горькой участи Чаренца.

Что здесь: сцена или храм —
Пусть тебе легко поется,
Как поется по утрам
Ветру древнего Звартноца.

Эта песня давних дней
Нас тревожит все сильнее
Всей бездомностью своей,
Всей бездонностью своею.

Разве ты тому виной,
Что душа твоя — как птица.
Что смогла в тебе одной
Боль Армении вместиться.

Что твоих напевов суть
Все равно невыразима,
Как мерцающий чуть-чуть
Свет свечей Эчмиадзина.

* * *

О, тайна фамилий на «ян»,
Смушавшая нас постоянно,
Как горный прозрачный туман,
Скользкий меж строк Туманяна.

Как где-то за свесом горы
Заря, заплавшая рдяно.
Как звездные эти миры,
Пленившие Амбарцумяна.

Как звук колокольца в ночи,
Диктующий ритм каравана,
Который всегда различим
В поэзии Исаакяна.

Как врубленный в скалы амвон —
Гегарда глубокая рана.
Как яростный сабельный звон
Мелодии Хачатуряна.

Как взлет этой арки сквозной,
Над бездною замершей странно.
Как сжегший подрамники зной
Картин Мартироса Сарьяна.

АРКА ЧАРЕНЦА

Камни и травы успели с утра
Жарко прогреться,
И возникает вдали Арарат
В арке Чаренца.

Он предстает в ледяном серебре,
Полон отваги,
Вдруг о другой нам напомнив горе,—
О Муса-Даге.

Этот почти что светящийся лед
Раннего часа,
Кажется, будто бы только и ждет
Кисти Минаса.

Над заурядностью нашей земной
Встал он надмирно
Всей недоступностью, всей белизной
Чистого фирна.

Так он с сияньем на снежном челе
Высится вечно...
Есть же хоть что-то на этой земле,
Что безупречно!

Мир этот утренний кажется мне
Миром младенца.
Весь он сейчас уместился вполне
В арке Чаренца.

ЛАВАШ

За этот запах все отдашь,
Вовек он не забудется:
В одном доме пекут лаваш,
А пахнет на три улицы.

И слюнки у меня текут,—
Не возвратился ль в детство я?!
Лаваш пекут, лаваш пекут,
Почти священнодействуя.

И хлебопек, впадая в раж
И даже встав на цыпочки,
Спешит раскатывать лаваш,
Его готовя к выпечке.

И в самом деле, как артист,
Над ямою тонировой,
Подбросив, ловит хлебный лист,
Как будто им жонглируя.

Теперь не трать минут на блажь,
Вздувая пламень адовый,
Швыряй на формочку лаваш
И в печь его закладывай.

Хлеб человеческих судеб
Вкуснее всяких пряников,
Знававший все, овальный хлеб
Изгнанников и странников.

Упрятанный в суме худой
Средь скарба нищих беженцев,
В пустыне sprыснутый водой
И снова полный свежести.

И я с поклонной головой,
В слезах благоговения
Целую хлеб священный твой,
Твой скорбный хлеб, Армения!

ДОБРЫЙ СВЕТ!

Мир вершин уже очерчен смутно,
Мир низин еще в туман одет.
Вместо восклицанья «С добрым утром!»
Говорят армяне: «Добрый свет!»
Добрый свет — арбе, ползущей круто
С перегрузкой, заданной осям.
Очагам и хижинам Цмакута,
Где рожден был Грант Матевосян.
Добрый свет — воскресшим вновь колоннам
Под античной синевой Гарни.
И селеньям, по отвесным склонам
Разметавшим тихие огни.
С острою начинкой баклажанам,
Ждущим нас сегодня на обед.
Белым облакам над Дилижаном,
Лозам виноградным — добрый свет!
Путникам, шагающим устало,
Камням, для которых смерти нет,
Крутолобым горным перевалам
И стадам овечьим — добрый свет.
В век, когда земле грозит все чаще
Атомной шизофрении бред,
Есть одно лишь, что непреходяще:
Добрый свет вам, люди, добрый свет!

1985

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

1.

Летний вечер в Ереване
Никогда не потускнеет
Этих гор очарованье,
Этот звездный небосвод.
Летний вечер в Ереване,
Летний вечер в Ереване, —
Белых бабочек полет.
Неумолчный и нестройный
Гул толпы, легко одетой,

У киосков и садов.
Тень акаций на асфальте,
Что является приметой
Наших южных городов.
Только бы, дыша прохладой,
Дул нам в лица ветер встречный
С голубых верховий гор,
Только б сердце не старело,
Только б длился этот вечный,
Некончающийся спор.
То внезапно возникает,
То скрывается за тучей
Беспокойный свет звезды.
Огоньки плывут и гаснут,
Как пузырьки колючей
Газированной воды.
Погоди, еще стемнеет,
Горы скроются в тумане,
До утра река замрет...
Летний вечер в Ереване,
Летний вечер в Ереване, —
Белых бабочек полет.

2.

ПОДВАЛЫ «АРАТА»¹

В бокалах солнце зажжено
По десять грамм на брата.
Оно лежало сорок лет
И нынче вырвалось на свет:
Мы дегустируем вино
В подвалах «Араты».

---

¹ Здесь и далее цит. по: М. Матусовский. Это было недавно. Это было давно. М.: «Худ. лит». 1970. С. 97 и далее.

Здесь даже воздух полупьян
И горек, как лекарство.
Теснятся бочки у стены,
Из них могли бы пить слоны.
Коньячный мастер Седракьян
Нас вводит в это царство.

Устав томиться столько лет,
Вино кипит со злобой.
Сорвав дубовое ярмо,
Здесь время пенится само,—
Возьми, проверь его на цвет.
На вкус его испробуй.

В бутылке пыльной грозный «Двин»,—
Не тронь, коль нет охоты!
Его на льдине голубой
Везли папанинцы с собой.
Он, так сказать, среди прочих вин,
Как танк среди пехоты.

Бочонки, как земля, круглы,
Расставлены в порядке:
Вот легкомысленный «Мускат»,
Вот лицемерный «Айгешат».
Но почему у вас полы
Немного айгешатки?

Ты с этой штукой не шути,
В ней бродят хмель и мята.
Недаром люди говорят,
Что влезть на гору Арарат
Гораздо легче, чем уйти
Из складов «Арарата».

Мы пьем за землю, что светла,
За ширь ее пределов,
За дружбу ту, что нас свела
У необъятного стола,
За благородство ремесла
Армянских виноделов.

За цвет небесной синевы,
За скромный труд поэта,
За все, что в сердце я сберег:
За пыль проселочных дорог,
За тень ореховой листвы
В горячий полдень лета.

Уже за окнами темно,
Ни проблеска заката.
Пять звезд сверкают вдалеке,
Как на армянском коньяке...
Мы дегустируем вино
В подвалах «Арарата».

1950

3.

АРАРАТ В ТУМАНЕ

Я был в обиде на Арарат.
Вот уж педеля, как в Ереване я,
А он на меня неделю подряд
Не хочет совсем обращать внимания.

Быть может, устав от летней жары
Старик отказался принять приезжего,
Но это даже для древней горы.
Как хотите, не очень вежливо.

И вдруг, когда наступила пора
Обратно мне восвояси двинуться.
Я повстречал его в шесть утра
Один на один, с высоты гостиницы.

Он вдруг явился передо мной,
Сразив меня не библейской святостью.
А всей своей сахарной белизной
И всею небесной голубоватостью.

Еще доступней после дождя,
Он встал над плоскостью мироздания,
Любые вымыслы превзойдя,
Любые путая ожидания.

Крутые тучи откинув прочь,
Он вдруг явился мне из затмения.
Как в сказке на тысяча первую ночь»
Как на гербе Советской Армении.

1950

***

Муза, воспой суету ереванских базаров,
Грохот повозок и тяжесть гранатных плодов.
Воздух шашлычных и рыжую медь самоваров,
Столпотворенье мясных и фруктовых рядов.
Южное утро в немолкнушем шуме и гаме,
В солнечных пятнах и листьев чеканной резьбе,
Черных быков, раздвигающих небо рогами,
Мерно плывущих в своей двухколесной арбе.
Да не смутит тебя наша житейская проза —
Лук нашинкованный, соком наполненный жбан.
Муза, воспой трудодни и доходы колхоза,
Где председателем друг мой Ашот Налбандян.
Также учти девяносто гектар винограда,
Две сыроварни плюс сказочный рыбный улов.
Грузную поступь большого колхозного стада,
Прущего лавою в тысячу с лишним голов.
Жаркое лето стоит над вершинами мира,
Каждым лучом отражаясь в оконном стекле.
Осоловевшей от меда, айвы и инжира,
Даже ужалить не хочется сонной пчеле.

Между холмами петляют крутые дорожки,
Колет подошвы сожженная солнцем стерня.
Мясом бараньим, завернутым в хлебной лепешке,
В новые странствия ты провожаешь меня.
Окна открыты. Легки облака на рассвете.
Горные реки прозрачны до самого дна.
И на губах твоих в память о прожитом лете
Долго останется привкус сухого вина.

АВГУСТ

Багровели холмы, солнце жарило рьяно,
Поднимался туман из лиловых низин.
Разгадал я секрет Мартироса Сарьяна
На дороге, несущейся в Эчмиадзин.

Я узнал, как осенние ягоды сладки,
Как от кружки маджари танцуют живей,
Как в колхозных садах подставляют рогатки,
Чтоб плоды не ломали обвисших ветвей.

Я узнал, как гудит на дорогах старинных
Дикий ветер, сшибающий с ног без вина,
Сколько требует тюбиков ультрамарина
Эта, словно бездонная, голубизна.

Выжги солнцем ее или ливнями вытравь,
Все равно из тумана проступит вдали
Эта полная света и красок палитра
Изумрудной, багровой и рыжей земли.

В каждом доме меня привечали, как брата.
Я бродил, затерявшись в толпе городской.
В час, когда, достигая снегов Арарата,
Возвышается Ленин с простертой рукой.

Я узнал эту землю при первой же встрече,
Всю от желтых полей до пунцовых вершин,
Словно только что вынутый прямо из печи
Хорошо обожженный гончарный кувшин.

Я узнал, почему беспокойные люди,
Сколько б ни было верст, испытаний и дней,
На чужбине мечтают о ней, как о чуде,
И, как птицы весной, возвращаются к ней.

1950

ЗАНГЕЗУРСКАЯ ПЛЯСКА

Глинобитные дома,
Пламя утренней лазури.
Не сведи меня с ума,
Смелый танец в Зангезуре.

Вот танцор вступает в круг.
Тени гор лежат в долинах.
Перехватывает дух
От бровей его орлиных.

Так ревниво стиснут рот,
Что сейчас легко, пожалуй,
Он от пляски перейдет
К поединку на кинжалах.

Как внезапная гроза,
Бубен глушит всю округу.
Девушка, закрыв глаза,
Плавно движется по кругу.

С каждым шагом все слабей,
Все покорней и влюбленней,
Словно белых голубей
Выпускает из ладоней.

Тесной улочки покой
Мерной музыкой тревожа,
Бубен ходит под рукой,
И гудит сухая кожа...

Как орлы вступают в спор,
Вздыбив крылья против бури
Так летят лавины с гор,
Так танцуют в Зангезуре.

1949

ВАГАРШАК ЭЛИБЕКЯН

Как шумны его базары,
Как пестра толпа южан.
Нас зовет в свой город старый
Вагаршак Элибекян.
У прилавков люд толпится.
Солнце жжет все горячей.
Для поэта-живописца
Нет на свете мелочей.
Ах, звучащий где-то рядом
Ксилофонный стук подков.
Ах, горчайшая прохлада
Темных винных погребков.
Ах, дымок такой знакомый,
Чуть приправленный кинзой.
Ах, тифлисские балконы,
Перевитые лозой.
Там, где в круг сошлись грузины,
Пригласив с собой армян,
Ходит-бродит рот разинув
Вагаршак Элибекян.
Бастурму, мацони в крынке,
Красный перец и кинзу, —
Все скупил бы здесь на рынке,
Да домой не довезу.

ЗОЛОТОЙ ЗАКОН ХАЧКАРОВ

Этих каменных крестов
На земле десятки тысяч.
Каждый мастер был готов
Свой узор на камне высечь.
Как не схожи, погляди,
Их характеры и лица.
Из рисунков ни один
Здесь не должен повториться.
Сколько в них сокрыто чувств,
Неразгаданных вопросов...
Я, Армения, учусь
У твоих каменотесов:
Верить правде их резцов,
Редкой точности ударов,
Чтоб постичь в конце концов
Золотой закон хачкаров.

ВАРИЛИ АРИСУ¹

*К семидесятилетию
битвы на Муса-даге*

Уже рассветный час предчувствовал росу,
Все камни были здесь в испарине и влаге.
Армяне на кострах варили арису,
Как много лет назад, еще на Муса-даге.
Рассвет не помышлял о завтрашних делах.
И землю не будил покуда гомон птичий.
Варили арису в продымленных котлах,
Как требует того их дедовский обычай.
Чугунные котлы держались на весу.
Из всех окрестных сел сошлась семья большая.
Собравшись у огня, варили арису,
Как будто бы обряд священный совершая.

---

¹ Здесь и далее стихи М. Матусовского публикуются по: URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/284070/forum/> (Дата обращения: 20.12.2020).

И словно ход назад Истории был дан:
Всполошный бил набат и где-то ржали кони.
Варили арису, и вся судьба армян
При отсветах костров была как на ладони.
Они в последний раз вдыхали сытный дым,
Последний счет вели своим боеприпасам.
С утра начнется бой. И да поможет им
Тот колдовской отвар пшеничных зерен с мясом.

ГОШСКАЯ ЛЕГЕНДА

В душный вечер земля замерла,
Как бы рухнув под тяжестью ноши.
И тогда порешил Тамерлан
Сжечь хранилища книжные в Гоше.
Фолианты темнели в ночи
И сверкали на книгах оклады.
Но достаточно было свечи,
Чтобы все загорелось как надо.
Пламень в пляску пустился вприсест,
А потом распрямылся и вырос.
Не один запылал палимпсест,
Не один задымился папирус.
Искры сыпались жарко сквозь тьму,
Груда пепла чадила седая.
И стоял, ухмыляясь, Тимур,
За ухваткой огня наблюдая.
И тогда-то, сойдясь под дверьми,
Обо всем сговорившись заране:
«Ты в обмен все, что хочешь, возьми!» -
Обратились к Тимуру армяне.
И сказал хромоногий эмир:
«Раз уж молитесь вы о защите,
Вместо этих бумаг, черт возьми
Вы мне золото ваше тащите!»
И во имя спасения книг
Стали люди сносить осторожно
Паутинки цепей золотых,

Золотые чеканные ножны.
Много было рогов и ковшей,
Стариками хранимых в подвале.
И невесты из тонких ушей
Вместе с кровью сережки срывали.
Сколько было здесь спасшихся книг
И страниц, не лишившихся крова.
И тогда только варвар постиг,
Как в Армении ценится Слово...
Если это преданье живет
Вроде сказки, подобно былине, —
Почему же здесь каменный свод
Весь в ожогах еще и поныне?!

СТАРИКИ В ГОШЕ

Спадает полуденный зной,
Но вечер как будто не начат.
Сидят старики под стеной,
Сидят и о чем-то судачат.
Они свою чувствуют власть,
Они сознают свою цену.
Стена ли на них оперлась,
Они ли оперлись на стену?
Укрывшись под тенью стены,
Сидят старики на закате.
Они еще помнить должны
Сражения в Сардарапате.
Мила мне гортанная речь,
И горы, и воздух осенний.
И взор невозможно отвлечь
От царственных этих движений
Из трубочек тянется дым,
Как жизнь переменчив и зыбок.
Когда б мы прислушались к ним,
Не сделали б многих ошибок.
Слабеет охотничий слух,
И зрение выцвело тоже.
На старый обветренный туф

Их руки и лица похожи.
Под бременем бед вековых
Лишь стать сохранилась прямая.
И люди идут мимо них,
Признательно шапки снимая.

СЕВАН. 1985

Почти прозрачные на вид,
Ложатся горы, план на план.
Не знаю, что у вас болит,
Но у меня болит Севан.
Где берег оголен на треть,
Как знак немыслимой беды,
На скалах можно рассмотреть
Паденье уровня воды.
Отыгрывается жара
С утра на кустике любом.
Где остров был еще вчера,
Там полуостров встал горбом.
Вот тень мелькнула подо мной, -
То не последняя ль форель?
И небо так белесо в зной,
Как выцветшая акварель.
Вне всех тропинок и дорог,
Без помощи поводыря,
Как странники иных эпох,
Шагают два монастыря.
И в узких щелях древних плит
Ютятся вереск и бурьян.
Не знаю, что у вас болит,
Но у меня болит Севан.

ГОРНАЯ ДОРОГА

Я тебе как будто что-то
    задолжал,
Видный с птичьего полета
    Дилижан.
Мчатся горы, мчатся косо
    и хитро,
Как бы ставя все вопросы
    на ребро.
Где главенствует, как строгий
    лейтмотив,
Убегающей дороги
    серпантин.
Где глядят со склонов скальных
    валуны,
Где и думать вертикально
    мы должны.
Ты и древен и при этом
    моложав,
Весь насквозь пронзенный светом
    Дилижан.
А шоссе все круче, круче,
    как во сне,
И клубятся с нами тучи
    наравне.
То ручей мелькает синий,
    то мосты,
То чернеет в Агарцине
    монастырь.
Этот горный, этот узкий
    поворот,
Как с армянского на русский
    перевод.
Я бы долго эти строки
    продолжал,
Да пришел конец дороги
    в Дилижан.

АРШАВИРУ ТОРОСЯНУ

В травах весь чердак и весь подвал,
Пахнет дом, как лес, светло и пряно.
Я жалею тех, кто не бывал
В мире Аршавира Торосяна.
Тех, кому труды его чужды
И кому чужда его затея
День убить на сборы череды
Или на калачики алтея.
Кто к настоям этим не привык,
Лечащим от мала до велика.
Кто не видел, как цветет асмик,
Коловчатка или вероника.
Надо хоть на несколько минут
От всего на свете отрешиться,
Зная, что тебя за склоном ждут
Барбарис, козлятник и душица.
Мерно погружаясь в полутьму
Лес его одаривает щедро.
Сами в руки просятся к нему
Зверобой, барвинок и эфедра.
Он и впрямь в характер трав проник,
Их секреты запросто решая.
Кто же он, поэт или травник, —
Разве в этом разница большая?!
Я всю жизнь скитаться с ним готов,
Поражаясь близости к природе
И гордясь, что имена цветов
У армян — лишь только в женском роде.

ПЕРЕВОДЧИЦА

Вера Клавдиевна Звягинцева
Посвятила жизнь Армении,
Отдав ей с душевной щедростью
Весь свой дар и вдохновение.
Чтоб она с тех пор ни делала,
Одного держалась правила
И служение поэзии
Выше всех служений ставила.
Как была она захвачена
Кяманчи протяжным пением,
Полюбив глаза армянские
С их газельим выражением.
Ни одной не смея фразою
Ни слукавить, ни прикраситься,
Занималась непосредственно
Переводом с сердца на сердце.
За ее самоотверженность,
За ее самозабвение
Камень-крест для переводчицы
Был доставлен из Армении...
То снегирь по насту шастает,
То рыжееет шубка белкина.
И хачкар чужим не кажется,
На погосте Переделкина.

ДЕТСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ В ЕРЕВАНЕ

Памяти Жанны Агамирян

Улитка со своей квартирою
Лесною тащится тропою.
Канатоходец, репетируя,
Скользит над стихшею толпою.
Гимнастка крутится рискованно
Почти под куполом в полете.
Такие рожи строят клоуны,
Что вправду со смеху помрете.

С трудом держа брюшко солидное,
Стоит шашлычник на пороге.
Опровергая очевидное,
Шагает ослик шестиногий.
Не вздумай возводить напраслину
На этот мир в тумане тонком.
Как славно мазать краской масляной,
Как интересно быть ребенком.
Все в них свежо, как утро раннее,
Они в искусстве новоселы.

Но здесь отыщешь при желании
Все направления и школы.
Расцветкой мира удивленные,
Еще не скованы опаской,
Назло всему — леса зеленые
Ребята пишут синей краской.
Доступны боль им и ирония,
И шум Занги, и пенье «крунка».

Они совсем не посторонние,
Они живут внутри рисунка.
Скажите, кто из вас не влюбится
В мир фантастичный и реальный?
Все дети — Рембрандты и Рубенсы,
Все дети, в общем, гениальны.

ВАРДАВАР

Вардавар — куда ни глянешь, выжег все июльский жар.
Выйдешь в полдень без папахи, хватит солнечный удар.
Есть один лишь только способ, чтобы стало попрохладней,
Это — встретить всем селеньем добрый праздник вардавар.
Вардавар - как будто сабли, струи блещут серебром.
Дождь гуляет по округе, хоть не слышен в небе гром.
Настоящие мужчины отступать никак не смеют
Перед полными до края кружкой, миской и ведром.
Вардавар — намокнет ворот и растреплются вихры,

Будут твой пиджак и брюки все до ниточки мокры.
Только чур нельзя при этом ни ворчать, ни обижаться.
Так как эта процедура входит в правила игры.
Кое-как собрав манатки, разбегается базар.
Кто-то лезет под прилавок, рассыпая свой товар.
Что бы там ни говорили, в жизнь привносит оживленье
Шумный праздник очищенья, летний праздник вардавар.
Вардавар — уже кувшины все порожние до дна,
В соответствии с законом, от рассвета до темна
Продолжается в поселке, ни на миг не затихая,
Эта добрая, смешная и бескровная война.
Этот день я принимаю как бесценный щедрый дар.
Робкий — кажется неробким, и старик — не так уж стар.
Как порою надо миру с головы до ног омыться,
Как бывает он полезен, мокрый праздник вардавар.

ХАЗЫ

О, армянские хазы,
Белый лист со знаком черным,
Ваш таинственный язык
Не дает уснуть ученым.
Как найти нам звукоряд,
Что придумал некий гений,
Скрыв от нас бесценный клад
Вдохновенных песнопений?
Чем он был в глубинах лет —
Плачем струн иль вещим гласом?
Говорят, что ваш секрет
Умер вместе с Комитасом.
Смог давно уж догореть
У могил зажженный ладан.
Стоит даже умереть,
Чтобы смысл ваш был разгадан.
Далеко еще не всем
Вы открыть загадку склонны..
И какими ЭВМ
Ваши вычислить законы?

Через семь веков уже
Не узнать, какая жалость,
Чьих взыскательных ушей
Эта музыка касалась.
О, армянские хазы,
Вы — набросанная смело
Партитура той грозы,
Что прошла и отгремела.
Вы — в расщелинах горы
Ключ затерянный от входа..
Вы — молчащие миры
Вечной музыки народа.

ГОБЕЛЕН ГРИГОРА ХАНДЖЯНА

Нет, не верю я в то, что картины безгласны и немы,
Что они остаются, какими написаны были когда-то,
Что герои полотен совсем никогда не стареют,
Что они замирают в однажды им приданных позах,
Что в закрытых музеях они не живут своей жизнью,
Что, приткнув их в запасник и сунув на верхнюю полку,
Мы имеем возможность забыть их и сбросить со счета.
Но в пропащем куреньями сумраке Эчмиадзина,
В наши дни продолжаясь, кипит аварайрская битва:
И из пятого века мы с вами отчетливо слышим,
Как железо стучит о железо, как кто-то зовет нас на
помощь;
Словно груды камней, разбросаны груды погибших, —
Вардапет Егише это видел своими глазами
И, коль надо, готов на кресте перед нами поклясться, —
И персидские копья грозят неминуемой смертью,
И безумные кони копытами топчут убитых,
И в сражении нет победителей и побежденных,
И, щитами своими друг друга в бою прикрывая,
До последнего держатся воины Мамиконяна...
Коротка и бедна, к сожалению, память природы:
Порастают быльем рубежи исторических схваток,

И былые могилы становятся просто холмами,
И над прошлым смыкаются темные воды забвенья.
Да и память истории тоже порой ненадежна:
Там подчищена строчка, а тут — недостача страницы,
Там изъяты бумаги, а тут подтасована правда,
Там подправлена дата, а тут уничтожен свидетель.
Но остра и безжалостна вечная память народа,
И пятнадцать столетий отнюдь для нее не помеха, —
На полях гобелена кипит аварайрская битва:
И от вражьих мечей не спасают ни шлемы, ни латы,
И, рыдая, храпят потерявшие всадников коми,
И из краской написанных ран открывается кровотечение...
1986

ПРОЩАНИЕ С АРАРАТОМ

С годами наступают времена
Свой счет вести утратам.
И вот приходит к нам еще одна:
Прощанье с Араратом.
То он спешил за нами по пятам
В шагах двухстах, не дале.
То вдруг внезапно появлялся там,
Где мы его не ждали.
Попробуйте сияние его
Хоть малость урезоньте.
Он, с облаком успев вступить в родство,
Висел на горизонте.
Что было делать с ним наедине?
Молчать или молиться?
Такой голубизне и белизне
Уже не повториться.
Не одного художника - с ума,
Не одного поэта
Сводила эта вечная зима
Посередине лета.
Восстав из ничего, он был ничей,
И так, как всякий гений,

Был выше повседневных мелочей
И наших заблуждений.
Полнеба он захватывал порой,
Всей местностью владея.
Ведь он-то не обычной был горой,
Он был горой-идеей.
Всегда гореть в нетронutom снегу
Бесчисленным каратам.
Прощаюсь, с чем проститься не могу.
Прощаюсь с Араратом.

МОЙ ГОД РОЖДЕНИЯ

Сперва я совпадения не заметил,
Прошедших лет окинув череду,
Бездумно я писал в своей анкете,
Что родился в пятнадцатом году.

Пришел я в этот мир обетованный,
В совсем иной, как уголь, жесткий край
В тот год, когда стереть предместья Вана
С лица земли задумал Джевдет-бай.

Когда грозил вам крест несчетных бедствий,
Когда стоял пронзавший душу плач;
Признания в вине с ногтями вместе
Из невиновных вырывал палач...

И вот опять у Верфеля в романе
Делю я с вами слезы и беду.
Прошу у вас прощения, армяне,
Что я рожден в пятнадцатом году.

В.К. ЗВЯГИНЦЕВА

В числе многих русских поэтов, писавших стихи об Армении, Вера Клавдиевна Звягинцева занимает особое место. Первый сборник ее стихов «На мосту» вышел из печати в 1922 г. Второй сборник «Московский ветер» — в 1926 г. В широкой творчески богатой палитре воплощена в стихах В. Звягинцевой тема России, ее историческое и настоящее, любовь к ней, любовь человека к человеку, горечь и разлука, война и мир и подобное другое, все, что присуще человеку по природе.

В нескольких словах напомним, когда В. Звягинцева впервые увидела Армению, что ее пленило. Встреча с Арменией произошла в 1936 г. И, как заметила Марина Чуковская, «влюбилась в нее сразу же, впервые побывав там»¹. Этой любви она была верна и предана всю жизнь. Эта ее преданность подтверждается словами поэтессы:

Не будь Россия родиной моею
Армению не полюбила б я.

«Россия и Армения» 1965

Не эта ли любовь к Армении вдохновила В. Звягинцеву на создание большого цикла содержательных, наполненных любовью, оригинальных стихов об Армении и создать на русском замечательные переводы из армянской поэзии. В знак признания заслуг поэтессы В.К. Звягинцева в 1968г. была удостоена почетного звания «Заслуженный деятель культуры Армянской ССР». Кроме того, армянские писатели в знак благодарности установили памятник — хачкар на могиле В. Звягинцевой. Вот как это произошло.

В 1975 г. мой друг доктор филологических наук, профессор Л. Мкртчян (будущий академик АН Армении) обратился ко мне, автору этих строк, с просьбой помочь ему приобрести камень, изготовить и установить памятник на могиле Веры Звягинцевой. Мы условились завтра поехать в Октемберян, там работал начальником милиции мой друг полковник Артюша Агасяня. Этот должностной человек, умевший ценить дружбу, был честный и преданный делу.

Не спросив разрешения у стража приемной — секретарши, я открыл дверь начальника. Увидев нас, Агасарян, у которого было

---

¹ Чуковская М. Добро вам люди. Цит. по: Звягинцева В. Кланяюсь Еревану и Арарату. Стихи, статьи, письма. Ереван. 1998. С. 18.

много сотрудников, тут же прекратил общение с ними. Все вышли. Мы вошли к нему. Сели, пошла беседа. Я представил Л. Мкртчяна и сказал, что у писателей Армении есть задумка поставить хачкар на могиле известной русской переводчицы и поэтессы Веры Звягинцевой, так много сделавшей для представления армянской поэзии русскому читателю и посвятившей нашей стране и народу проникновенные стихи.

А. Агасарян тут же поднял трубку телефона и вполне серьезно сказал начальнику каменного карьера: «Что это у тебя за нарушения с паспортным режимом? Срочно приезжай ко мне!» Через 5-10 минут бледный, запыхавшись, явился в кабинет начальника милиции начальник карьера и начал говорить что-то несуразное. Полковник спросил: «Сколько стоит туфовый камень размером 100х100х200 см» Тот ответил, что точно не помнит, но по госрасценкам около 50 рублей.

Поскольку у нас не было машины, А. Агасарян поручил своему шоферу отвести нас в указанную контору, чтобы мы там оформили заказ и заплатили за камень, и привести нас обратно к нему.

Мы подъехали к конторе. В бухгалтерии определили стоимость нужного нам камня в 39 руб. 20 коп! Каково было наше удивление — ведь за такую глыбу без участия начальника милиции с нас содрали бы не менее 500 рублей.

Мы возвратились, и Агасарян пригласил нас на хлеб-соль. Долго ли, мало ли мы занимались трапезой, описанию не подлежит. Нас увезли в Ереван на какой-то другой машине. Ехали мы трудно. Ведь мы были оба непьющие. Через три дня каменная глыба оказалась во дворе Союза писателей. А Л. Мкртчян стал вторым секретарем союза писателей Армении. А выпускник театрально-художественного государственного института Самвел Казарян стал «колдовать» свою дипломную работу. В короткий срок памятник был готов.

Теперь его нужно было перевезти в Москву, на кладбище в Переделкино. Времени было мало. Железной дорогой контейнер шел бы до Москвы около 10 дней, да еще там перегрузка и перевозка в Переделкино. Поэтому Геворг Айрян (Председатель комитета кинематографии Армении) снарядил в долгий путь ЗИЛ -150. Кузов наполнили опилками, чтобы «хачкару» в дороге было «помягче» (от тряски он мог треснуть).

Грузовик в Переделкино прибыл через 5 дней. Мы с Самвелом Казаряном разгрузили машину. На другой день вырыли котлован, заложили арматуру, залили бетон, установили памятник и обустроили

могилу. Открытие состоялось 27 августа 1975 г.

Секретарь Союза писателей СССР М. Луконин открывая памятник, высоко оценил творческую деятельность В. Звягинцевой. Помню, Маргарита Алигер, прослезившись, сказала: «Спасибо армянским писателям, дай бог каждому из нас иметь такой памятник». Были и другие выступления. На открытии присутствовало человек 50.

В столовой Дома творчества писателей в Переделкино были устроены поминки. Ереванцы, естественно, привезли с собой национальную гордость — коньяк, хотя в таких мероприятиях коньяк по армянскому обычаю не предусмотрен. Мы уехали из Переделкино почти в таком же настроении, как и из Октемберяна месяцем-другим раньше.

Обо всем об этом более подробно я опубликовал статью в журнале «Русский язык в Армении»¹.

---

¹ См.: Русский язык в Армении. 2001. № 3-4.

Заслуги В. Звягинцевой в переводах армянской поэзии на русский язык переоценить трудно. После Брюсова, пожалуй, она является самым крупным переводчиком армянской поэзии на русский язык. Звягинцева пользуется большой любовью в Армении не только своими переводами, но и циклом душевных, полными любви к этой стране и народу стихами.

МОЯ АРМЕНИЯ¹

И куда же меня занесло?
От черемух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

Не в библейский, — в сегодняшний рай,
В терпкий запах рехана и перца,
В этот рыжий обветренный край,
Где от песен заходится сердце.

В детстве — рожь, курослеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило, —
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило,

И сама я любила не зной,
А морозец веселый и прочный.
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?!

Впрочем, я и не вижу ее,
Мне другое в Армении любо —

---

¹ Здесь и далее стихи В. Звягинцевой публикуются по: Звягинцева В. Кланяюсь Еревану и Арарату. Ереван. 1998. С. 69-105.

Околдовано сердце мое
Красотою и горькой и грубой.

Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых;
Терпеливых седых матерей, —
Вот Армении подлинный образ.

Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжелых стихов
И полотен сарьяновских краски.

Не зови же смешным, не зови
Беспокойное это пристрастье,
В этой поздней нелегкой любви
Мне самой непонятное счастье.

1954

***

Как влюбляются в человека,
В голос, жест, висков седину,
Так под ветром большого века
Я влюбилась в одну страну.

Нужно много ночей, рассветов,
Новостроек, рек обогнуть,
Чтобы сказочный рев Дзэбета
Холодком вдруг ударил в грудь,

Чтобы стало легко и страшно
Вдруг войти в ущелье Лори,
Чтобы в скалы входить, как в башни,
Как в бывшее в монастыри.

Ветром выписанные фрески
В камнях видеть мне довелось,
Полюбить навек этот резкий
Край сухого зноя и лоз.

Я такого большого неба
Не видала еще нигде,
Звезд таких, как озера.
Мне бы Погостить на такой звезде!

Зачарованным взором вижу
Древних плит кружевной узор,
Вижу складки розово-рыжих
Этих, словно слоеных, гор.

Мы стоим у раскопок Двина,
Вот находка в моей руке, —
Времена слились воедино
В голубом этом черепке.

Словно в переключь с давней эрой
Тут вступает армянский саз.
Ереванские пионеры
Так встречали стихами нас,

Что, бледнея от вдохновенья,
Тронул руку мою сосед,
И увидела я, в смятенье,
На щеке его слезный след.

Сколько б жить ни пришлось на свете,
Не забудем мы, мой собрат,
Как поют армянские дети,
Как гортанной бронзой звенят,

Как в сентябрьском осеннем блеске
Ворковал меж камней ручей.
Не забудем в садах библейских
Наших дружественных речей.

1940

***

Говорят, красота в соловьином саду,
В мимолетной грозе вдохновенья.
Я пройду по земле, я такую найду,
Без которой не жить ни мгновенья.

Я поеду в края, где не раз и не два
Любовалась землею сердитой.
На столах там на глиняных блюдах трава,
Воскеат — виноград знаменитый.

Говорят, на Востоке миндаль да хурма,
Да печаль караванов верблюжьих .
Я так много другого видала сама,
Что не слушаю толков досужих.

Не миндаль, не печаль — сила гордой души —
И прямые слова и поступки.
А уж песни у них до чего хороши, —
Не сотрутся на сердце зарубки.

Пусть, как сердцебиение, жизнь коротка, —
Корни есть у нее и побеги.
Небольшая земля, да душа велика —
От Зангу до задумчивой Веги.

И отныне в стихах рифмовать я хочу
Цахкадзорские розы с колхозом,
Сочетать с пионерским рожком кяманчу,
Зной Кавказа с московским морозом!

1940

В ГОСТЯХ У МАРТИРОСА САРЬЯНА

Не спрашивал адреса смуглый шофер
И в узкий свернул переулок.
Закат был как старый персидский ковер,
Прохладой слегка потянуло...

Приветлив и ясен навстречу нам шел
Художник, спокойный, как вечер.
И вот — мастерская, полотна и шелк
На кресле. И — вихрем навстречу

С полотен обрушился, дух захватив,
Мир солнца и ультрамарина,
И горы из света, и речитатив
Ашуга над рыжею глиной.

И синие звери, и розовый дом,
И женщины в тканях суровых —
Все было и жизнью и сказочным сном, —
Весь мир в именинных обновлениях.

Но это и было правдивою той
И великолепною жизнью,
Которой живем мы в своей и простой
И необычайной отчизне.

Пылающий кадмий свой отблеск бросал
На наши смущенные лица
И капелькой солнца чуть видно дрожал
У мастера в мягких ресницах.

С балкона был виден седой Арарат,
Туманный и зыбкий, как вечность,
Мольберт в винограднике и виноград —
Сквозной, золотистый и млечный.

Мы видели счастье: спокоен и прост,
Художник работал с ним рядом.
Мы слышали счастье: под россыпью звезд
Зурною звенела прохлада,

И пела страны этой славу она,
А розы качались, багряны...
Сияла Армения, отражена
В глазах Мартироса Сарьяна.

1940

***

Есть между всех очарований
Неповторимое одно:
Когда привычное название,
Слогов коротких сочетанье
В живую жизнь превращено.

Я помню: поле, ветер, травы,
Веселье длительной езды,
И вдруг, как песня старой славы,
Пред нами вспыхнули
Полтавы Белоголовые сады.

Я помню острую тревогу,
Сильней, чем счастье, во сто крат,
Ту первую мою дорогу
В морозном утреннике строгом
В невиденный мной Ленинград.

Уже порядком накренилась
Моей судьбы непрочной ось,
И многое уже отснилось,
Полузабылось, изменилось,
Но все же, все ж мне довелось

Сбежать по пристани в Касимов,
По узкой улочке пройти,
В ребячестве неугасимом
Нарвать каких-то некрасивых
Репьев колючих по пути.

Мне довелось сквозь ветви пшата
Увидеть близко, наяву,
Две древних кровли Арарата
И разглядеть и склон щербатый
И даже блеклую траву.

Все то, что именем звенело
На картах, книгах и в речах,
Мне воздухом ласкало тело,
Кустарниками шелестело,
Хрустело пылью на зубах.

Моя неверная подруга,
О память, погоди, оставь,
Не заматай седую вьюгой
Тех дней, когда нашли друг друга
Воображение и явь.

1941

ЗАСТОЛЬНАЯ
(Ереванская)

Товарищи! Мы в дни такие жили,
Которых не забудут никогда.
Так бились, так горели, так дружили,
Что мы не можем сгинуть без следа.

И где-то повторятся наши встречи,
И эта осень, этот поздний час.
Быть может, ветер на своем наречье
В лорийских рощах пропоет о нас.

И если звук армянских гордых песен
Он занесет в обветренный бурьян,
Припомнят горы, как наш круг был тесен,
Как пел когда-то Наири Зарьян.

Так пусть же помнят горы, птицы, дети
В грядущего непостижимой мгле
О самом дорогом на этом свете —
О братстве и о песне на земле.

1945

ЗВАРТНОЦ

Здесь тишина... О, тишина... Такая,
Какой не знала я до этих пор.
Трава не шелестит — совсем сухая,
Орел на камне крылья распростер.

Здесь пахнет снегом недалеких гор,
И Арарат плывет, не уплывая,
Лимонный тополь, восхищая взор,
Горит свечою тонкой, не сгорая.

Ссутулившись стоит Исаакян,
Как отягченный славой царь армянский.
Торжественней я не видала стран.
Воды не знала слаще ереванской.

Я пью ее, как мира чистоту,
Как птица капли ливня на лету.

1946

МОСТ ПОБЕДЫ

Нет! Не только базальт и железобетон,
И не к Эчмиадзину дорога,
Этот мост переброшен в грядущее, он —
Человеческой мысли тревога.
Эти линии строгой армянской резьбы
И литая витая решетка
Говорят об упорстве давнишней борьбы,
Как истории краткая сводка.
Я стою над сердитой седой Зангу,
Водяным не дивлюсь причитаньям, —
На крутом — в невысоких садах — берегу
Новых зданий дивлюсь очертаньям.
Вспоминаю я воина-большевика:
Одолел он и версты и беды,
Для того чтоб летел эстафетой в века
Мост с названьем нелегкой Победы.

Здесь другие победы шеренгой пройдут,
Но не ступит сюда поражение,
Только б чистое сердце и радостный труд
И движенье, движенье, движенье!
Вот он — росчерк эпохи, просторный разлет,
Настежь в счастье раскрытые двери.
Слышишь, слышишь, как по мосту Время идет,
Созидая, волнуясь и веря?

ХУДОЖНИК И НАРОД

Это было в одном совхозе,
Недалеко от Эчмиадзина.
Без грозы разошлось предгрозые,
Возле яблони стала машина.

Небо — тише воды в затоне.
Среди трав и кустов придорожных
Рисовал портрет на картоне
Знаменитый армянский художник.

На большой шершавой странице
Рисовал он бойца молодого.
Темнобровый и смуглолицый,
Тот сидел, не промолвив ни слова.

А рабочие подходили
И, приезжему кланяясь чинно,
Застывали — глаз не сводили
С возникающей в мире картины.

Оттеня надбровья тушью,
Мастер чуть поводил головою.
Пахло августовскою сушью,
Горьковатой нагорной травой.

***

И вдруг как нахлынет,
Нечаянно, сразу,
Огромной волною
Тоска по Кавказу.

Москва — мое сердце,
Душа моя — Волга...
С чего ж я летаю
Так часто и долго

Туда, за Сухуми,
За жаркий Тбилиси,
В горячее небо,
В нагорные выси?

С чего ж на Садовой,
На Ново-Рязанской
Ищу я фонтанов
С водой ереванской?
На небе вечернем,
В полоске заката,
Ищу очертаний
Главы Арарата.

Мне тяга к Кавказу,
Знакомая с детства,
От русских поэтов
Досталась в наследство.

В полете блеснет мне
Гора сединою, —
И я в упоенье:
«Кавказ подо мною».

Спасибо отчизне
За это богатство,
За чистое счастье
Великого братства!

1952

***

Когда напев армянской «Розы»,¹
Врываясь в пиршественный чин,
Тревожит сонный мрак долин,
Шепчу и я, глотая слезы:
«Сирун вардын, кармир вардын...»,²
Когда над пшатами совхоза
Плывет пустынный синий зной,
А на немой плите резной
Сидят недвижные стрекозы,
Она мне кажется родной —
Земля задумчивая.
Лозы Ее обветренных садов,
Налив тугих ее плодов
Мне дороги, как лист березы.
И тут и там мой отчий кров.

1952

АРМЯНСКАЯ ПЛЯСКА

Вот он, ах, вот он — тот перелив,
Обжигающий лоб и губы...
Не зурна, не бубен, не трубы —
Это ветер нагорных нив.

---

¹ Песня на слова Ованеса Туманяна, его перевода стихотворения Гете.

² «Прекрасной розе, красной розе...».

И армяночка в круг вступает,
Голубями руки летают,
А как долу опустит очи —
Косы длинных ресниц короче ...

Ей навстречу идет дружок, -
Золотой на нем поясок.
Ты видал в сапожках огонь?
Вот он вьется, подняв ладонь...

Поведед красота плечом —
Что тут думать, грустить о чем?
Краски с музыкой говорят, —
Чей торжественнее наряд?

Эта грубость и эта нежность
Для меня, как смерть — неизбежность.
Обрывается сердце разом,
Только встретится взгляд с Кавказом!

ВОСКЕВАЗ

Вам, быть может, случилось пить вино Воскеваз?
Воскеваз — это значит: золотая лоза.
А еще это значит, что дорогой у вас
На цветущий шиповник разгорелись глаза.
Поглядим на «Коммуну» — так зовется совхоз —
С виноградом созревшим персик здесь наряду,
Не в старинной газели, а в рабочем саду
У ограды из камня вьются заросли роз.
Здесь Героем Союза горд отец-бригадир,
Здесь поэтова муза — как над розой пчела,
Меду хватит для сердца, — нескончаемый пир.
Здесь на долгую зиму наберешься тепла.
Вам, быть может, случилось пить вино Воскеваз?
Это здесь выжимают виноград золотой,
Это здесь угощают плавом рисовым вас,
Старый Мхо говорит вам слово правды святой.
Говорит он:

— Я выпью за поэтов страны,
Пусть поэты народу сок души отдают,
Но не ждут от народа тотчас платы за труд,
Пусть стихи ваши будут щедрым звоном зурны. —
Так сказал нам суровый армянин-земледел
И, стакан Воскеваза осушая до дна,
На вечернее небо сквозь листву поглядел,
Золотисто-лиловой стала голубизна.
А у печки стояла, рот прикрывши платком,
Потерявшая сына на недавней войне
Мать-армянка, прямая, как лоза по весне,
И за нас промочила горло терпким глотком.
Вам, быть может, случится пить вино Воскеваз, —
Пусть же в нем отразится зелень ласковых лоз,
Эти мудрые люди, этих сумерек час
И у низкой ограды улей в зарослях роз.

ОСЕНЬ

Шафрановым загаром
Подернута земля,
Ликующим пожаром
Пылают тополя,

Кидают в роще сонной,
Прохожего дразня,
Охاپкою лимонной
Шуршащего огня.

Шоссе до Канакера
В рубиновой заре,
Одни фонтаны сквера
В струистом серебре.

Не в лавке антикварной
Камней старинных ряд —
На улочке базарной
Лиловый виноград,

Огромные корзины
С душистою айвой,
И синих слив седины,
И перец огневой,

И бархатные груди
Оттенка чайных роз —
Не персики, а чудо
Прислал сюда колхоз.

Глазастые ребята
Черны, как угольки;
До самого заката
Шумят, гудят ларьки.

А ляжет полосою
На яблоки закат —
Обрызганный росой
Привидится нам сад.

Осенний день победный
Сверкает красотой,
И бронзовой, и медной
И светло-золотой.

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Он стоял на отвесном краю островка,
Отраженного синим озерным стеклом,
И простертая в самое небо рука
Мне на миг показалась орлиным крылом.

А когда он с просторами заговорил,
Мне почудился горных камней обвал,
Или будто к походу трубач затрубил —
Это он по-армянски «Полтаву» читал!

А потом он стоял среди белых колонн,
И не синее озеро — море голов
Волновалось и слушало песенный звон
Этой меди суровых чеканных стихов.

Он о родине пел, и горячей волной
Обдавала нас преданность, верность, любовь,
Был он здесь не один — вместе с целой страной
Вместе с правдой, зовущей нас к подвигам вновь.

Словно заревом темным на сердце легло
Отгоревшее страшное детство его,
Но открыто, как небо, как небо светло,
Буйной зрелости праздничное торжество.

Незабытое горе младенческих лет,
Дни турецкой резни и далекий пожар —
Все оружием кованым сделал поэт
И родному народу принес его в дар.

Он встает из-за пиршественного стола,
По-хозяйски вступает он в круг плясовой, —
И опять мне припомнились крылья орла
И труба золотая, зовущая в бой.

ПШАТ ЦВЕТЕТ

Пшат цветет. Над ручьями, над кровлями — пшат.
Кружат голову ветры весенние.
Тот, кто видел весной Аштарак, Арташат, —
Никогда не забудет Армении.

Говорят, что когда-то был именно тут
Рай беспечных Адама и Евы.
Полагаю, что если легенды и лгут,
Все же здесь было райское древо.

Только, верно, не яблоней было оно,
А серебряным пшатом цветущим.
Но вкусить от него было нам суждено
В отдаленном от предков грядущем.

И кому это в голову только пришло
Труд назвать — за грехи наказаньем,
Что на свете надежнее, чем ремесло,
И прекраснее, чем созиданье!

Пшат цветет. Зеленеют скала и утес.
А в долинах — и розы, и хлопок.
Тешет камни Армении каменотес.
Пусть клеветают в «Свободных Европах», —

Пшат цветет, льется жизни струя через край,
Дышит полдень уверенной силой.
Здесь, — на этой земле, — человеческий рай,
Упоительный, трудный и милый.

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Глаза — как большие черные слезы,
Обветренный камень щек...
И песня — такая, что все угрозы,
Все беды сбивает с ног.

Скрестите мне руки, закройте веки, —
Я все-таки оживу:
Пройду по горам, все моря и реки
Без страха переплыву!

К приснившимся мне наяву нагорьям
Опять я приду, опять,
Я с ними не стану делиться горем,
Ни плакать, ни тосковать...

Я буду армянские песни слушать,
Встречать над Зангу зарю
И на волоске висящую душу
Сухой земле подарю.

1954

АВЕТИК ИСААКЯН

Еле брезжили краски рассвета
В те далекие годы, когда
Побратались в стихах два поэта,
Чтоб остаться в родстве навсегда.

Словно оклик из глуби колодца
Был для Блока глухой этот зов:
«Караван мой бренчит и плетется
Меж чужих и безлюдных песков...»

Это голосом Исаакяна
Пел и плакал армянский народ.
Тот народ, чьи старинные раны
Беревило ветрами невзгод.

А теперь окрыленные братством
Неразлучны народов сердца.
Стали общим несметным богатством
Благородные песни певца.

От скитальческих зовов печали
До напевов труда и борьбы —
Родниковой струею журчали
Эти песни армянской судьбы.

Как болит мое сердце, как бьется
От задумчиво-скорбных стихов:
«Погоди, караван ! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов ...»

Не бренчат бубенцы каравана,
Нет безлюдья в армянском краю,
Но в певучести Исаакяна
Я Армении лик узнаю.

Узнаю эти нежность и пламень,
Это вечное детство мечты,
Эту землю, где даже сквозь камень
Пробиваются к солнцу цветы.

И сквозь милых мне черт угловатость
Светит в самой далекой глуши
«Голубая хрустальная святость»
Неподкупной народной души.

Выйди за город вечером рано,
Чуть обступит тебя синева —
Плещет песнями Исаакяна
Серебристого пшата листва.

1955

ПЕРВОЕ ЛЕТО В АРМЕНИИ

Ты помнишь то лето на острове,
Старинный армянский храм,
Травинки пахучие, острые
И песни по вечерам,
Тропу над скалою отвесною,
Над синей водой балкон?
Страна, мне еще не известная,
Входила в меня, как сон.
Вода голубая севанская

Тяжелой была, как ртуть,
Гортанная песня армянская
До боли сжимала грудь.
Не думала я в те мгновения,
Что этот июльский зной
И древние камни Армении
Навек овладеют мной,
Что дым над крестьянскими кровлями
Не даст мне спать до зари,
Что станут мне братьями кровными
Певцы твоей Наири.
Когда уезжала с Севана я, —
Тому уж немало лет, —
Со мною случилось то странное.
Чему и названья нет.

1956

НА СМЕРТЬ ИСААКЯНА

Красавица, волшебница, принцесса —
Нарядная грузинская земля!
Сквозь гор твоих зеленые навесы
Гляжу я вдаль, на тихие поля,

На Золушку мою, на дорогую
Печальную Армению мою.
И над Курой, как будто над Зангу я,
Закрыв глаза, растерянно стою.

На что мне эти радостные звуки
И замки на отвесах этих скал?
Беспомощно протягиваю руки
Туда, туда, за дальний перевал,

За синеву холодного Севана,
Где обожжешься, из него глотнув,
Туда, где проступает из тумана
Такой знакомый розоватый туф.

А там сейчас идут за гробом толпы
И дождевая нависает мгла...
Никто меня безумною не счел бы,
Когда бы я пешком туда пришла,

Упала б на сырую землю прямо
Среди камней, меж близких мне людей.
...И в золотом прозрачном Сагурамо
Я плачу об Армении моей.
Тбилиси. 1957 год, октябрь.

АРМЯНСКОМУ НАРОДУ

Ни бездомной печали твоей,
Ни бессчетных безвестных могил
Не прощу черной злобе людей,
Не прощу до конца моих дней,
Даже если бы сам ты простил.

Глинобитных лачуг нищету
На колонны из туфа сменив,
Сохранил ты свою простоту,
Терпеливой души красоту —
Добрый свет над просторами нив.

Но когда кто-нибудь из армян
Запевает при мне «Журавля»¹, —
Застилает глаза мне туман,
И мне видится бедный баштан
Да обугленные тополя.

Ты свободен и весел сейчас

---

¹ Журавль (по-армянски «крунк») — традиционный образ в армянских народных скитальческих песнях.

В отчем доме и в братском краю,
Но твоих сыновей всякий раз
По газельей печалинке глаз
Безошибочно я узнаю.

1960

ЛОРИЙСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Поезд шатнуло. В купе сквозь глухое стекло
Холодом древним дохнуло ущелье Лори.
...Полно, с тех пор больше четверти века прошло,
На календарь или в зеркало ты посмотри.
Ты в своей комнате мирно сидишь за столом,
И за окном никакого Лори не видать.
Что ты копаешься в невозвратимом былом?
Трезвому разуму это совсем не под стать.
Как это можно — из прошлого выбрать кусок,
Время стирает следы пробегающих лет...
Впрочем, теперь до Лори путь не очень далек:
Купишь свободно на «ИЛ-18» билет.
Только билета в прошедшее не продадут,
Да и себя — ту, бывшую — нигде не найдешь.
Воображение ломает привычный уют,
И пробирает тебя незабытая дрожь.
Воображение — ничуть не стареющий друг:
Поезд качается рядом с рекой ледяной
...Благословляю свой неисцелимый недуг,
Вся моя сила лишь в слабости этой одной!

1960

СТАМБУЛ

На палубе почти что пусто.
У вставших сонный, хмурый вид.
Неназываемое чувство
Пронзает грудь.
Меня знобит.
Я жду приснившейся мне встречи,
Но берег застлан пеленой,
Как в полутемном доме свечи
Огни, огни во мгле ночной.
Чуть различимы минареты...
Стамбул, поверить ли, Стамбул!
Но мы уйдем еще до света, —
Так значит — сон мой обманул.
Внезапно желтый полумесяц
Прорвал завесу облаков,
Гербом повис над этой смесью
Видений и оживших снов.
Пробили жалобно три склянки,
Иль ветер до меня донес
Три вопля матери-армянки
Сквозь годы безысходных слез?
Гудят, гудят гудки тревожно:
Такой туман, что не пройти, —
Судам в проливе невозможно
Друг друга не задеть в пути.
Мы возвращаемся обратно.
Часы идут, а все темно.
...Как странно, как невероятно,
Что снам сбываться суждено.
И вот светлеют очертанья.
Еще, еще, еще светлей —
И город давнего мечтанья
В сиянье утренних лучей
Как на ладони предо мною:
Шатры мечетей там и тут,
Под низкой каменной стеною
Цветные лодочки снуют.
Людей не видно мне отсюда,

Немая красота видна,
Вот Сулеймание как чудо...
Но где ж София? Вот она,
Властительница дум, стремлений,
Причина распрей и невзгод.
Как много разных поколений
Тянулось к ней из года в год!
Плывем по Золотому Рогу:
Предмесье. Лавров, пиний сень...
А сердце бьет и бьет тревогу —
Встает передо мною тень
Моей Армении печальной,
Сиаманто, и Варужан,
И Комитас многострадальный,
И боль и кровь армянских ран...
Прощай, Стамбул!
Под странной властью
Двух чувств стою, оцепенев:
Одно — далеких лет пристрастье,
Другое — горький, скорбный гнев.
1960 г, 14 ноября

НЕТ, НЕ ЗАМЕНИТ НИЧТО...

Я в Ионическом море купалась,
Мрамор Акрополя трогала я,
В сердце змеиным укусом осталось
Диво Стамбула — отравы моя.

На Арарат я глаза проглядела,
И под Эльбрусом рвала барбарис,
Как на качелях душа то и дело
Кверху взлетала и падала вниз.

Но почему-то мне снится и снится
Маленький, пыльный, глухой городок,
Снятся ночей воробьиных зарницы,
Мартовский тонкий, непрочный ледок,

Снятся ряды трехоконных домишек,
Сизый дымок из соседней трубы,
В соснах на горке ватага мальчишек,
Шлепающих босиком по грибы,

Запахи сена и черного хлеба,
Невдалеке тарахтенье телег,
Зеленоватое бледное небо,
И у костра над рекою ночлег,

Да в огороде у старого дома
Заросль гороха — ребяческий рай,
Все, что до боли сердечной знакомо —
Весь мой простой средневолжский мой край.

Нет, не заменит ничто никогда мне
Первой любви моей к милой земле —
В юности канувшей, в юности давней,
Все еще тлеющей жаром в золе.

1960

* * *

«Что за гора?» — спросил я,
потягиваясь, и услышал в ответ:

«Это Арарат».

Пушкин. «Путешествие в Арзрум».

Веселая свежесть рассвета
И бодрое чувство здоровья...
О, ясные строки поэта,
Не ведавшего празднословия!

Он видел, он видел их тоже —
Две снежных главы Арарата,
Спал крепко на низеньком ложе
В лачуге армянского брата.

Все это прошло, миновало,
Но вправду арба тарахтела,
По жесткой земле перевала
Везя Грибоедова тело.

Что дни, что года, что столетья, —
Сгорая, не стали золою:
В едином чудесном соцветье
Сегодняшний день и бывшее.
Не знаю, своими глазами,
Другими ли вижу я горы,
Но взгляд застилает слезами,
И слезы мои не от горя.

Стремительно и многоцветно
Проносится время земное,
И все, что люблю беззаветно, —
Со мною, навеки со мною.

1961

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Летний дождь все идет, идет,
Городского не слышно гула.
Высоко звезда промелькнула, —
Верно, там летит самолет.

Отчего это, отчего,
Может быть, от прохлады влажной,
Над громадой шестизэтажной
Начинается волшебство:

Нет ни комнаты, ни Москвы,
Только горы, горы и горы,
Опаленной земли просторы
Да шуршанье сухой травы.

Это вовсе не самолет —
Это время летит обратно,
Совершая невероятный
К отошедшему поворот.

И уносит меня туда,
Где меня давно позабыли,
Где седеет листва от пыли
И в арыках мутна вода.

Сколько отгромыхало гроз!
Изменился тот остров дальний.
Изменился и взгляд печальный,
Доводивший меня до слез.

Я не та уже, я не та,
Отошли голубые ночи,
Стали дни скупей и короче,
Стала проще их красота.

Летний дождь все идет, идет
За моим окном и за всеми...
Как же я приняла за время
Пролетающий самолет?

ТУНИССКАЯ НОЧЬ

Африканские звезды горели над морем.
Чуть шатаясь от сладкого хмеля скитаний,
По приморскому саду мы медленно шли.
Вдруг обрушились чьим-то отчаянным горем
Странный ропот, безудержность горьких рыданий.
Мы решили, что это летят журавли.
Я такого еще никогда не слыхала,
Затряслись фонари меж садовых растений,
И мне вспомнились «крунки» армянских стихов.
Лишь от них так сжимало мне горло, бывало,
И мерещились давние скорбные тени,
И бездомных изгнанников слышался зов.
Вы откуда, откуда, откуда летите?..
Но замолкли рыданья над пышным отелом,
И, простившись, по комнатам мы разошлись.
Не спалось. Протянулись незримые нити
В даль веков, не порвать их часам и неделям, —

Будет помниться долго полночная высь.
...А потом оказалось, что это фламинго
Недалеко от темного сада кричали,
Журавлям же теперь и не время летать.
Так вот вышла с моею печалью заминка,
Видно, склонны поэты к напрасной печали.
...Отчего же сейчас мне взгрустнулось опять?
1963

ЛУНА В АРМЯНСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

*Очень хотелось бы, чтобы чудный дом
в Армянском переулке Москвы снова
стал «Домом Армении».*

Опять прийти сюда весной;
Другие отложив прогулки,
И молодеть — тому виной
Луна в Армянском переулке.

Луна Армении в Москве.
Чу!.. Лает вдалеке собака,
Вот-вот змея мелькнет в траве,
Качнется стебель эринджака,

Севан повеет холодком ...
Но нет, далеко до Севана.
Войди во двор, в старинный дом,
Тихонько сядь в углу дивана.

И слушай дорогую речь,
Дыша знакомою отравой,

Кланяюсь Еревану и Арарату...
Следи в блистанье белых свеч
Мельканье головы курчавой.

Но силлабический размер Смолкает.
Залы пусты, гулки.
Ну что ж, прощай, бари гишер¹,
Луна в Армянском переулке.

АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Нейдет из головы тот разговор
С гурьбой студенческой порой осеннею.
Меня спросил разноголосый хор:
«За что так полюбили вы Армению?»

Единым словом я не солгала
Веселой молодой аудитории,
Ответила: любовь моя пришла
Трагической дорогою истории.

Сперва меня пронзили скорбь веков
И мужественное преодоление,
Судьба великих ваших стариков —
Борцов, певцов, строителей Армении.

Застала я в крутящейся пыли
Последних караванов шаг медлительный,
Потом из древней каменной земли
Забил кипучей жизни ключ стремительный.

Не скрою, что мне по сердцу печаль
Стихов Исаакяна и Терьяна,
Но время-то идет не вспять, а вдаль —
Отнюдь не тихим шагом каравана.

Впиталась в камни слез горючих соль
И с новыми я подружилась песнями.
Я полюбила вас за вашу боль,
Но вместе ведь для радости воскресли мы.

---

¹ Доброй ночи.

Не так уж непохоже мы поем —
И Сильва, и Маро, и я... Прислушайтесь:
В их голосах и в голосе моем
Любовь к тому, чему нельзя нарушиться.

За что я так Армении люблю?
За дальних ваших прадедов страдания,
За юный смех, Подобно хрусталю
Звнящий в этом ереванском здании.

1964

ВМЕСТО МЕМУАРОВ

Мне говорят: пиши воспоминанья.
Но так долга была моя дорога
И было на пути моем так много
Людей, событий, счастья и страданья.

Я Блока видела (что там Бальмонта!),
Я знала Пастернака и Марину.
Заполнили бы книги половину
Солдаты стихотворческого фронта.

Шарф Мейерхольда, будто кумачовый,
Октябрьским флагом развевался в зале,
Степные ветры воздух разрезали,
Когда читал Есенин «Пугачева».

Как описать мне день тот беспечальный,
Когда Фадеев с широтой славянской
Как будто обнимал народ армянский
Приветствием на площади вокзальной.

Как уместить в теснины мемуаров
Пронзительные грозные годы,
Всю мощь труда, все волшебство природы,
Все зарева закатов и пожаров?!

Жизнь повторять дословно не берусь я,
Она в стихах рассеяна повсюду.
Я просто очень благодарна чуду,
Сияющему радостью и грустью,

Я благодарна жизни даже в горе
За изобилие земных свиданий...
Я не могу писать воспоминаний —
Ковшом никак не вычерпашь моря.

1964

ЗАНГУ

Гегаму Сарьяну

Кому — Раздан, а мне — Зангу.
Не свыкнуться мне с переменою.
Бежит река, клокочет пенная,
Глаз отвести я не могу.

Я помню (через столько лет!)
Как здесь, под этих вод бурление,
Читал свое стихотворение
Седой, но молодой поэт.

Чужая грусть, чужая речь,
Базальт над речкой, лето знойное...
А вот сквозь время беспокойное
Сумела память все сберечь.

Летели дни, кипели дни,
Да что там дни, — десятилетия!
Давно живу на этом свете я
И жизнь, волнам Зангу сродни,

Бежит. Стоишь на берегу,
Все краски прошлого смываются
И многое в нем забывается.
Да, многое, но не Зангу!

1965

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ

Р. Ованесяну

Лил дождь на постель — потолок протекал,
Но в холоде, в горе бездомном, в болезни
Горели вы верою в полный накал,
Военные песни, военные песни.

Отброшу нарядные книги стихов,
Заслышав простые слова этих песен,
И плачу от чистых напевов и слов,
Чей автор мне даже порой неизвестен.

Нет, автор — величье солдатской души,
Когда-то сказавшей России: воскресни!
Хоть сотни изысканных строф напиши —
Я все ж предпочту им военные песни.

В Армении в сорок четвертом зимой
Пел «Темную ночь» возвратившийся с фронта
Разведчик-поэт. Как он пел, боже мой!
Светлела уже полоса горизонта.

И если на сердце бывало темно
И в песнях рыдали обиды и беды,
Нам в самых печальных звучало одно:
Торжественное приближение победы.

Все крепче и крепче незримая нить,
Связавшая живших без фальши и спеси.
До смертного часа мне вас не забыть,
Военные песни, военные песни.

1965

НЕ ТАК УЖ МНОГОГО ХОЧУ ...

И снизится, как прежде, самолет,
И по земле кремнистой побежит.
В который раз — к чему вести нам счет? —
В груди струна все та же задрожит.
Увижу я товарищей армян,
Встречающих — ну пусть и не меня ...
Мне часто говорят: самообман —
Греть сердце у не своего огня.
Не своего? Раз греет — значит свой.
Здесь каждый встречный близок мне, как брат,
Когда с закинутою головой
Смотрю, смотрю, смотрю на Арарат
И сбрасываю тридцать лет, взглянув
На площадь, на прекрасные дома,
На благородный розоватый туф,
Весенний, даже если и зима.
По-прежнему чту свято имена:
Месроп Маштоц, Вардан Мамиконян...
Но мне сейчас, как вера в жизнь, нужна
Земля живых сегодняшних армян.
Ведь я не так уж многого хочу:
Пока дышу, пока еще живу,
Знать, что в любимый край я полечу,
И не в блаженном сне, а наяву.

СОКРАЩЕНИЕ РАССТОЯНИЙ

Кусочек неба городского
Меж кровель каменных коробок —
Он как сырой подснежник робок,
Он неуверенностью скован.

Кусочек неба. Но немного
Нам нужно для воображенья:
Уже мне видится дорога,
Озерной шири приближенье,

Густая зелень горных склонов,
Гора двуглавая все ближе.
Не вижу я чужих балконов,
Московского двора не вижу.

В полях качается пшеница,
Пшат пахнет солнцем и весною,
Подернуты загаром лица
Моих друзей, привыкших к зною.

Горчит дымок тондиров-печек;
Над утренним аэродромом
Большой серебряный кузнечик
Спускается с прохладным громом.

Что самолет! Мне и доньше
Для сокращения расстояний
Достаточно воспоминаний
Да проблеска небесной сини.

РОССИЯ И АРМЕНИЯ

Левону Мкртчяну

Опять стою у старенькой калитки
На маленьком клочке большой земли.
Сюда, как переходные калики,
Меня воспоминанья привели.
Стараюсь в забытый сад взглянуться,
Пахнуло вдруг вечерней резедой...
Но вы не любите стихов о детстве,
Недавний друг мой, слишком молодой.
Черемуховый сад провинциальный
Вам в Закавказье вашем ни к чему,
Да и вообще мой бред сентиментальный,
Наверное, не нужен никому.
О детстве долго говорить не буду,
От скрипнувшей калитки отойду,
Забуду эту глупую причуду —

Искать чего-то в снимающемся саду.
Но, знаете, ведь и мое пристрастие
К высокогорной вашей стороне
Не рождено ль в час грустного ненастья
Там, в средневожской русской тишине?
Я так любила небольшие горы
За тихим садом, узенькой рекой,
Что Арагаца снежные уборы
Мне показались близкой красотой.
Колючие травинки на Севане
И голубые блеклые цветы —
Пусть у них нерусское название —
Напомнили мне родины черты.
Моя любовь к Армении похожа
На вечную любовь к своей земле.
Не разберу, которая дороже,
Не гаснет жар в нестывшей золе.
Равно я добрым жаром сердце грею,
Уж такова загадка бытия:
Не будь Россия родиной моею,
Армению не полюбила б я!

1965

ОПЯТЬ О ТОМ ЖЕ

Это выдумка иль наваждение,
Я не знаю и знать не хочу,
Только слышу я голос Армении:
Словно кто-то берет кяманчу
И проводит по струнам заржавленным
Старым, старым, как время, смычком
И напевом тревожным и жалобным
Грудь пронзает мне будто клинком.
В Аштараке на каменной лесенке
(С той поры много минуло лет)
Точно так же наигрывал песенки
Убеленный сединами дед.
Было многое: звезды над крышею,
И пылающий мирный очаг,

Были мудрые четверостишия,
Те, что людям оставил Кучак,
Были празднества, речи застольные,
Были годы побед и труда,
Самолеты над ширью привольною,
И в полночных огнях города,
Нагляделась на горы и доли я,
На хребты, где не тает снежок;
В Цахкадзоре мальчишки веселые
В пионерский трубили рожок.
Отчего ж мне донине мерещатся
Дым пожаров и слезы детей,
У стамбульского берега плещутся
Волны, сока граната красней.
Почему-то при слове «Армения»
Слышу «Крунка» протяжный мотив
И забытые вижу селения
Со стволами обугленных ив.
Было много на свете жестокого:
Смерти, войны, неверия лед.
Что же мне журавля одинокого
Сиротливый давнишний полет?
Ведь бывали обиды и кровные,
Мало ль нам приходилось тужить?!
А чужое так близко мне, словно я
Обязалась ему лишь служить,
Обязалась прощать все обидное —
И неверность и неправоту....
Ох, дорога моя незавидная!
Избрала я, как видно, не ту.
Но уже ничего не изменится,
Так до смерти я и проживу
Древних гор очарованной пленницей,
Вечно видящей сны наяву.
Жизнь проводит последнюю борозду,
Знать, нужна и такой глубина.
Мне другая любовь не по возрасту,
— Остается лишь эта одна.

1965

***

Послушай, как это будет,
Когда ничего не будет?
Ни телефон не разбудит,
Ни солнце встать не принудит,
Лишь тьма без конца и краю...
Поэты выпустят, знаю,
Стихов певучую стаю,
А я их не прочитаю.
Иль кто-нибудь, прошлым занят,
Из шкафа стихи достанет,
Мои вдруг добром помянет...
А мне-то светлей не станет.
Да что там себя утрата!
Не станет друга и брата,
Ни музыки, ни заката,
Ни снежных глав Арарата.
Твердим с упорством горячим,
Что мир мы переиначим,
Страх собственной смерти прячем
И лишь над чужою плачем.
А надо ль бояться слова,
Раз нет в нем умысла злого.
Жестоко оно, сурово
И все же помнится снова.
Я к теме смерти пристрастна
Не потому, что несчастна,
Но можно ли безучастно
Ждать ночи глухой, безгласной?!
Послушай, мой друг, спасенье
От страха исчезновенья
В одном лишь — в самозабвенье.
Не трать на себя мгновенья.
Пусть каждый так и рассудит:
О небытии забудет.
Ведь если меня не будет —
Все то, что люблю я, — будет!

1966

***

На все на свете не хватит сердца,
Едва хватает на то, что любишь,
На что летящие годы губишь,
Хоть годы кратки немилосердно.
Но если встреча приносит счастье,
Конечно, хочешь и новой встречи,
Тут не помогут рассудка речи, —
Неутолимы души пристрастья.
Друзья смеются: не надоело —
За летом лето одно и то же?!
Не надоело. Еще дороже.
Ведь у любви нашей нет предела...
А разве жить нам надоедает,
Надоедает сердца биенье?
Кому же хватит дней восхищенья?
Мне не хватает, мне не хватает.
О чем твержу я так исступленно?
О милом Крыме, о Ереване...
Предупреждаю я вас заране:
Так и умру в две земли влюбленной.

1966

АРМЕНИИ

Ты навсегда со мной, Армения,
В стихах и помыслах моих,
И дорога ты мне не менее
Родных полей, лесов родных.
Немногие в Большой поэзии
Так много значат для меня,
Как звезды твоего созвездия —
Исаакян и Туманян.
Твоими новыми поэтами
Воспет полет души твоей.
И стали книги их поэтому
Свидетельствами наших дней.
Ушло былое злыми сказками.

Развеян прошлого бурьян,
И пишет радостными красками
Тебя, Армения, Сарьян.
И долгое земное странствие
Хотела бы окончить я
Под вашей сенью ереванскою,
Мои армянские друзья.

1970

М.А. ДУДИН

Творчество известного русского советского поэта Михаила Александровича Дудина охватывает многогранную жизнь великой страны и народа. В его творчестве, начиная с фронтовых времен, читатель встречает военные, общественно-политические сюжеты, тематику мирной жизни, дружбы, любви, красоты и семейного счастья, природы, философские размышления, историческое и современное.

В творчестве М. Дудина заметна и армянская тематика. Он в 1975 г. впервые посетил Армению. Пытливые и острые наблюдения и общения М. Дудина воплотились во всем многообразии цикла стихов об армянской действительности, об этой древней стране и людях.

СОНЕТ РАФАЭЛУ АРАМЯНУ¹

Еще в ладонях каменного ложа,
Как зеркало, синеет твой Севан,
И есть еще для праздника армян
Возможностей шагреневая кожа.

И на Раздан река судьбы похожа:
Над ними неизвестности туман
Судьбой произрастания семян
Колышется, грядущее тревожа.

В судьбе вселенной и в судьбе зерна
Садовника достойная награда.
Душа творца истоку жизни рада.

И плачет о бессмертии зурна,
Своей извечной музыкой верна
Воде и Солнцу в кисти винограда.

---

¹ Здесь и далее стихи А.Дудина, цит. по: Дудин М.А. Земля обетованная. Ереван. 1989. С. 9.

***¹

Амо Сагияну

Поэт, воспевший Зангезур,
Мне по душе твоя натура
И взгляд бездонный, как прищур
Пещер в ущелье Зангезура.

Мне по сердцу твоя любовь
К судьбой раздробленным камням
Веков познания и вновь
Из пепла вставшим поколениям,

Чья кровь в истории, в крови
Твоих стихов, стоящих прочно
На тихой верности любви,
Растрачиваемой построчно.

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЛЕВОНУ МКРТЧЯНУ²

Сны наши вне закона
В сознании парят.
И я сквозь сон Левона
Смотрю на Арарат.

Я вижу: мыслью смелой
И страстью обуян,
К его вершине белой
Уходит Абовян.

Идет по диким тропам
Вслепую, наугад
Ущельем, меж потопом
Разбросанных громад.

---

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 11.

По вековому снегу,
Закованному в лед,
К туманному ковчегу
Спасения идет.

За ним из тьмы столетий
На каменный редут
Трагические дети
Армении идут.

Они свой путь свершили,
Оставив житии след.
Но им без той вершины
Успокоенья нет.

Сквозь бури и бураны
На справедливый суд
Они к вершине раны
Армении несут.

Ни жалобы, ни стона —
Идут за рядом ряд...
Сквозь сон во сне
Левона Я вижу Арарат.

ТРИ ПИСЬМА В АРМЕНИЮ¹

ЛЕВОНУ МКРТЧЯНУ

Из глубины идет кровавый след,
И старый ужас шевелится в прахе
Былых времен. Не от рассвета снег
Порозовел в Нагорном Карабахе.

Безумие берется за ножи,
И переходит ненависть границы.
Былые обнажает рубежи
Забитой справедливости страницы.

---

¹ Там же. С. 374.

И трезвый разум повторяет вновь
Всей горькой правдой, заключенной в слове,
Что кровь за кровь рождает только кровь
И род людской осатанел от крови.

Не кровь, а мудрость победить должна,
Она для всех равна и справедлива,
И ей одной понятна и видна
Грядущего живая перспектива.

Услышь и ты ее живую речь
В пылу раздора и переполоха.
...А тот, кто первым поднимает меч,
Как правило, всегда кончает плохо.
28. III. 88 г.

СИЛЬВЕ КАПУТИКЯН¹

Опять над Араратом в небе рваном,
В один поток смещая времена,
Из темных туч мелькает ятаганом
Холодная и острая луна.

Не в первый раз ты терпишь неудачу,
Не в первый раз тебя гнетет печаль.
И я с тобой об этом вместе плачу,
В твоей судьбы заглядывая даль.

Там все опять на прежнее похоже.
И эта ночь о будущем скорбит.
И возникает, как мороз по коже,
Ошеломленный кровью Сумгаит.

---

¹ Там же. С. 375.

Нам память жжет любви душа земная
Своею страстью вечно молодой.
Но жизнь летит, все на пути сминая
И не считаясь с нашею бедой.

А мы еще в душе лелеем сад свой
И спорим с обнаженной тоской,
А мы еще надеемся на братство
И откровенье совести людской.

20.IV.88г.

ВИКТОРУ АМАЗАСПОВИЧУ АМБАРЦУМЯНУ¹

У каждого — своей души потреба,
И каждый гений — новой страстью пьян
... Давно в живую бесконечность неба
Нацелил телескоп Амбарцумян.

Он в выборе своих открытий волен,
С ним мир вселенский не бывает нем.
Он вечность мигу подчинил. Он болен
Судьбой внегалактических проблем.

Он, межзвездных расстояний практик,
Давно ветрами космоса пропах.
И вот ему гармонию галактик
Загородил Нагорный Карабах

Как будто бы в земных страстей раздоре
У восклицанья: «Дальше не пройти!» —
Отчаянно заговорило горе
Страстей и судеб Млечного Пути.

Вселенная его заботой шире
Становится для всех в кипящей мгле.
Жизнь — без конца! И — все возможно в мире,
И — даже мир из горестной земле.

21. IV. 88 г.

---

¹ Там же. С. 376.

ВСПОМИНАЯ АРАРАТ¹

На Арарате белый-белый снег.
И где-то там, в снегах на Арарате,
Покоится таинственный ковчег,
Как бабочка в коробочке на вате.

Я, связанный с Землею человек
Еще неотболевшей пуповиной,
Гляжу на этот погруженный в снег
Высокий мир над золотой долиной.

Мне надоели распря и беда
И старая приверженность обману.
Мне нестерпимо хочется туда
Уйти в снега, подобно Абовяну.

Не для того, чтобы найти ночлег
Для вечного души успокоенья, —
Мне надо знать, как выстроить ковчег
Для нового Потопа и Спасенья.

Август 1988 Михайловское

---

¹ Там же. С. 391.

**ПИСЬМО
ГЕВОРКУ СТЕПАНОВИЧУ И
ДИАНЕ НЕСТЕРОВНЕ ГРИГОРЯНАМ
В ГОРОД ЕРЕВАН ¹**

Наедине в досужий час
Я вашим светом душу грею,
Переполюющим и вас
Самых, и вашу галерею.

Где вы пришедшему извне
Так просто и без подоплеки
В прекрасный день открыли мне
Искусства вашего истоки.

Осуществление затей,
Пока еще прикрытых тенью.
Ваш дерзкий мост из наших дней
К классическому Возрожденью.

Мне не забыть теперь уже
У гениальности на грани
Грозу в есенинской душе
И скорбь во взгляде Пиросмани.

Клубок печалей и тревог
Из темного иконостаса,
Срывающийся за порог
Безумным криком Комитаса.

Эпохи трепетный отстой,
Запечатленный без изъяна
В улыбке страсти непростой
Расстрелянного Шаумяна.

---

¹ Книга Братства. Советские поэты об Армении. Ереван: "Советакан грох". 1981. С. 19.

Ваш подвиг ясен и велик,
Как откровенье человека,
Отображающего лик
Судьбы Армении и века.

И в час спокойного труда,
И в миг случайного досуга
Я вам желаю, как всегда,
Уметь для всех беречь друг друга.

Б. ПИОТРОВСКОМУ¹

Янтарная осень играет палитрой Галенца.
В кольцо замыкается гор голубой караван.
Высокое небо беспечней улыбки младенца.
Дорога, как вечность, ползет из Гарни в Ереван.
Здесь в желтый песок перемолоты времени кости.
Здесь кровь каменела. Ложилась межа на межу.
Здесь варвары шли. Проходили столетья и гости.
И я по костям перетертых столетий хожу.
Иду, спотыкаясь о выступы крика и боли
Заросших развалин времен неотступной грозы.
Иду, удивляясь дороге познания и воли,
Бессмертию песни, упорству зерна и лозы.
Здесь память земли, от людского страданья немея.
Мне память мою откровеньем веков бередит.
А небо прозрачно и солнце времен Птолемея
На душу мою из грядущего века глядит.

---

¹ Там же. С. 21.

ТО ГЕНОЦИД, ТО СУМГАИТ¹

То геноцид, то Сумгаит.
То гром землетрясения.
Все кровь и кровь. И все болит
В твоей судьбе Армения.

Но достает тебе равно
На хлеб и песню рвения.
И я люблю тебя давно
За веру в жизнь, Армения.

Но и Россия этих дней,
По опыту живучести,
Живет еще куда трудней
Твоей нелегкой участи.

Растут между былой родни
Противоречий надолбы.
А нам в сумрачные эти дни
Стоять поближе надо бы.

1988 г.

---

¹ Публикуется по: URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/aragast/4-aragast/dudin.htm> (Дата обращения: 28.12.2020).

Е.Е. ЕВТУШЕНКО

Классик русской советской литературы Евгений Александрович Евтушенко, поэт, публицист, переводчик, сценарист, автор поэм, сборников стихов, Лауреат международной премии «Золотой лев» (Венеция), Почетный член Американской академии искусств и словесности, профессор Петербургского университета и университета Санто-Доминго, является автором нескольких стихов об Армении и переводов на русский язык армянской поэзии, пользовался большой любовью у армянского читателя.

Мне вспоминается случай. Это было в 1966 г., когда еще не завершилась трагическая волна 50-летия (1965) геноцида армян в Османской Турции. Известный армянский поэт Геворг Эмин большой друг Е. Евтушенко, пригласил русского поэта на встречу со студентами Ереванского государственного университета. Одним из организаторов мероприятия подолгу службы был автор этих строк. Зал был переполнен. Читали стихи, аплодисменты были «бурные». Геворг Эмин стоял рядом с Евтушенко, ростом он был пониже гостя. И тут он посетовал на бога, указав на его несправедливость. Мол, посмотрите какого высоко роста наш гость, а я чуть ни на половину ниже его. Можно представить, что стало с залом, а когда Евтушенко прочитал свое стихотворение, посвященное Г. Эмину, «Нет, армянину русский брат не тот...», еще не бывшее в печати, которое завершилось словами «Пусть надорвусь, пусть мой хребет дробится, — Я Арарат на плечи бы взвалил И перенес его через границу...» зал взорвался....

Признаюсь, так сложилось, что я много раз организовывал мероприятия разного содержания — политических, художественных, научных, популярных, но такого бурного восприятия и реакции зала, прошло уже 55 лет, я не видел. Спасибо великому русскому поэту Е. Евтушенко.

А вот и его три безподобных стихотворения об Армении.

ГЕВОРГУ ЭМИНУ¹

Нет, армянину русский брат не тот,
Кто вникнуть в боль Армении не хочет —
Лишь развалясь, коньяк армянский пьет,
О радио армянском анекдотит.
А тот вам русский брат, кто смог понять
Весь путь ваш страшный, все резни и бойни,
Кто вашу боль сумел в себя принять,
Как если б это было русской болью.
Мы с вами вместе знали столько бед,
И вместе гибли мы на поле брани,
Когда есть братство честное, то нет
Ни младших и ни старших — просто братья.
И потому — как отнятый мой брат неотрвимо и неотрубимо
С мольбою и укором Арарат
Зовет меня, как будто армянина.
И верю я — настанет день, когда
Границ не будет — только арки радуг,
Исчезнут в мире злоба и вражда
И я прижмусь щекою к Арарату.
А если нет — лишь бы хватило сил ! —
Пусть надорвусь, пусть мой хребет дробится, —
Я Арарат на плечи бы взвалил
И перенес его через границу...

1966 г.

---

¹ Стихи Е. Евтушенко публикуются по: Вечность. Русские поэты — Армении / Сост. Г. Овнан. Ереван: "Советакан грох". 1978. С. 95-97.

АРМЯНСКАЯ ЛОЗА

Арно Бабаджаняну

Я прикрываю тайные сомнения,
прикрываю тайную слезу,
как прикрывают от зимы в Армении
землею виноградную лозу.

Когда землѐй при жизни засыпают,
то силы тайные во мне не засыпают.
Кто любит землю ту, что стала Родиной,
тот даже под землей — непохороненный.

Пускай распалось тело, опустело:
земля — теперь моё второе тело,
и сердцем сделался земли живой комочек,
проросший к небу стебельками строчек.

И я не умер. Под землей я зрею.
Не потерял я под землей лица.
Землѐю я прикрылся лишь на время,
как вечная армянская лоза.

В ЧАРЕНЦАВАНЕ

Речи с музыкой чередовали —
лишь один не сказал свою речь
на открытии в Чаренцаване —
ставший памятником Чаренц.

И, наверное, бредя разбегом
и печаясь, что стала ничьей,
карусель, занесенная снегом,
наблюдала помост для речей.

Карусель, чуть была посторонней.
Полуслушая, рядом с ней
ели мальчики прямо с ладоней
пересыпанный солнцем снег.

Им хотелось толкаться, щипаться,
сесть у облака на крыле.
Чуть подталкивали их пальцы
карусель, что примерзла к земле.

Карусели хотелось размаха.
Наша жизнь — испокон и досель —
то великая сцена, то плаха,
то примерзшая карусель.

Кто — выкидывает коленца,
кто — подняться не может с колен.
Кто — живет по примеру Чаренца:
выше всех каруселей и сцен.

Кровь за кровью, резня за резнею —
вот история этой земли.
Но не вянут цветы над землею
там где в землю поэты легли.

Все во мне — от Гомера, Катулла,
Все в Армении — тоже мое.
Без армянской великой культуры
человечества быть не могло.

Дай, Чаренц, на тебя опереться,
чтоб увидеть библейский рассвет.
Без Армении нету Чаренца.
Без Чаренца Армении нет.

И.А СНЕГОВА

Ирина Анатольевна Снегова автор 13 поэтических сборников и многочисленных публикаций в еженедельниках «Литературная газета», «Литературная Россия», «Неделя», газета «Известия» и в литературных журналах «Новый мир»; «Знамя», «Юность», «Литературный Кисловодск», «Литературная Грузия», «Литературная Армения» и др.

Первая журнальная публикация состоялась в журнале «Знамя» (1948). Она переводила стихи Акакия Церетели, Галактиона Табидзе, Шио Мгвемели, Колау Нодирадзе, Расула Гамзатова, М. Карима, Назара Наджми, Мусы Гали, Сайфи Кудаша, Геворга Эмина, Сильвы Капутикян, Маро Маркарян, Гургена Боряна, Сагатела Арутюняна, Ованеса Шираза и др.

Принимала участие в Днях русской литературы в Армении, Грузии, Туркменистане, Казахстане.

Стихи Снеговой об Армении полны любви к этой стране, людям и природе. В них зримо бросается в глаза и западает в душу, чувствуешь всем сердцем, как дороги русской поэтессе и Севан, и Арарат, и армянское небо, и люди. Все это представлено в цикле стихов Снеговой об Армении¹.

ВОСТОК

Он казался далеким туманным преданьем,
Песней, долгой, как путь сквозь пустые пески,
Он, как точная пуля, прямым попаданием
Поражал острием своей древней тоски.
И люди шли испытать его печали
К истоку дня, к ветхозаветным снам.
Восток! Он был за солнцем — там, вначале,
Где запах первых кущ вдыхал Адам.
Отведавший хоть раз такой отравы
Уже никак забыть его не мог, —
В снегах Сибири, в мексиканских травах
Горючий жар ему подошвы жег.
И он не звал ни серых, ни зеленых,
Ни синих глаз: повсюду с этих пор

---

¹ Снегова И. Дороги сердца. Стихи и переводы. Ереван: «Армгосиздат». 1963. С. 14-50.

Преследовал его неутоленный
Иссиня-черный, непроглядный взор.
Небо медленно меркнет у нас за плечами.
Лишь Масис, как светящийся купол, встает.
Ты смеешься, мой милый, а взгляд твой печален,
И покоя мне эта печаль не дает.

УТРО

Мне не спалось упорно.
За окошком Зурна звенела горестно и зябко,
Выплакивая старых слез запас.
Мне не спалось. Меня печаль томила —
Тоска зурны, безмерность ночи южной,
Какая-то щемящая обида...
И я решила: завтра же уеду,
С утра отправлюсь в городскую кассу
И — никогда... Я шла по Еревану.
Фонтаны били. Розовел Масис.
В садах и скверах осень полыхала.
Я вышла слишком рано. Тишина
Еще дремала на пустых проспектах,
Высокогорность свежестью бодрила,
И под гору легко шагалось мне.
Совсем одной. Лишь кое-где, зевая,
Показывались дворники в воротах,
И зачастили, зашуршали мётлы,
Прилежно выметая тишину.
Потом, тревожа дробным шагом площадь,
Прошла к заводу утренняя смена
И растеклась по улицам ночная.
Вот где-то горны протрубили зорю,
И солнце стало вверх ползти, как флаг,
Торжественно и тихо. Проявлялись
Оттенки туфа — розоватый, желтый,
И город засветился изнутри.
Повысыпали школьники. Сначала
Старательные двигались солидно,

Потом заторопились лежебоки,
И, всех сшибая, побежали сони...
Я шла по Еревану. Замелькало,
Задвигалось всё сразу, загалдело.
Слепило солнце, небо, листья, взгляды.
И чем я ближе к цели подходила,
Тем почему-то медленнее шла.
Кассирша мне сказала: «Нет билетов».
И вдруг сверкнула черным, влажным взором:
«Э, джаник, а куда вам торопиться?
К своим дождям?.. Смотри, какое утро!
Мы так легко гостей не отпускаем...»
Я шла по Еревану — мне казалось,
Что ласковой земли на свете нет!

КАМНИ

Камни бывают разные:
Мерзлые, в белом инее,
Красные, обожженные,
Смутные, сизо-синие.
Камни бывают добрые,
Властные и бессильные,
Камни бывают тихие,
Словно плита могильная.
Камни бывают злобные,
Наглые, лупоглазые,
Камни бывают подлые —
Те, что лежат за пазухой.
Рыжие, изначальные,
Камни здесь пахнут древностью
И укоряют путника
В суетности и бренности.
Тихо иду над пропастью,
Время в оцепенении...
Только река ворочает
Камни твои, Армения!

***

Плывет закат над милым Ереваном
Последним уходящим караваном,
Протяжно стонет тонкая зурна.
Здесь мой отъезд оплачет лишь она,
Да кто-то, твердо бросивший курить,
Махнув рукой, закурит, может быть,
И, подойдя к раскрытому окну,
Запрет его, чтоб заглушить зурну.

***

Пламя глаз этих жжет неожиданно —
Холод чудится в них скорей.
Так всегда, подходя к Севану,
Одеваешься потеплей.
Ветер горный студеной кружит
Над водой его жарким днем.
Лишь позднее ты обнаружишь,
Что тебя обожгло огнем.

САРЬЯНУ

Разбушевались краски,
Просто с ума сошли.
Тянет жаром от красной,
Точно уголь, земли.
Синь, густая и маркая,
Каплет меж рыжих скал,
Желтая тропка жаркая
Ослик устал и стал...
Помидоры и персики,
Перцев огненные крючки —
Краски смеются дерзкие:
«Протрите, — кричат, — очки!»
Краски бунтуют:
«Зрячие Радостью жить должны!»

Краски текут горячие
На стену со стены.
Отягощают, как счастье,
И выпрямляют, как гимн...
В сером халате мастер
Входит к холстам своим.
Со стен к нему тянутся листья,
Рвутся из рам ручьи.
Он держит в руках не кисти,
А солнечные лучи.

***

Я люблю художников Армении
Праздничные жаркие полотна —
Красный камень, желтокожий персик,
И Севан, как подожженный спирт.
Я люблю их. И уйдя я долго
Всё еще держу перед глазами
Яркость их. И радуюсь ей долго.
Но потом, в Москве, припоминая
Тишину долины Араратской,
Я, сама не знаю отчего,
Вижу не боренье властных красок,
Не тщеславный званный стол природы,
Собранный, чтоб поразить гостей.
Вижу я дорогу к Аштараку,
Рябь серо-коричневого камня,
Древнего, горячего, скупого,
Землю, что растрескалась, как губы,
Жаждающие малого глотка.
И от этой блеклости пустынной
Или по какой другой причине
Мне, рожденной меж осин и сосен,
Душно перехватывает горло.

***

Я, наверное, неправа.
Ты мне злые прости слова.
Ты мне радость и боль прости.
Ты домой меня отпусти.
Мы смотрели вчера с тобой,
Как змеится Аракс седой,
И его вековая мгла
Между мной и тобой легла.
Близко-близко встал Арарат —
Под закатом снега горят —
Но нельзя подойти к нему
Никому из нас. Никому.
Ты пойми меня и прости.
Ты совсем меня отпусти
В мой далекий, в мой тихий дом
И добром помяни потом.

***

Секунда едва ощутимых усилий —
И легкими стали тяжелые крылья.
И снег на вершинах слепит, словно пламя,
И небо лежит, как шоссе, перед нами.
Прощайте все те, что, пронежась в постели,
Нам счастья в пути пожелать не успели.
Прощайте, друзья; вы несметно богаты —
Ведь вам оставляю я синь Арарата,
Я вам оставляю и лето и солнце...
Прощайте, прощайте, на север несемся!
Я вам оставляю, я вам оставляю
Щемящую песню армянского края,
И туф разноцветный в селеньях кавказских,
И сразу пьянящий маджар воскевазский.
Я слишком люблю вас, друзья, чтоб скупиться:
Я жизни своей оставляю страницу, —
Страницу, где счастье, где лето и солнце...
Прощайте, прощайте, на север несемся!

РЕХАН

Камень рыж и обветрен,
Обветрен и рыж.
Солнце трепетным светом
Касается крыш,
Этих плоских и древних,
Где сушат рехан.
Над армянской деревней
Редает туман...
От Москвы вдалеке
Пью я этот рассвет,
Вдалеке-налегке,
С малой тяжестью лет.
Свет, вполнеба горя,
Мне кричит: выходи!
Это только заря,
День еще впереди!
Целый день без конца —
Путь, зовущий гонца.
Сколько в нем обещаний
И сколько дорог...
Солнце тихо лучами
Легло на порог;
Солнце медленным светом
Спускается с крыш.
Камень рыж и обветрен,
Обветрен и рыж.
Ближе к дому деревья,
Тондиры дымят —
Над армянской деревней
До света закат.
Пахнет травами стол,
Греет хмелем ленца, —
Как он быстро прошел,
Этот день без конца!..
...Я сегодня сушеный
Рехан достаю,
Вспоминаю короткую
Юность свою, —

Целый день без конца,
Как он быстро прошел!..
Тьма стоит у крыльца,
Пахнет травами стол.

***

Не раз менялось всё с тех пор,
Как мы, Армения, расстались:
Другие цепи дымных гор
Передо мною расступались,
Иная красила заря
Туманные пути земные,
И ближним заревом горя,
Светили мне глаза иные.
Но ржавый блеск внезапных скал,
Рывок дороги под мотором
Незванно мне напоминал
Тебя в тот год, меня в ту пору.
И голова кружилась вдруг
На самом безопасном месте,
И в горле бился сердца стук,
Как будто мы не врозь, а вместе.

ДЕНЬ ОТЧАЛИЛ

И взлетел Арарат.
От подножья
Отошел в просветленность пространства.
Все теряет свой вес
И не может
Устоять перед искусом странствий.
Все плывет.
Вот и сучья, как снасти...
Осень волнами рушится с веток.
И дарует иллюзию счастья
Изобилие
Желтого цвета.
День отчалил.
Он издали машет,

Он младенчески тих
И безгрешен.
И вздыхают
Под тяжестью нашей
Благородные листья черешен.
Ночь нисходит, ступая не гулко.
Наклоняется, купол объем лет, —
И качает
Ту старую люльку,
Где, устав,
Человечество дремлет.

ЕРЕВАНУ

Как странны наши отношенья
С тобой, как давни, Ереван!
В них — напряжение притяженья
Взаимного.
В них расторжения
Провалы.
Резкость и туман.
Как ты бежал ко мне навстречу,
Из-под крыла рванувшись в высь!..
А провожал — и целый вечер
Огни твои, виясь, как свечи,
В слезах за поездом влеклись.
Металось и дробилось пламя,
И стыли блики на стекле...
Зато какой туман меж нами
Залег в том злобном феврале!
Он весь был копотью наполнен,
Скорее черен был, чем бел...
И ты грехи мои припомнил,
Мне мстил и полночью, и полдней
И вирусом во мне сипел.
В жару мотал меня и бредом
Душил,
и сам давил, как бред...
И вот теперь я снова еду

К тебе,
переступив запрет,
В твой желтый, в твой осенний свет.
Стою,
окно обняв руками,
И глаз не отведу никак
От камня.
Снова — камень, камень...
Он сух и тверд, он рыж и наг,
Морщинист, точно старый маг,
Гвоздящий древними зрачками...
И — нету больше зла меж нами:
Я поднимаю белый флаг.

ВЕЧЕРНЕЕ

Схлынул жар,
В снегах закат угас.
Пьем маджар
В колхозе «Воскеваз».
Пьем туман,
Стеклянный холод пьем —
Запотел стакан,
А жжет огнем.
Небеса на нас
Косятся тьмой,
В этот час
Бредут стада домой,
И под мерный
Дробный стук копыт
Мир вечерний
Засыпает, спит...
Тишь исходит
От ночных земель.
В жилах бродит
Виноградный хмель.

***

Я послезавтра уезжаю,
И это, кажется, к добру.
Я ничего не обещаю
И обещаний не беру.
Я послезавтра уезжаю;
Махни вдогонку мне рукой...
Возьми — я снова возвращаю
Тебе твой будничный покой.
Живи, как все живут на свете,
В привычной смене чинных лет,
И не смотри, как ночью светит
Над спящим Норком красный свет.
Не слушай, как внизу клокочет
Неугомонная Зангу,
Она, как я, наверно, хочет
Век разбиваться на бегу,
Лететь, судьбу опережая,
Вслед за собой других маня.
Я послезавтра уезжаю.
Не нужно вспоминать меня!

О.Н. ШЕСТИНСКИЙ

Русский поэт, писатель, переводчик, публицист. Лауреат многих Международных премий, кавалер ордена Кирилла и Мефодия I степени (Болгария) и ряда высших отечественных орденов за литературно-общественную деятельность, Олег Николаевич Шестинский — автор более 50 книг поэзии, прозы и переводов. Его собственные книги — поэзия и проза — переведены на многие языки.

В годы войны все 900 дней блокады он прожил в Ленинграде. Награжден медалью «Житель блокадного Ленинграда». На гранитных стелах памятника героям, павшим при защите Ленинграда в 1941–1944 годах, на мемориальном Серафимовском кладбище выбиты его слова: «Родина не забудет тех, кто ее любил». В советские времена его поэма «Лестница» публиковалась со значительными сокращениями.

Последние годы был другом и наставником журнала «Истоки». В редакции журнала хранится последняя рукопись О.Н. Шестинского «Крестоносцы XX века».

Захватывающие стихи Шестинского об Армении наполнены душевной теплотой, легкой тоской и грустинкой, о своих корнях, предках, обычаях и обыденной армянской жизни.

ПЕСНИ АРМЯНСКИХ ГОР¹

У меня в Армении родни —
все равно что в роще берез;
я на родину деда нынче пришел,
от России привет принес.
Дел был буйный парень, стрелок и плясун,
находил всегда, что искал, —
он в ночи россиянку бросил в седло
и, отстреливаясь, ускакал.
Как подбитая горлица на пруду,
когда капает кровь с крыла,
заплескалась грустинка в девичьих очах,
по наследству ко мне перешла.
У меня от деда строптивый нрав —

---

¹ Здесь и далее стихи О. Шестинского цитируются по: Это Армения / Сост. Л.М. Мкртчян. Ереван: «Айастан». 1967. С. 139-151.

нежность к лошадям и лугам,
жалость к женщинам тихим, ласкавшим нас,
и слепая злоба к врагам...
Кукарекали горестно петухи,
петушиную жизнь кляня,
они чувствовали, что приговорены
к закланию в честь меня;
к пальцам липнул птичий пунцовый пух,
густела кровь на ножах
чабан равнодушно смотрел на смерть,
как древний персидский шах
Отлипали сливы густой синевой,
прохладой пленяя нас,
а каждая слива величиной
была с лошадиный глаз;
в деревянных блюдах покоился мед,
дразня обонянье гостей, —
ароматней цветов, прозрачней слезы,
ячменных полей желтей.
В тонкогорлых кувшинах вино молчит,
только лжива его тишина, —
самый длинный язык — это женский язык,
но длиннее язык вина.
А на плоских крышах, как на плотях,
по деревне стоял народ, —
мне казалось, если я позову,
вместе с крышами подплывет.

2

Я в кости широк и глазами синь,
а по матери я — крестьянский сын.
Принялся мой осел в хлеву голосить,
Взял я свежий сыр и пошел косить.
Мне всегда немножко жалко траву:
почему ей не, жить? Ведь я-то живу.
А в то утро пьяно качались цветы,
потому что гуляли до темноты,
а один колокольчик так перебрал,
что, домой возвращался — колпак потерял.

Я стою в горах, достаю брусок,
каждый взмах косы, что удар в висок.
На ветру пряным травам не верещать,
домовитых пчел весной не прельщать.
Я в мешок холщовый набью траву,
чтобы мой осел не кричал в хлеву,
Я в кости широк и глазами синь,
на цветы смотрю, как крестьянский сын.

3

Собирались меня женить,
чтоб в горах я остался жить,
чтоб ячмень на заре я жал,
чтоб коней в табуне объезжал.
Приглашают меня пировать,
я пирую, рьян и силен,
а когда я улежся в кровать,
вот какой мне приснился сон:
будто я взаправду чабан,
у меня два косматых пса,
что следят за стадом в туман,
словно тещи, во все глаза.
У меня тонконогий конь,
к легкой холке прижмусь щекой;
он средь скал высекал огонь,
у джигитов лишь конь такой.
А в шатре у меня жена,
очень нравится мне она,
моет шерсть, покрывало ткет,
тесто месит, лаваш печет,
поцелуем одним обожжет
так, как солнце за целый год...
Тут я даже вздохнул во сне.
Может, вправду жениться мне?

4

Я в шатре на мягкой и желтой кошме,
словно на осеннем лугу,
по-турецки ноги скрестив, как мечи,
просидеть весь вечер могу.
Я живу без женщины и вина, —
я добра не видел от них;
утолит мой голод овечий сыр,
стану пить из ручьев лесных;
на заре белорунную рать овец
буду я пасти по лугам,
станут ноги свинцовыми в стремях
и прилипнут к конским бокам;
от трепещущей плети мой конь храпит, —
он не знает судьбу мою: может быть,
я властный индийский факир
и заставил плясать змею?
Зарябит от усталости в глазах
и покажется мне в горах,
будто стадо белых облаков
я по небу гоню в Карабах.

5

Зачем я мечтал о счастье, как будто лишь им живу?
Я счастье если и встречу, то счастьем не назову.
Зачем о любви мечтал я, любви не умея искать?
Меня карабахская пери в саду не станет ласкать.
Зачем я мечтал о славе, орлом вонзиться в зенит?
И самый высокий тополь все поле не затенит.

6

Мои прадеды спали и ели в седле,
чтобы было спокойно на армянской земле;

отражали набегι турецких пашей,
гнали персов от горных своих рубежей,

пили сладкие вина на победном пиру,
гнулась пленница в пляске, как лоза на ветру.

Возвращались в селенья, распрягали коней,
очищали поля от белесых камней,

и в чарухах цветных за подругой-сохой
шел Ашот молодой, царский ратник лихой.

Жен ласкали ночами, а ночь коротка,
утром слышат дозоры конский топот врага, —

снова пахари в седлах, снова где-то война
и к холодному стремени припадает жена.

На могилы им ставили обломки скалы,
чтоб на острые камни садились орлы;

если будет женою забыт удалец,
то орел не забудет, где схоронен боец.

7

Цветом кожи в ромашку я, по-русски бел,
не обветрен, как краснотал;
в волка я не стрелял, за лисой не скакал,
кобру в скалах конем не топтал;
но я травы косил, как горец-косарь,
пас овец, как седой чабан,
гнал вино из тута, на свадьбах плясал
под зурну и под барабан.

А когда через горы я в Россию пошел,
проводжала меня родня;
на подъемах, как за пшеничный сноп,
я хватался за хвост коня.

Я кивнул орлам, что парят надо мной,
попрощался нежно с рекой;
мне макушкой махонькой мак махнул,
он молоденький был такой.

А Армения таяла вдали,

как тает весенний снег,
и вонзалась в русское сердце мое,
чтобы там остаться навек.

1957

ИЗ АРМЯНСКОЙ ТЕТРАДИ

1

Ночь черна, а луна багряна. Непонятная речь вокруг.
Я тебе, моя дорогая, не любимый, не муж, не друг;

Не заботился, не нежил, не советовал ни о чем,
И соперника, бровь ломая, не отталкивал я плечом.

Что я делал? Ходил, смеялся, бесшабашно тянул вино...
Ереван так розов и жарок, — распахни на закат окно.

Я не мальчик ныне, я знаю, что земля не только родит,
Под землей, песчаной и желтой, моя мать на севере спит.

На Севане, тревожа ветки, птица выпорхнула из-под ног, —
Я опешил, вздрогнул и долго успокоить сердце не мог.
Видишь, как все просто и странно. Ночь таинственна
и тепла...

Ах, зачем ты сдвигаешь брови, как два ласточкиных крыла!

2

Удивительные горы:
лисьи норы,
мышьи норы,
между скал гнездо орла;
тучное пасется стадо
и чабан с челом Сократа
мне кивает из седла.

Вижу, как скользят кометой
по Севану корабли...
Что-то есть во мне от этой
милой каменной земли.

Если вдруг мне станет туго,
у троюродной сестры
дом из розового туфа,
тень чинара от жары;
ни о чем она не спросит,
туфли мягкие приносит,
словно я пришел домой
и колдует над долмой.

3

Гегамские хребты радушны и покаты,
в некошенной траве играют табуны,
а по ночам звенят наперебой цикады,
и матова полынь от пыли и луны.

Я с женщиной иду шиповником густым,
и красные плоды она с ветвей срывает,
разламывает их и лакомо съедает...
И мы стоим в кустах и празднично молчим.

Жизнь предстает не в глупых пустяках,
а словно все исполнено значенья:
жест женщины, улыбка и движенья
с обломленною веточкой в руках.

А, может, чаще в горы приезжать?
Смотри, как мы с тобой нежны и строги,
как будто эти горные отроги
нас учат суть друг в друге понимать.

Я многого в природе не постиг; спит ворон,
тень на лунный свет роняя; как ворон,
триста лет не умирая, жить не хочу,
и малый век — велик.

Земля без гор была б куда бедней, —
орлиные вершины ясно видят,
как люди любят, плачут, ненавидят,
и горы возвышают нас, людей.

МАТЕРИ

Мать допоздна ждала меня домой,
а я с пирушки приходил хмельной;

или в своем бездумии пустом
от милой шел уже часу в шестом...

.....
А ныне в забытье или во сне я жду,
что мама постучит ко мне.

Придешь ли ты с седою головой, —
перецелую каждый волос твой.

Пришлось ли грязь тебе в пути месить,
согрею воду, стану ноги мыть.

А если ты с дороги голодна, —
я плов сварю и принесу вина

армянского, чей терпкий аромат
тебе напомнит отчий Арарат...

Мне говорят —
из-под земли не встать...

Шесть лет я жду...
Всю жизнь я буду ждать.

Е.М. НИКОЛАЕВСКАЯ

Елена Матвеевна Николаевская — советский и российский поэт, переводчик. Переводила на русский язык работы армянских, грузинских и башкирских писателей. Заслуженный деятель культуры Армении (1970).

Многие годы возглавляла переводческую секцию Союза писателей СССР. Будучи другом армянской поэзии, сделала ряд переводов стихов Сильвы Капутикян, Геворга Эмина, Ваагна Давтяна, Маро Маркарян, Рачия Ованесяна, Сагатела Арутюняна, Гургена Боряна, Ованеса Шираза, Наири Зарьяна, Гегамы Саряна, Паруйра Севака, Размика Давояна, а также переводы из классической армянской поэзии: Саят-Нова, Егише Чаренц, Ваан Терьян и др.

Свой первый сборник стихотворений «Краски» издала лишь в 1961 году. В 1983 году отдельной книгой «Голоса» издательства «Советская Россия» вышли избранные переводы Николаевской.

Ее стихи об Армении захватывают читателя своей разнотемностью, искренностью, нежностью и образностью.

АРМЕНИЯ¹

Синее небо. Желтые скалы.
Ярко много,
Тусклого мало...
Лед родников и горячие камни.

Как далека ты,
Как ты близка мне!
В вихре столетий
Все здесь смешалось:
Солнце и ветер,
Жесткость и жалость.
В трапезе —
Сладость,
Горечь и соль,
На сердце —
Тяжесть,
Радость и боль...

---

¹ Цит. по: Это Армения / Сост. Л.М. Мкртчян. Ереван: «Айастан». 1967. С. 124-138.

Снова смотрю я с Зангинского моста:
Как здесь все трудно,
Как здесь все просто!..
Трудно проникнуть
К выжженным травам,
Трудно привыкнуть
К людям и нравам,
К острым приправам
Трудно привыкнуть,
В сердце чужое
Трудно проникнуть.

Но — берегись, увидавший однажды
Снег Арагаца, взор ослепивший!
Но берегись, погибавший от жажды
Путник, воды ереванской испивший!

Знай и запомни,
Зноем палимый,
Необъяснимой
Грустью томимый,
Радостью горькой,
Светлой тоскою, —
Ты не узнаешь минуты покоя!
Путник, пыланьем листвы обожженный,
Песней печальной замороженный,
Что бы ты не пил,
Где бы ты не был —
Будешь ты видеть Синее небо,
Небо, что пахнет терпко и пряно,
Синее небо кисти Сарьяна.

***

*Под алмазным венцом
Среди звёзд — Алагяз..
А. Исаакян*

Арагац в венце алмазном, —
Пропастей немой оскал,
Льды веками стыли праздно
На промерзших спинах скал...
Он таинственным недаром
Назывался испокон...
О, как много в сердце старом
Бережет секретов он!
Может, снежною метелью
Не всегда он был одет?
Может, на него глядели
Существа других планет?
Может, дальних звезд сигналы
Он ловил?
Но вот беда:
Чтоб понять их,
Не хватало
Самой малости тогда —
Величин, ничтожно малых
Пред величием грозных скал:
Человека не хватало,
Чтоб загадки разгадал! ...
В Бюракане ветры дуют,
Камни мечут, снег метут...
Академики колдуют —
Речи с космосом ведут,
С Арагаца, в окруженье
Туч, утесов и орлов,
Наблюдают звезд рожденье
И движение миров...
На вершинах — снег
Нетленный
Под лучами звезд горит, —
Это вечность со вселенной
В полный голос говорит!...

***

Костер, догорающий в Норке,
Высоких снегов чистота
И первого инея корка,
Схватившая зелень листа...
Огонь и тепло — на исходе,
Темнеют деревья во мгле.
По тлеющим травам мы ходим,
По тихой погасшей земле.
И песня последняя спета,
Какой не услышим вовек...
И вспышки прощального света
Ложатся на уголь и снег.....

ЛАВАШ

Стояли утесы, оскалась,
И мрачно смотрели нам вслед.
Далёко за нами остались
И праздник, и песни, и свет.
Теряя последние силы,
Плелись мы в полуночный час,
И небо нам плечи давило,
Хребты надвигались на нас.
И вдруг от дороги в сторонке
Мы видим — Не сон, не мираж!
Пред нами обветренный, тонкий
Во мраке белеет лаваш.
Не где-то в пыли под ногами —
Нет! Добрая чья-то рука
Его положила на камень
У памятника-родника.
Забыли мы голод и жажду
И путь, что так труден и крут...
О, если бы думал так каждый
О людях, что следом идут!

***

Мартиросу Сарьяну

Когда ты застынешь в его мастерской,
Неистовством красок охвачен,
И жизнь целиком принимаешь такой —
Ликующей, щедрой, горячей,
И сердце твоё в преклоненье замрёт,
Полотнам дивясь, словно чуду,
Готов ты воскликнуть: —
Откуда берёт
Он краски такие?
Откуда?..
Когда ты там будешь,
Взгляни:
В стороне,
Наполнена до половины,
Стеклянная банка стоит на окне
С землей Араратской долины...
Родимой земли Драгоценная горсть
Пропитана потом и кровью,
В ней — влага зерна,
Виноградная гроздь,
В ней — солнце, что с неба веками лилось,
Её согревая с любовью.
Все соки и краски
Земли и небес
Впитались в ту горсть без остатка,
И в ней
Ты найдешь объяснение чудес,
Сарьяновской тайны разгадку.

У ЗИМНЕЙ ЗАНГУ

1

*Стою — идти не могу.
Полна слез — плакать не могу.
Имени твоего произнести не могу...
(Армянская народная песня)*

Шумит Зангу, не умолкая,
Далеких звезд дрожат огни,
И тишина вокруг такая,
Как будто в мире мы одни.

Ты песню все одну и ту же
Поешь, мой милый человек,
Поешь, чтоб мне запала в душу,
Чтоб мне запомнилась навек.

Как в песне, плакать я готова,
Стою — и не могу идти,
Хочу сказать тебе хоть слово —
И не могу произнести...

И кажется, все в нашей власти, —
А мир не дрогнет, не вздохнет,
И лишь Зангу летит, как счастье,
Спеша безудержно вперед,

Ликует, брызги поднимая
И наполняя счастьем нас,
И я еще не понимаю,
Что мы прощаемся сейчас.

2

Не в первый раз пришла сюда я,
Чтоб видеть неба свежий цвет,
Но в первый раз — земля седая
И листьев на деревьях нет.

Да, листьев нет...
И, как бывало,
Мне не скрываться в их тени.
Я молча у реки стояла
И вспоминала, как они
Чешуйки почек пробивали,
Встречая раннюю зарю,
Как пламенели,
Из книги «Краски»
Остывали
И истлевали к январю.

И вот, как пепел, напоследок
Они легли к ногам моим,
Как снег, что так на юге редок
И так земле необходим...

Покрыты льдом стволы и корни,
Земля застыла на века.
Но все быстрее, все упорней
Сквозь скалы рвется вдаль река.

Она по валунам сбегает
За часом час,
За годом год,—
Пушай их с места не сдвигает,
Но льдом покрыться не дает.

***

Пестрых камешков горстку
Из воды я достану,
Чтоб со мною повсюду
Были краски Севана.
Из привычной стихии
Я их вытащу к свету.
Вот они и сухие,
Но... ни блеска, ни цвета.

И не стану скрывать я,
Что и сам ты, признаться,
Тоже что-то утратил
Без снегов Арагаца,
Без дымка хороваца...
Ты без красок, без песен,
Без летящих дорог —
Молчалив и невесел,
Словно камни, поблек...

***

Чтоб они не пропали,
Не замерзли зимой,
Виноградники в Норке
Засыпают землей.
Чтобы ветер колючий
Их не гнул, не ломал,
Чтобы душу живую
В них мороз не сковал,
Чтобы, силы набравшись
В ожиданье весны,
Снова встретили солнце,
Буйной жизни полны...

Я любовь свою спрячу,
Чтоб от солнца вдали
Ей холодные люди
Повредить не могли.
Спрячу я от колючих
Вразумляющих фраз,
От чужих равнодушных,
Осуждающих глаз,
Чтоб живой, невредимой,
День за днем торопя,
Как весеннего солнца,
Ей дожждаться тебя.

С.В. ШЕРВИНСКИЙ

Известный русский поэт, переводчик Сергей Васильевич Шервинский впервые познакомился с Арменией, когда в 1916 г. его пригласил Брюсов переводить армянскую поэзию для антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». Впервые С. Шервинский посетил Армению в 1926 г. Второй раз в 1934 г. Через много лет в одном из интервью в 1986 г. он сказал: «Когда мне говорят “Армения” в душе возникает что-то интимное, близкое отложившееся драгоценным отстоем на дне души. Именами Исаакяна, Сарьяна мне всегда хочется гордиться как родными... Армяне мы или нет. Туманян не может не оказывать на нас благотворного воздействия своим благом, эстетическим и моральным, непроходящая ценность которого уже за пределами национального»¹.

После такого признания добавить, пожалуй, и нечего. Лучше почитать его стихи об Армении.

КОНДИТЕР²

Над уступом скалы, на белесом пути к Канакеру
За камнями ограды — ручьем перерезанный сад,
Где чинар сановитый, где персики сладки не в меру
Где топорщатся смоквы и мреет серебряный пшат.

Здесь кондитер живет. Он потеет над тестом и кремом
Целый день в Ереване. Вернётся домой Арташес,
Гостя сам зазовет, — к философским склонен он темам.
Прочитает стихи, а супруга очистит дюшес.

Как-то в день выходной, под скалою, где сад Арташеса,
Брел я в гору — и вижу: кондитер, до пояса гол,
Мерно ломом долбит вековую толщу отвеса:
Вырубает ступени, уже до четвертой дошел.

---

¹ “Гркери ашхар”. 1986 № 10. С. 6.

² Цит. по: Шервинский С. От знакомства к родству. Ереван: “Советакан грох”. 1986. С. 177-181.

Я приветствовал друга. В поту и в пылище знакомо
Улыбнулся кондитер: — «К полудню закончу ступень.
Остается шестнадцать. По лесенке ближе до дома». —
Лом на солнце блеснул и в горячий вонзился кремень.

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ЗИМА

А я люблю пустынный Алагез,
Когда одетый донизу снегами
Он отрешенно смотрит в синь небес,
И лишь Касах струится под ногами.

Пора зимы покойна и легка;
Неспешный день не проливает пота,
Чернеют гордо башни кизяка
И льнет к огню домашняя работа.

В прозрачности, похожей на весну,
То горьковатым вдруг потянет дымом,
То чей-то зов понижит тишину,
А горный склон в сияньи нестерпимом.

Сорвется камень, пропоет петух,
Пройдутся овцы по замерзшим лужам,
А веретена в пальцах у старух
Поют жужжа: «Мы кружимся, не тужи
И крутимся, и трудимся, и служим,
И вековой песней тешим слух».

ЭЧМИАДЗИН (двадцатые годы)

В пыль приседают верблюдов горбы.
Кресло пустует индийской резьбы.
Кисти чужой кипарисы и розы
Просалили белый как воск амвон.
Черные Мкртичи и Мартиросы
Сдергивают с купола тоненький звон.
Темень отпрянет песчаной бури —

И лбы наклоняются к миниатюре
В тоске, что когда-то умел монах
В узорочье вписывать лазоревых птах
Под тонконогой, с подхватами, скиньицей.
Глазок монашеских угольки
Угожливо водят по затхлой ризнице,
Где злomu поветрию вопреки
Милостью божией не знали изъятия
Жезлы, потиры, пелён шитье
И кем-то подобранное вблизи распятие
И золотом охваченное копье.
За оградой сады румянят плоды,
А здесь из глиняной немочи —
Ветла, что метла, и следы у воды
Расходуют сплетен мелочи.
Скучатся где-нибудь более двух,
Вздыхают: а было ль пророчество,
Чтобы угодников плотский дух
Обидел таким одиночеством?
Озарен ереванской турбиной,
Край и за полночь не тонет во тьме.
Вот миновали мы приют голубиный,
Узкоокий храм Рипсимэ.
Золотые сады сардара Обвевал на лету бензин.
Так отведал я древнего дара,
Таким увидел Эчмиадзин.

***

Воочию крошатся день за днем
Засохшим крылом саранчи —
Закаленные древним иранским огнем
Изузоренные кирпичи.

Береги, Ереван, ненавистные
Голубые мечети свои,
Где деревья сомкнулись неистово,
Осенив водоемов струи.

Их живые силы оставили,
Здесь безмолвие, бровь не хмурь.
Неповинны вожженные в кафели
Светлый кадмий, роза, лазурь.

Пусть красуются усыпленные,
И пусть в положенный срок
Их разрушат враги законные:
Время, ветер, песок.

ХОЛОДИЛЬНИК

Молча идем. В ледяных коридорах
Слева и справа, сизые, синие,
Как уголовники, на нарах голых
Туши лососьи коснеют в инее.

Смотрят не видя, застыли, заснули
Красно-белесые рыбы глаза, —
Средь волн севанских не им ли в июле
Магнием молний мигала гроза?

Приблизимся — чуют, рыбищи вздрагивают,
Чтоб после, встретясь с земным теплом,
Я долго бредил, как, жилы натягивая,
Покойница плоским плещет хвостом.

Пройдем — и смиряется туша острожная,
Вновь таинства жизни не заверша,
Вновь коченеет, живым встревоженная,
Живьем замороженная рыба душа.

ВЕЧЕРОМ НА НОРКЕ

Если вечером взойдешь на Норк
И помедлишь у оград булыжных,
Обеспечишь памяти восторг
Нескольких мгновений неподвижных.

Сядешь там, где, выгнув черный ствол,
Встал орех с листвою мокро-ржавой;
Вялых гроздьев и вина на стол
Садовод поставит величавый.

И когда ты молча пьешь и ешь,
Небеса вдруг возмутит движение,
И лучи сквозь облачную брешь
Совершат земли преображение.

В торжестве космической игры
Над туманом стынувшей пустыни
Аралатов сдвоенных шатры
Станут вдруг как синий кобальт сини.

Миг — и чудо гаснет, ночь идет
И спуститься в Ереван торопит.
Но внизу никто меня не ждет,
И стакан вина еще не допит.

ЗА КОЛХОЗНЫМ СТОЛОМ

С еще горячей каменной террасы
Заоблачный нам виден Арарат.
Среди двора уже лежат карасы,
На лозах вянет поздний виноград.

По старине без серебра богатый
Накрыла стол не осень ли сама?
Сыры и зелень, груши и томаты,
Соседствуют шашлык и каурма.

В те дни рука уже привыкла наша
Завертывать обрызганный рехан
В съедобную закрутку из лаваша
И подымать без устали стакан.

Встав, тамада сказал; «Особо ценен
Колхозникам писателей приезд, —
В одну семью объединил нас Ленин,
Привет же вам от этих древних мест,

Где некогда сам Александр Великий
Провел полки, как шел на Вавилон,
Имен не знаю — римские владыки
Здесь не один сгубили легион!»

Но библии не делая уступки,
Не помянул небритый тамада
О Ноевой посланнице голубке,
Присевшей здесь, когда сошла вода.

В Армении обычай: выражая
Кому-нибудь почтение, опускай
Стакан свой так, чтоб, чокаясь, не края
Касался край, но донце тронул край.

Вот тут и встали мы перед задачей:
Наш председатель, чтобы муз почтить,
Все опускал стакан, а мы, тем паче,
Старались свой пониже опустить.

В МАСТЕРСКОЙ САРЬЯНА

С юности помню пальму и мула,
И маски; краску пятна, полосы.
Режущее-рыжая щель переулка,
Кобальтом тени, сажаю псы.

Садов зеленые с просинью тени,
Колхозницы к лозам под солнцем клонятся,
Над плоской хижинкой пшат весенний.
Нагорье спаленное, сонная звонница...

Плоды — за хозяев на пиршестве зрения;
Цветы и цвета, цвета и цветы, —
Земля сладчайшая, это Армения,
Это Сарьяна святая святых.

Прислушайся, — это звенит издалика,
По праву печальна и горяча,
Из тучи, луча, от сельского тока
Народная песня и кяманча.

В.В. ДЕРЖАВИН

Русский советский поэт, переводчик Владимир Васильевич Державин с 1940 года до конца жизни активно публиковался как поэт-переводчик, в первую очередь классической поэзии Востока (Омар Хайям, Хафиз, Алишер Навои, Низами, Фирдоуси, Саади), и армянского народного эпоса «Давид Сасунский» и поэмы «Ануш» Ов. Туманяна. Является автором одного стихотворения об Армении. «Саз Ашуга»¹

САЗ АШУГА

Ашуга саз — корабль Синдбада,
И перламутровый его
Узорный дек — для глаз отрада,
А в струнах дремлет волшебство.

Он здесь сидел, слепец чудесный,
И новую мне песню пел
В двукрылом домике — над бездной
Ущелья, где поток мелел.

Стихи лились живой водою,
В их самоцветной глубине
Прекрасное и молодое
Лицо в слезах смеялось мне.

В слезах от счастья, не от горя;
Былого горя нет следа,
Века отхлынули, как море,
Ушли, как горькая вода.

И песнь росла, как горный город,
Занесший кровли в высоту,
Как Лори утреннего горы,
Как вся Армения в цвету².

---

¹ Саз — арм. нац. музыкальный инструмент. Ашуг — народный певец.

² Публикуется по: Книга братства. Советские поэты об Армении / Сост., ред. Вруйра Баласана. Ереван. 1981. С. 18.

М.С. ПЕТРОВЫХ

Мария Сергеевна Петровых — русская советская поэтесса и переводчица, первый лауреат премии имени Егише Чаренца. Заслуженный деятель культуры Армянской ССР (1970). При жизни Марии Петровых вышла одна небольшая малотиражная книга избранной лирики — «Дальнее дерево» (Ереван, 1968).

Стихи Марии Петровых высоко ценили Борис Пастернак, Арсений Тарковский и Анна Ахматова, которая назвала ее стихотворение «Назначь мне свиданье на этом свете» «шедевром лирики последних лет».

Мария Петровых переводила андалузских, сербских, словенских, хорватских, чешских поэтов. Особо крепкие узы связывали Марию Петровых с Арменией. Она перевела стихи армянских поэтов Иоаннеса Иоаннисиана, Аветика Исаакяна, Ваана Теряна, Маро Маркарян, Геворка Эмина, Сильвы Капутикян, Рачия Оганесяна и др.

Ее переводы из армянской поэзии отличаются высоким поэтическим мастерством и, как свидетельствует Л. Мкртчян, М. Петровых «переплавляла стихи подлинника в новый языковой материал, пользуясь всем богатством, всей гибкостью русского языка»¹.

При всей широте переводов из армянской поэзии М. Петровых, к сожалению, написала лишь два стихотворения об Армении.

АРМЕНИЯ²

На свете лишь одна Армения,
Она у каждого — своя.
От робости, от неумения
Ее не воспевала я.
Но как же я себя обидела —
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далекая, желанная,
Моя земля обетованная!

---

¹ Петровых М. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания. Ереван: «Советакан грох». 1986. С. 386.

² Там же. С. 93.

Поверь, любовь моя подспудная,
Что ты — мой заповедный клад,
Любовь моя — немая, трудная,
Любое слово ей не в лад.
Со мною только дни осенние
И та далекая гора,
Что высится гербом Армении
В снегах литого серебра,
Та величавая двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет вековой славой,
Как мироздание стара.
И тайна острова севанского,
Где словно дань векам седым —
И своды храма христианского,
И жертвоприношений дым.
Орлы Звартноца в камень врублены,
Их оперенье — ржавый мох...
О край далекий, край возлюбленный
Мой краткий сон, мой долгий вздох.

***

Осень сорок четвертого года.
День за днем убывающий зной,
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.
Сокровенной счастливою тайной
Дли меня эта осень жива,
Неслучайно, о нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова, —
Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат¹.

1968

---

¹ Там же. С. 109.

А.А. ТАРКОВСКИЙ

Арсений Александрович Тарковский — русский поэт и переводчик с восточных языков.

В начале 1980-х гг. вышли три книги Тарковского: 1980 — «Зимний день» (изд. «Советский писатель»), 1982 — «Избранное» (изд. «Художественная литература»), 1983 — «Стихи разных лет» (изд. «Современник»). Самое значительное из этих изданий — книга «Избранное (Стихотворения, поэмы, переводы)» — наиболее полная книга поэта из числа вышедших при его жизни.

Вышедшая в апреле 1989 года книга «Звезды над Арагацем» (Ереван, изд. «Советакан грох») была последним прижизненным изданием поэта, в которую вместе с оригинальными стихами А. Тарковского об Армении «Комитас» и «Эребуни» вошли переводы из армянской поэзии: Саят-Нова, Ованес Тиманян, Егише Чаренц, Ованес Шираз, Амо Сагиян.

ЭРЕБУНИ¹

Они хотели всем народом
Распад могильный обмануть
И араратским кислородом
Продуть холма сухую грудь.

Под спудом бусина синела,
И в черноте черным-черно
Чернело и окаменело
В кувшине царское зерно.

Кремля скалистые основы
Уже до пят оголены.
И в струнку стал кирпич сырцовый
Подштукатуренной стены.

А ласточки свой посвист длинный
Натягивают на лету
На подновленные руины.
Во всю их ширь и пустоту.

---

¹ Цит. по: Тарковский А. Звезды над Арагацем. Ереван: «Советакан грох». 1988. С. 186.

Им только бы земля пестрела
В последних числах ноября,
И нет им никакого дела
До пририсованного тела
Давно истлевшего царя.

КОМИТАС

Ничего душа не хочет
И, не открывая глаз,
В небо смотрит и бормочет,
Как безумный Комитас.

Медленно идут светила
По спирали в вышине,
Будто их заговорила
Сила, спящая во мне.

Вся в крови моя рубаха,
Потому что и меня
Обдувает ветром страха
Стародавняя резня.

И опять Айя-Софии
Камень ходит предо мной,
И земля ступни босые
Обжигает мне золой.

Лазарь вышел из гробницы,
А ему и дела нет,
Что летит в его глазницы
Белый яблоневый цвет.

До утра в гортани воздух
Шелушится, как слюда,
И стоит в багровых звездах
Кривда Страшного суда.¹

1959

---

¹ Там же. С. 186.

Б.А. СЛУЦКИЙ

Борис Абрамович Слуцкий — советский поэт-фронтовик. Первые его стихи были опубликованы в 1941 г. Автор 14 сборников. По определению Олега Хлебникова, — пишет Л. Мкртчян, — «основной составляющей его поэтического дарования является скрупулезная честность перед собой и большая совесть¹». Б. Слуцкий много переводил из немецкой, английской, польской поэзии, а так же перевел Е. Чаренца, П. Севака. Г. Эмина, А. Граши. Он является автором двух стихотворений об Армении.

ЭТО — АРМЕНИЯ

Словно волна окатывает —
Так и меня окидывает
От пяти до темени
Горящим пламенем взгляда.
Это — Армения.

Высшая мера людских дел,
С добром и злом рядом
Видимый невооруженным взглядом
Арарат. Он небо задел
Своими снегами.
Это — Армения.

Скала. Она совсем гола.
Ни землинки на розовом камне.
Но мужик погорбоносей орла
Тянет собственными руками
Лозу из скалы.
Это — Армения.

Я был. Я видел. Я слышал речь.
Ни с чем не схожий клекот, рокот.
Я слышал горных обвалов топот.
И я всегда буду беречь
На дне души Эту Армению.²

---

¹ Сафарян Р.Д. Армения глазами русских литераторов. СПб.: Златоуст. 2013. С. 278.

² Там же.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

На скалах диких и отвесных,
На каменном краю земли
Армяне сохранились в песнях
И — рукописи сберегли.

Армяне! Вы царей не славите:
Кадите книге или лире.
Я видел памятник алфавиту,
Единственный, быть может, в мире.

На камне были буквы вырублены,
Ещё не ставшие словами.
Армяне! Ваши души выражены
В той надписи старинной - вами.

II

Цари — кумир на кумире —
Плющом подхалимски увиты.

Я видел единственный в мире
памятник алфавиту.
Армяне его воздвигли
из камня здешних гор,
и кажется: фигли-мигли —
виданные до сих пор
всадники и державцы,
скипетры и мечи.
Только за этот держаться
памятник: научи
буквам своим, подобным
веточкам и муравьям,
и страницам, подобным
пчелиным роям,
словно рой пчелиный,
жужжащим о языке,
переспелой малиной
тающим на языке¹.

---

¹ Там же. С. 280.

Р.Ф. КАЗАКОВА

Римма Федоровна Казакова — автор многих сборников стихов, занималась переводами с языков стран ближнего и дальнего зарубежья. Римма Казакова известна как автор стихов к таким популярным песням, как «Ты меня любишь» «Мадонна», «Ненаглядный мой» и др. Она написала одно стихотворение об Армении.

***¹

Мы ехали горной дорогой
армянской дорогою строгой
С приютом случайных домов,
с библейской красою холмов.

Бледнели рассвета знамена...
И двое армян затаенно,
и яростно, и виновато
смотрели на два Арарата.

Один, что по правую руку,
привычно лелеял их муку
и ласково над головой
вершиной светил снеговой.

А к левому тучка прижалась,
рождая какую-то жалость —
к себе ли, к судьбе или к ней,
ко грубым ли грудам камней.

И снова машина летела,
и я, почему-то печалюсь,
совсем по-армянски глядела
на белую шапку вдали,
от солнца блеснувшую ало...

И что-то во мне возникало
от этой суровой земли:
и яростно, и виновато,
и свято —
как снег Арарата...

---

¹ Цит. по: Книга братства. Советские поэты об Армении / Сост., ред. Вруйра Баласана. С. 29.

И.З. ЗЕНОВ

В 1978 г. издательство «Советакан грох» в Ереване к 60-летию Вооруженных сил СССР выпустило книжечку карманного формата «На посту разлук» военного журналиста Ивана Зенова. Это его третья книга, в которой «четко и полно выражается его взгляд на мир». Стихи поэта о трудных буднях военнослужащих, разноплановая жизнь советского человека и четыре стихотворения об Армении: «Письма (Памяти Героя Советского Союза Арташеса Гамаряна)», «Новобранцы», «Еревану» и «Севану»¹.

ПИСЬМА

*Памяти
Героя Советского Союза
Арташеса Гамаряна*

Его убили на рассвете,
На переправе, у Днепра.
И только письма, письма эти
Были отправлены вчера.
Он погребен на поле боя.
А письма шли, а письма шли.
И что-то в них еще живое
Его уста сказать могли.
И с птичьим щебетом и звоном
Через окно, косым углом,
Как листья, что опали с клена,
Влетели письма эти в дом.
Еще заметно излучали
Они горячих рук тепло.
Их не читали — изучали
Жена и мать, и все село.
Писал он просто:— Мол, воюю.
Хоть враг коварен —не беда.
Побьем его.И сердцем чую:
Я не погибну никогда.
Он, может быть, тогда слукавил —
Зачем им душу бередить?

---

¹ Стихи цит. по: Зенов Иван. На посту разлук. Ереван: «Советакан грох». 1978. С. 21.

И не вопрос в конце поставил,
А восклицанье: буду жить!
Вложил и фото Непобритый;
Была горячая пора.
И был еще он неубитый,
И было все это вчера...
Но он был прав, боец пехоты,
Что будет жить, и жить в веках:
В строю мотострелковой роты,
Отлитый в бронзе и в стихах!

НОВОБРАНЦЫ¹

Идут-новобранцы —
Высокие, стройные парни.
Ворота им в часть
Широко открывает дневальный.
Мальчишки из Орска,
Орла, Еревана, Рустави
В солдаты идут,
За воротами детство
Оставив.
И смотрят отцы
Молчаливо им вслед
И вздыхают —
В своих сыновьях
Они юность свою
Провожают.
Чуть грустно отцам,
Но особого нет сожаления:
В своих сыновьях
Они видят свое
Продолженье!

---

¹ Там же. С. 24.

ЕРЕВАНУ¹

Столетия шли,
Как воинская рать,
Эпохи проносились
Над тобою.
А для меня ты —
Новая тетрадь,
Заполню я ее
Своей рукою.

Люблю твою
Полуночную тишь,
Ночных огней
Мерцанье в окнах зданий.
Здесь слышу я,
Как дождик барабанит
По козырькам
Твоих железных крыш.

Стоят дома,
Ка к буквы четких строк,
Разбитые
На рифмы
И на слоги.
Мне видится
Сарьяновский мазок
На полосе
Асфальтовой дороги.

Как миг тревог
И радости мгновенье,
В меня вошел ты
Прочно, навсегда.
Взволнованным вошел
Стихотвореньем,
Вошел, как входят
Ночью поезда,

---

¹ Там же. С. 37.

Будя народ
Стремительным
Явлением.
И если вдаль
Я от тебя умчусь,
И ереванцы здесь
Меня забудут,
Мои стихи
Дойдут к тебе оттуда,
Где я, кочевник,
Вдруг, остановлюсь.

СЕВАН¹

Я все проспал,
Хоть спал совсем немного,
Но много,
Ой, как много потерял.
Автобус мой
Глотал куски дороги,
Ко мне являлось озеро.
Я спал.
Нет, то было не озеро,
А фея
В серебряной одежде,
На плаву.
А я, глупец,
Открыть глаза не смея,
Все думал:
Чудится, не наяву.
И что-то, фея,
Ты мне все шептала,
А я твоей стеснялся красоты
И ты из рук своих
Мне предлагала
Глоток надежды,
Как глоток воды.

---

¹ Там же. С. 52.

Я чувствовал
Твое прикосновение
И замирал,
Терялся в этот миг,
Как на уроке
Робкий ученик,
Не знающий
Таблицу умножения.
...Но не такая
Ты уж недотрога,
И я еще тебя, поверь, найду.
— Куда ты в ночь? —
Жена ко мне с тревогой.
— Я?..
На свидание с Озером пойду!

Л.Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ

Леонид Николаевич Вышеславский — советский и украинский поэт и литературовед, переводчик, педагог. Первые стихи напечатал в 1931 году в харьковском журнале «Красное слово» и в московском журнале «Молодая гвардия». В 1936 году вышла первая книга поэта «Весна вдвоем». Л. Вышеславский вел активную творческую жизнь и общался с выдающимися современниками. Занимался, кроме поэтического творчества, переводами, рецензиями, выступлениями. Много путешествовал по Украине, России, Армении, Грузии, Сибири.

За все время творческой деятельности издал более 60 книг стихотворений, прозы и переводов. Леониду Вышеславскому принадлежат многочисленные переводы стихов украинских поэтов Т.Г. Шевченко, И.Я. Франко, Л. Украинки, П.Г. Тычины, М.Ф. Рыльского, М.Доленго, а также французских поэтов, как А.Рембо, Ш.Бодлер, П.Верлен, Ж.Превьер, Жак Одиберти.

В честь Вышеславского названа малая планета — астероид 2953 «Вышеславия» открытый Н.С. Черных в 1986 году. Он является автором нескольких стихотворений об Армении.

КРАСКИ САРЬЯНА НА СЕВАНЕ¹

Запевает ветер глуховато,
плещут волны из конца в конец.
Помнится, рассказывал когда-то
мне об этом озере отец.
Исходил он горные дороги
той порою давнею, когда
лишь одни геологи да боги
забредали изредка сюда.
Если дождь в пути случался где-то
и лазурь полосовал огнем, —
бог скрывался в церкви
Карапета, а геолог мокнул под дождём.
На ветру, в горах творилось чудо
вовсе без участия богов...

---

¹ Здесь и далее стихи цит. по «Это Армения». Стихи русских поэтов. Ереван: «Айастан». 1967. С. 154-159.

«Мой Севан, тебя ли позабуду?
Озеро.
Не видно берегов».
Это я запомнил слово в слово,
и просторно стало, и светло, —
ведь меня, в те годы молодого,
ко всему бескрайнему влекло.
Но, вскипев своей волною пенной,
яростна, безбрежна и строга,
молодость прошла, и постепенно
стали намечаться берега.
И к высокогорному Севану
я пришел, ветрам подставя грудь.
Так приходят люди к океану,
чтобы юность давнюю вдохнуть...
Древний крест на камне отпечатан,
с каждым часом ветер холодней,
у жилья играют собачата —
верные товарищи людей.
И вокруг оси своей вращаясь,
накрывая белую луну,
в берег плещет небо,
превращаясь
каждый раз
в прозрачную волну.
Веет ветер
силою нетленной,
веет ветер
свежестью снегов,
веет ветер
далями вселенной...
Молодость.
Не видно берегов.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ В ЕРЕВАНЕ

Южный город от взоров скрылся,
и воздушный порт Еревана
много дней уже
как закрылся
на тяжелый замок тумана.
Мокро всё,
будто в шторм на палубе,
фонари
как сквозь марлю нижутся,
и машины, взывая жалобно,
как слепые,
на ощупь движутся.
Город
в горной своей обители
сжался так,
как в кульке подарки...
Летом спят здесь на крышах
жители, фрукты сушатся,
краски яркие...
О цветении, об Арарате
мы пока лишь рассказы
слышим.
Мгла не хочет
вставать с кровати,
позабытой
на плоской крыше.

КРАСКИ САРЬЯНА

Невиданно цветастыми,
неслыханно багряными
в степенных залах выставки
висят холсты Сарьяновы.
Таких цветов неистовых
не знал я от рождения.
Смотреть на краски странные
нельзя без удивления.
Лазурь вот эта — выдумка,

снег на лазури — вымысел.
Немыслимую невидаль
художник людям вывесил!..
Уже далёко выставка,
пред нами горы близкие,
мы едем по Армении
дорогою тбилисскою.
Здесь краски высшей яркости
не знают разбавления.
Мир в эти краски красился
в начале сотворения.
Лазурь вот эта — выдумка,
снег на лазури — вымысел.
Извечный гений творчества
в себе те краски выносил!
И я узнал доподлинно
художника умение
не в чинных залах выставки,
а здесь, в горах Армении!

РИПСИМЕ

*Один из древнейших храмов
Армении назван именем девушки,
погибшей за родину.*

На дорогу спускается вечер,
небеса покрываются мглой,
и Армения белые плечи
разворачивает предо мной.
Вижу поле в мерцании снежном,
вижу храм на пологом холме,
он девическим именем нежным
навсегда окрещён: Рипсиме.
Как разумно придумано это!
Если б мог, я, пожалуй, и сам
из камней розоватого цвета
храм сложил бы в честь девушки. Храм!
Сердце девичье чисто и свято

и не хочет томиться в ярме.
Поплатилась за правду когда-то
юной жизнью своей Рипсима.
Но на месте пролившейся крови
нерушимая встала стена.
Виден контур девической брови
в изогнувшейся бровке окна.
И стройны по-девичьи колонны
в стародавней узорной тесьме,
и себе я твержу, как влюблённый:
Рипсима... Рипсима... Рипсима...

КИЕВСКАЯ УЛИЦА В ЕРЕВАНЕ

Хорошо! В сплошном румянце
встали стены там и тут...
Посмотрите: ереванцы
вдоль по Киевской идут.
Светом праздничным, весенним
эта улица полна.
Звонкой эрой новоселий
открывается она.
Без роскошеств, без кривляний,
высока, стройна, пряма,
говорит мне: «Киевлянин,
заходи в мои дома!»
Широко друг другу душу
неизбежно отворят
те, что строят, а не рушат,
созидают и творят.
Новой улицей армяне
по-особому горды.
Стены крепкие румяней,
чем весенние сады.
Из такого ж точно камня храмы
складывал народ.
Эта улица близка мне
устремлённостью вперед.

ГЛАВА V

СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XXI ВЕКА И АРМЕНИЯ¹

С.Г. БУЛЫЧЕВ

Поэт современности. Член Профессионального Союза Писателей России, почетный член Союза Писателей Армении. Автор книг «Монолог с душой» и «Армения-Святая Земля».

По справедливому признанию Булычева, Армения — страна с богатейшей историей, которая насчитывает тысячелетия своего существования, ее смело можно называть одной из древнейших держав, на землях которой люди поселились раньше, чем в Европе. Став преемницей культурных традиций древних лувийцев и урартов, Армения уже в начале IV столетия до н. э. обрела независимость, однако земли армянского нагорья были предметом вечных интересов и завоеваний римлян, персов, византийцев, арабов, турков. Армяне — великий народ, переживший множество гонений и прошедший тернистый путь, но не утративший красоту и силу духа, заложенные в них Богом.

«Айастан — карастан» — так по-армянски называют эту землю — «Армения — страна камня», а ее символ — «хачкары» — так называемые крест-камни — памятники, не встречаемые больше ни в одной стране мира.

А вот и по-детски чистые, откровенные, греющие душу, полные философских раздумий стихи Булычева, в которых воспета Армения во всей ее горести, красоте, надежде, дружбе и процветании.

---

¹ Стихотворения V главы нам любезно представили авторы - С.Г. Булычев, В.В. Коноплев, С.Б. Калашников и Р.В. Гацко-Славацкий. Поэтому мы не имели возможности сделать ссылки об их публикациях.

***

Нас встречает Ереван,
Это город всех Армян.
Этот город старше Рима,
Ереван неповторимый,

Бесподобный и любимый.
Он чарующе красивый,
Отражение в дивных красках,
Как народ его Армянский,

Что рожден в веках историй
Из огня волшебных зерен
У подножий Арарата,
Чья душа, как небо, свята

Глубиной волшебной взгляда,
Где в цветочной дымке сада
Нас встречает Ереван -
Древний город всех Армян!

***

Гранатовые зернышки
Я соберу в ладонь,
И посмотрю на солнышко,
В рубиновый огонь.

Увижу я там яркую
Небесную зарю,
И песню свою грустную
Тихонько запою.

Взлетит она, крылатая,
Порхая, в дивный край.
Душою необъятною
В Земной влетая рай.

Туда, где сад гранатовый
Цветет среди камней,
Красивым красным бархатом
Армении моей!

***

Армения — любовь моя!
Таких, как ты, на свете нет.
Я грусть вдыхаю без тебя,
Забыв в разлуке белый свет.

Когда не вижу твоих глаз -
Они дороже мне всего.
Я без тебя — пустыня фраз,
Где нету больше ничего.

Лишь только ты — моя любовь!
Одна — навеки, навсегда.
Ты сердцем греешь мою кровь,
Лишь ты одна, одна, одна.

И больше нет такой, как ты,
Ты — дочь великого Огня!
Армения — мои мечты,
Армения — любовь моя!

***

Мне Армянские горы роднее,
Хоть бывал я не мало в других:
В них крылатое слово мудрее,
У надгробий хачкаров святых,

Где трудами оставили предки
Бренной жизни земные плоды,
И шумят абрикосами ветки,
Над крестами раскинув сады

Живописным цветущим узором.
Ах, Армения — древность земли.
Ты пьянишь упоительным взором
Стихотворные строчки мои,

Что ветрами сердечными веют,
Нашептав о тебе этот стих.
Мне Армянские горы роднее,
Хоть бывал я не мало в других...

***

Как ты красив собой, дудук!
Как ты поешь вливаясь в душу,
Ведь ты давно мне, старый друг,
Мечты свои даешь послушать.

В них подниму на небо взгляд,
Чтоб очутится там, в дали,
Где дом, где Родина твоя
Рождала грусть твоей земли.

Рождала то, чем ты теперь
Расскажешь мне об этих снах,
Слезой Армении твоей
Живешь в Армянских ты глазах...

Живешь ты там, где гор вершин
Не видно в белых облаках.
Живи всегда, мой старый друг,
Мелодией души в сердцах.

После таких признаний поэта в любви к Армении, даже трудно подобрать слова для характеристики его стихов. А надо ли характеризовать их? Думается, нет. А то можно и лишиться морального наслаждения от содержания и звучания стихов А. Булычева об Армении. И чтобы продолжать эстетически наслаждаться, лучше прочитать поэму другого русского поэта **А. Нониняна** «Посвящение поэту».

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭТУ!

*Сергею Булычеву, в знак дружбы и
признательности за созданный им труд
«Армения — святая земля!»*

Далекий незнакомый друг!
Когда в лучах любви народной
Твой голос, в страсти благородной,
Звучит как львиный рык, вокруг
Тебя безмолвно собираясь,
Твоим возвышенным речам
Армяне внемлют, отдаваясь,
В мечтах к тем славным временам,
О коих ты поешь блаженно.
Их взоры, полные огня,
Сверкают гордо, откровенно!
Ты знаешь? Не проходит дня,
Чтоб кровь, которая священна,
Чей зов — великих предков глас,
К победе единящий нас,
В бессильном гневе не вскипала...
И катится порой из глаз
Слеза за тех, чья жертва стала
Упреком нам живым сейчас.
Нам не пристало жаждать мести,
Но чует враг — прощения нет,
Покуда зверь, лишенный чести,
Бесстыдно скалится в ответ,
И мир в цинизме утопает...
Невыносимо сознавать,

Как лицемерно продолжает
Себя за брата выдавать
Толпа завистников корыстных.
Лжепревосходством возгордясь,
В интригах грязных, закулисных,
Иль просто нагло, не стыдясь,
Того подкармливают зверя...
Не дай нам Бог, как прежде веря,
Объятия братские раскрыть.
Итоги гибельных последствий,
Увы, случилось пережить...
Весь ужас бесконечных бедствий,
Подобно многим, описал
Отважный русский генерал
В стихотворении «Гибель Вана»:
Нам Кулебякин рассказал,
Как стал свидетелем обмана,
Как предан брат был и убит...
Досель зияющая рана
В сердцах армян кровоточит.
«Ах, ну зачем ушли отряды?»
Кто даст ответ? Отводят взгляды
Поныне, не желая знать,
Потомки тех, кто смог отдать
Святыни братского народа
Зверью без племени и рода.

Об этом принято молчать...
Еще бы, тем, кто с кривдой дружит,
Необходимо укрывать,
Что интересам чуждым служит
Иная власть. И что рождать
Вражду и ненависть сподручней,
Толпу в неведении держать,
Чтоб фальшь казалась благозвучней.

Но дух армянский жив! И чтит,
Притом, народ героев славных,
Которым в мире нету равных,
Сроднившихся с судьбой своей,
Служивших цели — от цепей
Освободить наш край сакральный!
Уж минул век, но все живей
Их имена в сердцах людей.
Там Грибоедов гениальный,
Там русский доблестный солдат
И Кулебякин — истый брат,
Кто верен слову оставался
И, до последнего, сражался,
Чтоб люд безвинный защитить,
Когда приказу отступить,
Нежданно, подло, вероломно,
Пришлось последовать войскам...
Держась достойно, благородно,
Как должно вольным казакам,
Он сохранил дух командира,
Честь офицерского мундира...

Неисчислим героев счет!
О них, досель, молва слывет,
Народ им верно славу множит!
Меня ж действительность гнетет,
Сомнение тяжкое тревожит:
Как брата предостережет
Лишь брат родной — к тебе взываю!
Поверь, я сердцем разделяю
Твои стремления и мечты,
Но прежде вопрошал ли ты:
— Неужто, кто в России ценит
Армян неизмеримый вклад?
Как много тех, кто в братство верит
И дружбе бескорыстно рад?
Кто в суть истории вникает,
Гордится и не забывает,
Что никогда не предает
Армянский воин? Как-то, странно,

И огорчает несказанно —
Насколько редко признает
Теперь младое поколение
Тех, кто рождали восхищение.
Ведь лишний раз не промелькнет
О роли их упоминание,
Политик редкий не замнет
Их благотворного влияния,
Не утаит их имена.
Куда же движется страна?
Если народное сознание
Так планомерно искажать,
Едва ль разумно полагать,
Что лишь не броское название
Такое братство... Грош цена
Словам о дружбе и доверии.
Сегодня, находясь в преддверии
Глобальных перемен, стена
Лжи и беспамятства людского
Всех разделяет и встает.
От безразличия такого,
Лишь ненависть ростки дает
И процветает повсеместно.
Несправедливость, как известно,
Рождает лютую вражду.
Пророчит страшную беду
Безнравственность, что воцарилась
Средь политических элит.
Не потому ли так знобит
Сегодня мир? Ведь разразилась
И разгулялась неспроста
По свету хворь врагом незримым, -
Медлительным и нерадивым,
Предстал чиновник, чьи уста
Недавно лили «мед и розы»,
Мол, все прекрасно, нет угрозы...
Слепой просчет? Конфуз какой!
В лоб угодил, хоть по лбу метил?
Причина в глупости простой?
Или нарочно не заметил?

Вдруг, не попад, такая прыть,
И сложно не питать сомнения,
Что не в стремлении навредить
Цель столь дурного, поведения...
И вновь история темна,
Все тот же скверный почерк всюду...
И невдомек простому люду —
Игра давно предreshена.
Финал — один. Как же иначе?
Богатый стал еще богаче...
Власть, деньги... Вот и весь ответ,
Первопричина всяких бед,
Имперских, дьявольских амбиций,
И суть продажных коалиций.

Немало времени пройдет
В круговороте тривиальном, -
Покоя мир не обретет...
Погрыз в плену материальном
Род человеческий. И страх
В сердца так просто проникает,
Рождая смуту в головах.
Уже и вера не спасает,
В раба невежду превращает,
Когда в образовании крах...

Но есть надежда на спасение!
Всегда любовь и просвещение
Нам помогали побеждать!
Мой брат! Тебе ль о том не знать?
За веком новый век сменялся,
Народ армянский отличался
Духовной сущностью своей,
И в дни великих достижений,
И средь гонений и лишений
Рождal свободных сыновей!
И ты — пример тому, Сергей!
Твоя поэзия живая,
Что трепет в сердце вызывая,
Нам вдохновение несет,

Одних — мечтою окрыляет,
Другим, заблудшим, раскрывает
Глаза — и тотчас восстает
Притихшее самосознание.
И вот само существование
Приобретает смысл иной.
И поражает глубиной
Борьба народа, как явление,
Его всеильное стремление,
Доставшееся от богов,
К естественному созерцанию
И скрытой сущности познанию,
К духовной жизни без оков!
Свободолюбия основа
В нем именно — сомнений нет!
Однако, истина сурова:
Не здесь ли кроется ответ
На тот вопрос, что так напрасно
Мы всюду задаем всечасно,
Хоть он давно известен нам,
Чем ненавистна всем врагам
Армян древнейшая культура,
История, литература?..
Тем, что не только на словах
Основы этого величия,
Что обращают зависть в страх
У всех, кто, позабыв приличия,
Ее желают, исказив,
Переписав и подменив,
Себе присвоить незаметно.
Безумцы, козни строят тщетно,
Им нестерпимо замечать,
Как вдруг истории печать
Везде их ложь опровергает...
Вот и стремятся разрушать,
Сжигать дотла и убивать,
Предать забвению. Но сияет
Армянской мысли луч в веках,
Пробившись сквозь тысячелетия
И в танцах, в музыке, в стихах,

В сплетенных в дивные соцветия
Орнаментах, что на коврах,
В архитектуре, на камнях,
В церковных книгах рукописных,
И в святости традиций присных.
Искусств, наук, ремесел — нет,
Где не найдешь армянский след,
Что вызывает изумление!
Тому простое объяснение,
То, что, воистину, готов
Во всем равняться на богов,
Как будто пил вино с богами,
Познавший мир армян глазами!
Тот научился жизнь любить,
Мечтать, надеяться, творить,
И с верой в Божье творение
Достоинство сможет сохранить
И передать чрез поколение,
Армян свободное мышление!

Итак, наш дорогой поэт,
Прими сердечный мой привет
И искреннюю благодарность
За ту любовь и солидарность,
И страсть, с которой ты создал
Труд праведный и откровенный,
Чтоб голос твой благословенный
В твоей поэзии звучал
И воспарял, напоминая:
Армения — земля святая!

Апрель 11, 2020

В.В. КОНОПЛЕВ

Литературная деятельность известного российского журналиста В. Коноплева началась в 1983 г. В 2002 г. вышла его первая книга стихов «Состояния любви» (Н. Новгород, 2002), в 2009 г. выходит его вторая книга с интригующим заглавием «40» (СПб, 2009).

В 2006 г. писательница Елена Асланян послала В. Коноплеву для публикации свои рассказы. Благодаря этим рассказам произошло первое знакомство В. Коноплева с творчеством русскоязычного армянского писателя и журналиста Нагорно-Карабахской республики Ашотом Бегларяном.

В дальнейшем, как признался В. Коноплев в письме к нам, это знакомство переросло в большую личную дружбу и сформировало армянофильские взгляды Виктора Коноплева. Он начинает изучать историю, традиции, культуру армянского народа, историю Геноцида армян и карабахского конфликта.

В 2008 году состоялся его первый приезд в Армению и в Арцах. После этого Виктор Коноплев стал активно заниматься общественной деятельностью по установлению и укреплению русско-армянских взаимоотношений.

В 2013 г. вышла третья книга поэтических произведений В. Коноплева «Армения как состояние любви» (Ер. 2013). В книгу были включены вместе с русскими текстами их переводы на армянский язык, что свидетельствует об оригинальности, актуальности и поэтической ценности стихов. Более того, к книге был приложен диск на котором автор читал свои стихи под аккомпанемент армянской музыки. В 2013 г. В. Коноплев стал почетным членом Союза писателей НКР.

В книге «Армения как состояние любви» В. Коноплев написал: «Видимо, Господу было угодно послать ветры с вершин Арарата за тысячи километров в маленький городок (Малорита Бретской области — ред.) в тот момент, когда мои родители задумывали создавать меня. И я сам охотно верю в это, ибо на себе ощутил притягательную силу и духовный подъем в миг, когда впервые увидел Арарат, проезжая по долине, названной его именем. И сегодня мне открыто понимание удивительной притягательности потомков Ноя, так как в силу многовековой араратской “подзарядки”, их генетический код настолько стал идентичен планетарному, что сами они стали своими и привычными, как воздух, которым мы дышим, или ветер, от которого мы кутаемся в одежды или, наоборот, распахиваемся ему навстречу, чтобы осве-

житься; как пески пустыни — таинственные и экстремальные, или плодородная почва, щедро одаривающая нас всем жизненно необходимым.

Армяне, как историческая реальность состоялись настолько, насколько состоялась сама история человечества. Мы встречаем упоминания о них повсюду: будь то Библейские предания, клинописные таблички или повествования летописцев. И эта “домашне-свойская” реальность ободряет одних и раздражает других, в основном “пришлых”, любителей “халявы”. И в силу своей природной открытости, некоей детской доверчивости, армяне неоднократно становились жертвами исторических интриганов и махинаторов. Но, что удивительно, не озлоблялись, но вновь созидали свои дома, свои семьи, свою страну. И это их историческая миссия — показывать всему миру, каким должно быть именно в глобальном, планетарном смысле.

Их гармоничное планетарное существование подтверждается каждым знаком Маштоцкого алфавита. Когда впервые прикасаешься к нему, то воистину наслаждаешься совершенством каждой линии, каждому ее загибу, выпуклости. Изучая алфавит, я вижу в изгибах линий его неиссякаемый запас идей и креативности. Это подсознательное стремление творчески мыслить и жить порождает в армянской среде массу талантливых и самодостаточных людей.

Армения трудноопределима в контексте приземленных состояний. Она существует на уровне чувств. Как состояние души, она настолько порывиста и эмоциональна, что ее энергетика зашкаливает, пронизывает насквозь, отрывает от обыденности. Она, словно скрипка, способная вызвать своими звуками приливы и отливы любви, бури негодований, потоки ностальгии, пожары страстей и вспышки откровений. Видимо, сам Ангел Господень играет на этой скрипке, охраняет ее. И пока звучит эта чарующая мелодия, не пройдут времена армянства. А значит, не пройдет и в моей душе это потрясающее состояние любви».

Это состояние любви В. Коноплева вылилось в большой цикл чарующих стихов русского поэта, посвященных Армении, а точнее Арцаху.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К АРЦАХУ

Ашоту Бегларяну

— Ответь, хачкар, мне, — я открыт душою,
Твоею правдой сердце я омою,
Как свежестью арцахских родников.
Скажи, хачкар, пусть мой вопрос не нов,
И, может, выглядит совсем нелепо.
Хочу понять страну твою и небо,
Что смотрит с интересом на меня...

Я чувствую, как будто приобняв
Меня за плечи, кто-то шепчет в ухо:
— Тому, кто хочет слышать, — мало слуха,
Тому, кто хочет видеть, — мало глаз,
Кто хочет говорить, — не нужно фраз.
Пойми, скиталец, каждая тропинка
Неповторима, как слеза, снежинка...
И, если небо ты понять решил,
Спроси о том у собственной души.

Взгляни, мой друг. Ты видишь эти горы?
Знакомься. Мрав. С собратями просторы
Родной страны из века в век хранит.
Он видел, как здесь первый неофит
С Егише и Дадо общался с Богом,
Как к Амарасу строилась дорога,
Как возводились Гандзасар, Урек.

Здесь каждая вершина, человек,
На живописном карабахском плато
Тебе поведает, какую плату
Платил Арцах за мир и честь свою.
Как в прежние столетия молю:
В дни радости и время непогоды
Храни, Господь, Арцах с его народом!

За пролитые пот его и кровь
Наградой будет пусть Твоя Любовь!
Хачкар умолк. Я под своей рубахой
Биенье сердца ощутил Арцах

16-17 февраля 2006 г.

***

Арцах, как Амура стрела - любовь от рождения -
Шаги твои чувствует, ими гордится отечески,
Он в каждой былинке, в улыбке твоей, в пробужденье,
Ты — вера его и надежда, о, сын человеческий!
Бери же в ладони свои его теплые руки,
Его тишиной насладись, его мудрым молчанием,
Годами любви пропитайся, годами разлуки,
Лучами огней тихих звезд и их нежным мерцанием.
Арцах, как дыхание, как грустная песня дудука,
Ранимое, страстное сердце, доблесть, сила мужчины,
Янтарное солнце и горы — то шлем и кольчуга
Надень их, защитник, и будь же Арцахом хранимый!

01 августа 2006 г.

МОЙ АРЦАХ

Мой Арцах, я в кольце твоих гор, как в объятьях любви,
Переполнен словами, их высказать нет сил и духа,
Упиваюсь простором, наполненным силой земли,
В твоём имени - мощь, красота и энергия звука.
Арцах!
Я услышал от птицы, летящей в седых облаках.
Арцах!
Беспрестанно пульсирует кровь в напряженных висках.
Арцах!
Твой народ, как святыню, хранит это имя в сердцах.
Арцах!
Сбереги свою душу родную, отец, в бесконечных веках!
Мой Арцах, я частичка твоя, как и множество тех,
Кто веками тебя защищал, жил единой судьбою.

Все дороги к тебе приведут, ведь за сменою вех
Та же кормит земля, те же ветры шумят над главою.
Арцах!
Я услышал от птицы, летящей в седых облаках.
Арцах!
Как морзянка пульсирует кровь в напряженных висках.
Арцах!
Твой народ, как святыню, хранит это имя в сердцах.
Арцах!
Сбереги свою душу родную, отец, в бесконечных веках!
Декабрь 2006

МОИМ ДРУЗЬЯМ-АРМЯНАМ

Есть магия в тенистом слове «джан»...
Наполненное жизнью и любовью,
Оно — сама душа, как Божий Храм,
Где силу обретаешь над собою.

В нем красота, энергия ветров,
Оно сродни харизме Арарата.
Среди его бесчисленных даров
Радужный кров друзей — душе отрада.

Ведь там я не подвластен хмурым дням,
Ведь там узнал я, что в судьбе случится:
Фамилии любимые на «ян»,
Друзей очаровательные лица.
И каждой клеточкой впитаю простор,
Мне сердце говорит открыто, прямо:
Хочу вдыхать свободный ветер гор
И тосковать с дудуком Гаспаряна.

07.02.2008 г.

НУР¹

Арману Давтяну (Нуру)

Рубиновое содержимое его души
соком своим не раскрашивало,
а делало ярче краски божьего мира.
И даже толстая прочная оболочка бытия
не могла умалить всю прелесть
изнутри лучезарных зерен,
они манили, притягивали магнитной силой.
Хотелось любоваться ими, не отрывая глаз,
гипнотизируя самого себя,
повторяя: еще...еще, смотри, не отрываясь,
проникай в эту сущность всем существом,
каждой клеточкой впитывая живительный сок,
маленькая капелька которого
целительнее миллионов километров пути.
С каждым мгновением сосуществования рядом
я понимал все больше и больше,
что сладким может быть
не только запретный плод.

20.08.2008

ЛЮБИТЬ АРМЕНИЮ ПО-РУССКИ...

Любить Армению по-русски — не спеша,
Как будто вновь рождается душа.
На Арарате, начиная путь,
Она любила так, что не вздохнуть.

Любить Армению по-русски — наотрыв,
Над суетой привычной воспарив.
Законы суеты добром поправ,
Иметь кавказский дух и русский нрав.

---

¹ Нур — армянский гранат.

Любить Армению по-русски — наразлом,
Когда любовь есть, беды нипочем!
Когда, казалось бы, что больше нету сил,
Но любишь так, как раньше не любил.

Любить Армению по-русски — в тишине,
Пьянея страстью, боль топить в вине.
И отдаваться той любви сполна,
Показывая, как она ценна.

Любить Армению по-русски — без измен,
Решая миром множество проблем.
И выбирать родителей из стран:
Россию — мать! Отца же — Айастан!

Любить Армению по-русски - без причин,
Лететь душой в святой Эчмиадзин.
Неся в себе спасение Креста,
С благословением жить Господа Христа.

25 октября 2008 года

***

Уж лучше быть карманным воров,
Чем стать источником раздоров
Между народами двух наших стран.
Я русский! Я люблю армян
Одной любовью, как своих сограждан.
И мне, поверьте, очень важно,
Продолжить эту линию добра.
Пускай идет политиков игра,
Пускай пытается посеять смуту
Отребье в трудную минуту,
Расставить нас, поссорить, разделить.
Мы будем продолжать дружить,
Своей любовью, наполняя души,
Вселять уверенность, и слыша слушать,
Как бьются в унисон сердца,
Как звонки наших деток голоса,
Когда они играют вместе,

Как плачет сердце от плохих известий,
Что где-то новоявленный дебил
Собрата зверски моего убил.
Делить нам нечего. Мы все под Богом.
Прокладывая по Земле дороги
Своих судеб, мы нашу жизнь творим.
Ведь каждый человек неповторим,
Будь армянин он или русский.
И только лишь умишко узкий
Способен создавать врагов из тех,
Кто делит слезы или смех,
Последнюю рубашку, кусок хлеба.
Взирая вместе с нами в небо,
У Бога просит мира и добра.
Поверьте, что давно пора,
Отбросив зависть и гордыню,
Принять нам дружбу, как святыню.

11.03.2009

***

Шушан Петросян

Дождь тюлем занавесил Дилижан,
Сокрыв от мира милый рай Размика,
А вместе с ним домашнюю Шушан.

Там, в том пейзаже, в теплом море бликов
Ее любви прекрасный островок
Был непосредственен, изыскан, нежен.

Увидел я, сев в легкий катерок,
Что океан души ее безбрежен.

И в этом катерке (увы и ах!)
Мне не судьба доплыть до нужной цели,
Что утону в задумчивых глазах.
Из них мне в душу ангелы глядели.

20.03.2009

***

Покажи мне дорогу на юг!
Через терние непостоянства
Колею, словно лыжник в пространстве,
Я незримо к тебе проторю.

Из российских просторов приду,
Чтоб в глаза твои, цвета тутовки
Вновь взглянуть. Хоть попытки неловки
К моему, брат, прости уж, — стыду.

Я хочу в них увидеть опять
Предначертанный Господом жребий.
Как в момент совершения требы
Я готов Слову Бога внимать.

Ведь недаром, скажи, милый брат,
Он нас свел на арцахских просторах?
Чтоб в маштоцевских буквах-узорах
Я увидел Его светлый взгляд.

Чтоб прочел на хачкарах слова,
Письмена на стенах Гандзасара.
До сих пор от нежданного дара
В благодати моя голова.

Я хочу хоть немного отдать
Той любви, что подарена Богом.
Милый брат, я осилю дорогу,
Чтоб Арцах, в тебе видя, обнять.

Март, 2009

СКРИПКА ГОСПОДА

Слышу музыку в небе лазурном
И туда устремляю глаза.
Вижу образ в сиянье ажурном,
Чистый, словно ребенка слеза.
Над Масисом лик Ангела света
Проявляет ко мне интерес.
Звуки в сердце, как строки Завета,
От звучания скрипки с небес.
Вместе с радостью скорбная нота,
С благодатью - печаль и тоска.
В этой музыке- вера народа,
Что хранит его душу века.
Сколько раз рвали струны у скрипки,
Но она под охраной Христа.
— Знай, мой друг, — молвил Ангел с улыбкой, -
Скрипка Господа — наш Айастан...

Играет Ангел златокудрый мой
На скрипке Господа мотив чудесный.
Останется Армения со мной,
Пока звучит в душе Господня песня.
Плач скрипки Господа у нас в крови,
Передаем его своим мы детям.
Дай, Господи, Армении любви,
Пока Ты с нами, мы живем на свете.

2009

***

В тебе — дух Света, воина Добра,
Потомок славных Айка и Вардана,
Ты должен верить, что придет пора,
Когда затянется больная рана,
И воссияет веры нашей свет
В сердцах рассеянных по миру братьев.
Однажды данный Господу обет

Несет народу Айка мир и счастье.
Поверь, брат мой, народ армянский жив,
Пока с ним плоть и кровь Христовой веры.
Однажды ею нас вооружив,
Господь нас перенес в иные сферы.
Где мы смогли друг друга понимать,
Преодолеть обиды и расколы.
С нас невозможно кожу веры снять,
Без Бога беззащитны мы и голы.

27.10.2009

***

Вновь за весною полечу
в мой горный край
прекрасный край

увидеть снова я хочу
библейский край
предвечный край

твой каждый свежий лепесток
цветущий край
пахучий край

твой каждый голос, голосок
поющий край
молчащий край

хочу вобрать в себя сполна
пьянящий край
бодрящий край

ростком зеленым из зерна
кормящий край
творящий край

в тебе мечтаю прорости
великий край
духовный край

к тебе ведут мои пути
распятый край
воскресший край

29.06.2010

НЕБО АРМЕНИИ

Небо Армении - мой третий глаз
Цвета любви с горьким вкусом полыни.
Глядя в него, прикасался не раз
Робкой душой я к великой святыне.

В небе Армении гордым орлом
Духом свободы, летя, наслаждался,
В этом огромном пространстве живом
След моих глаз, как автограф, остался.

Небо Армении — книга времен,
В ней я прочел об истоках и смыслах,
Слыша смех радости, горести стон.
Знание то в моем сердце и в мыслях.

Я принимаю небес широту,
И растворяюсь в нем капелькой влаги,
Веря в спасение и в доброту,
И в продолженье Божественной саги.

11.08.2010

***

Внедренный ген армянского пространства
Спокойно жить мне не дает на свете.
И я бытую в первозданном свете
На внеграницной родине армянства.

Хожу я скрытно средь потомков Ноя,
Но ощущаю их сердцебиенье,
Иду от поклоненья в поколенья,
Контужен знаньем, как волной взрывною.

Мне руки греет кофе «по-армянски»,
Особым жаром проникая в поры,
И полагаю я, что очень скоро
Начнет меняться и мой вкус славянский.

Лечу я зренье видом Арарата,
Его я вижу из снегов российских.
Масис и Сис не горы — обелиски,
Напоминая, горестная правда.

Братаюсь я с Чаренцем и Эмином,
Молюсь Спасителю в песках Дер Зора,
Объять хочу своим духовным взором
Загадочную душу армянина.

03.02.2011

***

Не ставь в жизни точку, не видя Армении,
Уйди в самоволку от строгого времени,
И пусть оно ждет, подкинешь ли весть ей,
Садись в самолет, лети в поднебесье.

Пусть пару часов проведешь в ожидании,
Зато тебя ждет там большое свидание,
Огромная радость, не знаешь ее ты,
Но именно к ней тебя мчит самолетом.

Вглядись в облаков пух. Найдет твоё зрение
Отраду и отдых, и силу движения.
Ты сверху увидишь улыбку «Звартноца»,
«Звартноц», как реактор, как вспышка на солнце.

Когда приземлишься, то на подсознании
В себе ощутишь ты большое желание
Вдохнуть полной грудью такой ароматный
Армении воздух — родной, благодатный.

Почувствуешь в лицах и рукопожатиях
Особого рода большую симпатию.
Как много энергии в ней и азарта,
А ты, как корабль, ожидающий старта.

И в космосе глаз ты сквозь тысячелетия
Увидишь бесценное жизни наследие
Народа-творца, народа-искателя.
В глазах тех тоска и воля Создателя.

Велик тот народ и достигнет бессмертия,
Что веру, любовь проносил сквозь столетия.
В том честь для тебя, и твоя в том заслуга:
Армения ждет тебя — сына и друга.

Февраль 2011

АБРИКОСОВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Как сладок абрикоса сок,
что на губах любимой!
Блаженства ароматный ток
в душе неизлечимой.

Пои, любимая, пои
меня лечебным соком.
Мне губы нежные твои
как «аллилуйя» Богу.

4 июля 2011

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЕРДЦА

*«Я - сын сынов армянского народа
и больше всех люблю его и чту.
Но солнце русское мне светит с небосвода,
как продолжение сердца в высоту».*
Ованес Шираз

Вскормленный в лоне русского народа,
Армению младенчески люблю.
Приемный сын? Иль продолжение рода? —
Меж двух отчизн я сам себя делю.

Живем мы все под общей кровлей неба
В различных комнатах, семьей большой.
судьба была жестока и свирепа,
Но мы остались чистыми душой.

Душа народов наших — лучик солнца,
Несущий свет, дарующий тепло.
Мы — словно два знакомых незнакомца,
Нам узнавать друг друга повезло.

И я приемлю это узнавание
Открытым сердцем, страждущей душой.
Так пополняет силу рек слиянье,
Так в тире дорог выстрел призовой.

Как к матери ребенка — тянет в горы,
Однажды в них я свой покой найду.
Через России дивные просторы
В Армении стремлюсь я высоту.

9.09.2011

***

Опять во сне я видел Арарат,
его вершины в одеянье снежном.
И понял я, что лишь тогда богат,
когда живу, неся в душе надежду,
что этот кладезь мудрости времен
откроет людям свою душу снова,
и в мире от невежества больном
появится надежная основа.
Ну а пока мы только валуны!
Лишенные отеческой опоры,
мы падаем к подножию страны,
которую у нас отняли воры.
И это большая из всех утрат,
которая мне не дает покоя.
Во сне я снова видел Арарат...
Жаль в жизни я пока не встретил Ноя.

17.10.2011

***

Ты сплетаешь узор величаво и смело
из Маштоцевских букв, кареокая дева.

Оплетая меня, как лозой винограда,
Проникает до сердца девичья рулада.

Безупречно красива твоих губ огранка, -
чудный дар твоих предков, богиня-армянка.

Как Аракса поток, освежающий летом,
Твои речи — живая вода для поэта.

В ней нельзя утонуть, но и жить нереально...
О, армянка-краса, как же ты идеальна!

17.01.2012

КАРС

Я отдаю себе отчет, то не обман!
Я не ослеп, и не схожу с ума,
Я вижу в Карсе старый Ереван.
Похожие, как близнецы, дома.

Их единицы сохранились здесь,
Другое время и другой народ.
Гоняет ветер вековую спесь
Потомков тех, кто прекратил мой род.

Иду я к церкви, только там мечеть
Иду домой, но дом уже не мой!
Здесь, в старой крепости, застыла смерть -
Надсмотрщик над украденной страной.

Ищу, как раньше Пушкин, я постой,
Но не Артемий¹ открывает дверь.
Армянский Карс покрылся мерзлотой,
Земля родная — в череде потерь.

Я прикасаюсь к храму без креста,
Отдать хочу энергию любви.
В земле, что кровью предков полита,
Господь, прошу, ты милость нам яви.

---

¹ В своем «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», А.С. Пушкин тепло отзывается об армянской семье, которая приютила его в Карсе и упоминает лишь одно имя младшего члена семьи Артемия. 14.03.2012.

С.Б. КАЛАШНИКОВ

Поэт, эссеист, филолог. *Родился в Германии. Жил в Чите, Будапеште, Волгограде.* Публиковался в журналах «Звезда», «Знамя», «Сибирские огни», «Волга», «Номо Legens», альманахе «РАритет». Автор «Филологического романа» (2006), книг стихотворений «Равновесие» (1999), «Тритон» (2008), «Музыка напоследок» (2014), «Каменный остров» (2016). Живет в Москве. Является автором цикла стихов **АРМЕНИЯ.RU**.

ЗВАРТНОЦ — ЕРЕВАН

Аэропорт. Военный городок.
Торговые ряды. Отрада
коньячной крепости. Небесный кипяток
и цвет граната
в гортани. До чего свежа
рапсодия того распада,
когда кромсают без османского ножа —
и умоляют об одном: «Не надо!» —
очами, молча. Слишком горяча
и кареглаза — Боже правый! —
артериальная свеча
армянской памяти для речи златоглавой.
Ржаного воздуха крутой замес.
Моя печаль — голубоглаза.
Вот Пушкин — где же Ж. Дантес?!
Вот Грибоедов — где алмазы?!

13.01.2021

ЕРЕВАН - ВАГАРШАПАТ

За пазухой — армянский грош.
Розовотуфье, штукатурки
советское упрямство. Сплошь
из джазвы кофе (слово «турки» —
ни-ни!). Навстречу белорусы:
бутылка тутовой, арбузы —
такие же, как я, придурки:
родную кровь не проведешь!

Давай свернем на Pushkin-street!
По-русски — вывеска «Аптека».
Да видит Блок, не говорит
почти никто здесь четверть века
на северном моем наречьи —
кремнистый в пору алфавит
заучивать нечеловечий.
Трехцветным пламенем горит

полотнище де Лузиньяна.
Лазурная мечеть: здесь чай
когда-то пил О.М. — и пьяно,
и сыто зрению! Встречай
меня небесный книгочей-
орел и лев золотогривый! —
чтоб высосали синь очей
подслеповатые извивы

крещенных молотом камней
Вагаршапата. Передышка:
глубоководнее, ровней.
Прочистим горло, серафимы —
а то, пожалуй, это слишком
непререкаемо. Ей-ей,
под сводами неисчислимо
их — шестикрылых голубей

Святого Духа, купидонов
Завета Ветхого, огня,
меча, четырехгранных звонов —
не приговаривай меня!
Столпились надо мною в круг вы,
чтоб ослепительнее, чтоб —
но ни одной священной буквы
я не могу: прости, Месроп.

13 — 14.01.2021

ГРНГОРЕΩ¹

Волосяная музыка — тварей из ничего
Ты Сотворивший! — ее изумрудные нити.

Черное — скоро не станет его! —
Сасанидов солнце стоит в зените.
Знает об этом на самом дне Вардапет
каменной казнелюбивой котомки:
царь выпускает вепря на белый свет
из сердцевины сердца, печени, селезенки.
Лавр обедает, утробой рычит,
пожирает коренья, зарывается рылом в плов, а
за его спиной шипит Анаит:
«Не прощай убийцу царя Хосрова!»
Ту, что выше похвал, в наложницы подавай,
тридцать две приведи виноградных девы!

И сказал Саул Давиду: «Играй
на орудиях струнных свои напевы!»
14 — 16.01.2021

ХОР ВИРАП

1

И в этой яме я сидел когда-то.
И вот теперь — в крови моя рубаха:
под шапкой Мономаха Арарата
румяная граната Карабаха.

В чужом саду — малиновая слива.
Густая кровь армянского Ван Гога —
в закаты эриванского разлива
ее всегда подмешано так много!
07.10.2020

---

¹ ГРНГОРЕΩ (γρηγορέω) — др.-греч. «бодрствую».

Сплошного неба капающий луч —
 чтоб выкипела глиняная охрипь.
 Когда бы знать, как он журчащ и жгуч,
 и выплакаться прокаленной охре б!

Карминный сумрак — зрение и слух.
 И много ближе к царственной Голгофе —
 когда лозы последний треск потух
 и камни вопиют о Саваофе.

16 — 17.01.2021

СВЯТОЙ КРЕСТ

*Андранику Саргсяну,
 другу и брату*

4 литра на двоих
 мы взяли пива «Киликия».
 Глава 37-я, стих
 17-й Иезекииля.

Арцаха цокотом копыт
 и клетотом гортанным взрыто
 нагорье горестное — взрыд
 порфиноносного гранита.

Стакан выплескивает кровь
 свою — на праздничную скатерть.
 В Константинополе любовь
 уже закончилась, приятель!

Уже заложен Третий Храм,
 и вновь беспрецедентны меры.
 Выпрастывает Notre Dame
 обугленные ребра веры.

Но слово помяни мое —
 во мне огонь «Васпуракана»:
*Пока в Твоей Земле Копье,
 Всегда Сочиться Будет Рана!*

14.01.2021

ГЕГАРД¹

Голос без тела, ослепшее ухо.
Дуги тройные, крепление простое.
Дырочка в куполе — словно для слуха.
Камни-кресты, умиравшие стоя.

Что остается? Почти ничего.
Ласточка в небе чего учудила!
И неприступная воля Его
снова сосет голубые чернила.

Снова сосет и вонзает копье
близкое небо в росу золотую —
и отлетает душа. И ее
кто-то неслышно за это целует.
23.10.2016

---

¹ Гехард (арм.) — монастырский комплекс, уникальное архитектурное сооружение.

Р.В. ГАЦКО-СЛАВАЦКИЙ

Роман Вадимович Гацко-Славацкий, (род. в 1957 г. в кафедральном городе Подмосковья — Коломне), поэт, прозаик, церковный историк, переводчик, сонетолог. В Союзе писателей РФ (Московская городская организация) с 1999 г. Автор нескольких десятков книг поэзии, художественной и документальной прозы. Руководитель Коломенского отделения Международного научно-творческого семинара «Школа сонета». Создатель новой канонической формы — «коломенского сонета», в котором дистих идет не в конце стихотворения, а после первого катрена. Зам. гл. редактора литературно-художественного ежегодника «Коломенский альманах» (с 1997 г. вышло 25 номеров). Заведующий отделом старейшей православной газеты Подмосковья «Благовестник» (с 1992 г.), ведущий портала «Коломенский текст». Удостоен многих церковных, литературных и общественных наград. А это его сонеты.

АРМЕНИЯ

Армения! — своды ведут в подвал,
где пленная Вечность спит,
и зреют неведомые слова,
как в бочках дубовых — спирт.

Наполним стопки, поднимем тост:
да будет славен Месроп Маштоц!

Да будут славны дела его:
армянских Писаний кровь;
да помнит узорное мастерство
Матенадарана кров!

Багрянцем пропитаны клады книг —
бессмертия вещий знак;
и зреет слово святое в них,
как старый густой коньяк.

АРГИШТИ I, ЦАРЬ УРАРТУ
(надпись 782 г. до Р.Х.)

«Сын Менуа и первый Аргишти,
как приказал великий Халди-бог,
велел я эту крепость возвести —
могущественный каменный чертог.

И я назвал ее: «Эребуни» —
оплот моей державы — Биайни!

Там, где пустыня пыльная была,
среди немых поверженных камней,
я совершил великие дела:
прекрасный замок высится над ней!

Он, словно страшный страж, хранит покой,
укрыв страну от вражеской стопы.
Я — Аргишти, под божеской рукой —
царь Биайни и города Тушпы».

АРЦАХ

Твой монастырь высокий и сед, и стар,
(счесть огоньки реликвий пришла пора!) —
тайной горой сокровищ стал Гандзасар:
россыпью слова и копиями серебра.
Твой Амарас — точеный святой футляр
камень Арцаха — сверкающая искра!
Разве угаснет лампы багряный жар,
если зарей предвечной горит гора?
Замки и крепости в лоне твоих чащоб
связаны тайным неводом горных троп,
там, где рассыпан Временем пыльный прах.
Там, где водой живою кипит исток,
спрятан бессмертия вечно живой цветок —
сердце Армении — выстраданный Арцах!

ХАЧАТУРЯН

Сединами украшен львиный лик
в очах великих — пламенная даль...
И музыка вскипает, как родник,
сверкает, словно сабельная сталь.

Она клубится пеной облаков,
и бьется — пульсом крови и веков!

Он смог собрать в густой и пряный ток
багряную зарю и тайны тьмы,,
манящий Запад, сладостный Восток,
Армянский край и Римские холмы.

Удержит ли его могучий дух
торжественный посмертный Пантеон?
— Не молкнет звук, и ширится вокруг,
безмерною Вселенной вознесен!

ГРИГОРИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

(год 301)

Замкнутый в страшной глубине тринадцать лет,
в щели неведомой, в шахте армянских гор
Теплит у сердца молитвы нетленный свет
в царском узилище мученик, Сурб Григор.
Только внезапно открылась его тюрьма:
царь безнадежно болен, сошел с ума!
— Можешь его исцелить? Помолись о нем!
Так ли ты властен, как слухи о том трубят?
...Тьма отступает, сожженная ясным днем,
прежний тиран очнулся, пришел в себя!
Царь окрестился, крестилась его страна,
первою во Вселенной приняв Христа!
...Если святитель врагом низведен до дна,
Богом ему суждено до небес восстать!

ГАРНИ

Очнулся Гелиос! Зарей обагрена,
светлеет кромка гор в предутренней тени;
и снова восстает из каменного сна
закованный в базальт загадочный Гарни,

и высится колонн лиловая чреда
в оплоте, что создал когда-то царь Трдат...

За россыпью веков, за тьмой двух тысяч лет
отыщешь ли теперь Элладу или Рим?
Но здесь, в Земле армян, гранатовый расцвет
аттическим костром горит, необорим.

Отеческим богам и греческим ветрам
во славу возведен его священный зал.
И вьется, вплетена в невероятный храм,
сквозь эллинский аканф — армянская лоза.

АМБАРЦУМЯН

Ловец галактик, зоркий звездочет,
ученый страж бесчисленных миров —
он вызнал, как Вселенная течет,
он высчитал туманностей покров!

И смотрит сквозь грядущие века
немыслимое око — Бюракан!

И льется из космических полей,
прошедший через сотни тысяч лет,
летающий к нашей сказочной Земле
Большого Взрыва выбеленный след.

Он здесь нашел заветный свой приют...
И тут, на склоне вздыбленной горы,
Большим Ковшом его здоровье пьют
когда-то им открытые миры.

ЭЧМИАДЗИН

Рисует в небесах Эчмиадзин
прочерченный резцом сквозной узор;
в его сединах стынут сотни зим:
богатство, слава, горечь и разор...

В его покоях скрыты сотни лет,
теплом согрет базальтовый откос;
в его лампадах держит вечный Свет
отец армян — седой Католикос.

В его стенах таятся сотни книг,
реликвии, заветные гробы,
но самое бесценное из них —
пронзившее Христа Копье Судьбы!

Сплетенный из мистических лозин
хранит его святой Эчмиадзин...

САНАИН

Божественных речей базальтовый ковчег —
двуглавый оберег: два храма — две скалы!
Все было: дрожь земли, и вражеский набег,
но выжил Санаин среди монгольской мглы!

Сокровища наук укрыл суровый свод...
Своих учеников к Писанию завет
искуснейший Магистр — Григор Пахлавун.

И слышатся шаги среди истертых плит:
и огненный Платон, и въедливый Эвклид
проходят между ниш в таинственной тени.

На глади крепких стен — узорною резьбой:
рельефы и кресты легли среди седин...
И дремлет, нерушим, над грозною судьбой
базальтовый ковчег — священный Санаин!

ТОРОС РОСЛИН

Где на границе азийских волн
вбит Киликии клин,
пиршество рукописей возвел
кистью — Торос Рослин.

Вспыхнули сквозь вековую хмурь:
пурпур, и золото, и лазурь!

Новозаветная длится нить —
дивных рисунков ряд!
На разворотах бесценных книг
краски его горят.

Плети цветов разгоняют мглу,
и на полях страниц
Вечному Богу поют хвалу
тысячи райских птиц!

ИОСИФ ОРБЕЛИ

Грохочущий пророк, суровый страж,
связующий столетия и дни,
он помнит все: блокадный Эрмитаж,
и древние развалины Ани,

Он ведает чекан кавказских строк
и кровь на перекрестиях дорог;
и дальний зов персидских окарин,
и тонкое арабское перо,
ковчеги драгоценные витрин,
с тяжелым сасанидским серебром...

Волнуется Нева, кружится снег,
и пахнет непогодой морской...
И дышит Русский каменный Ковчег,
направленный пророческой рукой!

ХАЧКАР

О чем они молчат? Какая глубина
струится сквозь покров резьбой старинных плит?
Хранит узорный туф прекрасная страна,
и льется благодать из каменных молитв.

Пронес процветший Крест сквозь войны и века
витьем точеных лоз украшенный хачкар!

Умелый камнерез чеканил кружева
среди цветов и звезд плетя сокрытый шифр;
и гроздьями лежат заветные слова —
крылатые кресты рождаются из них!

И вот они стоят у храмовых оград —
так пчелы стерегут в тиши высокий сот.
И чудится: живет бессмертный вертоград,
И мнится: из камней текут вино и мед!

БАГРАМЯН

Клочок рассвета дымен и багрян,
оскалился клыками Кенигсберг;
глядит на груды камня Баграмян
и слышит, что нашептывает Смерть.

«Пришла пора всему подбить итог...»
И страшной тучей дыбится восток.

Он помнит гарь оставленных полей
и черный чад прорывов и атак;
и эта память яростней и злей,
чем самый ядовитый зной и мрак.

Повержен Барбаросса — жалкий вождь,
хрипит, грозит косматой бородой...
И волны заливают рот его
кровавою балтийскою водой.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Е. ГУСЕВ

И в завершении нашей книги в качестве заключения скажу, что в 2014 г. я был приглашен в Ярославль на презентацию книги Ю.И. Аруцева и А.А. Гукасяна «Армяне - России. Великая Отечественная Война 1941-1945 гг». 3-ья глава этой книги (С. 54-125) «Армяне - Герои Советского Союза» полностью взята с моего согласия из моей книги «Армяне - Герои Советского Союза» (Ереван. Уточненное III издание. 2015). Это послужило поводом для моего приглашения в Ярославль на презентацию названной выше книги. Презентация прошла на высоком уровне, но любопытно другое. В завершении мероприятия, неизвестный мне участник, подошел ко мне и положил на стол рукопись своего стихотворения “Нектар богов”. (Ода армянскому коньяку).

Это стихотворение, помещенное вместо заключения, нам кажется, полностью соответствует армянской традиции, когда участники застолья в завершении мероприятия всегда благодарят гостеприимных хозяев. Так пусть это стихотворение станет символическим тостом за здоровье и хвалебным, сердечным словом благодарности авторам, написавшим прекрасные стихи об Армении.

НЕКТАР БОГОВ

(Ода армянскому коньяку)

«Коньяк армянский» — ах, созвучие,
Оно известно всем давно,
И означает это — лучшее,
Непревзойдённое вино!

Я знаю, многие так ахали,
Вполне уверенные в том,
Что лишь волшебники и знахари
На «ты» в общении с коньяком.

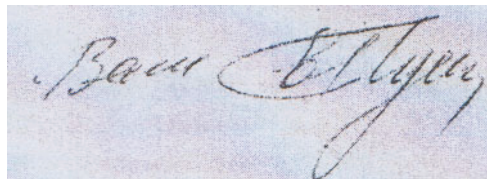
Отмечен многими наградами
Напиток сей, и мы спешим
Узнать о том, как виноградари
Священнодействуют над ним.

Нектар богов рождают люди,
Верней, лоза и солнца свет,
Но до мерцания в сосуде
Проходит много дней и лет.

Огонь свечи или камина
Ему таинственность несёт,
Вплетая запахи жасмина
Во вкус и цвет медовых сот.

Зачем на возраст делать скидку,
Ведь он «чем старее, тем сильнее».
Хвала волшебному напитку
Былых веков и наших дней!¹

11 ноября 2005 года

A photograph of a handwritten signature in dark ink on a light-colored, slightly textured paper. The signature is written in a cursive style and appears to read "Валери Е. Тугай".

---

¹ Публикуется по рукописи автора.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В конце научного исследования обычно делаются выводы. Мы этого делать не стали. Материалы нашего исследования по русской поэзии всех времен об Армении сами говорят за себя как в научном, так и в общественно-политическом звучании.

Вместе с тем мы сочли необходимым включить в «Послесловие» книги, некоторые сведения о проделанной нами работе по исследованию русской литературы в Армении за последнее десятилетие. Это не имеющие аналогов в русской и армянской литературах международные конференции по сквозной теме «Русские классики: русская и национальные литературы». Ведь, исследуемые прозаические сочинения русской литературы на конференциях, как и вообще проза, являются основополагающими для зарождения поэтических произведений, которые возникли на много веков позже русских прозаических сочинений.

В антологии мы проследили русскую поэзию об Армении начиная с ранней поры и до наших дней. Естественно, охватить полностью все поэтические сочинения русских авторов практически невозможно. А охваченные же в исследовании стихи русской поэзии достаточно полно создают образ Армении с ее историческими взлетами и потерями, достижениями и упущениями, победами и поражениями, радостями и горестями, а в совокупности образ Армении в русской поэзии высвечен ярко. Познакомившись с материалами нашего исследования, читатель может получить убедительное впечатление об исторической и современной Армении, даже не побывав в этой стране. Эта мысль подтверждается признанием редактора книги доктором филологических наук, профессором Смоленского государственного университета Ириной Викторовной Романовой о том, что, она «никогда не была в Армении. Но с недавних пор у нее появилось чувство, что она знает эту многострадальную и благословенную землю, которую она увидела глазами русских поэтов... ЭТУ Армению создали не армяне, а русские, волею судеб прикоснувшиеся к ее истории и культуре. Воспетая русским стихом, она унаследовала то, что отличает наш национальный характер и нашу национальную литературу: способность к сопереживанию, совесть, стремление извлечь исторические уроки, непреодолимую тягу к воле, стойкость духа, преданность в дружбе и любви, неистребимую романтичность, очарованность красотой» (См. От редактора).

Такое чистосердечное признание свидетельствует о том, что она, как читатель, прониклась образом современной и исторической Армении и все это через стихи русских поэтов. В совокупности все это заслуживает доверия и высокой оценки русской поэзии об Армении.

В послесловии мы сочли необходимым вынести на суд читателя информацию о нашей работе касательно **русской прозы об Армении**, которая возникла на несколько веков ранее возникновения русской поэзии. Это как дополнение к теме. Одно из ранних упоминаний об Армении в прозе встречается в слове «Св. Феодосия игумена Печерского монастыря», написанном в 1069 г. Упоминание об Армении получило продолжение в «Повести временных лет»(XIIв.), разнообразной житийной и различной русской литературе путешествий.

Об этом мы свидетельствуем, чтобы показать закономерность появления русской поэзии об Армении и чтобы широкий русский читатель знал, что в Армении интерес к русской литературе всегда был велик. Особенно это проявилось в советский период. А в наши дни (в начале XXI в.) мы организовали и провели международные конференции по сквозной теме «Русские классики: русская и национальная литературы», получившие широкое распространение и высокую оценку международной общественности.

1. Н.В. Гоголь: русская и национальные литературы. 2009г.
2. А.П. Чехов: русская и национальные литературы. 2010г.
3. Л.Н. Толстой: русская и национальные литературы. 2010г.
4. М.Ю. Лермонтов: русская и национальные литературы. 2011г.
5. Н.А. Некрасов: русская и национальные литературы. 2011г.
6. А.С. Пушкин: русская и национальные литературы. 2012г.
7. А.Н. Островский: русская и национальные литературы. 2013г.
8. И.С. Тургенев: русская и национальные литературы. 2013г.
9. Творчество М.Ю. Лермонтова: диалог культур. 2014г.
10. М.Е.Салтыков-Щедрин: русская и национальные литературы. 2014г.
11. А.С. Грибоедов: русская и национальные литературы. 2015г.
12. Н.М. Карамзин: русская и национальные литературы. 2016г.
13. М.А. Булгаков: русская и национальные литературы. 2017г.
14. А.И. Солженицын: русская и национальные литературы. 2018г.
- *Снят документальный фильм по конференции (Youtube – Конференция Амирханян)*
15. А.А. Ахматова: русская и национальные литературы. 2019г.
16. И.А. Бунин: русская и национальные литературы. 2020г.
17. Л.Б. Пастернак: русская и национальные литературы. 2020г.

- По материалам конференций традиционно к открытию издавались коллективные монографии.
- Отзывы по итогам конференций “Русские классики: русская и национальные литературы” были собраны и изданы отдельной книгой. (Ереван. 2019).
- В своих письмах участники конференций отметили высокий научный уровень международных конференций, свое восприятие и удивление историческими памятниками Армении, отметили армянское национальное гостеприимство и даже написали стихи:

А. С. КИБАЛЬНИК

Доктор филологических наук, “Пушкинский дом”, СПб.
 Стихи на 80 -летие М.Д. Амирханяна
 (по следам Пушкинской конференции в июне 2012 г.)

Подъезжая под Ижоры,
 Я взглянул на небеса
 И вспомнил ваши взоры,
 Ваши карие глаза.

Славно имя Еревана
 В Академии наук –
 А теперь Амирханяна
 Не пустой для сердца звук.

Там, где некогда прощался
Пушкин с «Грибоедом»
Встретился «случайно» -
Сонм литературоведов.

Посредине людной трассы
«Ереван - Степанаван»
Нас июньским знойным часом
Здесь собрал Амирханян.

Подъезжая под Гергеры
Взглянем мы на небеса,
И мгновенно вспыхнут верой
Чуть потухшие глаза!...

*Участники Пушкинской конференции у памятника Пушкину-Грибоедову.
На месте встречи Пушкина с телом Грибоедова
В первом ряду пятый слева — М. Амирханян*

Т.Л. ВОРОБЬЕВА

Н.В. ОТУРГАШЕВА

Кандидаты филологических наук, доценты.

Томский государственный университет

Сибирский институт управления

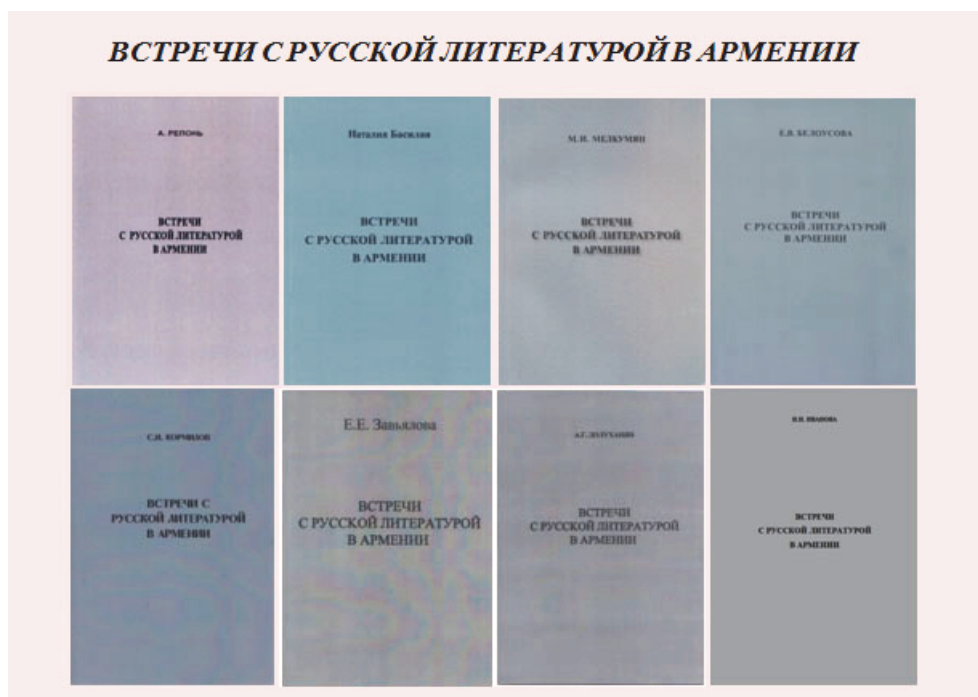
Осенняя пора, очей очарованье!
Армении чудесный аромат.
И гор высоких гордое сиянье,
А богатырь меж ними – Арарат.
Мы поднимались к храмам на вершины,
Спускались к Ною, к винным погребам.
Нас вдохновляли горные долины
И разделили сердце пополам.
Ведь Солженицын свел нас в Ереване,
И с Михаилом Давидовичем они
К высокому служению призвали
И подарили радостные дни.
Пусть крепнет наша дружба, бед не зная,
Дает свои духовные плоды,
А в Центре языка Амирханяна
Пусть множатся научные труды.
Про все напишем и про все расскажем,
Чей юбилей бы ни случился вновь.
Мы уезжаем, в сердце сохраняя
К Армении горячую любовь!

10.11.2018

- Материалы всех прошедших конференций оцифрованы (около 8000 стр.) и размещены в электронном архиве Уральского Федерального университета (Екатеринбург) <http://elar.urfu.ru/handle/10995/74077>.

На всех 17 конференциях было прочитано более 700 научных докладов. Приняли участие представители вузов и научных центров 17 стран ближнего и дальнего зарубежья – России, Германии, Грузии, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Литвы, Румынии, Словакии, США, Узбекистана, Японии, Израиля, Индии, Армении и Арцаха, в том числе из более 50 городов России.

По желанию некоторых из многократно участвовавших (7-15) в прошедших в Ереване международных конференциях по сквозной теме «Русские классики: русская национальные литературы» в 2009-2020гг. нами изданы сборники статей нижеследующих авторов с нашим предисловием под заглавием:

- Репонь А. – доктор философии, Университет им. Матая Бэла, г. Банска Быстрица, Словакия, 2018;
- Басилая Н.А. – доктор филологических наук, профессор, ассоциированный профессор Института русистики Гуманитарного факультета ТГУ им. И.Джавахишвили, 2019;
- Мелкумян М. И. – старший преподаватель, Ереванский госуниверситет Встречи с русской литературой в Армении, 2019;
- Белоусова Е.В. – старший научный сотрудник, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2019;
- Кормилов С.И. – доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2020;
- Завьялова Е.Е. – доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, Ереван, 2020;

- Долуханян А.Г. – доктор филологических наук, профессор, Ереванский государственный университет им. Х. Абовяна. Членкор АН РА, 2021;
- Иванова И.Н. - доктор филологических наук, профессор. Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь).

P.S. Дорогой читатель, нами выполнена огромная общественно-полезная научная работа. Мы не исключаем, что в ней могут быть и определенные упущения. Надеемся, что читатель поймет это и не осудит нас. А кому не понравится, пусть сделает лучше...

М.Д. Амирханян

СОДЕРЖАНИЕ

1.	От редактора	3
2.	К читателю	5
3.	ГЛАВА I. РУССКАЯ РАННЯЯ ПОЭЗИЯ И АРМЕНИЯ	25
4.	ГЛАВА II. РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА И АРМЕНИЯ	31
5.	С. Митропольский	31
6.	Мысли о Армении	33
7.	Д.И. Хвостов	49
8.	Н.И. Бутырский	51
9.	И моя доля. В сонетах	52
10.	Селение Гумры	53
11.	На взятие Ахалцыха приступом	55
12.	С.Н. Глинка	56
13.	Предупреждение	57
14.	Гайк	60
15.	Ардоат или Адоат	74
16.	Армения в поэзии А.С. Пушкина	89
17.	Черная шаль	90
18.	Гавриилиада	92
19.	Тазит	94
20.	Дон	104
21.	Стамбул гяуры нынче славят	111
22.	Опять увенчены мы славой	112
23.	Армянские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова	114
24.	Поэт	115
25.	Грузинская песнь	117
26.	Д.В. Давыдов	119
27.	Полусолдат	119
28.	Я.П. Полонский	122
29.	Арарат	125
30.	Саят-Нова	129
31.	П. Зубов	131
32.	Вот это чисто по-русски! Или как разгромил Князь Бебутов турок под Карсом	136
33.	СОБЫТИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ	145
34.	Вл. Шуф	149
35.	Избиение армян в Константинополе. Отрывок из романа “Сварогов”	149
36.	Е.К. Алибекова	155
37.	Пора!	155
38.	Г. Кансон	158

39.	К Смерти (армянская мелодия)	158
40.	Е. Морозов	159
41.	Привет	159
42.	Ст.	160
43.	Песнь армянского переселенца	160
44.	ГЛАВА III. РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА И АРМЕНИЯ	161
45.	А. П. Кулебякин	163
46.	Старый Ван	166
47.	Топрак-Кала	168
48.	Айгестан	171
49.	Оборона Вана	172
50.	Гибель Вана (июль 1915г.)	175
51.	Аванц	176
52.	Ахтамар (Монастырь)	178
53.	Слепая	180
54.	Бен –Димаху	182
55.	Колыбельная песня	184
56.	Варагский монастырь	184
57.	Востан	190
58.	Торжествующий Ван	192
59.	Сонет-акrostих Ованнесу Туманяну	193
60.	Вас. И. Немирович-Данченко. Маленькие поэмы	195
61.	На берегу Евфрата	195
62.	У берегов Евфрата. Знамя	198
63.	Из песен об Армении	200
64.	Песни о Турецкой Армении. Молитва эмигранта	201
65.	Весною (Из армянских впечатлений 1914г.)	202
66.	Ю.А. Веселовский	204
67.	Из поэмы “Думы армянского узника”	205
68.	Узнать Армению, Восток (К армянам)	207
69.	Армения	208
70.	Армянскому народу	209
71.	В Армении	210
72.	Старый армянин к маленькому сыну	211
73.	Ночь на Араратских полях в годовщину битвы года.(Баллада)	212
74.	За родину.(Баллада из времен борьбы армян с турками)	213
75.	Перед портретом Вардана Мамиконяна. (Посвящ. Г. К. Томасяну)	215
76.	Ты знаешь край (Посвящено Минасу Берберяну)	216
77.	Левон VI в плену (1375г.). (Посвящается Григорию Тумасову)	217
78.	Послесловие	219
79.	СТИХИ НЕИЗВЕСТНЫХ РУССКИХ ПОЭТОВ О ТРАГЕДИИ АРМЯН	220
80.	Е. Алексеева	220
81.	Зинворам	220

82. Песня Ашуха	221
83. Мать Айастан	222
84. Зачем Вы молчите	223
85. Зачем	223
86. Рассвет	224
87. Армении	225
88. Тебе, о мученик- народ	226
89. В. Опочинин	228
90. Проводник	228
91. К. Саянский	229
92. Армения	229
93. Забытая	230
94. Великой мученице	230
95. Шествие мертвых	232
96. Ал. Попов	233
97. Песня армянской девушки. (Подражание Мик. Налбандяну)	233
98. С.П. Кротков	234
99. Песня армянской дружины	234
100. Воспрянь Армения	235
101. Картинка Армении	236
102. Колыбельная песня армянки. (На мотив Рафаэла Патканяна)	237
103. Прощанье (из армянской жизни)	237
104. За что?	239
105. За счатъе родины	240
106. Привет Армении	241
107. А. Кушлю	242
108. Разрушенный Ван	242
109. Ванская Газелла	242
110. Я. Барановский	243
111. Армянскому народу	243
112. Ю. Верхавский	244
113. Памяти Кери	244
114. С. Заров	245
115. Братьям армянам	245
116. На смерть Кери	246
117. Из мрака	246
118. Не плачь ашуг	247
119. Во дни народного бедствия не место красивым и лживым словам	248
120. Клич	248
121. Х. Бахчисарайцев	250
122. Армении	250
123. С.Пирвердиев	252
124. Одна молитва	252
125. Армения	252

126. Ребенку (К судьбе армянских детей – “зверенышей”)	253
127. Радуйся солнцу	254
124. В. Язвический	255
125. Армянским добровольцам	255
126. Е. Балковой	256
128. В защиту турецких армян	256
129. В. Кипинов	261
130. Беженцы	261
131. Е. Сырейщикова	262
132. Шах Азиз	262
133. ГЛАВА IV. РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ И АРМЕНИЯ	263
134. В.Я. Брюсов	263
135. К Армении	270
136. К армянам	271
137. К Арарату	273
138. Арарат из Эривана	274
139. И. Иоаннисиану (В альбом)	275
140. Ивану Фадеевичу Туманяну	276
141. Тигран великий. 95-56 до Р. Х.	276
142. Победа при Каррах. 53 г. до Р. Х.	278
143. Моление царя. (Историческая сцена)	279
144. Свобода и война	284
145. Баку	285
146. С.М.Городецкий	287
147. Армения	288
148. Арчак	289
149. Ван	290
150. Путница	291
151. Сад	292
152. Руки девы	293
153. Ребенок	294
154. Прощанье	295
155. Я и ты	296
156. Ввысь	297
157. Любимой	298
158. Транспорт	299
159. Ангел Армении	299
160. Акопу Акопяну	301
161. Братьям –Армянам	302
162. Мартиросу Сарьяну (Экспромт)	305
163. Беседа с Ованесом Туманяном	305
164. О. Э.Мандельштам	307
165. Армения	308

166. Фэтонщик	311
167. Колочая речь араратской долины	312
168. Дикая кошка — армянская речь.....	313
169. И по-звериному воет людье	313
170. Я очнулся, стой приятель!	314
171. Н.С. Тихонов	315
172. Ущелье Айриванка.....	317
173. Армения	317
174. Красные на Араксе	318
175. Тишина	324
176. Над Севаном	327
177. Аветику Исаакяну	328
178. В.И. Эрлих	329
179. Армения	329
180. Смерть	331
181. С.А. Есенин	332
182. Шаганэ ты моя, Шаганэ!.....	333
183. Ты сказала, что Саади	334
184. А. И. Гитович	335
185. Пир в Армении.....	335
186. В землянках.....	335
187. Ни печки жар, ни шутки балагура	335
188. Зима — она похожа на войну	336
189. Не крупные ошибки я клянусь	336
190. Мне снился пир поэтов. Вся в кострах.....	337
191. Не для того я побывал в аду	337
192. Летняя сказка	338
193. Живопись	338
194. Хачатур Абовян.....	339
195. Два варианта письма Арутюну Галенцу	339
196. «Когда устану я и затоскую...».....	339
197. Угрюмый день	339
198. Так будет до самого марта.....	340
199. Зангезур.....	340
200. У памятника Чаренцу.....	341
201. Хмельного от хлеба и соли.....	341
202. Облака над Севаном (А.Галенцу)	342
203. У Балабека Микаэляна.....	342
204. Две чайки	343
205. Пир — это битвы	343
206. В «Арагиле».....	343
207. Двин	344
208. Спортивные известия.....	344

209. Мысли из гостиницы «Армения»	344
210. Военный парад в Ереване	345
211. Мкртчянам	345
212. На левом берегу Аракса.....	346
213. Армения! Как путь в небытие	346
214. Армения! Бессмертен твой народ	347
215. С балкона, сверху, видно было мне.....	347
216. Подражание Пушкину	347
217. Валуны	348
218. Прощальный пир. Вступление	348
219. Эпилог	350
220. Воображаемое свидание С. Ованесом Ширазом.....	350
221. М. Матусовский	353
222. «Строки из горячего тонаира». Из цикла.....	354
223. Свадьба в Гарни.....	355
224. Хачкары, хачкары.....	356
225. Памятник на горе Цицернакаберд	357
226. Тридцать шесть знаков	358
227. Поэтам сороковых	359
228. Минас	360
229. Художники деревни Мадина.....	362
230. Лусинэ	263
231. О, тайна фамилий на «ян»	364
232. Арка Чаренца	365
233. Лаваш.....	366
234. Добрый свет	367
235. Из старой тетради.....	367
236. Подвалы «Арарата».....	368
237. Арарат в тумане.....	370
238. Муза, воспой суету ереванских базаров.....	371
239. Август.....	372
240. Зангезурская пляска	373
241. Вагаршак Элибекян.....	374
242. Золотой закон хачкаров	375
243. Варили арису	375
244. Гошская легенда	376
245. Старики в Гоше	377
246. Севан. 1985.....	378
247. Горная дорога	379
248. Аршавиру Торосяну	380
249. Переводчица	381
250. Детская картинная галерея в Ереване	381
251. Вардавар.....	382

252. Хазы	383
253. Гобелен Григора Ханджяна.....	384
254. Прощание с Араратом.....	385
255. Мой год рождения.....	386
256. В.К. Звягинцева	387
257. Моя Армения	390
258. Как влюбляются в человека	391
259. Говорят, красота в соловьином саду	393
260. В гостях у Мартироса Сарьяна	393
261. Есть между всех очарований.....	395
262. Застольная (Ереванская).....	396
263. Звартноц	397
264. Мост победы	397
265. Художник и народ.....	398
266. И вдруг как нахлынет	399
267. Когда напев армянской “Розы”	400
268. Армянская пляска.....	400
269. Воскеваз	401
270. Осень	402
271. Портрет поэта	403
272. Пшат цветет	404
273. Армянская песня	405
274. Аветик Исаакян	406
275. Первое лето в Армении.....	407
276. На смерть Исаакяна.....	408
277. Армянскому народу	409
278. Лорийское ущелье.....	410
279. Стамбул.....	411
280. Нет, не заменит ничто.....	412
281. Веселая свежесть рассвета	413
282. Летний дождь	414
283. Тунисская ночь	415
284. Луна в армянском переулке	416
285. Армянской молодежи	417
286. Вместо мемуаров.....	418
287. Зангу. (Гегаму Сарьяну)	419
288. Военные песни. Р. Ованесяну	420
289. Не так уж многого хочу	421
290. Сокращение расстояний	421
291. Россия и Армения. Левону Мкртчяну	422
292. Опять о том же.....	423
293. Послушай, как это будет	425
294. На все на свете не хватит сердца	426
295. Армении	426

296. М. А. Дудин	428
297. Сонет Рафаэлу Арамяну	428
298. Поэт, воспевший Зангезур (Амо Сагияну).....	429
299. Стихи, посвященные Левону Мкртчяну	429
300. Три письм в Армению	430
301. Левону Мкртчяну	430
302. Сильве Капутикян	431
303. Виктору Амазасповичу Амбарцумяну	432
304. Вспоминая Арарат.....	433
305. Письмо Геворку Степановичу и Диане Нестеровне Григорьянам в город Ереван	434
306. Б. Пиотровскому.....	435
307. То геноцид, то Сумгаит	436
308. Е. Е. Евтушенко	437
309. Геворгу Эмину.....	438
310. Армянская лоза.....	439
311. В Чаренцаване	439
312. И. Снегова	441
313. Восток.....	441
314. Утро	442
315. Камни	443
316. Плывет закат над милым Ереваном.....	444
317. Пламя глаз этих жжет неожиданно	444
318. Сарьяну.....	444
319. Я люблю художников Армении.....	445
320. Я, наверное неправа	446
321. Секунда едва ощутимых усилий.....	446
322. Рехан.....	447
323. Не раз менялось всё с тех пор	448
324. День отчалил.....	448
325. Еревану.....	449
326. Вечернее.....	450
327. Я послезавтра уезжаю	451
328. О. Н. Шестинский	452
329. Песни армянских гор.	452
330. Я в кости широк и глазами синь	453
331. Собирались меня женить.....	454
332. Я в шатре на мягкой и желтой кошме	455
333. Зачем я мечтал о счастье, как будто лишь им живу.....	455
334. Мои прадеды спали и ели в седле.....	455
335. Цветом кожи в ромашку я, по-русски пел	456
336. Из армянской тетради	457
337. Матери.....	459

338. Е.М. Николаевская	460
339. Армении	460
340. Арагац в венце алмазном.....	462
341. Костер, догорающий в Норке.....	463
342. Лаваш.....	463
343. Когда ты застынешь в его мастерской (Мартirosу Сарьяну)	464
344. У зимней Зангу	465
345. Пёстрых камешков горстку	466
346. Чтоб они не пропали	467
347. С.В. Шервинский	468
348. Кондитер	468
349. Патриархальная зима	469
350. Эчмиадзин (двадцатые годы)	469
351. Воочию крошатся день за днем	470
352. Холодильник	471
353. Вечером на Норке.....	472
354. За колхозным столом	472
355. В мастерской Сарьяна.....	474
356. В.В. Державин	475
357. Саз Ашуга	475
358. М.С. Петровых	476
359. Армения	476
360. Осень сорок четвертого года.....	477
361. А.А. Тарковский	478
362. Эребуни.....	478
363. Комитас	479
364. Б.А. Слуцкий	480
365. Это – Армения	480
366. Два стихотворения	481
367. Р.Ф. Казакова	482
368. Мы ехали горной дорогой	482
369. И.З. Зенов	483
370. Письма.....	483
371. Новобранцы	484
372. Еревану.....	485
373. Севан	486
374. Л.Н. Вышеславский	488
375. Краски Сарьяна на Севане.....	488
376. Зимний день в Ереване	490
377. Краски Сарьяна	490
378. Рипсима	491
379. Киевская улица в Ереване	452

380. ГЛАВА V. СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XXI ВЕКА.....	493
381. С.Г. Булычев	493
382. Нас встречает Ереван	494
383. Гранатовые зернышки	494
384. Армения - любовь моя!	495
385. Мне Армянские горы роднее	495
386. Как ты красив собой, дудук!	496
387. А.Е. Нонинян	497
388. Посвящение поэту	497
389. В.В. Коноплев	504
390. Прикосновение к Арцаху (Ашоту Бегларяну)	506
391. Арцах, как Амура стрела - любовь от рождения	507
392. Мой Арцах	507
393. Моим друзьям – армянам	508
394. Нур (Арману Давтяну, Нуру)	509
395. Любить Армению по-русски	509
396. Уж лучше быть карманным вором	510
397. Дождь тюлем занавесил Дилижан (Шушан Петросян)	511
398. Покажи мне дорогу на юг	512
399. Скрипка господ	513
400. В тебе - дух Света, воина Добра	513
401. Вновь за весною полечу	514
402. Небо Армении	515
403. Внедренный ген армянского пространства	516
404. Не ставь в жизни точку, не видя Армении	516
405. Абрикосовый поцелуй	517
406. Продолжение сердца	518
407. Опять во сне я видел Арарат	519
408. Ты сплетаешь узор величаво и смело	519
409. Карс	520
410. С.Б. Калашников	521
411. Звартноц-Ереван	521
412. Ереван-Вагаршапат	521
413. ГРНГОРЕՁ	523
414. Хор-Вирап	523
415. Святой крест	524
416. Гегард	525
417. Р.В. Гацко-Славацкий	526
418. Армения	526
419. Аргишти I, Царь Урарту (надпись 782 г. до Р.Х.)	527
420. Арцах	527
421. Хачатурян	528
422. Григорий Просветитель	528

423. Гарни	529
424. Амбарцумян	529
425. Эчмиадзин	530
426. Санаин	530
427. Торос Рослин	531
428. Иосиф Орбели	532
429. Хачкар	532
430. Баграмян	533
431. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	534
432. Е. Гусев	534
433. Нектар богов. (Ода армянскому коньяку)	534
434. ПОСЛЕСЛОВИЕ	536
435. С.А. Кибальник	538
436. Стихи на 80-летие М.Д. Амирханяна	538
437. Т.Л. Воробьева. Н.В. Отургашева	540
438. Осенняя пора, очей очарованье	540

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В.Я. БРЮСОВА
ЦЕНТР РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

М.Д. АМИРХАНИЯ

АРМЕНИЯ
В
ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

*Под редакцией
доктора филологических наук, профессора
И. В. Романовой*

*Компьютерная верстка и дизайн – И. Карапетян, Центр русского языка и
культуры ун-та им. В. Я. Брюсова*

Формат 70х100¹/₁₆. Объем 34,625.
Тираж 100.